

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

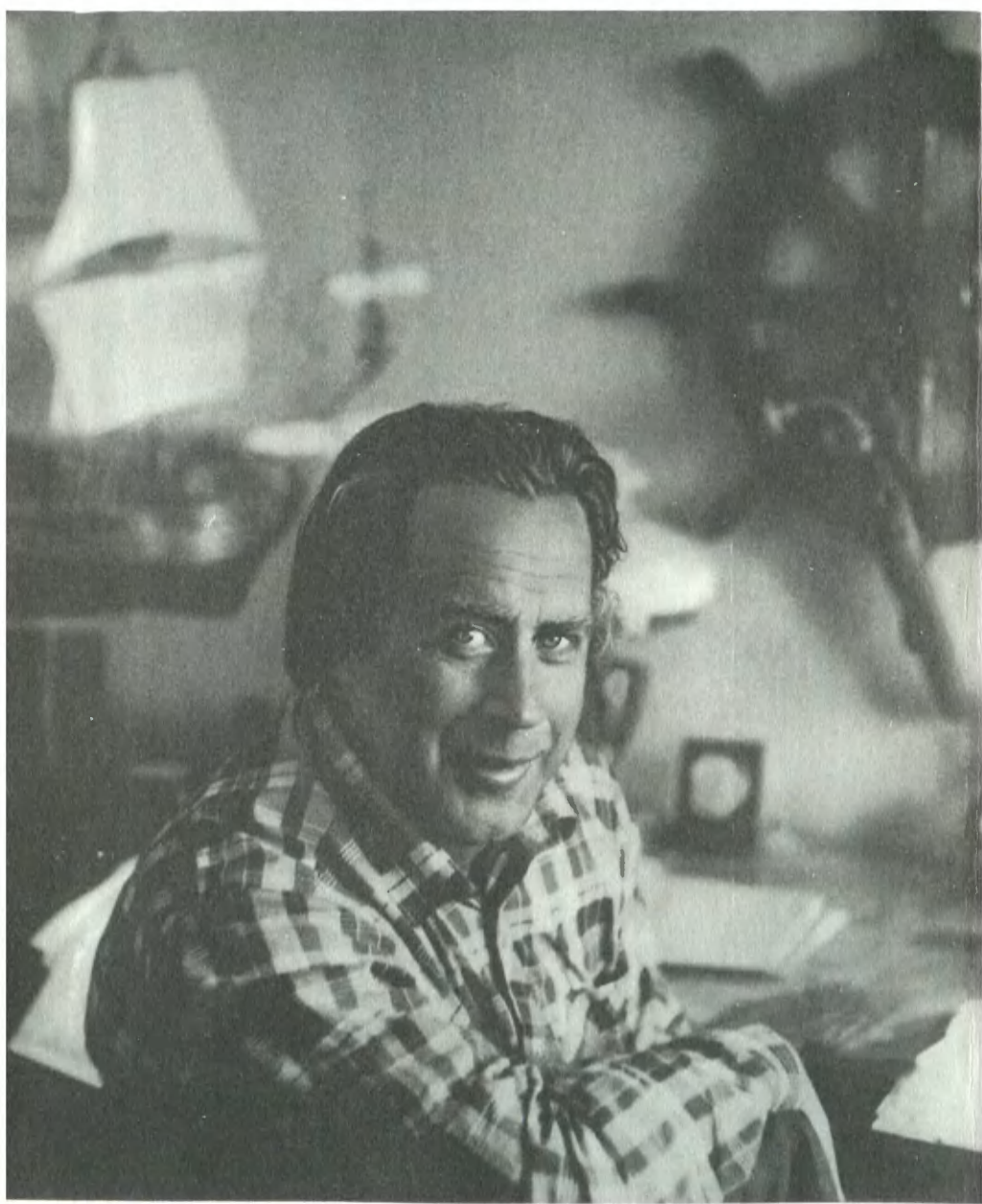
Владислав КРАПИВИН

Избранное

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Владислав КРАПИВИН

Избранное

В двух томах

Т О М

I

МОСКВА

«Детская литература»

1989

ББК 84Р7

К77

Художник
Е. МЕДВЕДЕВ

Предисловие
Н. СОЛОМКО

Крапивин В. П.

К77 Избранное в 2-х томах.— М.: Дет. лит., 1989.—
Т. 1/Предисл. Н. Соломко; Рис. Е. Медведева.—
448 с.: ил.— (Библиотечная серия).

ISBN 5-08-000482-7

В первый том «Избранного» известного детского писателя В. Крапивина вошла повесть «Оруженосец Кашка» и роман «Мальчик со шпагой». В этих произведениях рассказывается о современных ребятах, о настоящей дружбе, о верности, честности и смелости.

К $\frac{4803010103-314}{M101(03)-89}$ 223-89

ББК 84Р7

ISBN 5-08-000482-7

Состав. Предисловие. Иллюстрации.
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

Сразу за домом начинался лес. Дом был старый, двухэтажный, со скрипучей деревянной лесенкой. В общем, самый обыкновенный дом на окраине Свердловска. Никто не знал, что на самом деле это корабль, ни одна живая душа. Кроме нескольких мальчишек и одной девочки. На чердаке они построили штурманскую рубку, а лес шумел, как океан, и при чем тут школа, домашние задания, замечания в дневнике!.. Корабль уходил от скучных берегов в отчаянные просторы воды и неба, туда, где свобода, где не ставят двоек и не читают нотаций нудным взрослым голосом. И конечно, там, в их опасных и прекрасных путешествиях, им нужна была карта, чтоб не заплутать в океанах. Она была им просто необходима, и кто-то вспомнил: есть! У старшего брата. Замечательная карта полушарий — океаны там, как положено, синие, а по оранжевым материкам гуляют всякие звери. Лишь бы брат не пожадничал, отдал. Зачем ему — он уже взрослый, кончает университет...

Старший брат жадничать не стал, и карта из пыльной тьмы за шифоньером переехала в таинственную тьму чердака. Все теперь там было как надо, как положено на корабле. Корабль, кстати, назывался «Бандерилья», его доблестная команда бороздила моря и океаны, билась с пиратами, латала изодранные штормами паруса, а старший брат-студент в это время сидел у себя в комнате и прилежно писал диплом.

И вот однажды то ли они у себя там на чердаке слишком шумели и отвлекали серьезного молодого человека от его взрослых занятий, то ли, напротив, молодой человек был несерьезным и

писать диплом ему до смерти надоело (теперь уже и не разобратся в этом сложном вопросе), а только, бросив свои дела, он полез на чердак — да так там и остался. В качестве капитана «Бандерильи». А звали его Славиком. Произошло же это в незапамятные времена, лет этак тридцать назад. Мальчики и девочка — команда «Бандерильи» — давным-давно выросли, переехали в другие дома, а то и в города другие, потерялась где-то в прошедших годах старая карта полушарий, и чердак затянуло паутиной...

Для нас история «Бандерильи» была уже легендой. Впрочем, легендой родной и домашней, вовсе не вызывающей грусти: игра, начавшаяся когда-то на чердаке, не кончилась. Маленькая «Бандерилья» превратилась в пионерскую парусную флотилию «Каравелла», переехала с чердака в полуподвал соседнего дома, но все так же неизменно и дружественно шумел зеленый прибой Уктуского леса. В ту пору там еще водились пираты и разбойники. Это были мы, это снималось кино про Остров Сокровищ или про Робин Гуда... Там жгли мы костры, гоняли футбол, бились на шпагах. Были у нас и корабли, не сочиненные уже, а построенные своими руками за долгую зиму (я вовсе не хочу тут сказать, что сочиненный корабль хуже настоящего, но хорошо, когда есть и то и другое). Приходило лето, начиналось прекрасное, «хулиганское» время, именуемое «парусная практика»: плавания, морские битвы, кияния... Для тех, кто не знает, что такое «кияние», объясняю: это значит, что рулевой плохо знает свое дело, не учел ветер, неправильно сделал поворот — и яхта перевернулась, вывалив экипаж в воду. Или наоборот: рулевой отлично знает свое дело и ветер учитывает, но очень хочется купаться (а купаться с яхты запрещено), и вот он мастерски закладывает «неправильный» поворот: яхта ложится на воду, экипаж радостно вываливается за борт, и все ну просто совершенно счастливы! Естественно, что, когда флагманское судно с разгневанным командором на борту приближается к месту кораблекрушения, лицо рулевого выражает искреннее недоумение: мол, как же это вышло-то, а?

Короче говоря, жизнь наша была полна содержания и смысла во все времена года, а во главе нашего братства стоял командор Славик.

Понимаю, что такое наше обращение к взрослому человеку, известному писателю, кого-то может смутить, и даже нахожу это

вполне резонным, но сознаюсь: нас оно не смущало. Потому что это где-то там он был писатель Крапивин Владислав Петрович. А с нами... Впрочем, в ту пору мы не ломали голову над тем, кем он нам приходится. Для нас он был Славиком. Всеобщим старшим братом, существом главнокомандующим и родным. Признаюсь: в гневе он бывал ужасен. Верно, и мы его не щадили (к чему эти тонкости меж близкими родственниками): мы с ним ссорились, мирились, ниспровергали его, обижались, навеки уходили в отставку, возвращались. И всегда искали его дружбы.

Теперь о его книгах.

Интересно, когда он умудрялся их писать: с утра до вечера он был с нами. Писал ли он их по ночам? Но тогда как его хватало на нас днем? Сейчас это для меня загадка. Ну а тогда мы об этом не задумывались, просто любили их читать.

Разумеется, люди мы были разные: кто-то потому и пришел в «Каравеллу», что мечтал познакомиться с любимым писателем (потом этот возвышенный интерес заслонялся толпой ежедневных дел), а кто-то знать о его книгах ничего не знал и читать не любил (эти, напротив, начинали читать из любопытства: что это там наш Славик пишет?). И все мы считали его книги своими. Нашими.

Во-первых, потому (но это не главное), что мы были самыми первыми их читателями. Книги, в сущности, еще не было. Была пачка страниц, отпечатанных на машинке, и еще ни одна живая душа в целом свете не знала, про что там. Ни редактор в издательстве, ни художник, которому предстоит нарисовать картинки, ни наборщик в типографии. Только мы. Мы были доверенные лица, хранители тайны.

Во-вторых, это было все про нас, про жизнь нашу, счастливую и горемычную, про то, о чем мы думали и говорили. И про то, о чем молчали. А он откуда-то все равно все про нас знал.

В-третьих, потому, что многое было родным, узнаваемым, домашним. Нет, никто из нас не был там описан с фотографической точностью, но потерявшаяся карта «Бандерильи» вдруг находилась в «той стороне, где ветер», и старый деревянный дом, сорвавшись с места, улетал на берег океана, потому что на самом деле он был кораблем. Мы-то знали, о каком это доме. Легчик для Особых поручений Антошка был наш младший брат, любимый, долгожданный, он родился при нас, мы были ему рады. Ну а уж про «Мальчика со шпагой» и говорить нечего, это совсем

свое было, ежедневное: мы много-много чего знали о школьных обидах, о том, как глухи, жестоки, несправедливы бывают взрослые. Только про это в детских книжках писать было не принято. И вольно было потом кому-то из критиков заметить, что гражданин такой-то из повести В. Крапивина всего лишь карикатура, что таких взрослых не бывает. Бывает. Мы этого гражданина очень хорошо знали: он жил в доме, где находилась «Каравелла», совершенно несочиненный, глядел на нас с недобрым прищуром и ах какие замечательные жалобы писал про то, что на самом видном месте в «Каравелле» висит «портрет черепа с костями» и ясней ясного раскрывает глазам общественности нашу вредную сущность. Сейчас вспомнишь об этом и улыбнешься. Но тогда, надо признаться, было совсем не смешно.

Ну а главное, пожалуй, то, что в ту пору все мы были единомышленники, объединенные простым человеческим законом: «Я не стану ждать, когда на защиту справедливости встанет кто-то другой, раньше меня». По этому закону жили герои книг нашего командора. По этому закону старались жить и мы. Это было трудно и получалось не всегда и не у всех. Но мы знали, что это правильный закон. Потом мы выросли и разошлись. Жить дальше, читать другие — взрослые — книги. И конечно, некоторые из нас довольно быстро сообразили, что иногда лучше подождать, не вмешиваться — так оно спокойней и безопасней. Что ж, в жизни всякое бывает.

Детство наше, уже далекое, навсегда осталось на зеленой, солнечной окраине Свердловска, в Уктусском лесу, а книги Крапивина теперь читают наши дети. Но они по-прежнему с нами. И кому-то укором они. Кому-то — памятью и подмогой.

Н. Соломко,
флагман «Каравеллы»,
писатель

ОРУЖЕНОСЕЦ КАШКА

Повесть

*

Глава первая

Серафиме приснился дятел. Он сидел на сухом стволе сосны и целился носом в какую-то букашку. Потом он быстро откинулся назад, стукнул клювом по коре и снисходительно посмотрел на Серафиму черным блестящим зрачком. Серафима удивилась и открыла глаза.

Дятла, конечно, не было. Был некрашенный потолок с круглыми пятнами сучков, лампочка в самодельном абажуре и пестрый табель-календарь, пришпиленный над кроватью к стене из тесаных бревен.

А еще была стрела.

Она торчала над календарем, и белое хвостовое перо ее хищно дрожало.

«Так,— подумала Серафима.— Кажется, кто-то совершил покушение на мою жизнь. Только этого мне и не хватало».

Она с беспокойством взглянула на затянутое марлей окно. В марле ярко голубела круглая дырка. Серафиме захотелось поглубже забраться под одеяло.

— Нет, стоп,— сказала она себе.— Главное — не поддаваться панике.

Серафима была рассудительным человеком. Она прогнала страх и стала вспоминать, кому причинила зло и кто мог желать ей такой ужасной гибели.

Никому она не причиняла зла! Честное слово! Правда, вчера во время ужина она прогнала из столовой Мишку Зыкова, но он даже

не обиделся. Он понимал, что сам виноват: ведь никто не заставлял его опускаться в компот нытику Генке Молоканову живого зеленого лягушонка...

«Не было покушения,— решила Серафима.— Стрела случайно влетела в окно, и теперь, наверно, ее хозяин прячется в кустах и с тревогой думает: узнают или не узнают? Попадет или не попадет?»

Она вскочила с кровати, натянула сарафан и шагнула на крыльцо.

В двух метрах от крыльца росла прямая береза. В стволе березы высоко, так что не дотянешься, торчали две стрелы. Одна — толстая и короткая, с черным вороньим пером, другая — длинная, без перьев, с зелеными полосками у наконечника.

— Не нравится мне это,— задумчиво сказала Серафима и огляделась.

Горнисты еще не сыграли побудку, и над лагерем висела сонная тишина. А солнце стояло уже высоко. Жестяные наконечники стрел, глубоко вонзившиеся в березу, горели серебряными точками.

Еще одна стрела взмыла над кустами черемухи, описала полугую дугу и ушла за дальние сосны. Она была ярко-алая, с белыми перьями у хвоста. В зарослях черемухи затрещали ветки и послышались тихие напряженные голоса.

— Батюшки,— прошептала Серафима.— Волна...

Коротким словом «волна» в лагере называли массовые увлечения. Что такое массовое увлечение, каждому понятно. Допустим, один человек нашел на дороге обрезок жести и сделал из него свисток. Ходит и свистит. Другой человек услышал и думает: «У него есть свисток. А у меня нет свистка. Разве это жизнь?» Идет он тоже искать кусок жести. Режет ее, гнет и в конце концов гордо подбрасывает на ладони великолепную свистелку собственной конструкции. Потом подносит ее к губам и надувает щеки...

Когда у двух человек есть свистки, а у других нет, это большая несправедливость. И вот уже всюду стучат по металлу молотки и кирпичные обломки, сгибая в трубки жестяные полосы. Воздух наполняется режущим свистом, и тишина рвется в мелкие клочки.

Это значит, что на лагерь накатил «свистковая» волна.

Вообще волны бывают разные: вредные и полезные, опасные и безобидные.

В начале первой смены прокатилась «шляпная» волна: мальчишки и девчонки мастерили из лопухов широкополые мексиканские шляпы, украшали их подвесками из сосновых шишек и пышным оперением из листьев папоротника. Ходить без такой шляпы считалось просто неприличным. Однако лопухи увядали быстро, а росли медленно, и волна утихла, когда в окрестностях лагеря был найден и вырван с корнем последний лопух.

Через неделю прошумела другая волна — «разбойничья». Несмотря на грозное название, она была очень спокойная. Все мирно сидели под деревьями и мастерили маленьких разбойников. Туловища лепили из глины, головы делали из шишек и репейника, руки и ноги — из веток, а усы — из сухих сосновых иголок. Потом эти разбойники стояли всюду: на подоконниках, на перилах, на спинках кроватей и даже на умывальниках. Наконец их собрали в пионерскую комнату и устроили выставку.

После «разбойничьей» волны прокатилась волна «ужасов». Всем захотелось наряжаться привидениями и кого-нибудь пугать. Мальчишки после отбоя малевали на голых животах страшные рожи, приматывали к голове деревянные рога и бесшумными скачками подкрадывались к девчоночьим дачам. Но девчонки не спали. Вымазав мелом лица и завернувшись в простыни, они со зловещим подвыванием бродили вокруг дач. В общем, привидений развелось видимо-невидимо, а пугать было некого.

Потом прошумело еще несколько волн, и самая грозная из них называлась «ракетная».

Ракеты с ядовитым шипением взмывали над полянами и, кувыркаясь, падали в кусты. Иногда они сгорали прямо на стартовой площадке. А ракета с гордым именем «Сириус-5» вышибла кухонное окно и утонула в котле с рассольником. Среди вожатых началась паника. Но эта волна угасла сама собой из-за недостатка реактивного горючего.

И вот — стрелы...

— Это, как я понимаю, не ракеты, — озабоченно сказал завхоз Семен Васильевич. — Горючего для них не требуется. А материалу сколько хочешь. Рядом с кухней сосновые чурки лежат. Сухие, будто порох. И прямослойные. Я их для лучины припас, для растопки. Было восемь чурок, а теперь, значит, пять. Куда три пропали? Вон они в воздухе легают с перьями на хвостах. Вот так.

Все дружно вздохнули и повернулись к окну. За окном была усыпанная песком площадка, а на площадке — столб с репродуктором. В столбе, не очень высоко от земли, торчала стрела с огненным петушиным пером. Появился лохматый исцарапанный мальчишка в зеленых трусиках. Подошел к столбу. Поправил на плече маленький, сильно изогнутый лук. Поднял голову, подумал и лениво подпрыгнул, чтобы достать стрелу. Не достал. Почесал о плечо подбородок, снова поправил свой лук и неторопливо удалился.

— Вот-вот...— мрачно произнес Семен Васильевич.— Про это я и говорю. Видали? Ему, тунеядцу несчастному, даже прыгнуть лень как следует. Потому что стрел у него и без этой хватает. Три сосновые чурки на стрелы пустили! Изверги...

— Три чурки, три чурки, три чурки...— басовито пропел вожатый первого отряда Сергей Привалов.

— Нет ничего смешного, Сергей Петрович,— строго и обиженно сказала старшая вожатая Светлана.— Здесь не опера, а педагогический совет лагеря. Дети могут получить увечья и травмы...

— Виноват, Светлана Николаевна,— откликнулся из угла Сергей.— Больше не буду. Хотя должен заметить, что увечья и травмы — это одно и то же.

— Товарищи,— укоризненно сказала директор лагеря Ольга Ивановна.— Света, Сережа, не надо. Вопрос-то серьезный. Продолжайте, Семен Васильевич.

— А чего продолжать. Кончать надо. Наконечники на всех стрелах, обратите внимание, железные, из жести. В виде конуса. Из консервных банок делаются. Где они банки берут, ума не приложу. А насчет дерева все ясно. Трех чурок нет? Нет. А из каждой не меньше сотни стрел должно получиться. А то и две. А еще обрезки досок на это пошли...

Он вздохнул, шумно поворочался на стуле и затих.

— Ольга Ивановна, у меня предложение.— Худая девушка в очках подняла руку.— Надо издать приказ, что стрелять из луков запрещается, а виновным грозит исключение. В своем отряде я уже объявила. Устно.

— Помогло? — печально спросила Ольга Ивановна.

— Ну... это ведь устно. А если приказ с вашей подписью повесить на доску объявлений...

— Не знаю, кто как, а я к этой доске и на сто шагов не по-

дойду,— заявила Светлана.— Ее превратили в щит для мишеней. Там уже висит, между прочим, один приказ— с выговором за самовольное купание. Кажется, Юрию Земцову. В этом приказе торчат четыре стрелы. Их не убирают. По-моему, нарочно... Я не понимаю, Сергей, что тут смешного!

— Я серьезен, как надгробие.

— Надгробие скоро понадобится мне. От такой жизни. Я поймала Игоря Каткова (кстати, он из твоего отряда) и говорю: «Вы другого занятия не могли найти? Вы без глаз останетесь». А он хоть бы хны!

— Да? А что он сказал?— с интересом спросил Сергей.

— Что, что... Он известный хулиган и болтун. Сам знаешь.

— Все-таки, что ответил хулиган и болтун Катков?

— Как всегда, сказал глупость: «Купаться нам нельзя — говорят, утонете. Загорать нельзя — перегреетесь, в лес нельзя — заблудитесь, на карусель нельзя — закружитесь, стрелять тоже нельзя... А дышать можно?..» Нахал! Сам из речки по два часа не вылезит!.. Ну, Ольга Ивановна, Сергей опять смеется!

— В самом деле, Сережа...— Ольга Ивановна покачала головой. У нее было полное, совершенно нестрогое лицо и растерянные глаза.— Нехорошо, Сережа. Это ведь в твоём отряде больше всего стрелков. Даже девочки...

— Девять ребят и четыре девчонки. И еще пятеро делают луки,— уточнил Сергей.

— Блестящие показатели,— язвительно заметила Светлана.— Не отряд, а Золотая Орда. Твои методы работы. Вот у Серафимы, например, почему-то ни одного стрелка нет. А?

— Ну, они еще малышки,— ласково сказала Серафима.— Еще не научились. Научатся...

— Ты всегда заступаешься за Привалова!

Сергей встал.

— Дело ясное,— сказал он.— Волна есть волна. Стихия. Отбирать луки бесполезно. Сжигать стрелы — тоже. Стихию не остановить. Выход один: направить ее в безопасное русло.

— Сереженька, родной, направь!— с надеждой воскликнула Ольга Ивановна.— Я тебя потом за это на два дня в город отпускаю!

— Нужно двадцать палаток,— сказал Сергей.

— Будут палатки! Одиннадцать есть, остальные в «Веселых искорках» попросим. А еще что нужно?

- Лист ватманской бумаги.
- И все?!
- И еще всю полноту власти.

В семь часов вечера на двери столовой появился лист с большими красными буквами:

ВЕЛИКИЙ
И
НЕПОБЕДИМЫЙ
Рыцарский орден стрелков из лука

ОБЪЯВЛЯЕТ:

§ 1

Для безопасности населения все стрелковые тренировки
переносятся в большой овраг.

§ 2

Назначается всеобщее стрелковое соревнование.
Победители будут участвовать в грандиозном рыцарском турнире.

§ 3

Всякий, кто осмелится выпустить стрелу на территории лагеря,
будет объявлен вне закона, лишен оружия
и немедленно изгнан из славных рядов ордена.

§ 4

Запись в
ВЕЛИКИЙ И НЕПОБЕДИМЫЙ
РЫЦАРСКИЙ ОРДЕН
производится в пионерской комнате.

Примечание:

Турнир будет через два дня.

Лист был пригвожден к двери черной тяжелой стрелой.

Глава вторая

— Работорговец ты, Новоселов,— сказал Сергей.

— Я?!

— Именно ты. Самый настоящий.

— Ладно. Спасибо.

Володя пнул попавшую под ноги шишку, отошел в сторону, сел под сосной и стал думать о несправедливости.

Вроде бы он не хуже других. За эти два дня все убедились, что стреляет он как надо. Ну ладно, этим хвастаться нечего: каждый стреляет как может. Но ведь он не только стрелы пускал, он и мишени малевал для соревнований, и олениа из фанеры помогал выпиливать, дистанции размечал в овраге. Никаких спасибо ему за это не надо, но оруженосца-то могли бы дать лучше!

Это Сережа придумал, что у каждого участника турнира должен быть оруженосец. Для малышей из шестого отряда такое дело — самое подходящее. Стрелки из них никудышные, им и лук-то не натянуть как следует, а за улетевшими стрелами бегать они могут. И вообще, мало ли какая помощь потребуется во время турнира. Сразу и не угадаешь. А оруженосец всегда под рукой. Скажешь, и он сделает что нужно. И еще было решено, что, если стрелок победит в турнире, его оруженосец тоже считается победителем: славу и приз пополам.

В общем, здорово было придумано, и Володя ни за что не отказался бы от оруженосца, если бы дали ему кого-нибудь другого. Например, Мишку Зыкова — известного на весь лагерь семилетнего забияку с бесстрашными глазами. Или вон того худого малыша с незаживающими ссадинами на коленках и удивительным прозвищем Обезьяний Царь. Или, наконец, Сашку Макурина. Он хотя и увалень, но парень с головой, деловитый и не нытик.

Но достался Володе совсем другой оруженосец. Володя даже его фамилии точно не знал. Голубков или Голубев. Или Голубкин. Аркашка.

Полное имя для Аркашки оказалось, наверно, слишком длинным. Звали его просто Кашка. Он и в самом деле был как незаметная полевая кашка в траве — пройдешь и не увидишь. Может быть, в своем отряде, среди малышей, он и был чем-нибудь известен, кто знает. Но Володя на него никогда не обращал вни-

мания. Потому что посмотришь — и взгляду не за что зацепиться: выгоревшие волосы, стоптанные сандалеты, серенькие штаны на лямках да голубая выцветшая майка. Вот и весь Кашка. Хоть бы какой-нибудь значок на майку прицепил, или бы синяк заработал, или царапину какую-нибудь, чтобы знак отличия был. Да где уж ему!

По деревьям он не лазил, на речку не сбегал, в драки не лез, в лагерных концертах не участвовал. На линейках его не хвалили и не ругали, потому что ничего с ним не случилось. Это ведь не Зыков и не Обезьяний Царь. И не Светка Матюшова, которая однажды заманила в лагерь деревенского козла и натравила его на мальчишек из третьего отряда...

Как только Володя увидел, какого оруженосца ему подсунули, он чуть не застонал. Побежал к Сергею и в упор спросил:

— Больше никого дать не могли? Да?

— А чем тебе Кашка не нравится?

— Боже мой! — с отчаянием сказал Володя. — А чем он может нравиться? Инфузория какая-то.

— Ну, не валяй дурака. Обыкновенный он мальчишка.

Они стояли у фанерного домика, где была пионерская комната. Озабоченные важными делами, пробежали мимо ребята с охалками бумажных флажков, с фанерными щитами для мишеней и банками красок. Несколько человек остановились, чтобы посочувствовать Володе.

А Кашка сидел шагах в двадцати на лавочке. Сидел прямо и неподвижно, как в кино. Смотрел издалека на Сергея и Володю. Разговора он, кажется, не слышал, но о чем-то догадывался.

— Беспомощный он, как кролик, — тихо сказал Володя.

Сергей взял его за плечи.

— Вовка, ты пойми. Никто же их не назначал, этих оруженосцев. Все ребята сами выбирали и сами договаривались. Ну, кто виноват, что тебя тогда не было?

Володя обмяк. Когда Сережа разговаривал вот так просто и доверительно, спорить с ним было невозможно. И все-таки Володя высвободил плечи. Он сказал со сдержанной обидой:

— Я, между прочим, не гулял. Я мишени собирал в овраге. Все стрелять кончили и разбежались кто куда. А мишени нужны еще... А оруженосца мне вообще тогда не надо. Я не барин.

— Тебе-то, может быть, не надо... Но куда ты его денешь? Думаешь, ему не обидно?

Володя вздохнул.

— Ну, пойми. Ведь я же не нянька,— сказал он проникновенно.— Мне же стрелять надо будет, а не нос ему вытирать.

— Ну и будешь стрелять. Не стони раньше времени.— Сережа досадливо отмахнулся и нырнул в пионерскую комнату.

— Юрка! — Володя с надеждой повернулся к Юрику Земцову.— Слушай, Юрка, давай меняться, а? У тебя ведь Мишка Зыков. Давай, ты мне Мишку, а я тебе десять наконечников и Кашку.

Юрик обалдело глянул на Володю.

— Мишку?..

— Пятнадцать наконечников,— безнадежным тоном сказал Володя.— Все из желтой жести. Как золотые. Я их для турнира берег. Ну, семнадцать... А?

Вот тогда-то Сережа и сказал, не выходя из пионерской комнаты:

— Работотговец! Человека меняет на какие-то наконечники! Догадался...

Сейчас рыцари на земле повывелись. Но в далекие времена, когда на высоких горах стояли каменные замки, когда в темных дубравах водились буйные разбойники, а ученые-астрономы носили остроконечные колпаки с серебряными звездами, рыцарей было видимо-невидимо. Громох латами, как пустыми умывальниками, они съезжались в чистом поле, раскидывали шатры и устраивали турниры.

В лагере «Синие Камни» шатров не нашлось, но двухместные палатки Сережа достал. Их поставили на широкой поляне, окруженной частым березняком и зарослями шиповника. Девятнадцать палаток образовали большой круг, а двадцатая — командорская — стояла в середине. Получился настоящий рыцарский табор с мочальными хвостами и пестрыми флажками на деревянных пиках у палаток, с разноцветными гербами на фанерных щитах, с синим стягом над главной палаткой. На стяге был похожий на полумесяц лук и красная стрела.

Двое суток должны жить в палатках те, кто победил в прошедших соревнованиях,— девятнадцать участников заключительного турнира. И их оруженосцы. Сорок воинов, сменяясь сжечасно, будут ночью охранять их покой и сон...

Володя шагал к палаткам. Двое часовых сурово глянули на него сквозь прорези картонных шлемов и скрестили копья.

— Пароль?

— Идите вы с паролем,— уныло сказал Володя. Развел копыя в стороны и, не оглядываясь, пошел дальше. Часовые посмотрели друг на друга, вздохнули и остались на месте.

Свою палатку Володя увидел сразу. Кто-то уже позаботился о нем. На тонком длинном древке рядом с палаткой был укреплен бумажный флажок с Володиным гербом: желтое яблоко, пробитое навывлет фиолетовой стрелой.

Но и без флажка Володя не ошибся бы. Потому что у входа сидел на корточках Кашка.

Он увидел своего командира и торопливо встал. Будто испугался чего-то. А может быть, и правда испугался. Стоял, неловко шевеля руками, и вопросительно смотрел на Володю.

«И чего смотрит, будто кролик на удава?» — подумал Володя. И почувствовал, как закипает досада.

В серых Кашкиных глазах было ожидание. Он готов был и улыбнуться и робко съежиться — все зависело от того, что скажет Володя.

Володя все-таки сдержал раздражение. Надо было думать и о справедливости. Ведь этот несчастный Кашка, в конце концов, ни в чем не виноват.

Кашка ждал. Нужно было хоть что-то сказать ему.

— Ты почему не в столовой? — сказал Володя. И Кашка улыбнулся.

Улыбка была немножко виноватая и смешная, потому что у оруженосца не оказалось переднего зуба.

— Наш отряд уже пообедал,— объяснил Кашка.— Мы сегодня раньше всех...

— Значит, спать пора, наверно,— сказал Володя.— Мертвый час.

— Весь лагерь не спит,— осторожно заметил Кашка. Он, видимо, не знал, как принимать Володиные слова. Как приказание или просто так?

Володя нырнул в палатку. Оруженосец полез следом.

Внутри все уже было готово: лежали два соломенных тюфяка под одеялами, две подушки. В карман, пришитый к парусиновой стенке, кто-то воткнул ветку шиповника с розовыми цветами.

— Это ты постарался? — с сомнением спросил Володя.

Кашка смущенно заморгал.

— Не я... Девочки приходили, большие. Мне сказали, чтобы я не мешался, а сами все сделали.

— Надо же...— озадаченно произнес Володя.

— Одну зовут Райка,— уточнил Кашка. Он как вполз в палатку, так и стоял на четвереньках, выжидательно глядя на Володю.

Володя сел на тюфяк. Делать было абсолютно нечего. Полагалось после обеда спать, но спать, когда никто не заставляет, мог только ненормальный. Как обращаться со своим оруженосцем и что вообще с ним делать, Володя тоже не знал. И от этого чувствовал себя при Кашке неловко и скованно.

— Где твои вещи?— спросил он.

— Вещи?

— Ну, полотенце, зубная щетка, мыло. Мы два дня будем жить здесь. Знаешь ведь...

— Я забыл,— обеспокоился Кашка.— Можно, я сбегая за ними? Я быстро сбегая.

«Можешь не торопиться»,— подумал Володя. Но промолчал и кивнул.

Одному было хорошо. Володя вытянулся на тюфяке. Но тут же вспомнил, что и ему надо идти за своим «имуществом». Ну что же, идти так идти...

Недалеко от палатки его окликнули:

— Новоселов!

Это была Райка. Худая, коротко стриженная девчонка из второго отряда. Володя знал ее и до лагеря: они жили в соседних домах.

На Райке были черные штаны и синяя футболка, а над плечом торчал лук из можжевельника.

— Опять тренировалась?

Райка медленно покачала головой. Несмотря на воинственный наряд, она казалась немного смущенной.

— Коршун ходил над опушкой,— объяснила она.— Я хотела зацепить его. Черные перья нужны. Старые уже обтрепались на стрелах.

— Не попала?

Райка опять покачала головой. Она пошла рядом, сбивая пучком стрел колоски высокой травы.

В глубине души Володя был рад, что Райка промахнулась. Но это была скверная радость, и Володя разозлился на себя.

— У меня есть перья,— сказал он.— Только белые. Возьмешь?

— Я к черным привыкла.

— Как хочешь...

«Жаль, что она девчонка,— подумал Володя.— Завтра я наверняка ей проиграю. Даже с ободранными перьями она обстреляет меня, как дошкольника».

— Это ты мою палатку оборудовала? — спросил он.

— Я. Ну и что?

— Так...

— Мы всем мальчишкам помогали,— поспешно сказала Райка.— Иначе же у вас кавардак будет.

— Да, наверно,— миролюбиво согласился Володя. Подумал и добавил: — Спасибо.

— Оруженосца не сменял? — осторожно спросила Райка.

— Куда там...

— Я бы тебе отдала своего, но у меня Светка Матюшова. Хохотать же все будут: у мальчишки оруженосец — девочка.

— Ладно уж... — сказал Володя.

Когда он вернулся в палатку, Кашка был уже на месте. Он сидел на тугом тюфяке, съживившись и уткнувшись острым подбородком в колено. Увидел Володю, поднял голову и торопливо сообщил:

— Я все принес.

— Ладно,— сказал Володя.

На коленке осталось от подбородка красное маленькое пятно. Кашка начал тереть его ладонью. Потом тихонько спросил, не поднимая глаз:

— Мне что надо делать?

— Пока ничего,— сдержанно сказал Володя.— Вернее, что хочешь.

— А завтра?

— Да и завтра тоже... Видно будет.

Кашка вздохнул.

— Есть еще такое правило,— вспомнил Володя.— Если со мной что-нибудь случится, ты за меня должен будешь стрелять. Но со мной ничего не случится.

— Конечно.— Кашка снова улыбнулся смешной своей улыбкой.

Снаружи раздался восторженный визг и хохот. Володя высунил голову. Из соседней палатки со свистом вылетела подушка, потом растрепанный Мишка Зыков, а за ним желтая мыльница. Мишка перевернулся через голову, ухватил мыльницу и швырнул ее в темную щель палатки. Словно гранату в амбразуру

вражеского дзота. После этого, прикрываясь подушкой, ринулся внутрь. Палатка заходила ходуном. Все было ясно: Юрка Земцов и его оруженосец пришли друг другу по душе и развлекались вволю.

Володя обернулся. Кашка прислушивался к веселому шуму. Глаза его были раскрыты широко-широко. Серые удивленные глаза под выгоревшими полосками бровей.

«Завидует, наверно»,— подумал Володя. И вдруг пожалел малыша Кашку.

— Ерунда,— сказал он хмуро.— Земцов с Зыковым бесятся. Видно, делать им больше нечего. А мы... а у нас еще дело есть. Ты поможешь?

Кашка изумленно приоткрыл рот, потом заулыбался и кивнул.

Володя положил на колени пучок стрел.

— Смотри. Я их фиолетовыми чернилами выкрасил вместе с перьями. Хотел, чтобы от других отличались. В общем, дурака сваял: если в тень залетят, их и не видно совсем. Надо знаешь что сделать? Надо на каждой стреле повыше перьев, вот здесь, три красные полоски провести для яркости. Три таких кольца...

Володя придумал про кольца только сейчас, но выдумка и в самом деле была неплохая.

— В пионерской комнате у двери есть полка. Там с левой стороны банка с краской. Мы ею оленя вчера красили. И кисточки там же... Сделаешь, Кашка?

Кашка просиял.

...Начиналась последняя тренировка. Стрельба на скорость. Такая стрельба, когда медлить нельзя ни капельки. Выхватил стрелу, наложил на тетиву, натянул — р-раз...

И снова! Скорей! Скорей!

Мазать нельзя и мешкать опасно: через полминуты наблюдатель дернет за шнурок — и белая с красным пятном мишень свалится в кусты.

...Володя ждал сигнала. Привычный холодок пробежал по рукам. Вот-вот, сейчас... Кашка стоял рядом и держал наготове пучок фиолетовых стрел. Тройные красные колечки на стрелах горели, как огоньки. Постарался Кашка, молодец...

Резко дзенькнула консервная банка — сигнал!

Володя рванул из пучка стрелу. Он знал, что не промахнется. Лишь бы не сбиться в движениях! Длинный лук из сухой березы согнулся, набрав упругую силу. Конец стрелы лежал на левом

кулаке. Володя плавно повел рукой, направляя наконечник в центр мишени, и отпустил тетиву.

Щелк! Тетива, как всегда, звонко ударила о левый рукав. Но что-то влажное, липкое мазнуло по кулаку, а стрела клюнула и прошла на целый метр ниже мишени. Кто-то удивленно охнул.

Володя взглянул на руку: красная размазанная полоса на кулаке. Кровь? Наплевать! Он схватил вторую стрелу.

Стрела прилипала к пальцам. Красные кольца оставляли на руках яркие следы.

— Кашка,—тихо и яростно произнес Володя,—где ты брал краску?

Он увидел перепуганные Кашкины глаза.

— В тумбочке,—прошептал оруженосец.— На полке не было. Только какой-то «сурик».

Кругом сдержанно захихикали.

— Ба-ал-ван!—со звоном сказал Володя. Вырвал у Кашки стрелы и, не оглядываясь, пошел из оврага.

Володя пропустил ужин и возвращался к палаткам голодный и злой, как бенгальский тигр.

Часовые опасливо раздвинулись.

Володя мягкой походкой хищника вошел в палаточный городок.

Несмотря на поздний час, было совершенно светло: стояли долгие дни июля. Солнце еще выбрасывало из-за сосен длинные лучи.

Было светло и в палатке. Полости входа оказались раскинуты, и Володя увидел Кашку издалека. Тот сидел на корточках спиной к выходу и что-то разглядывал на полу.

«Что с ним делать?—думал Володя.— Может, ухватить под мышку и утащить, как багаж, прямо к Сереже? Поставить перед Сережей этого горе-помощника, молча повернуться и уйти?.. Или не тащить? Лучше просто вытянуть стрелами пониже спины, и пусть бежит сам. А может быть, сначала все ему высказать? Да нет, не поймет он...»

Володя подошел ближе. Ага, вот оно что! Кашка собирал свое имущество. Он расстелил полотенце и укладывал на него зубную щетку, за ней зеленую, как лягушка, мыльницу, какую-то круглую коробку, пластилинового разбойника и оловянного мотоциклиста. Потом он попытался завязать все это в узелок. Но полотенце

было маленьким, вещи вываливались. Особенно подло вела себя скользкая мыльница. Кашка принимался за работу снова и снова.

Острые Кашкины лопатки суетливо двигались под майкой. Правая лямка штанов падала с плеча, и Кашка все время поправлял ее. Он почему-то очень торопился.

Володя наклонил голову и остановился у входа. Он заслонил свет. Кашка вздрогнул и обернулся. Зеленая мыльница-лягушка вырвалась у него из пальцев и ускакала под тюфяк.

Володя молчал. Кашка тоже молчал. Так они смотрели друг на друга долго. Кашкины глаза испуганно блестели в полутьме палатки. Потом у него шевельнулись губы, и Володя расслышал:

— Мне надо когда уходить? Сейчас или завтра?

Не надеялся Кашка на прощение. Маленький, остроплечий, придавленный своей виной, он сидел на корточках перед грозным рыцарем Фиолетовых Стрел и ждал ответа. Лямка опять съехала с плеча.

— Оруженосец...— скорбно сказал Володя.— Кто тебе разрешил уходить? Марш под одеяло! Давно уж отбой был для вашей малышни.

Но заснуть так рано никому не удалось. Чуть стемнело, и за палаточным кругом развели костер. Собрались у огня стрелкеры, подошли ребята из лагеря. Только часовые остались на местах, и время от времени слышались в сумерках их завистливые вздохи.

Выбрались наружу и малыши-оруженосцы. Их попробовали отправить назад, в палатки, потому что самым маленьким полагалось спать. Но оруженосцы во главе с Мишкой Зыковым пригрозили забастовкой, и тогда им разрешили остаться.

Кашка тихо подошел к своему командиру, постоял рядом и осторожно спросил:

— Во-лодя...— Он почему-то оттягивал первый слог, когда произносил это имя. Словно оно было слишком трудным. А может быть, так получалось от нерешительности.— Во-лодя... Можно, я тоже посижу у костра?

— Сиди хоть до утра,— мрачно сказал Володя. Он хотел есть и думал, где добыть горбушку хлеба. Идти на кухню было бесполезно. Ее, конечно, уже закрыли.

Володю окликнули. На краю площадки, куда почти не долетали отблески огня, стояла Райка.

— Ну? — сказал Володя.

— Иди сюда.

Володя медленно поднялся с травы. Его чуть не тошнило от голода. Когда он подошел, Райка шепотом спросила:

— Есть хочешь?

— Еще бы...

Она протянула ему кусок пшеничного каравая и банку консервов. Володя вцепился зубами в горбушку и заурчал.

— Райка, — сказал он с набитым ртом. — Ты лучше всех мальчишек. Ты самый лучший мальчишка в лагере... Все эти тупоголовые рыцари расселись у костра и даже не подумали, что рядом человек околевает с голоду. А ты...

— Да ладно, Вовка...

Володя с удивлением заметил, что Райка вроде бы смутилась. Отвернувшись вдруг, наклонила голову, стала обламывать ветку, уколола шиповником руку и начала, словно кошка, зализывать ладонь. Вот чудная! Будто ей в любви объяснились...

— Ешь консервы, — сказала она.

— А чем открыть?

— Возьми. — Она протянула консервный ключ.

— Где ты все это раздобыла?

— Трудно, что ли? У тети Даши на кухне попросила. Сказала, что ты не ел. Ты почему не ужинал?

— Вон из-за того типа. — Володя качнул головой в ту сторону, где, нахохлившись, присел у огня Кашка.

— А что он натворил? Я так и не поняла.

— Ну что... — Володя проглотил громадный кусок. — Надо было полоски на стрелах сделать. Я его попросил. А он вместо корабельного сурика, который сохнет за пятнадцать минут, раскопал где-то простую масляную краску. Ей два дня надо, чтобы высохнуть. Вот я и соскребал до самого вечера. Пятнадцать стрел, и на каждой по три полоски.

Райка сочувственно вздохнула:

— Все они такие. Светка моя к костру идти не хочет, говорит, комары кусают, и в палатке одна сидеть боится. Я уж пойду... А на Кашку ты очень-то не злись, он, наверно, переживает.

Володя отмахнулся.

— Я не злюсь. Бесполезно. Только он ничего не переживает. Сидит, и все. Огонь греет, комаров нет, что еще надо? Ну какие, Райка, у такой малявки переживания?

Глава третья

Но Володя ошибался. Были у Кашки и переживания и заботы. Были у него и тайны.

Самая большая тайна — Кашкина Страна. Никакого названия Страна не имела. Кашка его не придумал. Страна — вот и все.

В Стране жили челотяпики.

Слово «челотяпики» Кашка выдумал сам. Оно означало то же, что «человечки», но было интереснее и смешнее.

Челотяпики были разные: Летчик из сломанного самолетика; оловянный Мотоциклист; морской Капитан, сделанный из поплавок и спичек; старый ворчливый Шишан из еловой шишки и Матрешка — самая маленькая из всех матрешек. Раньше она сидела внутри остальных, а потом потерялась и попала в компанию челотяпиков.

Позже других появился шестой челотяпик — Альпинист, но про него речь пойдет дальше, потому что все надо рассказывать по порядку.

Прошлым летом дома у Кашки стряслась беда: сильно заболел отец. Он болел и раньше, но не очень, а на этот раз болезнь скрутила его крепко. Название у болезни было длинное и непонятное. Кашка не мог его запомнить. Но зато хорошо запомнил слова врача: «Операция нужна обязательно».

Кашкина семья жила не в городе, а в поселке Камшал. Это от города сто двадцать километров по железной дороге. В поселке врачи операцию делать не стали и сказали, что надо везти папу в областную больницу. Надо — значит, надо. Но ведь один папа ехать не мог, он даже по комнате двигался еле-еле. Пришлось маме брать на работе отпуск и съехать тоже. Она сказала, что будет жить в городе, пока отцу не сделают операцию.

Тепловоз прогудел, мама помахала рукой из вагонной двери, и поезд ушел. Он ушел, скрылся за поворотом, за станционными домами и тополями, а Кашка стоял и смотрел на блестящие рельсы. Рельсы отражали солнце. Рядом с Кашкой стояла бабушка. Это была незнакомая бабушка, папина мама. Ее звали

баба Лиза. Она приехала только накануне, чтобы жить с Кашкой, пока не будет родителей. До этого Кашка ее не видел. Вернее, видел, когда был маленький, но забыл. Баба Лиза жила далеко, в Ишиме, и ее пришлось вызвать телеграммой.

Рельсы слепили глаза и выжимали слезы. Кашка глотнул воздух.

— Идем,— сказала баба Лиза.

Она повернулась и пошла с перрона, ни разу не оглянувшись на Кашку. Он побрел сзади. Вернее, сначала побрел, а потом засеменил, потому что баба Лиза шагала широко и быстро.

Она была высокая и худая. Кашка смотрел на прямую бабушкину спину с черным треугольником косынки и горько думал: «Худо будет теперь».

Баба Лиза оказалась хмурой и неразговорчивой. Целыми днями, сердито сжав серые губы, копалась в огороде. С Кашкой говорила мало: «Сядь ешь... Сходи за хлебом... Руки помой... От дома не отходи... Ложись спать...» Вот и все. Может быть, у нее был такой характер, а может быть, она сердилась, что ее оторвали от домашних дел и заставили возиться с внуком. Кашка этого не знал и понять не старался. Он послушно бегал за хлебом в соседний магазин, старательно мыл руки перед обедом, вовремя укладывался на свою скрипучую раскладушку и от дома не уходил, потому что на целую неделю зарядили серые морозящие дожди.

На душе у Кашки было тоже пасмурно и пусто. А по вечерам эта пустота заполнялась едучей тоской. Кашка скрючивался под одеялом и щипал себя за нос, чтобы не заплакать. Он боялся плакать, потому что баба Лиза спала плохо, долго ворочалась и вздыхала за фанерной перегородкой.

Но однажды утром какой-то добрый ветер прогнал тучи, и в Кашкино окно глянуло умытое солнце. Глянуло, пощекотало Кашку лучами и позвало в дорогу.

— Ладно,— тихонько сказал Кашка и встал.

Он осторожно оделся, вынул из коробки оловянного Мотоциклита и выбрался на непросохшее крыльцо.

Небо над Кашкой оказалось такое синее, что он даже дышать забыл. А земля сверкала. Перед рассветом прошел последний дождь, и травинки сгибались от тяжести стеклянных капель. А солнце огненными ручейками стскало по мокрым скатам железных крыш.

Чтобы не промочить в траве сандалии, Кашка снял их и

пристегнул на животе к лямкам своих коротеньких штанов. Потом он прыгнул с крыльца. Холод, как мышонок, сразу юркнул под рубашку и зацарапал спину мелкими коготками. Но Кашка не вернулся в дом. Он поставил на ладошку Мотоциклиста, зажужжал, как мотор, и помчался в конец переулка.

За переулком начинался луг с кустарниками, а дальше — березовые перелески и бор. Там лежала Кашкина Страна. Он торопился туда вместе с маленьким смелым Мотоциклистом.

На большой скорости они проскочили полосу кустарника и вынеслись на солнечный обсохший бугорок. Здесь Кашка залег среди высоких метелок овсяницы и пунцовых шариков клевера.

Он сжал в кулаке катушку от ниток.

На самом деле это была не катушка, а волшебная подозрная труба. Поднесешь к глазу — и видишь, как в светлом кружке обыкновенная трава превращается в заросли сказочного леса. Кажется, что все это переплетение узорчатых листьев, колосьев и цветов сразу становится громадным. Потому что смотришь снизу, травы убегают к горизонту и сливаются с настоящим лесом...

Кашка медленно обводил подозрной трубой джунгли, где жили непонятные существа, сумерки и тайны. Потом джунгли кончились, в круглый глазок трубы ударил синий свет, и Кашка увидел море.

Да, это было море. Переливалась солнечными блестками голубая вода, а по воде двигался белый парусник.

Кашка заморгал и убрал от глаза катушку. Море превратилось в крошечное луговое озерко. Но парусник не исчез. Кашка приподнялся на локтях. Одномачтовый кораблик бежал к берегу, где горели на солнце желтые лютики. Парус был похож на косое крыло голубя. Кашка встал в полный рост. Тогда он услышал голоса и увидел хозяев парусника.

Это были мальчишки, и командовал ими Пимыч.

Почему его так прозвали, Кашка не знал. Но прозвище казалось очень подходящим. Пимыч был толстоватый, тяжелый, с большой головой, круглым лицом и с носом, похожим на растоптанный валенок. Ходил он вразвалку, смотрел лениво и говорил не торопясь. Мальчишки, однако, его слушались.

Кашка Пимыча боялся, а Пимыч Кашку, кажется, не любил. На это была причина: Кашкина мать работала контролером в поселковом кинотеатре «Луч» и не так давно выставила Пимыча на

улицу, потому что он пробирался без билета. Пимыч ничего сказать ей не посмел, но на крыльце кинотеатра увидел Кашку и показал ему круглый красный кулак. Кашка вздохнул и отвернулся. Он, конечно, не был виноват перед Пимычем, но понял, что все равно лучше с ним не встречаться.

Кашка и сейчас не забыл о похожем на большую грушу кулаке. Но он видел кораблик. Маленький, легкий такой и быстрый кораблик, который надо было обязательно рассмотреть как следует и, может быть, даже взять в руки. И это было сильнее осторожности.

Кашка тихо спустился с пригорка и встал у воды. Никто, кроме Пимыча, не взглянул на него. А Пимыч хмуро покосился, но ничего не сказал. Это немного ободрило Кашку.

Парусник уже пересек озерко и подходил к берегу, где ждали мальчишки. Но ему не повезло: на пути оказался островок. Вернее, круглая травянистая кочка. Она торчала метрах в пяти от суши и была похожа на лохматый затылок сидящего в озере великана.

Кораблик ткнулся в этот затылок носом и запутался в мокрых травяных прядях. Сразу стало понятно, что выбраться сам он не сможет, если только не случится большого шторма.

— Кто полезет?—спросил Пимыч. Сам он, конечно, лезть в воду не собирался.

Мальчишки стали переглядываться и сопеть. Разуваться, подворачивать штаны, идти в холодную от дождей воду и добираться к проклятой кочке по илистому дну — что тут хорошего?

Треугольник паруса белел за листьями осоки и просто из всех сил притягивал к себе Кашку.

— Пимыч,—осторожно сказал Кашка.—Можно, я достану?

— Пускай достает!...—загаддели мальчишки.

— Не потонет...

— Конечно...

— Я бы сам достал, да у меня нога порезанная,—заявил похожий на худого котенка, большеухий Левка Махаев. На эти слова не обратили внимания: все знали, что Левка хитрый враль и лодырь.

Пимыч несколько секунд разглядывал Кашку и, наверно, думал: надо ли разрешать такое интересное дело человеку, мать которого прогоняет людей из кинотеатров. И вдруг разрешил:

— Ну, вали... Не поломай только.

Вода оказалась совсем не холодная. Только ноги сильно проваливались в илистую жижу. Кашка прошагал всего половину расстояния, а вода уже была ему выше колен. Но он даже на полсекунды не остановился.

Когда Кашка добрался до островка, вода замочила ему штаны и подобралась к пристегнутым на животе сандалиям. Но зато кораблик был вот он — рядышком. Кашка раздвинул водоросли и осторожно, как раненого голубя, поднял парусник на ладонях.

Он был маленький, но совсем как настоящий. Легонький, остроносый, с тонкими бортиками, рейками, блестящими колечками и тугими снастями. О таком как раз Кашка и мечтал. Он бы отправлял на этом корабле своих смелых челотяпиков в самые дальние плавания по лесным ручьям и озерам. Они бы открывали новые острова и страны. Кашка знал, где их можно открывать, только не было кораблика. Был морской Капитан, а плавать ему приходилось на обыкновенных щепках...

С берега уже кричали, чтобы Кашка не копался. Он вздохнул и пошел обратно.

Но он хитрил. Возвращался он гораздо медленнее. Осторожно вытягивал из илистой грязи ноги, далеко обходил редкие листья кувшинок, словно это были вовсе не кувшинки, а самая жгучая крапива. Ведь, пока он шагал здесь, среди воды, кораблик был вроде бы его, Кашкин. Можно было держать его, разглядывать, шептать команды и думать о дальних островах...

— Я бы уж давно достал,— противным голосом сказал Левка Махаев.

— Закройся ты,— лениво посоветовал ему Пимыч.

Пять метров до берега — путь недалекий. Все равно пришлось выйти на землю и отдать парусник.

— Штаны-то выжми,— ворчливо сказал Пимыч.

— А ну их,— отмахнулся Кашка. И вдруг попросил: — Пимыч, сделай мне такой... кораблик.

Он, конечно, понимал, что говорит самую настоящую глупость, но не смог удержаться. И удивился, когда не услышал в ответ обидного смеха.

Пимыч недовольно сказал:

— «Сделай»... Сам не можешь, что ли?

— Не могу,— без колебаний признался Кашка.

Конечно, как он мог? Разве сумеет он построить такое чудо?

— «Не могу!» — передразнил Пимыч. — А чего тут мочь? Тут и дела-то — два раза плюнуть. Все почти готовое продается. Самую малость надо построгать да покрасить...

— Что продается? — не понял Кашка.

Но Пимыч молча возился с парусником. Наверно, устал от долгого разговора. Другие ребята сказали Кашке, что коробку с набором для модели яхты можно купить в раймаге на станции. И денег надо всего шестьдесят копеек.

Всего! У Кашки таких денег в жизни не бывало. Где он их возьмет?

— У матери попроси, — посоветовал Пимыч. — Небось даст...

— Мама уехала, — сказал Кашка и почувствовал, что в горле вырастает что-то твердое и угловатое, как маленький деревянный кубик.

— Ну, отец даст.

— У него операция. Они вместе уехали, — шепотом сказал Кашка. — Я с бабой Лизой живу...

— Ну... — начал Пимыч, но замолчал и задумался.

— А пускай сам заработает, — предложил Левка. — Чего попрошайничать?

— Как? — удивился Кашка.

— А как мы. На ягодах. Набери да продай на станции. По пятнадцать копеек за стакан если продавать, всего четыре стакана надо... Только тебе ведь не набрать четыре стакана...

Кашка снял с мокрых штанов прилипшую водоросль, заложил руки за спину и посмотрел на Левку, как на маленького. Он даже чуть не засмеялся. Кашка знал такие ягодные места, какие Левке, наверно, даже в мечтах не мечтались. Недаром Кашка умел делать открытия.

Мальчишки продавали ягоды на станционной платформе.

Кашка бывал здесь и раньше. Правда, на перроне он появлялся редко, нечего там было делать. Зато любил Кашка путешествовать под платформой. Она была старая, деревянная и держалась на высоких столбиках. Ходить под ней можно было не сгибаясь. Там стоял сумрак, словно в кошеевом подземелье. Кряхтел и потрескивал потолок. Сыпался за воротник древесный сор. Вздрагивали на земляном полу солнечные полосы. А за дощатой стенкой, как чудовища, с тяжелым ревом пробегали вагонные колеса.

Здесь Кашка находил интересные вещи, которые падали

сверху в щели: разные пуговицы, спичечные коробки с незнакомыми наклейками, конфетные фантики, запонки... А один раз нашел он денежку — три копейки. Правда, в тот же вечер он ее потерял, но долго еще вспоминал об этой находке с удовольствием.

Но сейчас Кашке нужны были не три копейки, а целых шестьдесят. И шел Кашка не вниз, а вверх, на перрон. Осторожно прижимал к груди четыре кулька с луговой клубникой.

Мальчишки стояли, прислонившись к шаткому палисаднику. Вид у них был очень независимый. Будто они пришли не ягоды продавать, а просто поглазеть на зеленые вагоны подошедшего поезда, на тепловозы, на облака. А на пассажиров они вроде бы и не смотрели. Даже Левка Махаев стоял с равнодушно-кислым лицом, хотя у него уши дергались от волнения, когда пассажиры проходили близко, — так ему хотелось поскорее продать свою клубнику...

Кашка старался, чтобы все у него было как у других ребят. Он и кульки для ягод свернул не из газеты, а из листков старого папиного учебника. Так делали почему-то все мальчишки. Только держать себя независимо и гордо Кашка не умел. И пристроиться к ребятам он не решился, а они его не позвали. Может быть, и не заметили. Кашка ушел на другой конец платформы и встал у столба с железным плакатом: «Граждане! Ходить по путям опасно!»

Чувствовал себя торговец ягодами неважно. В животе было холодно, и все время хотелось глотать воздух. Будто вышел Кашка на опасное дело.

В глубине души он совсем не верил, что кто-то подойдет к нему и станет покупать промокшие кульки с клубникой. И не знал, что делать, если это случится. Но к нему подошли незаметно откуда-то сбоку, и Кашка вздрогнул.

Покупателей было двое. Кашка заметил, что на них серые одинаковые пиджаки и синие фуфайки с белыми полосками у ворота. И какие-то значки на отворотах пиджаков. Лица у них тоже были похожие. Разные, но все-таки похожие. И как будто знакомые. Кашке вдруг показалось, что такие же лица — узковатые, с жесткими подбородками и легким прищуром глаз — были у летчиков, про которых он недавно смотрел кино. Только летчики выглядели постарше.

Кашке нравились люди с такими лицами.

— Продаешь? — спросил один, с золотисто-синим значком.—
Почем?

В горле у Кашки что-то по-птичьи пискнуло.

— Пи...питнадцать коп...пеек,— выдавил он.

Тот, который спрашивал, наклонил голову и стал с интересом смотреть на Кашку. Так разглядывают какой-нибудь интересный пустячок, винтик, например, или брошку, если случайно найдут их на тротуаре... Потом он сказал негромко и печально:

— Слушай, ты... рыцарь наживы. Совесть у тебя есть?

Кашка считал, что есть. Но вообще-то вопрос был непонятный. При чем здесь совесть? И еще рыцарь какой-то...

— Ягоды... они хорошие,— на всякий случай сказал он.

— Я так и думал,— мрачно откликнулся человек с синим значком.

Тогда вмешался его товарищ:

— Борис... Ну чего пристал к парню? Он по такой же цене продает, как и все.

— Все они «как все»,— с резкой усмешкой бросил Борис.— Я таким вот пацаненком был, когда на целину первые эшелоны шли. Мы со своих огородов помидоры тягали и к вагонам тащили, чтобы ребятам дать на дорогу. А тут — «питнадцать копеек».

Кашка почувствовал, что эти слова обидные. И все-таки не обиделся. Не сумел обидеться. Потому что Борис Кашке понравился.

А может быть, подумал Кашка, у него нет пятнадцати копеек? Ягод попробовать хочется, а денег нет.

Или, может быть, он думает, что Кашка жадный?

— Ну, возьми...— простодушно сказал Кашка. Он почему-то даже не заметил, что обращается к Борису на «ты».

— Что? — не понял тот.

— Возьми так,— повторил Кашка со всей убедительностью.— Не надо копеек.

Что-то изменилось в лице у Бориса. Растерялся он или смутился. Запустил руку в карман пиджака, стал смотреть мимо Кашки и непонятно ответил:

— Благодарю. Я платежеспособен...

Но его спутник взял у Кашки ягоды и вложил кулек в ладонь Бориса:

— Бери, раз дают,— и подмигнул Кашке.

Кашка протянул кулек и ему. И услышал:

— А не жалко тебе?

Кашка удивился. Жалко? Наверно, этот человек не знает, сколько ягод можно отыскать на лесных буграх и полянах совсем недалеко от поселка.

Ну... конечно, хотелось купить поскорее кораблик. Но раз уж он одну порцию клубники отдал, значит, шестьдесят копеек все равно сегодня не заработать. Поэтому остальные ягоды вообще жалеть не стоит. Нисколько.

— Спасибо,— вдруг сказал Борис.— Знаешь что? Ты...— Он не договорил, потому что к ним подбежала девушка в серой куртке с блестящими застежками. Веселая такая девушка, с пестрой косынкой, повязанной, как пионерский галстук.

— Ребята, вы где? Поезд отходит сейчас!

— Мы здесь,— коротко сообщил Борис.— Мы заняты. Поезд подождет.

— Один симпатичный юноша угощает нас ягодами,— объяснил товарищ Бориса.

— Только вас угощает? Или всех?— поинтересовалась девушка.

— Вот, берите,— сказал Кашка. Он уже не робел, не стеснялся. Чувствовал только смутную зависть: сейчас эти люди сядут в поезд и поедут, а он, Кашка, останется.

Ну ладно, пусть едут. Это, конечно, хорошие люди...

Да, но оставался еще один кулек.

— Куда же его?— растерянно спросил Кашка.

— Ешь сам,— хором сказали трое и побежали в конец поезда, к своему вагону.

Потом этот вагон медленно проехал мимо Кашки, и тот увидел в тамбуре всех троих. Они махали Кашке руками. И смеялись. А девушка даже сняла косынку с шеи и размахивала ею, как флагом.

Кашка торопливо замахал в ответ. Той рукой, в которой держал ягоды. Они сыпались из бумаги и падали на доски, как тяжелые дождевые капли, но Кашка не обращал внимания. Впервые в жизни он провожал хороших людей в далекую путь-дорогу. Хотя нет, недавно он провожал маму и папу, и мама тоже махала ему из вагона. Но тогда было грустное прощание, а сейчас веселое...

— Ну и дурак,— услышал Кашка за спиной. Обернулся. Это Левка Махаев обругал его. Он, значит, следил за Кашкой. Теперь Левка стоял рядом и смотрел с презрением.

— Пентюх необразованный,— сказал он.— Облапошили тебя, как деревяшку. Лопух ты...

Но Кашка чувствовал, что он не лопух. Он не забудет, как три незнакомых человека смеялись и махали ему из вагона. Левке, конечно, никто не махал, хотя он и продал все ягоды.

— Остался без яхты, ну и фиг с тобой,— закончил Левка и сплюнул.— Салага...

Кашка отошел. Издалека он осторожно сказал:

— Ты, Левка, наверно, сам салага. Я завтра еще четыре стакана насобираю. И продам. И куплю кораблик. Вот...

Назавтра он собрал не четыре стакана, а семь. И сделал семь кульков. Четыре он решил, конечно, продать, а еще три... Ну, мало ли что... Вдруг случится, как вчера. Кашке очень запомнились улыбки трех друзей. С тех пор как уехали родители, ему еще никто не улыбался вот так, по-хорошему.

Но случилось не так. Сразу нарушились Кашкины планы. Подошел поезд, и на платформе появились...

Нет, сначала Кашка услышал песню. Шум колес уже затих, и песня ясно звучала за вагонными стеклами. Пели мужские голоса. Не громко, но как-то упруго. Это была немного печальная, но хорошая песня. Такая хорошая, что Кашка замер на секунду.

А голоса стали громче, и вот тогда появились на перроне моряки.

Они по одному прыгали с подножки, и песня вместе с ними вырывалась из вагона. Кашка разобрал последние слова:

Ночь бросает звезды на пески,
Поднятые сохнут якоря.
Спи, пока не гаснут маяки...

Потом пение оборвалось, и голоса смешались:

— Братцы, здесь и папирос не купишь!

— Сколько минут стоим?

— Станция Кам-шал... Ну и станция!

— О черт, курить хочется...

— Не лопнешь.

— А вдруг?

Они были не в бескозырках. Кто в черной фуражке с якорем, кто так, с непокрытой головой. День выдался ветреный, и синие воротники плескались у них за плечами. На руках черных матросок алели треугольные флажки и золотились нашивки.

Был среди них один — высокий, курчавый, словно негр. На плече он, как большую лопату, держал гитару. Он, кажется, первый и заметил Кашку. Именно его, а не других ребят. Потому что те стояли в дальнем конце платформы.

Моряки обступили Кашку. Их было не трое. Не четверо. Даже не семеро. Он и мигнуть не успел, как разошлись по рукам все кульки. Просто разлетелись.

— Сколько за товар? — весело спросил гитарист. — Ну? Не стесняйся!

— Нисколько...

Они совсем не важничали перед Кашкой, эти громадные парни в черной с золотом форме. Спросили, как его зовут, а потом по очереди, щелкая каблуками, назвали себя:

— Сенья.

— Виктор.

— Сергей.

— Гена.

— С вашего позволения, Алексей Новиков, штурман дальнего плавания... будущий.

Оглушенный их веселым вниманием, Кашка только спросил:

— Дальнее — это в Африку?

— В Африку, в Индию, в Австралию, — подтвердил будущий штурман. — В обе Америки. Вокруг света. И если есть в моих словах хоть капля лжи, пусть меня поглотит Тускарора!

Тускарора представилась Кашке страшным чудовищем с черной пастью. Но ему тут же объяснили, что это не чудовище, а губоченная ямища в Тихом океане и что эта ямища когда-нибудь обязательно поглотит будущего штурмана. Не столько за вранье, сколько за болтливость.

И снова, как вчера, исчезла, растаяла в этом веселье Кашкина робость. И тогда он сказал то, что очень хотел сказать:

— Можно, я спрошу?.. Вот вы... Это вы пели в вагоне? Это какая песня?

— А ну, мальчики... — сказал курчавый гитарист с детским именем Павлик. И сбросил с плеча гитару.

И было совсем не смешно, было просто здорово, что взрослые мужчины так слаженно и серьезно пели колыбельную песню. Пели с какой-то суровой ласковостью: видимо, любили они эту колыбельную. Десять моряков пели для одного мальчишки. Ну и для себя, конечно, но главным образом для него, для Кашки:

Спят большие птицы средь лиан,
Спят моржи в домах из синих льдин,
Солнце спать ушло за океан,
Только ты не спишь...
Не спишь один...
Светят в море,
Светят огоньки,
Утихает сонная волна...
Спи, пока не гаснут маяки.
Спи...
И пусть не дрогнет тишина.

...Встревоженно просигналил тепловоз, и поезд пополз вдоль платформы. Но они все-таки допели до конца. А потом взъерошили Кашке волосы и бросились за вагоном.

Поезд ушел. А Кашка стоял на перроне, по которому с размаху пролетали серые тени облаков. И ветер лохматил ему волосы. И солнце щекотало уголки глаз. А тонкие ласточки мчались вдоль путей вслед убежавшему поезду. Так, наверно, чайки летят за уплывающими кораблями.

И облака, и тени, и ветер, и ласточки были как продолжение песни.

На следующий день Кашка уже не думал о деньгах. Белокрылый игрушечный кораблик почти позабылся. Потому что появилась другая радость: дальние поезда и веселые добрые люди с хорошими песнями. Кашка шел их встречать и нес им лесной подарок.

Когда Кашка подходил к лесенке, доски в боковой стенке платформы раздвинулись. Между ними показалась ушастая Левкина голова.

— Иди сюда,— потребовал Левка.— Ну, иди быстро, скажу что-то.

Кашка пошел. Бояться-то было нечего. Плохого он Левке, кажется, не делал. Левка придержал доску, и Кашка шагнул в пахнувший старым деревом полумрак.

В тот же миг из рук у него выбили кульки с ягодами. Потом его стукнули один раз по плечу, два раза по щеке и один раз по носу.

После этого он услышал Левкин голос:

— Еще раз притащишься с ягодами — башку свинтим! Добренький какой, денег ему не надо! Газуй отсюда, малявка полосатая!

Доски снова раздвинулись, и Кашку пинком выпроводили на свет.

Из носа капала кровь. Капли были круглые и красные, как ягоды. Кашка не боялся крови, но она падала на рубашку, и пришлось долго сидеть у палисадника с запрокинутой головой. Кашка сидел и думал.

Думал, как быть. Он знал, что заскучает теперь, если не будет встречать и провожать поезда. А показаться на станцию нельзя, раз Левка дерется. Ну что он этому Левке сделал?

Жизнь снова становилась плохой и печальной. Только чуть-чуть радовало Кашку воспоминание о вчерашней песне. Но это была прошлая радость, а впереди никаких радостей не было...

Кровь унялась.

Кашка побрел за поселок. В лесном озерке он отстирал от крови рубашку и высушил на ветру.

Между прочим, за все это время он так ни разу и не заплакал.

Домой Кашка вернулся к вечеру.

Еще издалека он увидел бабу Лизу. Она стояла у калитки строгой, прямая и неподвижная. Настроение у Кашки испортилось до самого конца. Но виноватым себя ни в чем он не чувствовал и поэтому не стал пугаться строгого бабушкиного вида. Только опустил голову и хотел бочком проскочить в калитку.

Пальцы бабы Лизы ухватили его за ухо.

Это были крепкие пальцы. Как деревянные щипцы. Они так защемили ухо, что Кашка пискнул, словно мышонок.

— Появился, — сухо сказала баба Лиза. — Вот и ладно. Вот теперь и поговорим.

За ухо она ввела растерянного Кашку во двор, остановила у крыльца и повернула к себе.

— Где был?

Кашка ежился и моргал. Не знал он, что сказать. Вылетели из головы все слова и где-то потерялись.

— Где был?! — тонко крикнула баба Лиза и вдруг хлопнула его ладошкой по щеке. Это было не больно. А обидеться или удивиться Кашка просто не успел. Только зажмурился и мотнул головой.

— Не кормит тебя бабка, да? — выкрикивала баба Лиза, и лицо ее некрасиво морщилось. — Деньги тебе, окаянному, пондобились?! На вокзале ягоды продаешь?! Бабку позорить вздумал!

— Я не продавал... — шепотом сказал Кашка. — Я не продавал... — Он очень хотел все объяснить, но слова не находились.

— Еще и врешь! — Баба Лиза ахнула и выпрямилась. — Ты еще и врать умеешь, негодник! Думаешь, люди не видели?! Где деньги?

— Нету...

— Показывай карманы!

Но карманов у Кашки не было. Иногда он для солидности засовывал ладони в прорези боковых застежек на штанишках, но ведь деньги туда не засунешь.

— Ну, ясно, — печально сказала баба Лиза. — Все, значит, на мороженом и проел. Ладно...

Она вдруг совершенно успокоилась. Видимо, приняла решение.

— Я твоего отца учила по-своему, человеком сделала. Тебя тоже воспитаю. Стой тут!

Она скрылась в доме, а Кашка стоял. Мог бы убежать, но стоял. «Что она хочет сделать?» — подумал он. Подумал без страха, а с какой-то едучей горечью.

— Не торговал я! — громко сказал он, и тут вместо слов пришли слезы. Кашка всхлипнул.

Баба Лиза появилась с громадным старым замком, который до этого валялся в кладовке. Его ключом Кашка иногда раскалывал косточки от компота.

— Ты у меня насидишься в темноте! — пообещала баба Лиза. — Ты мне про все расскажешь, когда с мышами переночуешь.

Кашка по-настоящему заплакал. Он никогда в жизни не боялся ни темноты, ни мышей и плакал не от страха, а от обиды и беспомощности.

На секунду что-то изменилось в твердом бабушкином лице. Но Кашка ее лица не видел. Только голос ее услышал:

— Марш в сарай!

Она подтолкнула Кашку с крыльца. Он закусил губу и, сдерживая всхлипывания, побрел к сарайчику, где лежали дрова и всякие ненужные вещи. «Умру я,—тоскливо думал Кашка.— Заболею и умру... Она даже слушать не хочет... Убегу куда-нибудь. В дальние города...» Но он не убегал, а обреченно шагал к своей тюрьме. Баба Лиза шла следом.

Но когда до сарайчика осталось несколько шагов, земля тяжело ухнула. Будто рядом упал мешок с картошкой. Только это был не мешок. Это прыгнул с забора Пимыч.

Кашка так никогда и не понял, откуда Пимыч узнал о его беде и почему решил помочь.

Поднявшись, Пимыч отряхнул колени, встал между Кашкой и бабой Лизой и бесстрашно сказал ей:

— Тебе, старая, не стыдно? Нашла на ком силу пробовать, на таком пацаненке...

Бабушка ахнула и уронила замок.

— Ах ты... Ах ты!..—начала она, а Пимыч наклонил набок голову и продолжал негромко и укоризненно:

— Чего ахать-то? Лучше бы спросила его, как он торговал. Он и денег-то не брал ни копейки ни с кого. Всяких дураков слушаешь, а с ним поговорить не можешь. Скорей за ухо...

— Иди, иди...—жалобно сказала баба Лиза и отмахнулась, словно Пимыч был нечистой силой.—Иди-ка ты отсюда. Небось сам тоже... Иди... Куда пошел, вон она, калитка-то...

— Нам здесь удобнее,—солидно заметил Пимыч и тяжело взгромоздился на забор. Сверху он сказал:—Ты, Кашка, не бойся.—И прыгнул.

Опять дрогнула земля. Баба Лиза посмотрела на упавший замок, слабо махнула рукой и устало побрела к дому. Будто Кашки и на свете не было.

Он смотрел ей вслед, пока не закрылась дверь. Потом пошел на крыльцо, устроился на ступеньке и прислонился головой к перилам. Большой радости Кашка не чувствовал. Только удивление: «Вот так Пимыч!» Но и удивление скоро прошло. Все было правильно. Совсем невиноватого Кашку хотели посадить в сарай, а ведь справедливость-то должна быть на свете. Вот Пимыч и пришел, чтобы справедливость победила. Папа Кашке про это объяснял однажды: если человек не виноват, справедливость всегда победит.

Кашка стал думать про папу. И про маму. Про то, как сделают

операцию и все будет хорошо. Все опять соберутся вместе. И не надо будет вечером, когда подкрадывается тоска, щипать себя за нос, чтобы сдержать слезы.

Мысли были спокойные и не печальные. Шелестели у крыльца листья рябинки, поезда шумели за домами. Кашка чуть-чуть задремал.

Он вздрогнул, когда сзади открылась дверь.

— Иди творогу поешь,— с ненастоящей сердитостью проговорила баба Лиза.— Цельный день бегал где-то, а теперь и в избу идти не хочет.

Кашка медленно поднялся и пошел в дом.

Он сидел на кухне и ковырял чайной ложкой творог.

— Ешь,— велела баба Лиза.

— Не хочется.

— «Не хочется»... Глянь-ка, губы надул. Уж больно обидчивый.

Кашка был не обидчивый. Просто ему не хотелось есть. И веселым быть не хотелось.

— Может быть, мне еще прощенья у тебя попросить? — поинтересовалась баба Лиза.

Кашке совсем не нужно было, чтобы у него просили прощения.

— Ну, чего ты молчишь-то? — тихо спросила она.

А что ему говорить?

Баба Лиза вздохнула:

— Старая я стала...

Кашка украдкой оглянулся. Она сидела, отвернувшись к окошку. Совсем нестрогая, согнувшаяся...

— Давай я за хлебом схожу,— сказал Кашка.— А то скоро закроют магазин...

После этого случая Кашка получил свободу. Он мог бродить где угодно с утра до вечера. Баба Лиза не ругалась. Только охала, когда он появлялся с оторванными пуговицами, расцарапанными ногами и сосновыми иглами в волосах.

— Господи Иисусе! Где тебя гоняет нечистая сила?

«Нечистая сила» гоняла Кашку по всей его Стране. По сухим, заросшим соснами буграм. По оврагам, доверху набитым темной зеленью: там наглухо переплелись кусты смородины, ядовитая, как гадюка, крапива и какие-то сырые пахучие травы. По лугам

и по мелколесью, где среди тонких березок и ольховника попадались мохнатые коряги, похожие на припавших к земле чудовищ. По влажным тропинкам и скрипучим мостикам, по ручьям и болотистым кочкам.

Кашка делал открытия.

Он сажал своих друзей-челотяпиков в карман (если баба Лиза давала рубашку с карманом) или сжимал их в кулаке и с утра отправлялся в путешествие.

Но к середине дня любая тропинка все равно выводила его на станцию. В это время один за другим останавливались здесь три дальних поезда.

Левка Махаев больше не прогонял Кашку. Когда они встречались, Левка отворачивался, ворчал и плевался. Под глазом у него был небольшой светло-сиреневый синяк. Откуда он появился, Кашка не знал.

А другие мальчишки обращались с Кашкой совсем хорошо. Пимыч даже сказал:

— Если к тебе кто полезет, ты мне его покажи. Я ему — во...— Кашка опять увидел кулак, похожий на грушу.

И тогда, полный благодарности, Кашка пообещал:

— Знаешь что, Пимыч? Когда мама приедет, я ее попрошу, чтобы она тебя всегда в кино пускала без билетов...

Он был уверен, что мама не откажет в такой просьбе. Узнает, как Пимыч заступался за Кашку, и обязательно разрешит ему ходить в кино сколько хочется.

Пимыч подумал, покачал головой.

— Ладно... Мне это зачем? Я и с билетом могу... Мать-то когда приедет?

Кашка вздохнул.

— Ну... скоро. Когда папа поправится.

— А бабка как? Злая?

— Да не... Теперь не злая. Только молчит и богу молится потихоньку... Пимыч, а зачем богу молятся, если его нет?

— Да мне откуда знать? Тот, кто молится, наверно, думает, что он есть.

— Разве им никто сказать не может, что его нет?

— Иди скажи своей бабке.

Кашка вспомнил бабу Лизу и подумал, что пусть уж лучше молится. Но разговор кончать не хотелось, и он рассказал Пимычу, как недавно к ним приходил дядя Миша, папин

начальник в автоколонне. И как он уговаривал бабу Лизу отпустить Кашку в пионерский лагерь. А баба Лиза не пустила. Побоялась чего-то.

— А тебе в лагерь охота? — спросил Пимыч.

— Не знаю.

В лагере Кашка не бывал. Как там? Будет ли там что-нибудь хорошее? А здесь, по крайней мере, все было свое, знакомое: и поселок, и Страна, и друзья-челотяпики. Правда, не было поблизости ребят вроде Кашки, чтобы играть вместе. Или маленькие были совсем, или очень уж большие. Но зато Кашка мог встречать поезда. Мог бродить по ближнему лесу. Сидеть на крыше и смотреть на облака. Все это было привычно, и все это была радость.

И вот еще Пимыч...

Разговаривал Кашка с Пимычем не часто. Но зато у них появилась молчаливая игра. Когда Кашка приходил на станцию, он не поднимался на перрон по лесенке, а останавливался у края платформы и поднимал руку. Пимыч подходил вразвалку, хватал Кашку за кисть руки и подтягивал вверх сколько мог. Тогда Кашка цеплялся за кромку платформы левой коленкой — и готово, он уже на ногах. Все это делалось без слов.

Только однажды Кашка спросил:

— Пимыч, ты зачем ягоды продаешь? Денег нет, да?

— Мать велит, — хмуро сказал Пимыч.

На перроне Кашка занимал обычное место: у столба с плакатом. Если подходили сытые дядьки в пижамных штанах и с бутылками пива под мышкой или если появлялись рядом женщины с раздраженно-скучными лицами, с ненастоящими улыбками, Кашка угрюмо отворачивался.

— Не... Я не продаю.

Иногда к нему придирались:

— А зачем стоишь здесь?

— Встречаю, — отвечал Кашка.

Он и правда встречал. Встречал «своих» пассажиров. Он знал каких. Не всегда они были молоды и веселы, не всегда пели песни и дурачились, но обязательно в их глазах Кашка замечал теплый такой огонек и хорошую искорку любопытства.

— Ну, дорого ли продаешь? — спрашивали они и с усмешкой смотрели не на ягоды, а на самого продавца.

— Не... — отвечал Кашка. — Я просто так. Без денег.

Ему нравилось, что, услышав такие слова, люди глядели на него с веселым удивлением. И сам он неожиданно быстро научился смотреть таким людям в глаза радостно и открыто.

Глава четвертая

Но самого интересного человека встретил Кашка не на станции, а в лесу.

В тот день Кашке не везло: собрал он всего стакана полтора клубники. Правда, ягоды были крупные, спелые...

Прежде чем идти на станцию, Кашка решил навестить челотяпика Шишана, который жил в Подземной пещере один-одинешенек уже целых четыре дня. Старый Шишан был разведчиком. Он получил от Кашки задание исследовать все места вокруг пещеры, узнавать лесные новости, делать разные открытия и обо всем докладывать по радио. Но вчера и сегодня докладов от Шишана не поступало.

Подземная пещера находилась под одиноким разлапистым пнем в мелком березняке, рядом с железнодорожной насыпью. Примерно в километре от станции.

Кашка сквозь густую путаницу веток продрался на свободный зеленый пятачок, лег на живот перед пнем и запустил руку в черный лаз пещеры. Конечно! Шишан и не думал отправляться ни в какие экспедиции! Он спал на соломенной подстилке и в ус не дул. Кашка так и знал! Он вытащил лентя на свет.

— Дрыхнешь... А совесть у тебя есть?

Шишан обалдело молчал спросонок.

— Лодырь ты,— печально сказал Кашка.

Шишан хотел зевнуть, но сдержался. Кашка сел на пенёк, а взъерошенного елового Шишана посадил на колено.

— Спишь и спишь!— выговаривал он.— Даже антенну поправить не можешь. Тунеядец...— Он сам поправил над пнем прутик антенны.

Молчание Шишана стало виноватым.

— Ладно...— смягчился Кашка.— На пенсию бы тебя.

Он стал думать, кого бы из челотяпиков поселить в Подземной пещере вместо Шишана. Можно Капитана, у него все равно корабля нет. Можно Матрешку... или нет, ее не надо. Ей скучно одной будет, маленькая еще...

За кустами, на высокой насыпи, загремел колесами, а потом зашипел тормозами поезд. «Семафор закрыт»,— сообразил Кашка, но тут же про поезд забыл, потому что нечаянно опрокинул стеклянную банку с клубникой. Банка не разбилась, но крупные ягоды усаkali в траву и потерялись.

— Все из-за тебя,— сказал Кашка Шишану.— Ищи вот теперь.

Он выуживал из травы последних беглецов, когда зашумело, затрещало в кустах, будто шел медведь.

Кашка вскочил.

Вот тогда он и увидел Костю.

В ту минуту он не знал, конечно, что это Костя. Он просто стоял и смотрел на человека, который вышел из кустов. Был человек еще молодой, вроде тех моряков. Смуглый и светловолосый, в клетчатой, как шахматная доска, рубашке.

В руке у него был складной охотничий нож.

Кашка разглядел этот нож сразу. Узкое отточенное лезвие, медные перекладинки с крючками, колечко с петлей из ремешка и трещинка на пластмассовой желтой рукоятке. Да, и трещинку заметил Кашка, хотя почти вся рукоятка была скрыта в кулаке.

Кончиком ножа незнакомец что-то вырезал из маленькой коричневой деревяшки. Вырезал на ходу. Крошечные стружки послушно сыпались из-под лезвия.

Все это Кашка разглядел, наверно, в одну секунду. Потому что в следующую секунду человек с ножом остановился и поднял на Кашку глаза. Это были серьезные светло-карие глаза. Они внимательно смотрели на растерянного Кашку.

— Вот встреча...— сказал незнакомец тихо, словно про себя. И спросил:— А ты здесь что делаешь? Тоже ищешь свою жар-птицу?

— Не... я с ягодами,— ответил оробевший Кашка. Он не сводил взгляда с ножа. И при чем тут жар-птица?

Неизвестный человек защелкнул лезвие, сунул нож в один карман, деревяшку в другой и без улыбки объяснил:

— Я не разбойник. Я вон с того поезда.— Он кивнул в сторону насыпи.— Эта колымага застряла перед семафором и, говорят, будет стоять минут сорок. Что-то случилось на станции. Интересно, что? Не знаешь?

Кашка не знал. Он сказал:

— Здесь разбойники не водятся. И жар-птицы не водятся.

— Кто знает... А вдруг водятся? Жар-птицы...

— Не,— убежденно сказал Кашка.

Пассажир вздохнул.

— Ты не обращай внимания. Лопай свои ягоды, а я пойду.

Он шагнул от Кашки, но уходить раздумал. Словно вспомнил о чем-то и собрался спросить. Однако не спросил. Стоял и смотрел поверх кустов на вершины большого леса.

Бежали клочковатые облака, и быстрые тени их были как взмахи темных крыльев. Кашка смотрел на высокого незнакомца и видел его вместе с облаками. Видел сбоку его задумчивое лицо, белую полоску маленького старого шрама под ухом и волосы, словно раз и навсегда отброшенные назад ветром. Кашке хотелось сказать: «Я не буду лопать ягоды. Я их не для себя собираю. Если надо, берите. Только... кто вы? Вы далеко едете, да?»

Кашка сказал:

— Вы знаете песню про маяки?

— Какую?— ничуть не удивившись, спросил незнакомец.— Много песен про маяки.

— Там еще про птиц,— объяснил Кашка.— И про этих... про тюленей. Которые спят. И про ночь. Ее моряки пели.

— Не знаю. Я ведь не моряк.

«А кто?»— чуть не спросил Кашка, но не решился. И неловко сказал:

— Вы почему-то один едете...

— Ну и что? Разве нельзя?

— Да нет, можно... Только так не бывает, чтобы один человек. Чтобы такие... одни.

— Какие такие? Это интересно.

— Ну...— сказал Кашка.— Такие...

Он виновато замолчал. Не умел он объяснять. А хотел сказать, что такие вот молодые парни, люди с обветренными смуглыми лицами, готовые к шутке и к хорошему разговору с ним, с Кашкой, не ездят в одиночку. Студенты, спортсмены, моряки, геологи (Кашка их тоже встречал) всегда бывают вместе...

— А знаешь, твоя правда,— вдруг согласился незнакомец.— Я бы тоже ехал не один, да отстал от компании. Это чертовски скверно, когда отстаешь от своих. Да вот, пришлось... И настроение поэтому было просто слезное... Можно, я возьму одну ягоду?

— Все берите,— облегченно сказал Кашка.— Вы не горюйте, вы своих догоните.

Кашкин собеседник бросил в рот четыре ягоды, внимательно

глянул на Кашку и вдруг улыбнулся. Улыбнулся так, будто не клубнику проглотил, а лекарство от печали.

— Знаешь, это ведь здорово, что я тебя встретил.

— Если бы я знал, я бы еще больше постарался набрать ягод,— простодушно сказал Кашка.

— Чудик ты,— ласково сказал незнакомец. Осторожно подвинул на пне Шишана и сел.— Давай знакомиться, пока мой экспресс не затрубил.

И они познакомились. И Кашка узнал, что этого человека зовут Костя.

— Ну, расскажи,— сказал Костя.

— А что?— растерялся Кашка. Нечего ему было рассказывать.

— Ну, вообще... Что ты за человек? Какая у тебя жизнь?.. Или вот про него расскажи.— Костя взял на ладонь челютя-пики.

— А, это Шишан,— отмахнулся Кашка.— Разведчик он... Только он ленивый...

И незаметно Кашка начал рассказывать. Сначала про Шишана: какой он засоня и размазня. Потом про смелого Мотоциклиста, про Капитана, про кораблик. И дальше— про свою Страну, где живут малыши-челютяпики и где можно увидеть дремучие леса и синий океан, если посмотреть в волшебную катушку... Он рассказывал так много потому, что Костя хорошо слушал. Спрашивал, когда Кашка замолкал. Помогал найти нужное слово, если Кашка не мог его вспомнить. Смотрел серьезно, и серьезность эта была безо всякой подделки.

Наконец Костя сказал:

— Значит, мы оба бродяги-путешественники.

— Ты путешественник?— спросил Кашка.

— Как и ты. Только моя Страна побольше... Слышал про Памир? Есть такие горы.

Кашка слышал, только не помнил, где и когда. Или по радио, или от папы. Но он помнил это название дальних гор. Он даже знал, что оно означает.

— Крыша Мира...— тихо сказал Кашка.

— Да, брат, это крыша... А про ледники ты знаешь?

Про ледники Кашка не знал. Правда, у них в сарае был ледник— небольшая яма с остатками зимнего слежавшегося снега. Вроде маленького погреба, чтобы хранить продукты. Но Кашка понимал, что не о таких ледниках говорит Костя.

— Это, наверно, где много льда,— сказал Кашка неуверенно.

— Это... ледяная река,— сказал Костя и прищуренно посмотрел на облака.

Кашка молчал. Ледяная река—это было непонятно.

— Массы льда,— сказал Костя.— Они ползут вниз по горным склонам. Ползут тихо-тихо, почти незаметно. Ведь это лед, а не вода. Но все-таки движутся. И у каждого ледника свой путь. Как у реки.

Кашка закрыл глаза и представил движение льдов. В шорохе прозрачных глыб, в перезвоне ломающихся льдинок они медленно и неотвратно надвигались, надвигались на Кашку всей тяжестью. Солнце разбивалось на блестящих гранях, но, несмотря на яркое сверкание, от ледяной реки веяло жгучим холодом. Кашка передернул плечами и открыл глаза.

— У каждого ледника свой путь,— повторил Костя.— Но один ледник сбился с пути. Пошел не туда, куда нужно. И это совершенно непонятно.

Он посмотрел на Кашку выжидательно и даже немного печально. Вот, мол, какая штука. Может быть, ты объяснишь, в чем тут дело? Но Кашка, разумеется, объяснить не мог.

— Непонятно,— снова сказал Костя.— Этот ледник нарушил все законы... В общем, надо пощупать его.

— По-щупать...— повторил Кашка и прыснул. Это показалось очень смешно—«пощупать» ледник, такую громадину.

Костя тоже засмеялся. И сказал:

— Такое дело. Приходится.

Он легко вскочил и встал над Кашкой—большой, сильный человек, с обветренным лицом путешественника, покоритель гор и ледяных рек.

— Пора.— Он протянул Кашке коричневую узкую ладонь. Может быть, он хотел просто попрощаться, но Кашка ухватился за ладонь, чтобы встать с травы. Ухватился и тоже вскочил.

Они вышли из кустов к насыпи.

— Надо ехать,— сказал Костя.

Вдали над линией уже горел зеленый кружок семафора, и вверх по насыпи бежали к вагонам пассажиры. Костя чуть улыбнулся Кашке и разжал руку.

Кашка вдруг почувствовал, что расставаться жаль. Горько стало ему. Не так горько, как в тот день, когда провожал маму и папу, но тоже невесело.

— До свиданья,— тихо сказал Кашка и стал смотреть на зеленый семафор.

Костя торопливо шагнул к поезду. Шагнул, остановился вдруг и сказал:

— Подожди.

Он что-то вынул из кармана, вернулся и вложил в Кашкину ладонь твердую деревяшку. А потом бросился за вагоном, который уже тронулся.

На ладони у Кашки лежал челотяпик. Вырезанный из дерева путешественник. С рюкзачком, с остроконечным топориком, чтобы вырубать в скалах ступеньки. Кашка знал, что таких путешественников называют альпинистами, он про них кино смотрел. У Альпиниста был задорный вид и улыбающееся лицо.

Когда Кашка поднял глаза от подарка, он уже не увидел Костю. Вагон был далеко. В его дверь еще прыгали на ходу пассажиры.

И некому было сказать спасибо.

Потом, вспоминая и вспоминая эту встречу, Кашка, наверно, многое поймет. Поймет, почему было грустно расставаться с Костей. Кашка ведь и раньше встречал хороших людей, но провожал их без печали, потому что знал: будут другие встречи. А в этот раз Кашка не думал о других. Когда-нибудь он догадается, что Костя мог стать хорошим другом — ведь они оба путешественники. А еще позже Кашка подумает: «Наверно, наша встреча помогла ему сделаться веселее». Потому что отстать от своих — это не значит просто опоздать на поезд, где едут друзья...

Однако в то время ни о чем таком Кашка не думал.

Уже приехали мама и папа и укатила в Ишим баба Лиза. Уехал в город Пимыч — поступать в техникум. Говорят, он заходил перед отъездом, спрашивал Кашку, но тот болтался в лесу и попрощаться не успел. Уже поступил Кашка в первый класс и получил там прозвище Тишка (от слово «тихо»); хорошо, что потом попала в класс девочка, еще более тихая, чем Кашка, и прозвище перешло к ней. Уже кончился сентябрь, и пришла пора всех челотяпиков переселить из леса домой, в коробку из-под ботинок. Уже успел Кашка получить два нагоняя — от мамы и от отца — за то, что вытащил из погребка остатки льда и сделал во дворе ледник для Костиного Альпиниста.

И еще один раз Кашке попало. За то, что поздно вернулся домой. Но об этом случае он думал без огорчения, потому что помнил про костер.

В тот день, возвращаясь из школы, Кашка забрел в лес. Целый месяц он здесь не был. Стояла серая осенняя погода, и шумели вершины. Но и такой хмурый лес Кашке нравился.

Кашка бродил долго и зашел так далеко, как не заходил еще ни разу. Пересек сосновый бор и вышел к песчаному обрыву, под которым бежал ручеек. Вдоль ручья, по другому берегу, шла дорога. Наверно, она вела в поселок. Кашка решил по ней вернуться к дому.

Он съехал вниз вместе с пластами сырого песка. Здесь ручей казался не таким узким, как сверху. Темная вода завивалась в воронки и крутила листья, принесенные из дальнего березового леса.

Через этот ручей надо было прыгать.

Чтобы отрезать себе обратный путь, Кашка перебросил на другой берег портфель. Потом собрался с духом и прыгнул сам. Он перелетел через ручей удачно, даже ног не замочил, но его ждала другая неприятность. Оказавшись на дороге, Кашка понял, что не знает, в какую сторону идти.

Сначала Кашка сел на портфель и решил ждать прохожих или машину, чтобы узнать правильный путь. Ни беспокойства, ни страха он не чувствовал, хотя и понимал, что дома попадет за такое опоздание.

Но скоро ему стало холодно. Он поднялся и пошел вверх по ручью, наугад.

Кашке повезло. И дело не в том, что он выбрал правильную дорогу. В конце концов он все равно бы вышел к дому. Ему повезло потому, что в своем знакомом лесу, уже недалеко от поселка, он увидел костер.

Огонь разожгли незнакомые ребята. Среди черных сосен и облетевших берез играло желтое летучее пламя.

Кашка несмело подошел к огню.

— Я погреться,— сказал он, хотя никто не спрашивал.

Большие мальчишки молча раздвинулись и впустили Кашку в свой круг.

Они не сажались на землю, потому что земля была сырой и холодной. Стояли и жарили на прутьях куски хлеба. Кто-то сунул Кашке в ладонь теплый подсохший ломтик. Все молчали,

и Кашка молчал. У огня молчать легко. Огонь с треском перемалывал сучья. Быстрые языки его взлетали выше головы, рвались на клочья, скручивались в кольца.

Вот тогда впервые Кашка и подумал: «Огонь как живой. Он похож на жар-птицу...»

Может быть, Костя и спрашивал Кашку про костер? «А ты что здесь делаешь? Тоже ищешь свою жар-птицу?»

Костер высоко выбрасывал оранжевые перья и жаром дышал в лицо. Но Кашка не отходил. Ему было хорошо среди молчаливых мальчишек у кипучего пламени. Так хорошо, будто он получил письмо от Кости.

Но ребята разобрали рюкзаки и ушли. У них была своя дорога. А перед этим они затоптали, засыпали костер. И он умер. Осталось только угольное пятно с низкими сизыми дымками. Кашка торопливо зашагал домой.

Но он не забыл слова, которые пришли к нему у огня:

«Костер как живой, он похож на жар-птицу...»

Это были не простые слова. Они — как строчка из песни. Повторялись и повторялись сами собой. Словно просили продолжения...

С тех пор прошел почти год. Чуть поменьше года. Кашка многое узнал и понял. Он умел теперь находить на карте Москву, Тихий океан, Кубу. И Памир. Мог считать до тысячи (а может быть, и больше, только не хватало терпения). Сам читал книжки, и не только тоненькие, а даже такие, как «Приключения Карика и Вали». Он твердо не верил в чудеса и сказки, потому что знал: их не бывает. Лишь одной сказке, своей, он немножко верил. Верил, что огонь живой. Иначе все непонятно. Если он не живой, то почему рождается, живет и умирает? Почему бывает и веселым и печальным, сердитым и добрым? И почему, когда горит костер, хочется быть к нему поближе?..

В июне Кашку отправили в пионерский лагерь. Собирался Кашка с охотой, но в лагере затосковал. И места, и ребята были чужими, а быстро привыкать и знакомиться Кашка не умел. Он слонялся по лагерю, глотал потихоньку слезы и, когда никто не видел и не слышал, шепотом разговаривал с челотяпиками — Мотоциклистом и Альпинистом. Но они были все-таки челотяпики, а не люди. И сейчас даже зловредному Левке Махаеву Кашка обрадовался бы, как другу. А мимо пробегали незнакомые

мальчишки и девчонки. Иногда окликали Кашку, кричали что-то веселое. Но никто не догадался заглянуть в его тоскливые глаза.

Лишь вечером второго дня Кашка повеселел. Было праздничное открытие лагеря, и на костровой поляне развели большой огонь. Костер примирил Кашку с лагерной жизнью. «Наверно, его будут зажигать каждый вечер»,— думал Кашка. А когда стало известно, что костры здесь редкость и что, может быть, ни одного больше не будет до самого конца смены, Кашка уже почти привык жить в «Синих Камнях», и тоска по дому стала совсем несильной.

А костер все-таки зажгли снова. В честь стрелков — участников турнира. И оруженосец Кашка сел на траву, чтобы смотреть в огонь и думать о жар-птице. Иногда он жмурился, и следы пламени танцевали в глазах, складывались в непонятные рисунки. «Если не открывать глаза, то можно заснуть здесь и, наверно, можно увидеть во сне настоящую жар-птицу»,— подумал Кашка.

Вдруг она в самом деле приснится... жар-птица. Ведь костер... как живой, он похож на жар-птицу. Она... сегодня, наверно, приснится...

Так вот, сами собой и сложились эти слова. Кашка улыбнулся такой удаче, нащупал локтем березовый пенек и привалился к нему.

Гудело пламя, и теплый воздух волнами перекачивался через Кашку. Искры возносились в небо и смешивались со звездами. Звезды мерцали так, как, наверно, мерцают маяки, которые не гаснут. Оранжевая жар-птица плясала на поляне, разбрасывая золотые перья. У нее были красные лапы и зеленые глаза-бусинки...

Спи, пока не гаснут маяки...

Глава пятая

Ребята один за другим уходили с поляны. У огня осталось человек десять. Костер прогорел, головешки стреляли пучками желтых искр и рассыпались на красные кубики. По ним змейками пробегали пепельные тени.

Володя долго смотрел на угли, и, когда оторвал взгляд, в глазах затанцевали зеленые бабочки. Потом они растаяли, и Володя увидел черные березы. Над березами висел тонкий светлый

месяц. Вдруг месяц начал расплываться, и Володя почувствовал, что слипаются ресницы. Больше всего захотелось добраться до постели и залезть под одеяло.

В палатке он включил фонарик и положил его так, чтобы свет отражался от парусинового потолка. Затем стянул рубашку и бросил на матрац. Не на свой, а на соседний. На Кашкин. И только тут сообразил, что Кашкина постель пуста.

Володя был настолько утомлен, что даже не смог разозлиться. «Пусть...— подумал он.— Никуда этот несчастный Кашка не денется...»

Да, но вдруг он все-таки куда-нибудь денется? Забредет в темные кусты и начнет скулить от страха. Или еще что-нибудь... Отвечай потом за него...

Володя чуть не заплакал от усталости и досады. «Чтоб он провалился, этот оруженосец!» Пришлось тащиться к угасающему костру.

Кашка спал у березового пенька. Спал, как на кровати: подложил под щеку ладони, подтянул к животу перепачканные золой колени и, наверно, видел во сне что-то хорошее, потому что улыбался.

Над Кашкой стояла Райка. Она заметила Володю и сказала жалобно и нараспев:

— Позабыли бедного оруженосца. Бросили маленького.

У Володи пропало желание ругаться. При Райке приходилось быть сдержанным и сильным.

— Я думал, он давно в палатке,— объяснил Володя и взял Кашку за плечо:— Вставай.

— Дождик будет...— пробормотал Кашка и заулыбался во сне еще шире.

Райка тихонько засмеялась.

— «Дождик»,— сказал Володя сквозь зубы.— А ну вставай!— Он потряхнул оруженосца покрепче.

— М-м...— ответил Кашка и разогнул одну ногу.

— Безнадежное дело,— вмешалась Райка.— Тащить придется.

— Придется...

Кашка оказался легоньким. Володя нес его на руках, как охапку сухих дров. Кашкины волосы мягко щекотали ему плечо, а ноги болтались и колотили пятками по бедру.

— Спокойной ночи,— сказала вслед Райка.

— Угу...— откликнулся Володя.

В палатке он не очень аккуратно брякнул оруженосца на постель и сдернул с него сандалии. Потом посмотрел на Кашкины штаны. Они были вымазаны сажей и землей. А новые простыни светились, как нетронутый снег. Володя чертыхнулся и начал вытряхивать оруженосца из штанов.

Коричневая куколка выпала из Кашкиного карманчика. Это был деревянный Альпинист.

— Смотри-ка ты...— озадаченно сказал Володя.

Маленький путешественник смотрел на него из-под козырька крошечной фуражки. Но ведь Володя ничего не знал. Он подержал Альпиниста на ладони, аккуратно спрятал его на старое место и опять взялся за спящего оруженосца.

А когда Кашка был наконец уложен, Володя почувствовал, что спать уже не хочется. И вдруг ему стало смешно. По-настоящему смешно. «Рыцарь Фиолетовых Стрел,— сказал он себе.— Рыцарь Пеленок и Сосок. Ну и влип же ты, рыцарь...»

Володя лег поверх одеяла и выключил фонарик. «Провалю завтра всю стрельбу»,— подумал он, однако особого беспокойства не почувствовал.

В палатке звенел одинокий комар. В узкой прорези входа синело ночное небо. Потом туда протиснулся месяц и зацепился за край парусины отточенным рожком. На поляне кто-то подбросил на угли сухие ветки, и в палатке запрыгали рыжие отблески.

И этот комариный звон, этот месяц и отсветы огня да еще легкий запах дыма отвлекли Володю от мыслей о стрелах, о Кашке, о турнире.

Потому что он вспомнил прошлогоднее лето. Вспомнил Белый Ключ. Костры над озерами. Отражение месяца в черной воде. Стрекоз с шестиугольными глазами. Обиды и радости прошлых каникул.

В том году, окончив пятый класс, Володя устроил дома бунт. Когда мама показала путевку с толстощеким лупоглазым горнистом и палатками на картинке, Володя сунул руки в карманы, посмотрел за окно и четко произнес:

— Не поеду.

Он устоял под первой волной упреков, угроз и уговоров. Когда мама сделала передышку, он повторил:

— Не хочу.

— Изверг,— сказала мама.— Эгоист. Я с таким трудом... Вот подожди, придет папа.

Пришел папа, и все повторилось при нем.

В заключение мама попробовала заплакать. Володя держался.

— Может быть, объяснишь, что это за фокусы? — спросил папа.

— Объясню,— сказал Володя.— Объяснить — это пожалуйста. За что я должен мучиться почти целый месяц? В столовую — строим, из столовой — строим, купаться раз в день по пять минут, да и то не всегда. Зато спать по два часа в день — обязательно! За смену это сорок восемь часов. Это двое полных суток, убитых наповал! За что? А палатки только на картинках! Издевательство...

— По его мнению, режим,— это издевательство,— сухо сказала мама и отвернулась. Весь вид ее говорил: «Полюбуйтесь, кого мы вырастили».

Володя зажал в себе шевельнувшуюся совесть и нахально сказал:

— Вы нарочно хотите, чтобы я мучился.

Мама сурово выпрямилась и вышла из комнаты. Папа нерешительно спросил:

— Может быть, тебе уши надрать?

— Пожалуйста,— равнодушно откликнулся Володя.— Это не поможет.

— Чего же ты хочешь?

Володя промолчал. У него была ясная цель.

— Ты же знаешь, что с мамой в Кисловодск нельзя, там санаторий для взрослых. Дома одному — тоже не жизнь.

Володя это знал.

— Уж не хочешь ли со мной на раскопки?

Именно этого Володя и хотел. Больше всего на свете. Но вслух это высказать не решился и неопределенно пожал плечами.

— Вовка, нельзя,— тихо сказал папа.— Не разрешат. В прошлом году у одного из сотрудников дочка заблудилась в песках, и теперь не разрешают детей брать. Специальный приказ по институту. Разве бы я не взял тебя?

Чувствуя предательскую слезу, Володя шепотом попросил:

— Ты скажи, что мне не с кем остаться.

— Тогда меня отстранят.

Это был тупик. Тупик, потому что Володя уже поверил, что в лагерь ему действительно очень не хочется.

— Ну, аллах с ним, с лагерем,— решил папа.— Давай так. Ты поедешь в Белый Ключ.

В Белом Ключе жил дядя Юра, папин друг. Он заведовал там школой. Володя его хорошо знал. Это был сутулый, очень высокий человек, похожий на совхозного механика или бригадира-строителя и ничуть не похожий на школьного директора. Иногда он приезжал в город на разные семинары и совещания, и по вечерам Володя и он с молчаливым озорством резались в шашки. Стук стоял такой, будто шла игра в домино. Проиграв очередную партию, дядя Юра распрямлялся за столом, потягивался и говорил:

— Силен... Ты, Володька, приезжай к нам в гости. С Надеждой познакомишься. Она, брат, тебе не проиграет.— И опять нагибался над доской.— А ну давай...

Знакомство с неизвестной Надеждой не казалось Володе заманчивым, но сейчас выхода не было.

Маме доказали, что Володя не маленький и до Белого Ключа доедет один.

Он действительно доехал благополучно, дал со станции домой телеграмму, быстро отыскал дом дяди Юры, был встречен, накормлен обедом и — заскучал.

Дядя Юра, занятый ремонтом школы, исчез из дома. Надежды тоже не было. Ее бабушка, небольшая старушка сурового вида, погромыхивала в кухне сковородками.

Володя сидел в незнакомой комнате, чувствуя неловкость от своего безделья и от того, что он, кажется, лишний в этом доме. С горькой печалью вспоминал об отвергнутой лагерной путевке.

К счастью, вернулся дядя Юра. Заглянул в комнату и весело приказал:

— Володька! Долой кручину! Обживешься, познакомишься, дело найдешь! А пока шел бы погулял. Поселок посмотришь. Может, с нашими хлопцами знакомство заведешь.

Володя с облегчением ушел из дому. Он двинулся наугад, и улица привела его к большому пруду с берегами, поросшими черемухой и ольшаником. Володя продрался к воде. Он разулся и побрел вдоль берега, отыскивая место, годное для купания. Но везде было топкое илистое дно и угрожающе торчали зеленые клинки осоки.

— Болото,— сказал Володя.

В трясине одобрительно заорали лягушки. Володя плюнул, ушел от пруда и уже другой дорогой вернулся к дому.

На крыльце Володя увидел девчонку. Она остервенело терла мокрой тряпкой ступени. Короткая тощая коса сердито моталась у ее плеча.

«Надежда»,— понял Володя.

Здороваться с незнакомой девчонкой было неловко. А знакомиться с девчонками Володя не умел. Можно было бы тихонько уйти и погулять, пока Надежда моет крыльцо, но Володя не успел. Она его заметила. Быстро глянула на него из-под нависших прядей, отвернулась, выжала над громадным ведром тряпку и снова принялась безжалостно драить половицу.

И нельзя уже было отступать. Смешно. Тогда Володя решил, что пройдет в дом, не сказав ни слова. Не обратит никакого внимания. В конце концов, он не обязан обращать внимание на всяких лохматых злюк. А то, что она злюка, сразу видно. Вон как чешет тряпкой!

Володя сделал равнодушное лицо и зашагал к дому. Широко и независимо. Но у крыльца он все-таки остановился. Желтые мокрые доски просто светились от чистоты. Страшно было ступать на них пыльными подошвами. И чтобы не оставлять лишних следов, Володя решил прыгнуть сразу на верхнюю ступеньку.

И прыгнул.

Это был отличный прыжок. Быстрый такой и красивый. Как у спортсмена-разрядника. Но спортсменам не суют под ноги тяжелые ведра. А ему сунули. Раздался железный грохот и шум воды.

Володя стоял наверху, Надежда на средней ступеньке, а ведро лежало на земле и перекатывалось с боку на бок. По желтым половицам бежали мутные струи.

— Слон,— тихо, но отчетливо произнесла Надежда.

— Я нечаянно,— сказал Володя виновато, но с сердитой ноткой. Он здорово трахнулся о ведро ногой.

— За «нечаянно» бьют отчаянно,— заявила Надежда. Она, кажется, обрадовалась, что можно прицепиться.

А Володя почувствовал облегчение: как-никак знакомство началось. Он объяснил этой девчонке почти дружелюбно:

— Я думал, успею проскочить, пока ты ведро двигаешь.

— За «пока» бьют бока,— неумолимо ответила Надежда. Бросила на Володю сверхпрезрительный взгляд и принялась тряпкой собирать со ступеней воду.

Или у нее были неприятности, или такой дурацкий характер? Распсиховаться из-за пустяка!

Володя плюнул через перила и прислонился к косяку. И усмехнулся.

— Ты что-то все про одно и то же. Все «бьют» да «бьют». Ты, что ли, бить будешь?

— Ладно, топай отсюда,— сказала она, не разгибаясь.

— Захочу — уйду, захочу — не уйду. Не к тебе приехал.

Надежда выпрямилась и глянула на Володю с некоторым интересом. У нее были узкие светлые глаза и белое широкое лицо. Круглое, словно доньшко от кастрюли. Совсем не годилось ей такое лицо, потому что сама Надежда была тонкая, вернее, худая и ростом не маленькая. Наверное, с Володю.

Смотрела она молча секунды три. Потом произнесла чуть нараспев:

— Па-адумаешь! Не ко мне он приехал...

— А вот па-адумай.

— Больно надо. Ходят тут стилиаги всякие... Полуштанник расписной.

Она, видимо, намекала на его шорты с блестящими заклепками и новую рубашку в большую черно-желтую клетку. Ну и что? Не сам же он клепки ставил и клетки малевал! Или, может, ему в лохмотьях надо было приехать? Он даже не разозлился. Растерялся как-то.

— Вот... дура ненормальная.

Она подбоченилась и ехидно спросила:

— А бывают нормальные дуры?

— Бывают,— обрадованно сказал Володя. Теперь он знал, как ответить.— Бывают. Это которые знают про себя, что они дуры, и никуда не суются. А ненормальные считают себя умными. Это вроде тебя...

Трах! Показалось Володе, что с крыши сорвался железный лист и плашмя хлестнул по щеке. Но это не лист! Это была Надеждина ладонь, мокрая и твердая! И в тот же миг Надежда кошачьим прыжком отскочила шагов на пять.

— Слопал блин? Еще хочешь? Ы-ы-ы...— Она выставила язык, свернутый в аккуратную трубочку. Лицо у нее сделалось продолговатым, а глаза совсем спрятались в щелочках белесых коротких ресниц. Вдруг она повернулась и побежала к калитке.

Володя ощутил, как в него наливается холодное и тяжелое,

словно ртуть, бешенство. Он, прищурившись, смотрел ей вслед, а руки его действовали сами собой. Молниеносно отыскивали в заднем кармане рогатку, одним рывком распутали резину. Нашупали в другом кармане глиняный шарик. Володя даже и не думал, что может промахнуться. Он точно знал, что влепит ей твердую глиняную пулю между лопаток, прямо по тому месту, где колотится растрепанный конец тощей косы. И тогда девчонка завертится, взбрыкивая худыми ногами, и завоюет на весь Белый Ключ.

И он бы попал! Но проклятая Надежда споткнулась и полетела носом в лопухи. А шарик свистнул над ней и угодил в корчагу. Эта посудина стояла на перевернутой бочке, сохла после мытья. Получив глиняный заряд, она как-то неловко крикнула. От маленькой черной дырки вверх и вниз разошлись змеистые трещины, и корчага лопнула, как громадная оранжевая почка. Одна половинка осталась на бочке, а другая плюхнулась в траву.

Надежда встала, отряхнула подол и многозначительно сказала: — Т-так...

Володя спустился с крыльца и молча прошел в калитку. Мимо Надежды. Ни на нее, ни на разбитую посудину он даже краем глаза не взглянул, но на душе было тошно. Он подумал даже, что хорошо бы махнуть на все рукой и прямо сейчас, не заходя за вещами, укатить домой.

За станционными березами обрадованно закричал электровоз.

Володя сунул руку в карман и нашупал один пятак и шесть глиняных шариков. В другом кармане было три шарика. В третьем... В общем, карманов было много, а денег — пять копеек. Остальные лежали в чемоданчике, а он стоял в доме.

Володя почти час бродил по улицам Белого Ключа. Они заросли подорожником и одуванчиками. Даже в пыльных колеях упрямо торчали острые травинки. Было тихо и пусто. Прохожие встречались редко-редко. Только по тропинкам вдоль заборов сновали деловитые коты, а по дороге вереницами ходили белые утки.

На плетнях висели рыжие блестящие кринки и напоминали Володе о неприятности с корчагой. На одну из кринок неизвестно откуда взлетел тощий петух. Потоптался на шатком доньшке, наклонил голову и одним глазом укоризненно уставился на незнакомого городского мальчишку: «Ага! Значит, это ты бьешь посуду из рогатки! Ну-ну...»

— Пошел вон, дохлятина, — сказал ему Володя.

Петух оскорбленно заорал, захлопал крыльями и свалился в лебеду.

Улицы поселка сходились на площади. Впрочем, это место лишь называлось площадью, а на самом деле там был невысокий зеленый бугор. На нем росли редкие, наклонившиеся в разные стороны березы, а на самом верху стояла большая красная церковь без креста. Володя подошел и увидел синюю вывеску: «Клуб».

По обеим сторонам каменного крыльца стояли фанерные щиты для рекламы. На правом белела новая афиша: «Концерт артистов областной филармонии. Ю. Жаров, С. Шалимов, П. Пяткин — эстрадное трио. Л. Чарский — оригинальный жанр. А. Якоби — песни советских и зарубежных композиторов...»

Все это было совсем неинтересно. Володя вздохнул и повернулся к левому щиту. Щит был пуст. На некрашенной фанере кто-то размашисто написал мелом: «Антипов! Когда кино привезешь?» А пониже виднелись нацарапанные кирпичом слова: «Антип — нахальный тип». Буквы были неровные. Видно, тот, кто писал, торопился ужасно.

Хорошо, когда надо торопиться. А Володе спешить было некуда. Хоть совсем не возвращайся в дом, где живет вредная лунолицая девчонка... Но он вернулся. Очень захотелось есть, да и все равно весь день бродить не будешь.

Он пришел в самый неподходящий момент! Во дворе разбирался вопрос о разбитой корчаге. Разбирала его бабушка. Надежда сидела на крыльце и равнодушно смотрела поверх забора. Дядя Юра у дверей сарая насаживал топор на топорище и внимательно слушал бабушкину речь.

— Корова бессовестная, неуклюжая! Глаза бы мои не глядели,— громким плачущим голосом говорила бабушка, но лицо ее было не жалобным, а суровым.— В чем я тесто буду ставить, а? Ну, в чем? А, молчишь? Нечего глазищами-то по небу рыскать, отвечала бы лучше! Думала, угощу мальчонку пирогом, а тут вон чего!

«Не до пирога уж, быть бы живу»,— отметил про себя Володя. Он остановился в калитке, с опасением глядя на сердитую старушку.

— Обойдется он без твоего пирога,— сказала отвратительная Надежда и зевнула.

— Обойдется! Это ты обойдешься! Где я такую посуду найду?

Ее и в городе теперь не сыщешь! — Бабушка горестно склонилась над черепками. — Большая да крепкая была...

— Крепкая... — с презрением бросила Надежда. — Чего ж она с одного щелчка развалилась?

— Со щелчка! — вскипела бабушка. — Голову бы свою щелкала такими щелчками. Разбила и сидит, будто и дело не ее!

— Если кто-то думает, что я буду рыдать из-за разбитого горшка, так это просто смех, — сказала Надежда.

— Горшка! — ахнула бабушка.

— Ну и фрукт же ты, Надежда, — подал голос дядя Юра. — Возьму я в одну руку твою косу, а в другую этот веник...

Надежда стрельнула глазами в его сторону и слегка напружила ноги.

— Если кто-то думает, что меня можно догнать, так это просто смех.

— А если кто-то думает, что пойдет сегодня в клуб на концерт, так это просто хохот, — заключил дядя Юра.

— Ну и ладно, — заговорила Надежда. — Подумаешь! Больно мне надо всяких фокусников смотреть... Будто я нарочно ее разбила! Ну и ладно, идите сами в свой клуб.

«Кислое дело, — подумал Володя. — Ждать дальше некуда».

Вздыхнув про себя, он оттолкнулся плечом от калитки и заговорил:

— Врет ведь она, дядя Юра. Эту посудину я расколотил.

Дядя Юра воткнул насаженный топор в чурбак и распрямился.

— А, вернулся, — сказал он. — Ну как погулял?

— Нет, в самом деле я, — повторил Володя. — Из рогатки нечаянно. Я хотел в нее попасть. — Он мстительно кивнул в сторону Надежды. — Прицелился, а ее угораздило на ровном месте запнуться.

— Ишь ты, какое дело, — с интересом сказал Дядя Юра. — А чего вы не поделили?

— Да так. Ерунда...

— Все одно, через нее это, — вмешалась бабушка. — Кто же это в хорошего человека станет из рогатки пулять?

Надежда поднялась и гордо ушла в дом.

Идти вечером в клуб она отказалась. Володя подумал и тоже не пошел. На концерт отправились дядя Юра и мать Надежды, которая вернулась с дежурства на почте.

Бабушка заняла у соседей корчагу и заводи́ла на кухне тесто.

Володя вышел на крыльцо, не зная, куда себя девать. Надежда кормила кур. Она покосилась на Володю, хмыкнула и сказала:

— Заступник какой... Цып-цып-цып, жрите вы, прорвы... Больно мне надо, чтоб за меня заступались. Кажется, я никого не просила вмешиваться...

— Я не ради тебя вмешался, а ради собственной совести,— внушительно сказал Володя.

— Па-думаешь! Ради совести!

— Ты па-думай. Полезно,— ядовито предложил он и с беспокойством вспомнил, что разговор днем начинался так же и кончился печально. «Фиг с тобой,— решил Володя.— Буду молчать».

Надежда вдруг разогнала кур и сказала:

— Айда на пруд. Искупаемся.

— Мне не жарко,— сухо ответил Володя.

— Простудиться боишься?

— Да где там у вас купаться? Трясина кругом!

Он думал, что Надежда опять разозлится. Но она миролюбиво объяснила:

— Ты не туда ходил. Надо к плотине. Там вода прозрачная и дно с песком. Пойдешь?

— Ну, пойдем.

Они шагали сначала молча, а потом завели отрывистый, но уже не сердитый разговор: «В этом доме у нас библиотека». — «Хорошая?» — «Да так...» — «Тихо у вас». — «Здесь не город». — «Конечно». — «Сейчас к тому же все в клубе». — «Ты зря не пошла». — «А ты?» — «Не хочется». — «И мне...»

В конце пути уже позабылась ссора, и Володя подумал, что Надежда — девчонка не плохая, только характер у нее не очень.

Было около семи часов вечера. Солнце стояло еще высоко и до дна просвечивало зеленую воду. На дне тускло блестели песчинки. Вода сонно ворчала под плотиной и, пробившись через нее тонкой струйкой, прыгала в заросшее русло ручья. Пахло сырым деревом и разогретой травой. Кусты обступили пруд вплотную, и в этой зеленой тишине хотелось почему-то говорить шепотом.

— Можно с берега заходить или с плотины прыгать,— вполголоса заговорила Надежда.— Наши мальчишки прыгают с плотины. Только там опасно: колья торчат.

«Надо же! «Наши мальчишки!»!» — подумал Володя. Он раз-

делся и пошел на середину плотины, цепко ощупывая босыми ступнями шершавые бревна. Надежда торопливо сказала вслед:

— Мне неохота в воду лезть. Я сегодня три раза купалась.

Володя остановился над водой. Глубина казалась порядочной. Коля, торчащие со дна, были отлично видны. Володя присел, распрямился и по дуге ушел в воду.

На глубине он открыл глаза. В мутно-зеленом сумраке колья чернели, как костяк громадной рыбы. Поверхность воды снизу казалась блестящей и непрозрачной. Володя пробил ее головой и неторопливо поплыл к берегу. Выбрался и запрыгал на крохотном песчаном пятачке, чтобы вытряхнуть из ушей воду. Ресницы были мокрые, и Надежду он видел расплывчато, будто сквозь стекло, залитое дождем.

— Хорошая вода,—сказал Володя.—Только болотом отдает немного.

— Мы привыкли... Зато здесь рыба водится. Наши мальчишки все время рыбачат... А в городе река большая?

— Конечно. У нас же судоверфь громадная.

— Поглядеть бы, а?—как-то по-хорошему, доверчиво сказала Надежда.

— Разве ты никогда в городе не была?

— Была, конечно. Только все как-то мельком. Ну, в театр, в музей сходишь, и домой пора...

— Ты приезжай,—предложил Володя и сел рядом.—У нас теперь летний трамплин построили. Планетарий скоро откроют. Пристань новую строят, чтобы танкеры с нефтью принимать. Это тебе не музей.

— Я постараюсь,—пообещала она.—Только тут у нас тоже места хорошие. Вот увидишь.

— А почему такое название — Белый Ключ?

— Скала есть за поселком. Она не совсем белая, но светлая. Светло-серая. Рядом родник. Вот и название такое, старинное. Потом ходим туда, если хочешь.

— Сходим...

Жизнь как будто налаживалась. Все теперь нравилось Володе: и тишина, и пруд с россыпью солнечных бликов, с зеленой тенью у плотины, и притихшая Надежда, и даже болотный привкус теплой воды.

Затрещав слюдяными крыльями, прилетела стрекоза и села Володе на локоть. Она была блестящая, красная, с оранжевыми крапинками на крыльях.

— Смотри-ка ты! Никогда таких не видел,— удивился Володя.— Черных видел, голубых, зеленых, а таких—ни разу.

— У нас их сколько хочешь,— оживилась Надежда.

Держа локоть со стрекозой на весу, Володя разглядывал эту живую модель аэроплана.

— Ну и глазищи... Смотри, в них солнце отражается.

— Ага,— отозвалась Надежда.

— Ты погляди, оно не кружками отражается, а шестиугольниками. Знаешь, почему?

— Ой, верно! Почему?

— У нее каждый глаз из мелких глазков состоит. Как будто из ячеек таких шестиугольных. Вот и отражение такое. Это мне один семиклассник рассказывал, Борька Тимофеев. Он в нашем доме живет.

Надежда молчала. Она прислушивалась. Володя снова перевел взгляд на стрекозу и тряхнул рукой.

— Старт!

Крылатая гостья с треском ринулась в полет.

— Стрекоза—шестиугольные глаза...—с усмешкой сказал ей вслед Володя.

И услышал:

— Вранье это...

Голос Надежды был злой и скучный.

Она стояла теперь и враждебно смотрела на Володю сверху вниз.

— Врет твой Борька Тимофеев!— громко повторила она.— И ты врешь! Думаешь, из города приехал и можешь про что хочешь трепаться?! Звонарь несчастный!

Она по-кошачьи отпрыгнула и скрылась в кустах, только ветки закачались. Володя ошарашенно посмотрел на эти ветки и запоздало крикнул:

— Пиявка тебя, что ли, укусила?!

Особой злости он не почувствовал. «Дикая какая-то,— решил он.— Не поймешь, с чего взорвалась. Ну ее...»

Уходить от пруда не хотелось. Он посидел еще полчаса, просто так, ни о чем особенном не думая, а потом оделся и лениво побрел к дому.

...На полпути он встретил тех, которые хотели его бить.

Они шли сомкнутой шеренгой. Володя почувствовал смутную тревогу и на всякий случай свернул к забору. Но они, тоже будто случайно, перешли с дороги к самому краю улицы. Больше вилить было нельзя: и неловко, и бесполезно. Володя вздохнул, принял беззаботный вид и неторопливо двинулся навстречу опасности.

Опасность состояла из четырех человек. В середине шагали двое мальчишек Володиного возраста или чуть постарше. Один, белобрысый и толстогубый, был в голубой майке, прожженной на животе, и в обтрепанных лыжных штанах. Он показался Володе добродушным и не очень опасным. Зато второй, высокий темно-волосый мальчишка, отутюженный и стройный, как граф Монте-Кристо, не понравился Володе совершенно. Он шел, лениво покусывая какой-то трубчатый стебель, и, кажется, смотрел на Володю с холодным любопытством. Будто на бабочку для коллекции, для которой уже готова булавка.

По сторонам от этих двух шли пацаны поменьше. Оба рыжие, но не одинаковые. Один — с волосами медно-красного оттенка, толстощекий и коренастый. Второй — золотисто-желтый, с большим, как полумесяц, ртом и длинными, тонкими, словно бамбуковые удочки, ногами.

В голове у Володи совсем некстати запрыгали строчки забытого стихотворения:

Четверка дружная ребят
Идет по мостовой...

Дружная четверка приближалась с неторопливостью уверенного в удаче хищника. Володя тоже не спешил. Но все-таки они двигались, и наконец остался промежуток всего в пять шагов. Тогда «граф Монте-Кристо» сказал:

— Стой.

Неизвестно, кому он скомандовал: своим ребятам или Володе. Остановились все.

Белобрысый мальчишка в прожженной майке ощупал Володю светло-голубыми глазами и неторопливо спросил:

— Это ты, что ли, к Веткиным из города приехал?

Володя постарался спрятать за насмешливым тоном острую настороженность.

— Я, что ли... А что?

— Мы тебя сейчас лупить будем,— сообщил «граф».— Если у тебя оправдания какие-нибудь есть, давай говори.— Голос у него был басовитый и мрачный.

Оправданий Володя не имел. Был у него только вопрос:

— За что?

— Ты ваньку не валяй,— сказал «граф».— Смотри, Юрка, он будто и не знает.

Голубоглазый Юрка спросил в упор:

— Ты Надьку зачем задеваешь?

«Ябеда, предательница!» — подумал Володя и ответил:

— Что-то не помню.

— Ну, сейчас припомнишь,— пообещал Юрка. Рыжие адъютанты выжидательно глянули на своих командиров: «Уже начинать?»

«Туда же, малявки», — беззлобно подумал Володя.

Сзади была пустая дорога, и Володя знал, что никто его не задержит и никто не догонит. Но бежать по улице и думать, что, может быть, из каждого окна с насмешкой и любопытством смотрят на это незнакомые жители Белого Ключа!

А не бежать — излупят.

— Когда я ее задевал? — хмуро спросил он.

— Он ее утром два раза бил и вечером один раз. И стрелял из рогатки, — доложил Юрке медноволосый. При этом на Володю он не смотрел и жевал большое желтое яблоко. Интересно, где он достал такое яблоко в июне?

— Вранье же это, ребята! — самым искренним тоном сказал Володя. — Ну зачем я ее бить буду? Только из рогатки один раз, да и то мимо. И она же первая виновата!

— Гляди, как выкручивается! — сказал тонконогий мальчишка голосом писклявым и беспощадным.

Юрка втянул воздух и решительно поддернул штаны, давая понять, что разговор кончен.

— Четверо на одного? — спросил Володя и подбоченился. Не для фасону, а для того, чтобы легче было скользнуть правой ладонью в задний карман.

— А че? — поинтересовался «граф». — Нельзя?

— Даже семеро, — сказал Володя. — Вон еще к вам пополнение ползет.

Хитрость удалась. Они оглянулись, и Володя успел отскочить еще шагов на пять. А когда разозленные мальчишки разверну-

лись для нападения, он уже стоял с растянутой и наведенной рогаткой. Он знал, что делает, но выхода не было.

— Ну? — сказал он, переглатывая от волнения. — Что встали? Давайте! Я успею выстрелить два или три раза. Два — это точно. Врежу между глаз без промаха. Так что двое — сразу с копыт. А с остальными видно будет.

— А если смажешь? — неуверенно спросил «граф».

Остальные промолчали, беспокойно поглядывая на Володино оружие.

— Ты, рыжий, подбрось яблоко, — резко сказал Володя.

— Зачем?

— Подбрось. Успеешь еще сжевать. Выше бросай.

Хозяин яблока вопросительно глянул на Юрку, но тот не отрывал взгляда от рогатки.

— Ну, бросил... — Яблоко темным мячиком взлетело в вечернее небо.

Резина щелкнула с резкостью пастушьего кнута. «Мячик» в небе дернулся, и от него отлетел осколок. Потом яблоко упало на дорогу, и четверо мальчишек бросились к нему.

Володя обошел их и зашагал к дому, на ходу перезаряжая рогатку. Он шел и очень боялся услышать за собой топот. Но топота не было.

Надежда оказалась дома и вела себя так, будто ничего не случилось. Расспрашивала родителей про концерт и жалела, что пришлось им смотреть такую сонную дребедень. Улыбалась Володе, когда ужинали, и подливала ему в кружку холодного молока.

— Все в порядке? Дипломатические отношения установлены? — спросил дядя Юра.

— На высшем уровне, — сказал Володя.

Надежда улыбалась.

— Слушай, Надя, — сказал Володя, — есть тут такой Юрка. Ходит в майке с дырой на пузе. Как его фамилия?

— А, это, наверно, Перевозчиков, — невинным голосом откликнулась Надежда. — А что?

— А ничего, — нежно сказал Володя. — Привет тебе от него.

Перед сном он вышел за калитку, сдернул с рогатки резину и забросил ее в крапиву. Потом зажал в кулаках гладкие деревянные рожки и рванул их в разные стороны. С громким хрустом

рогатка разломилась. Это было очень грустно, однако ничего другого сделать Володя не мог. Еще в прошлом году, когда появилась опасность, что Большая Игра перерастет в Большую Войну, Володя вместе с другими мальчишками пообещал, что не поднимет рогатку ни на человека, ни на зверя, ни на птицу. Это случилось на берегу ручья, когда Сережа Вересов поднял с земли своего белого почтаря, перемазанного кровью, и, ничуть не скрывая слез, сказал:

— Сперва в голубей стреляете, потом в людей будете? Фашисты...

Вот после такого случая обе стороны и приняли «Закон об оружии».

А сегодня Володя нарушил этот закон дважды...

Утром Володя вышел на улицу.

Больше всего на свете в любых делах он не терпел неясности. Поэтому все неприятные вопросы старался решать как можно быстрее. Жить так было спокойнее и проще.

Сейчас его беспокоила мысль о здешних мальчишках. Драться с ними со всеми он не мог. А жить здесь целый месяц и прятаться все равно нельзя. Глупо это. Хуже всего именно то, что это глупо и смешно. Через несколько дней все ребята со смехом будут говорить, что в доме Веткиных живет новый мальчишка, которого надо поймать и отлупить. Многие даже не спросят, зачем это надо.

Может, и не поймают, но от насмешек все равно не скроешься, а они страшнее кулаков...

Володя шел серединой улицы, зорко поглядывая по сторонам. Он ступал неторопливо и твердо, как человек, уверенный в своей безопасности.

Но улица была пуста.

Лишь на следующем квартале он увидел первого местного жителя. Житель этот, лет пяти или шести, в длинных, разлохмаченных внизу штанах и голый до пояса, сидел на верхнем бревне золотистого нового сруба. Он был погружен в мысли.

— Эй! — окликнул Володя. — Ты там что делаешь?

— Сижу, — последовал ответ.

— Высоко там у тебя?

— Ага.

— А дом, где Юрка Перевозчиков живет, тебе видать оттуда?

— Его откуда хочешь видеть,— сообщил местный житель.— Вон он, ихний дом, с ведром на трубе.

— Ясно.— Володя направился к дому с ведром на трубе.

— Драться будете?— оживился малыш. Видно, он был в курсе дела.

— Там посмотрим,— откликнулся Володя.

— Я отсюда буду глядеть,— сообщил мальчишка.

Володя двинулся вдоль низкого, сколоченного из березовых жердей забора и неожиданно увидел во дворе Юрку. Тот вытаскивал из сарайчика рогатые деревянные козлы, на которых пилят дрова. Юрка тянул их за «рога», и козлы упирались нестругаными ногами, как живой упрямый козел.

Володя взялся за березовую жердь и махнул через ограду. Юрка воевал со зловредным деревянным зверем и ничего не заметил.

Володя остановился у него за спиной.

— Привет,— сказал он.

Юрка обернулся, медленно разгибаясь и опуская руки. Он улыбался растерянню и даже виновато.

— Здорово...— наконец ответил он.— Ты как это... не через калитку.

— Да так вот. Через забор,— не отвечая на улыбку, объяснил Володя.— Поговорить надо. Время есть?

— Да... есть...

— Ну вот... Тогда послушай,— начал Володя, старательно подбирая слова.— Я здесь буду жить целый месяц. Драться с вами мне неинтересно. Вас много... Я не боюсь, но получится плохо: вы меня каждый раз станете разделять так, что будь здоров. Приеду я такой разукрашенный домой... Ну что я нашим ребятам скажу? Они же не поверят, что тут все на одного нападают, потому что они до сих пор про такое свинство не слышали. В общем, если хотите, давайте один на один. По очереди.

Во время этой речи Юрка неуверенно моргал и все время хотел что-то сказать. А когда Володя кончил, он опять растянул в улыбке толстые губы и махнул рукой.

— Да брось ты это... Мы же просто так. Мы сперва не тебя, а Надьку бить хотели, а она повстречалась и разнылась. Говорит, мне от приезжего Володьки и так досталось, а тут еще вы. Говорит, заступились бы лучше... Мы и пошли заступаться. Ее-то мы всегда отлупить успеем.

— А за что? — с облегчением спросил Володя.

— За многое, — сказал Юрка и снова яростно вцепился в деревянного зверя.

— Подожди, — вмешался Володя. — Надо набок повернуть, а то не пролезет. Давай... А, черт, по ноге въехало. Вчера этим же местом об ведро треснулось...

Юрка, поднатужившись, притащил березовое бревнышко, принес из сарая пилу. Одну ручку пилы начал приматывать к старой диванной пружине, прибитой к стене.

— Техника, — объяснил он с неловкой усмешкой. — Может, полегче будет.

— Еще не пробовал?

— Не пробовал. Вчера только придумал.

— Ну и плюнь на эту технику. Ничего не выйдет. Я дома тоже устраивал. Все зря.

— Разве у вас дома тоже печка есть?

— Раньше была. Потом новую квартиру получили, с батареями.

— Да еще небось газ? А тут, чтоб обед сварить, и то пилишь, пилишь...

— А ну, давай, — сказал Володя.

Пилили молча. Тайком испытывали силу друг друга. Когда бревно распалось на два чурбака, Юрка заметил:

— А стреляешь ты классно.

«Отстрелялся теперь», — подумал Володя. И сказал:

— Тренировка.

— Долго тренировался?

— С прошлого года... Игра такая была. У нас в квартале три дома, и наш как раз посередине. А из тех домов ребята против нас были. Им между собой надо связь держать, а мы не даем. Тогда они придумали бутылки с записками по ручью пускать. Есть позади домов овражек с ручьем. Сначала еще почтовых голубей посылали, да не вышло, вот они и придумали эти записки. А с нашей стороны к ручью не подойти: берег высокий и скользко. Весна была. Тогда и пришлось нам тренироваться: бутылки в воде расстреливать...

— Ловко, — одобрил Юрка. Покатал ногой березовый чурбак и спросил: — Ты на наших озерах не был?

— Нигде я еще не был...

— Завтра пойдем, — предложил Юрка. — У нас маленький бреде-

шок есть. Он самодельный, из мешковины, да ничего, таскать можно. Караси с тарелку попадают...

И в эту секунду, наверно, волшебник, который командует временем, сорвал какую-то пружину. Время рванулось и понеслось, как лыжник с трамплина. И когда Володя вспоминал потом Белый Ключ, ему казалось, что все события произошли за один день, только день был долгий. И вспоминалось все не по порядку: стук дождя по перевернутой лодке; костры и маленькие золотые караси; месяц, тоже похожий на золотого карасика; вечерние улицы поселка и стремительный бег по огородам — игра в разведчиков; хохот в полутемном клубе: кинемеханик Антипов пустил ленту задом наперед; звонкие удары по мячу; хрипловатый шепот Кольки Пальмина — «граф» рассказывает на сеновале страшную историю... И опять костры, отражение месяца, черные вершины леса...

И Надежда.

Была она какая-то разная. То гоняла футбол с мальчишками и ходила на рыбалку, то вдруг вскипала не из-за чего и, отругав ребят, убегала домой. То вдруг начинала жаловаться Володьке на остальных мальчишек и на свою скучную жизнь. А потом опять как ни в чем не бывало мчалась вместе со всеми в клуб, чтобы захватить в кинозале места получше. А когда помогали ремонтировать школу, взяла и вдруг мазнула Володю по щеке голубой масляной краской. А кисть была большая, шириной в ладонь...

И все-таки Володя вспоминал об этой девчонке без обиды. Попрощались они хорошо, и Надежда шепотом попросила:

— Ты еще приезжай...

А осенью он получил письмо:

«Здравствуй, Вовка!

Ты не сердись, что я все время ссорилась, ладно? Это я из-за Катьки. Она такая дура. Я боялась, что она смеяться начнет, что мы все время вместе. Помнишь, когда мы на пруду сидели, когда ты только приехал, я разозлилась и убежала. Это я Катькин голос в кустах услышала и думала, что она следит за нами. Это глупо, конечно. Надо было ее отлупить, вот и все. А когда ты уехал, я шла со станции и Катьку встретила. Я думала, она смеяться будет, что я тебя провожала, а она стала

вздыхать и говорит, что хорошо, что ты уехал, а то она боялась в тебя влюбиться. Вот дура! Верно? Без тебя скучно. Ты приезжай на будущий год, все ребята про тебя спрашивают, и я говорю, что приедешь...»

Это было такое письмо, будто и не девчонка писала. Без хитрости и ужимок, честное. И Володе вдруг до чертиков захотелось опять в Белый Ключ. Больше всего на свете захотелось. Если бы его тогда спросили, куда он больше хочет: в кругосветное путешествие или в Белый Ключ, он бы, наверно, махнул рукой на кругосветное путешествие.

Володя дочитал письмо и засмеялся. Он подумал, что даже не помнит, что это за Катька, о которой пишет Надежда.

А поехать на будущий год в Белый Ключ не удалось. В мае у Надежды умерла бабушка, и, конечно, Веткиным было не до гостей.

Володя уехал в лагерь «Синие Камни». Он оказался здесь впервые, и ему даже понравилось. Лагерь был небольшой. Никто не гонял ребят строем в столовую и на прогулку. Никто строго не следил, чтобы спали в тихий час. По-настоящему запрещалось только то, что действительно было опасно: купаться в одиночку и уходить далеко в лес. Река крутила воронки, а лес чем дальше, тем делался глуше и темнее.

Воспитателей в отрядах не было, были только вожатые. Жизнь у них оказалась нелегкая, и, наверно, поэтому особых развлечений придумать они не могли. Но от скуки никто не страдал, потому что на лагерь накатывали «волны».

И последней накатила стрелковая волна.

Глава шестая

Ночью во сне Кашка сбросил одеяло. А утром из росистой травы скользнул в палатку холод и разбудил оруженосца.

Вздрагивая, Кашка натянул одеяло до носа и стал смотреть на парусиновый потолок. Солнце светило сквозь кусты и отпечатаало на палатке запутанный узор ветвей и листьев. Потом на ветке появилась озорная тень воробья. Покачалась и улетела. Это было совсем как кино.

Кашка полежал, согреваясь, откинул одеяло до плеч и повернулся к Володе.

Володя крепко спал, разбросав худые коричневые руки. Кашка подполз на коленках и наклонился над своим командиром.

Сейчас командир не казался таким взрослым и суровым. У него тихо вздрагивали ресницы, а припухшие губы чуть открылись, и лицо было немножко жалобным.

«Он хороший, только он вчера рассердился»,— решил Кашка. Но тут его взгляд упал на стрелы. Оперенные хвосты стрел пучком торчали из-под Володиной подушки. Повыше перьев на фиолетовых древках краска была соскоблена, и дерево желтело неровными полосками. Кашка поежился и торопливо отполз к своей постели. Все вспомнилось...

Но ведь Володя не прогнал его все-таки. Он даже и не ругался почти. И у костра остаться разрешил. У костра было так хорошо... Да, а что случилось потом? Кашка помнил только танцующий огонь и горящие искры в небе...

Он посмотрел на свою одежду, аккуратно сложенную рядом с подушкой. Никогда он так ее не складывал...

Володя зашевелился, повернулся на бок, сунув ладонь под щеку, и улыбнулся, не открывая глаз.

Кашка тоже улыбнулся и выбрался из палатки.

Роса уже высохла, но было еще прохладно. Кашка затанцевал и задергал плечами, однако за одеждой не вернулся, побоялся разбудить Володю.

Рыцарский стан мирно спал под утренним солнцем. Чтобы согреться, Кашка пробежался по кругу. У входа в палаточный городок, привалившись друг к другу, бессовестно дрыхли часовые.

Из центральной палатки вылез заспанный горнист Алешка Званцев в картонной мушкетерской шляпе и красной ситцевой мантии. На изнанке мантии были заметны следы меловых букв: «ДОБ... ПОЖ...» Алешка сердито глянул на малька-оруженосца, расставил босые ноги и хрипло затрубил.

Часовые ошалело вскочили и вытянулись.

Начинался турнирный день.

Сначала слышалось повизгивание блоков, потом из-за кустов появлялся олень. Он пересекал поляну и через несколько секунд скрывался в чаще.

Красный фанерный олень... Он скользил по проволоке ровно

и не так уж быстро. Попасть было нетрудно. Однако с первого выстрела Володе не повезло.

Нет, он не промахнулся. Фиолетовая стрела красиво ударила в длинную оленью шею. Она пробила фанеру насквозь и осталась торчать, покачиваясь вместе с оленем. Выглядело это великолепно, и над кустами вознесся восторженный рев болельщиков. Но Володя-то знал цену этому выстрелу!

Он целился не в шею! Глупо было бы рисковать ради красивого попадания. Володя хотел вогнать стрелу прямо в корпус, но она скользнула выше и лишь случайно воткнулась в тонкую шею оленя. Это было все равно что промах. По крайней мере для Володи. Уверенность ушла от него, и, взяв из рук оруженосца вторую стрелу, Володя уже не знал, попадет ли она в цель.

Обидно! Если бы это случилось раньше, когда еще стреляли по круглым мишеням, Володя бы и не переживал. Ну, проиграл и проиграл. Победа казалась тогда еще и далекой и недоступной. Райка успела выпустить одиннадцать стрел и выбила восемьдесят шесть очков. А Юрка Земцов, совсем неожиданно, восемьдесят пять. Догнать их казалось невозможным. Но Володя потом догнал. За счет скорости. Он шел очко в очко с хладнокровной, не знающей промаха Райкой. И поэтому волновался. Если бы отставал — наплевать. Если бы обогнал — значит, и переживать нечего. Но сейчас все решал олень, решали последние выстрелы. И тут дрогнула рука.

Вторая стрела вообще не задела оленя. Зрители растерянно запереговаривались.

«Мазила косорукий. Мусорщик, а не стрелок», — обессиленно обругал себя Володя.

Ему не нужны были почести победителя. По крайней мере сейчас он чувствовал, что не нужны. Обидно было другое: проиграть в последний момент, проиграть из-за того, что стали противно вздрагивать локти и пропала точность, словно лук стал чужим, а расстояние до мишени неизвестным.

«Псих», — сказал он себе, но это не помогло.

Володя потянулся за третьей стрелой и увидел глаза Кашки.

Кашка нес свою службу исправно и неустомимо. Помогал менять мишени, ловко подавал на растопыренных пальцах стрелы, а когда кончалась очередная стрельба, не дрогнув, бросался собирать их в зарослях шиповника и крапивы. Он маши-

нально расчесывал изжаленные ноги, машинально жевал принесенные из столовой бутерброды и не слышал ничего, кроме упругих щелчков спущенной тетивы, шороха стрел, ударов жестяных наконечников о мишени да еще шелеста травы, если стрела пролетала мимо цели.

И только одного хотел Кашка в тот день: чтобы как можно меньше Володиных стрел шелестело в траве.

Когда в руках у Володи растягивался длинный тонкий лук, в Кашке тоже что-то натягивалось и дрожало. А когда щелкала тетива, Кашка вздрагивал, и сердце у него срывалось. И в тот короткий миг, пока стрела летела к цели, он много раз успевал повторить про себя: «Попади! Ну попади же! Попади обязательно!» И когда стрела вдруг не слушалась, Кашка смотрел на Володю растерянно и удивленно: «Почему она так?»

Но Володя не видел лица оруженосца. Весь день он видел только его маленькие растопыренные пальцы с фиолетовыми стрелами. Пальцы, которые в нужную секунду подносили стрелу. Ничего другого и не было нужно Володе.

А Кашке было нужно многое, только он сам не догадывался об этом. Ему нужно было, чтобы Володя хоть мельком взглянул на него и вполголоса сказал: «Молодец, Кашка». Или, может быть, взял бы его за плечо и шепотом спросил: «Не устал?» И тогда бы Кашка отчаянно замотал головой и, крикнув: «Не... Нисколечко!», еще быстрее ринулся бы в колючие джунгли за стрелой, случайно пролетевшей мимо цели.

Но Кашка не догадывался, что ему этого хочется. Это желание было где-то позади другого, самого главного, которое называлось «Володина победа». И Кашка был уверен, что Володя станет чемпионом, он обязательно скажет: «Мы с тобой молодцы, верно?» Скажет негромко, чтобы слышали только они двое. Так почему-то казалось Кашке.

«Попади! Ну попади же! Попади обязательно!»

Каждую стрелу он провожал этим заклятием. И губы у него шевелились. Но вслух Кашка не сказал ни слова. Разве можно говорить под руку!

Он видел, что дела у Володи идут неплохо, и знал, что победу решит олень. Он, кажется, один из всех, кроме Володи, почувствовал неладное, когда стрела вонзилась оленю в шею.

Когда вторая стрела, не задев оленя, ушла в заросли, Кашка впервые с досадой подумал: «Не могли уж расчистить место как следует. Царапайся опять...» Но эта посторонняя мысль скользнула, не оставив следа. И вместо нее пришла тяжелая, ноющая тревога.

«Что же ты делаешь!» — думал Кашка, с отчаянием глядя на Володю.

А Володя смотрел вслед улетевшей стреле, и руки у него были опущены. Лук, зажатый в левом кулаке, висел, как коромысло.

Завизжали блоки, и олень задом наперед проехал на старт. Володя тряхнул плечами и повернулся, чтобы взять третью стрелу.

Вот тогда он и увидел глаза оруженосца.

«Володя, не надо! Не стреляй мимо! — умоляли они. — Целься как следует. Ну пожалуйста! Ты же можешь, Володя!»

«Ну, чем тебе помочь?» — спрашивали Кашкины глаза.

«Ох и умотался ты, бедняга», — с неожиданной жалостью подумал Володя. Впервые за сегодняшний день он как следует разглядел Кашку. На щеке оруженосца от уха до подбородка алела свежая царапина. Волосы растрепались, рубашка у ворота порвалась, одна ляпка была оторвана и обмотана вокруг пояса, а штаны сбились на сторону, так что боковая застежка оказалась где-то на животе. И ноги в ссадинах, синяках и белых полосах расчесов.

«Досталось тебе, Кашка, верно?»

Но Кашка молча просил об одном: «Целься как следует. Попади, попади в оленя!»

«Попробую», — глазами ответил Володя.

Опять визгливо запели в кустах блоки: олень пошел пересекать лужайку.

«Не было ничего, — сказал себе Володя. — Не было тех двух стрел. Все сначала».

В самом деле, что случилось? Или лук ему дали другой, или мишень сделалась крохотной, или он вдруг сразу разучился стрелять? Ерунда какая!

Олень был уже на виду. Володя аккуратно вставил тетиву в прорезь стрелы и выстрелил навскидку. Он был уверен, что стрела воткнется точно в середину фанерного туловища, чуть пониже круглого сучка, который проглядывал сквозь краску.

Стрела ударила выше сучка, но это уже не расстроило и не обескуражило Володю.

Остальные семь стрел он выпустил спокойно, как на тренировке. И каждый раз олень уносил стрелу с собой. Только одна, последняя, улетела в кусты. Она прошла выше цели и отбила отросток оленьего рога. И хотя живому оленю такой выстрел не принес бы особого вреда, здесь, на турнире, это попадание все равно засчитывалось.

Юрка Земцов смазал по оленю четыре раза, и все теперь зависело от того, как станет стрелять Райка. Володя был уверен, что она ни одну стрелу не истратит зря. Значит, он проиграл. Мысль эта стала прочной, и Володя следил за Райкой без напрасного волнения.

Райка стреляла с красивой небрежностью. Она не растягивала лук до конца и бросала стрелы с «навесом», по дуге. Они ударяли не сильно, даже не всегда втыкались, но каждый выстрел был очень точным.

Все делалось быстро и одинаково: визг блоков, щелчок тетивы, удар наконечника о фанеру — короткий такой, негромкий стук.

И Володя вздрогнул, как бы очнулся, когда после девятого выстрела не услышал этого стука.

«Что это? Мимо?»

Да, мимо...

Кашка сидел рядом с Володей, и на лице его было страдание! Он желал Райке всяческих бед и неудач. Чтобы лопнула тетива! Чтобы поскользнулась нога! Чтобы жгучая оса села ей во время выстрела на локоть!

Он не повторял теперь никаких заклятий, только отчаянными глазами провожал каждую стрелу. Словно мог взглядом отвести ее от мишени.

Он еще надеялся на чудо.

И когда наконец стрела свистнула мимо оленя, он привстал с травы и с тревожной радостью подался вперед. Чудо случилось! Вернее, полчуда. Все ршала теперь последняя стрела.

А Райкс словно было безразлично. Словно и не было промаха. Со спокойным лицом прицелилась она последний раз...

Стало тихо.

Кашка отвернулся. Не мог он на это смотреть. Хоть бы уж скорей стреляла!

По длинной упругой травинке ползла божья коровка. Не красная, а желтая, будто капля меда с маковыми зернышками.

Кашка сложил пальцы для щелчка. «Если улетит — Райка промажет. Если свалится — Райка попадет», — загадал он. И щелкнул по травинке. Притворившись неживой, божья коровка, словно твердое семечко, свалилась на лист подорожника.

Щелк — сорвалась тетива. И Кашка зажмурился, готовый услышать противный стук стрелы о мишень.

Не было стука...

Гвалт болельщиков оглушил Кашку.

Вскочив, Кашка ликующими глазами смотрел на Володю. Но тот продолжал сидеть. Он сидел, и, кажется, не было на его лице радости.

Медленно подошла Райка.

— Ну, поздравляю, — сказала она. — Ох, устала я, даже голова болит.

— Разве не будем перестреливать? — недоуменно спросил Володя.

— Зачем? У тебя же девять очков. А у меня восемь...

— Ах да, — сказал Володя, морща лоб. И вдруг засмеялся: — Знаешь, Райка, я забыл, что первый раз тоже попал. Это случайно вышло, и я все время думал, что смазал...

Райка кивнула и отошла.

Подбегали ребята.

И тогда наконец Володя сделал то, что должен был сделать. Он сказал Кашке:

— А мы с тобой все-таки молодцы...

Кашка просиял.

Позже, когда уже утих шум поздравлений и все начали расходиться, Володя пошел к Райкиной палатке. Непонятное ощущение вины перед Райкой не давало ему покоя. Словно одно очко досталось ему обманом. Он понимал, что это ерунда, но беспокойство не проходило. И чтобы прогнать его, он должен был найти сейчас Райку, поговорить с ней просто так, о разных пустяках и увидеть, что у нее нет ни обиды, ни подозрения.

Но в палатке Райки не оказалось. Ее оруженосец — Светка — сидела с надутым лицом и взглянула на Володю косо. Ни о чем спрашивать ее он не стал.

Он увидел Райку сам, когда обогнул палатку и направился к лагерю. Райка стояла, прислонившись лбом к сосне, и плечи ее вздрагивали.

Володя подошел и неловко тронул ее за локоть. Райка обернулась, и он отступил одновременно с досадой и облегчением.

Она не плакала, а смеялась.

На лбу ее темнели пятнышки смолы...

Призовой пирог Володя и Кашка едва попробовали: желающих угоститься набралась целая толпа.

Грамота, которую вручили Кашке, была очень красивая. Он долго рассматривал ее, когда остался один. Потом свернул в трубку и перевязал ниткой, которую выдернул из подола рубашки. Сбегал в лагерь и спрятал грамоту в тумбочке.

После этого вернулся Кашка к палаткам.

Палатки уже убрали, и Володи здесь не было.

Неужели все кончилось? Неужели праздник угас?

Нет, не все. Вечером был еще костер. И Кашка сидел совсем рядом с Володей. Сидел молча и смотрел на огонь. Лишь один раз спросил:

— Во-лодя... А еще будет турнир?

— Едва ли,— сказал Володя.— Слушай, ты не видел Юрку Земцова?

Глава седьмая

На лес, на лагерь наваливалась гроза. Сверху, прямо от зенита, набухшие дождями и тревогой, медленно падали тучи. Лиловые, беспросветные, в тонких и кривых проблесках молний. Их ватная масса заглушала гром, и были только молнии и тишина.

Все ждали первого грома и рассыпчатого удара тяжелых капель: одни для того, чтобы с хохотом выскочить под упругие струи, другие для того, чтобы вздохнуть с облегчением—шум ливня заглушает страх перед грозой.

Аллеи и площадки опустели, дачи притихли. В потемневших стеклах отражались молнии, а в траве змейками пробегали маленькие ветры.

Только три человека не укрылись от грозы. Вожатый Сережа

был сегодня дежурным и проверял, все ли готово к удару непогоды. Володя еще не успел зайти в дом: он возвращался из леса. Третьим был Кашка: он вынырнул из боковой аллеи и зашагал следом за Володиной, а потом догнал его.

— Во-лодя... А вот у индейцев тоже есть луки... Эти луки далеко стреляют?

— Что? Не знаю,— ответил Володя, не сбавляя шага.— Далеко, наверно... Конечно, далеко. Беги под крышу, сейчас такой дождь грянет.

Кашка остался на аллее. Он поднял голову и, кажется, только сейчас увидел, что делается в небе. Но на грозное движение туч он смотрел равнодушно и не двинулся с места.

Сережа стоял на крыльце под навесом. Он видел Володю и Кашку, слышал их разговор. Но вот Володя ушел, а Кашка остался, и вокруг него уже падали в песок тяжелые, как пули, капли.

Сережа прыгнул с крыльца.

— Пойдем. Ну, что ты здесь стоишь? Это все равно зря.

Он привел Кашку под навес, и они стали смотреть, как нарастает дождь.

Грянул и радостно раскатился над лагерем гром: вздрогнули стекла и половицы. А Кашка не вздрогнул. Он спросил шепотом:

— А еще будет турнир?

— Нет,— сказал Сережа.— Неинтересно устраивать два одинаковых дела подряд... Да и при чем здесь турнир, Кашка?

Он положил руку на маленькое плечо бывшего оруженосца и хотел еще что-то сказать. Но из соседней дачи с хохотом выскочили мальчишки в трусиках и начали прыгать под дождем.

— Тебе так не хочется,— полувопросительно проговорил Сережа.— Да, Кашка?

— Не...

Кашка осторожно, но решительно освободил плечо и повернулся к двери. В ту же секунду дверь открылась, и на крыльцо выскочила Серафима.

— Господи, наконец-то! Опять ты, Голубев, где-то пропадал! Мало мне еще забот...

— Мы тут с ним беседовали,— заступился Сережа.

— Ну, да! Он с самого утра пропадает! Все с тобой беседует?

Кашка боком скользнул в дверь.

— Он в последние дни все время куда-то исчезает,— пожаловалась Серафима.— Просто горе одно. Такой тихий, дисциплинированный мальчишка был, а теперь... Я его искать пошла, а тут гроза. Я этих гроз больше смерти боюсь.

— А вот они не боятся.— Сережа кивнул в сторону веселящихся мальчишек.

— Ну... сейчас дождь. При дожде уже не так страшно...

— Да,— сказал Сережа.

— Ты какой-то понурый,— сказала Серафима.— Надоело дежурить?

— Это само собой... Да нет, не то. Вот сейчас я смотрел... Понимаешь, есть два человека. И один ходит за другим прямо по следам. Смотрит на него преданными глазами. А тот, второй, ничего не хочет замечать. И обидно видеть, как он теряет верного друга. А сказать ничего не скажешь. Насильно дружбу не пришьешь.

— Ну уж... не замечает,— выговорила Серафима и медленно покраснела.— Может быть, это просто... характер такой. Может быть, она... он... тоже...

«С ума сойти!— ахнул про себя Сергей.— О чем это она?»

«Волна» отшумела и улеглась. Турнирные заботы остались позади. Луки и стрелы были собраны в пионерскую комнату на выставку. Появлялись новые дела.

И только один человек, бывший оруженосец Кашка, грустил. Кашке был нужен Володя.

Неужели все может так быстро кончиться? Костры, палатки. Стрелы. Красный олень... «Мы с тобой все-таки молодцы...» Все было — и ничего нет...

То, что Кашка ходит за ним по пятам, Володя заметил только после разговора с Серафимой. Она спросила его:

— Слушай! Где, в конце концов, Кашка Голубев?

Серафима была всего на пять лет старше Володи, и он чувствовал себя с ней как равный.

— Опомнись,— сказал он.— Я-то при чем? Может быть, я нянька? После турнира я его и не видел.

— Не видел!— возмутилась Серафима.— Он за тобой как на буксире таскается! Что я, слепая, что ли!

— Не знаю,— вежливо сказал Володя.— И не помню, что встречал его в эти дни.

Но тут же вспомнил. Он действительно много раз встречал

Кашку, и тот всегда о чем-нибудь спрашивал: «Во-лодя... А если залезть на большую сосну, то на сколько километров будет видно?», «Володя, можно, я спрошу? Что быстрее летит: стрела или ласточка?».

Володе казалось, что это случайные встречи, и он сразу забывал про них. Он ушел от Серафимы, а буквально через пять минут, когда отправился на волейбольную площадку, обнаружил, что Кашка тащится сзади.

— Стой,— строго сказал Володя.— Объясни, зачем ты ходишь за мной как тень? Чего ты от меня хочешь?

Кашка заморгал и сделал вид, что шел по своим делам.

— Только не ври,— сурово предупредил Володя.

Но Кашка соврал. Он отвел глаза и пробормотал, что идет качаться на качелях, которые рядом с волейбольной площадкой.

Тогда Володя растерялся. Что он мог сделать? Не мог же он запретить Кашке ходить где вздумается. Каждый человек сам выбирает себе дороги и ходит где хочет. Да, это так. Но что будет, когда все заметят, какой у Володи появился хвост? Смех будет по всему лагерю. А это штука скверная, когда все над тобой смеются и сделать ничего нельзя. Дурацкое такое положение.

— Мало тебе других дорог?— сердито сказал Володя. Но что еще сказать, не придумал.

А Кашка, глядя ему в лицо, спросил:

— Во-лодя. Раз турнир кончился, я уже не оруженосец?

Потом Володя будет думать, что все началось с собаки. С того момента, когда появилась эта бурая зверюга. Ему будет казаться, что именно тогда он немного иначе взглянул на Кашку.

А на самом деле все началось раньше. Вот сейчас, когда, вдруг потеряв на секунду твердость, Володя не сказал Кашке «нет». Он только пробормотал:

— Иди ты на свои качели.

И Кашка пошел за ним следом.

Володя неплохо изучил окрестный лес и часто уходил в него, когда надоедала суета в лагере. Лес был похож на тот, который окружал Белый Ключ. Те же усыпанные пятнами солнца и хвоя бугры, мшистые камни, скалы и родники. И озера с темной водой.

В лагерь Володя возвращался вовремя, и никто не замечал его дальних отлучек.

Володя привык, что никто не следит за ним. И когда он однажды услышал за собой осторожные шаги, вздрогнул от неожиданности. Но это был не шпион и не хищный зверь. Сзади шел Кашка.

Глаза их встретились. Кашка опустил на колено и стал подтягивать ремешок сандалии. Володя медленно подходил. Кашка тербил ремешок и ждал гнева на свою голову.

— Иди домой,— сдержанно сказал Володя. Ему не хотелось ничего выяснять и ругаться тоже не хотелось.

— Куда? — тихо спросил Кашка.

— В лагерь,— отчетливо сказал Володя.

— Но куда? — уже громче повторил Кашка и оглянулся.— Я же не помню.

И Володя понял, что Кашка крался по пятам и не запоминал обратную дорогу. Один он теперь очень легко может заблудиться: лагерь далеко.

— Олух ты. Ну что ты за мной, как намагниченный, таскаешься?

Кашка медленно встал. Он смотрел в сторону, и в уголках глаз у него росли слезинки.

— Ну и ходи теперь за мной весь день,— мрачно решил Володя.— А влетит тебе от Серафимы — сам виноват.

— Может, не влетит,— шепотом сказал Кашка и улыбнулся.— Во-лодя... А мы будем ходить весь день, да?

И тогда Володя подумал: «Пусть. Ведь не мешает».

Они пошли молча. Володя хотел срезать тросточку. Нужна была невысокая, тонкая и с прямой верхушкой сосенка. Такие растут в чаще молодняка.

— Подожди, а то исцарапаешься,— предупредил Володя и нырнул в колючие ветки. Через минуту он выбрался с метровой верхушкой маленькой сосны.

— Пойдем... Хорошая будет палочка.

— Хорошая,— согласился Кашка.

Они шли через солнечный лес, постепенно сворачивая к лагерю, и Кашка смотрел, как ловко Володя срезает на ходу ветки с будущей тросточки. Нож у Володи был маленький, перочинный, но почему-то вспомнились Кашке шумливые кусты у насыпи, пенек, под которым жил Шишан, и Костя, вырезающий Альпиниста.

И вдруг испугался Кашка: а где Альпинист? Не потерялся ли?

Кашка схватился за карман. Альпинист, конечно, был там. Облегченно передохнув, Кашка вытащил его: пусть поглядит на свет.

Володя ненадолго оставил свою работу.

— Кашка, откуда этот человечек? Забавный... Ты его сам вырезал?

— Не, не сам. Это Костин...— Кашка подумал и объяснил: — Костя на Памире. Он изучает ледники.

Володя осторожно спросил:

— Он твой брат?

— Он мой друг,— с неожиданной резкостью сказал Кашка. И впервые взглянул на Володю как равный. Даже с вызовом.

Так уж получилось. Вырвались эти слова, и будто сам Костя встал рядом. Да, он был друг. Никто-никто на свете не мог сказать, что Кашка соврал. И Володя, конечно, не мог. Он только подумал, что это очень странно: откуда у Кашки такие друзья?

— Покажи.

Кашка положил Альпиниста ему в ладонь. Деревянный путешественник был легонький, как спичка. Сейчас Володя разглядел, что вырезан Альпинист очень аккуратно и точно. Были заметны даже пряжки на лямках рюкзака и рубчики на толстых подошвах ботинок. Маленький покоритель вершин улыбался весело и беззаботно. Однако, приглядевшись, Володя увидел на крошечном коричневом лбу и у рта ниточки-морщинки.

— Ты с ним играешь?— спросил Володя.

— Ага... иногда,— признался Кашка. Он опять притих и сделался прежним малышом-оруженосцем.

— Это хороший путешественник,— серьезно сказал Володя.— С ним хорошо играть. Он может плавать, ходить по лесам, по пустыням, подниматься на вершины...

— Он поднимался,— осторожно вставил Кашка, и в голосе его была боязнь: может быть, Володя смеется?

Но Володя не любил насмешек и редко насмеялся сам. Пусть Кашка видит, что он, Володя, хоть и большой, но тоже понимает игры и тайны.

— Можно еще сделать его парашютистом,— сказал он.— С воздуха можно забрасывать его в самые неведомые земли.

— Как парашютистом?

— Да очень просто. Нужен только платок и нитки для парашюта.

Кашка нерешительно вертел в пальцах Альпиниста.

— Во-лодя... А он не потеряется?

— Куда он денется? За дерево не зацепится, можно на поляне запускать.

— Платка все равно нет,— сказал Кашка и оттянул пустой кармашек.— И ниток нет.

— Платка нет, это понятно,— снисходительно согласился Володя.— Но ниток... Как же ты живешь без ниток? А если что оторвется, чем пришьешь?

— У Серафимы есть. Она пришивает.

— У Серафимы вас—целая птицеферма. Есть ей время возиться... Вон у тебя лямка сколько дней уже оторвана. Так и таскаешь. Никто пришить не может...

Они вышли на лужайку, опоясанную кольцом березовой поросли. Лужайка была ровная, с низенькой одинаковой травой, как на стадионе. Только с одного края, у самой тропинки, приподнялся из-под земли серый плоский камень.

Место для испытаний парашюта было отличное.

Володя вынул платок, до сих пор лежавший в кармане без всякого употребления. Платок был слегка помятый и запылившийся на сгибах, но для парашюта вполне годился. Потом Володя вытащил из воротника иголку с намотанной черной ниткой. Кашка следил за ним с радостным интересом.

— Сейчас попробуем,— сказал Володя.— Только сначала лямку тебе пришью. А то ходишь обормотом.

— Лучше ее совсем оборвать,— рассудительно заметил Кашка.— Я пробовал, да она крепко держится. Давай ножиком отрежем.

— Давай отрежем обе,— сказал Володя.— И ходи вообще без штанов... Ну-ка, повернись. И не дергайся, а то иголка воткнется.

Он говорил с сердитым удовольствием и про себя удивлялся. Неужели это и вправду может быть приятно? Командовать вот таким мальком, знать, что он тебе послушен, пришивать ему лямки и делать парашюты... Ерунда какая-то... И смех... Вот бы кто-нибудь из ребят появился здесь и увидел, как победитель турнира стоит позади Кашки на коленях и чинит ему штаны!

Лагерь недалеко, и черт может занести кого-нибудь сюда. И занес.

Крадучись выбрался на лужайку Генка Молоканов.

...Молоканов был попрошайка и жадина. Это — самое главное, чем он отличался от других. Правда, жадность у него была не на все вещи, а только на мелочи: на разные самodelки, патронные гильзы, стеклянные пузырьки, значки, поплавки и прочую дребедень. Он их выпрашивал. Даже не менялся никогда, а только выпрашивал. Если меняться, значит, надо что-то отдавать, а это было для Генки горькой мукой.

А выпрашивать он умел, наверно, лучше всех на земном шаре. В голосе у него появлялась такая жалобность и такая убедительность, что камни могли растаять, как мороженое в июльский полдень. «Ну, послушай,— негромко и проникновенно говорил Молоканов,— тебе эта штука все равно ни к чему. Ну, поиграешь и выбросишь. Или потеряешь. Или надоеет она. Понимаешь, она для тебя — пустяк, а для меня очень важная... Ну дай, а? Ну правда, дай... Я тебе такое спасибо скажу...»

«А на фигá мне твое спасибо?» — спрашивал лишенный чувствительности собеседник.

Генка широко раскрывал голубые, как незабудки, глаза и кротко отвечал: «Не знаю... Но ведь эта штука тебе тоже ни за чем. А мне для пользы».

«Для какой пользы?»

«Для коллекции».

Когда Молоканову начинали объяснять, что не бывает коллекций, где вместе собраны жестяные свистки, огрызки цветных карандашей, куклы из еловых шишек и разные пуговицы, Генка тихо говорил: «Ну и что? А у меня бывает».

И человек сдавался. «Пусть,— думал он.— Мне эта вещь и в самом деле не очень нужна, а он вон как из-за нее убивается...»

И если попадался мальчишка с сердцем тверже камня, он все равно отступал. Потому что другим путем отвязаться от Генки было нельзя. Даже колотили его, но без всякого толку.

Правда, иногда, чтобы досадить Генке, кто-нибудь говорил: «Даром не отдам. Давай меняться на компот. На три стакана». И Молоканов погружался в тягостное раздумье. Компот он любил почти так же, как свою коллекцию, и расставался с ним крайне мучительно. Глядя на его страдания, ребята давились от смеха. Однако скоро было решено: на компот не меняться. Дело в том, что, отдав свою порцию, Генка тут же принимался выпрашивать у других и таким образом добывал два или три стакана.

...Вот такой человек и появился на лужайке, где Володя заканчивал ремонт Кашкиных штанов.

От неожиданности Володя загнал иглу в указательный палец, тихо взвыл и вскочил. Но Молоканов почти не обратил ни на него, ни на Кашку внимания. Глазами хищника он неотрывно смотрел на Альпиниста, который лежал на развернутом платке. Нежным голосом Генка сказал:

— Это чей такой, а?

— Тебе чего надо? — невежливо спросил Володя. — Мало тебе места в лесу? Зачем притащился?

— Я голоса услышал и заглянул...

— Заглянул, а теперь мотай обратно, — посоветовал Володя. Молоканов, однако, не спешил.

— А чья это куколка?

— Не твоя. Сам ты куколка, — сказал Володя и незаметно оторвал нитку с иглой от Кашкиных штанов.

— Это мой, — почуввав свободу, заявил Кашка. Поднял Альпиниста и стал заворачивать в платок.

Генка понял, что надо спешить.

— Дай, а? — жалобно начал он.

Кашка оглянулся на Володю и бесстрашно сказал:

— Иди отсюда. Скоро лопнешь от жадности.

Надо заметить, что Молоканов был невысок и толст. Когда на это намекали, он обижался. Но сейчас он подавил обиду ради добычи.

— Дай, а? — повторил он.

— Пошел вон, — неумолимым ровным голосом произнес Володя, и Генка понял, что хорошая деревянная куколка, такая нужная для коллекции, потеряна навсегда.

Оставалось только одно — отомстить. И, отпрыгнув подальше, Молоканов противно проблеял:

— Жилы! Жадюги! Бэ-э!

А потом так же отвратительно спел:

Есть у Вовочки дружок —
От горшка один вершок!
Вова ходит с ним как нянька —
Это очень хорошо!

Несмотря на полноту, бегал Молоканов, как заяц. Володя так и не настиг его, только загнал в жесткий низкорослый ельник.

С полминуты он стоял и с удовольствием слушал, как жалобно кряхтит среди колючих веток несчастный попрошайка. Кряхтит, а выйти боится.

Потом Володя зашагал обратно. Он шел и со злостью думал, что глупый Молоканов не сам сочинил эту дразнилку. Значит, она известна не одному Генке. Может быть, ее все уже знают. Наслушаешься теперь!

А все из-за этого тихони-оруженосца.

Нет, пора прекращать такую волынку. Надо подойти и сказать сразу: «Вот что, друг, игрушки кончились. Турниров больше не будет. У меня свои дела, у тебя свое безделье. Топай своей дорогой. Привет».

А то в самом деле в няньки запишут.

С этой мыслью, решительный и злой, вернулся Володя на поляну. Кашка сидел у камня и ждал. Он почуял неладное и обеспокоенно стал подниматься навстречу.

— Слушай, ты...— начал Володя.

И в ту же секунду увидел собаку.

Это был грязно-бурый, с черными пятнами зверь. Он с коротким рычанием прыгнул из кустов и через поляну скачками бросился к ребятам. Володя знал, что большие псы умнее и добродушнее мелких шавок. Они не нападают зря. Но в этой собаке была злость и тупость. Володя успел заметить желтые зубы под вздернутой слюнявой губой. Нет, собака не собиралась шутить. Видимо, был это сторожевой свирепый пес, ничему не обученный и одичавший на цепи. Теперь каким-то путем он обрел свободу и, наверно, решил мстить людям.

Все эти мысли промелькнули мгновенно. И последняя была об оруженосце.

— Беги, Кашка! — крикнул Володя, не отрывая глаз от скачущего пса и отводя назад руку с сосновой тросточкой, чтобы встретить зверя хлестким ударом по морде. Ударить, когда он прыгнет! Из всех сил!

А может быть, он — волк?

Володя подумал об этом, когда пес был в пяти скачках. А когда он сделал еще скачок, на поляну вышел его хозяин.

Лесник, или охотник, или просто местный житель. В форменной фуражке и кителе, похожем на железнодорожный.

— Рекс! — негромко крикнул он.

Бурый зверь с размаху остановился и присел, будто его ухватила за хвост крепкая рука.

— Назад! — сказал хозяин собаки металлическим голосом.

И громадный пес, прижав маленькие уши, побрел назад. На полпути он по-щенячьи лег на брюхо и пополз к человеку, словно просил прощения.

— Не бойтесь,— с короткой усмешкой сказал тот. Повернулся и сразу исчез в кустах. За ним скользнул в березняк понурый Рекс. А у Володи сразу ослабли руки, и сосновая тросточка оказалась тяжелой, как железный лом. Пришел противный, тягучий страх.

— У, зверюга,— пробормотал Володя. Он медленно повернулся, чтобы уйти и позабыть про свой страх и слабость. Но не ушел. Он увидел Кашку.

Кашка никуда не убежал. Он стоял в двух шагах, прочно расставив ноги и держа наперевес кривую березовую палицу. Глаза у него стали совершенно круглые от отчаянного ужаса или от такой же отчаянной решимости, а рот был приоткрыт, словно Кашка хотел сказать «мама» и остановился на полуслове. Видимо, он еще не понял, что опасность ушла. Несколько секунд Володя смотрел на него с изумлением. Потом сказал:

— Все. Отбой.

Кашка уронил свое оружие. Он хотел улыбнуться, но только сморщился, как котенок, собравшийся чихнуть. И вдруг заплакал. Сначала несильно, а потом безудержными крупными слезами.

— Ты что? — Володя растерялся.— Кашка, слышишь... Ну перестань.

Кашка попробовал перестать и не сумел. Володя замолчал. Что тут делать? Успокаивать плачущих — нелегкое умение.

— Ну, хватит воду лить,— наконец проговорил он.— Слышишь? Кашка... Перестань выть!

Кашка послушно кивнул и всхлипнул еще несколько раз. Потом виновато улыбнулся щербатой своей улыбкой и сказал, глядя в сторону:

— Я их, проклятых, боюсь... Я когда маленький был, меня собака укусила. Вот...— Он повернулся и показал сзади под коленкой несколько белых бугорочков — следы зубов.

— Ладно уж,— с неумелой ласковостью сказал Володя.— Все уж

прошло ведь... Да, а ты почему не убежал? Я тебе крикнул: беги! Ну?

Кашка поднял еще залитые слезами глаза. И тихонько спросил:

— А ты?

— Ну, я... Что — я? От собаки нельзя бегать. Я-то знаю про это. А ты? Ты ведь мог убежать, раз я остался.

— Да, остался...— прошептал Кашка.— Она вон какая. Как волк. А ты с такой палочкой остался. С тоненькой...

Они разом взглянули на Володину тросточку и разом перевели глаза на кривую Кашкину дубинку.

И что-то словно сдвинулось в душе у Володи. Растаяла вся его твердость. Захотелось вдруг сделать совершенно непонятное: взять за узенькие плечи этого сероглазого пацаненка, притянуть поближе и сказать: «Эх ты, Кашка, Кашка. Оруженосец...»

Конечно, ничего такого Володя не сделал. Не умел он так. Девчонки это умеют, а он не может. Только взял он Кашку за руку и сказал:

— Идем... А собака-то трусливая. Хозяин крикнул, а она сразу на пузо...

Кашкины глаза просыхали. Он взглянул на Володю серьезно, почти строго. И ответил:

— Он плохой человек. Хороших людей собаки так не боятся. Он, наверно, ее бьет.

— Да? Да, пожалуй...— согласился Володя.— А ты... ты ничего человек, Кашка.

Это все, что он сумел сказать верному оруженосцу. Не всегда нужно много слов. Кашке хватило и этих. Радость запела в нем, как серебряная труба. Но чтобы хоть немного походить на сдержанного Володю, Кашка радость спрятал и проговорил:

— Жалко. Сейчас, уж наверно, на обед пора. Так и не доделал ты тросточку.

— Подумаешь, беда,— отмахнулся Володя.— Завтра доделаем.

— Что? — изумленно спросил Кашка.

— Завтра доделаем,— повторил Володя.— А что?

Он сказал не «доделаю», а «доделаем»!

ДО-ДЕ-ЛА-ЕМ!

Глава восьмая

Кашка был счастлив полностью. До конца. Больше он ничего не хотел. Он шел с Володей. Шел на ту лужайку, где вчера встречали страшную собаку и где камень. Там они будут разводить костер. Вдвоем. Кашка шагал не сзади, а рядом. Володя сам зашел за ним и небрежно сказал Серафиме:

— Мы с Кашкой погуляем. Не бойся, он со мной будет.

И вот они идут. Володя сказал, что хочет обжечь в костре тросточку. Вчера вечером он вырезал на ее коре шахматные кубики, полоски, треугольнички, кольца. На огне вся тросточка потемнеет, а потом Володя снимет кору, и на обуглившемся дереве останутся белые узоры...

День был прохладный. Солнце лишь изредка проглядывало в разрывы облаков. Кашка отправился в путь в одной рубашонке и поеживался. Но он был рад: когда холодно, еще приятней сидеть у костра.

В лесу ветер стал слабее, и, когда пришли к поляне, Кашка почти согрелся.

Набрали сухих веток и сложили у камня.

— Кашка, ты про костер помалкивай, а то будет нам нахлобучка,— предупредил Володя.

— Я помалк... помолк... буду помалкивать. А у тебя есть спички?

— У меня стекло есть. От бинокля. Надо только солнца дождаться. Вот смотри...

В Кашкину ладонь круглой льдинкой скользнуло выпуклое стеклышко. Кашка бережно взял его за края и навел себе на локоть, чтобы в увеличенном виде рассмотреть одну из царапин. Солнце выпрыгнуло из-за облака и кольнуло кожу огненной точкой. Кашка ойкнул, уронил линзу и засмеялся.

— Ага!— сказал Володя.— Ты не шути. Это солнечная энергия.

— И костер загорится?

— Как миленький. Сбегай к соснам, принеси сухих иголок. Они как порох.

Кашка, подпрыгивая, бросился за растопкой. Он бежал, а в голове плясали прискакавшие откуда-то коротенькие строчки:

Я веток найду,
Я костер разведу!

Я иголок найду,
Я костер разведу!

«Костер как живой...» — вспомнил он и вдруг понял, что все эти строчки соединяются в стихи!

Кашка пошел не спеша. С самого начала повторил все, что сочинилось. Получилось здорово, только нужно было придумать немножко не так. Вот как надо:

Я веток найду, я иголок найду,
На нашей поляне костер разведу.
Костер как живой...

Нет, еще немножко не так.

«Я веток сухих и иголок найду...» Потому что для костров нужны только сухие ветки.

Но тут Кашке стало жаль стеклышка, для которого не осталось места в стихах. Он попробовал вставить его вместо поляны. Сначала слова не хотели укладываться в строчку, а потом вдруг легли, и Кашка даже подскочил от радости.

Я веток сухих и иголок найду,
Стеклом от бинокля огонь разведу.
Костер как живой...

Когда Кашка с пригоршней сухой сосновой хвои примчался к Володе, рядом с ним он увидел Райку.

Райка и Володя беседовали. Кашке это не понравилось. Хотел он быть вдвоем с Володией. Только с ним, чтобы никто-никто не мешал. И зачем Райка сюда притащилась? Да и разговор был какой-то пустой.

— Такой холод сегодня,— говорила Райка.— Просто дрожь берет.

— Угу,— откликнулся Володя.

— Ты наших девчонок не видел?

— Нет, не встречал,— сказал Володя, склоняясь над сучьями для костра.

— Хотела в волейбол поразмяться, а на площадке нет никого.

— Бродят где-нибудь,— заметил Володя и переломил о колено толстую ветку.— А, Кашка! Давай сюда, сыпь. Как раз солнце.

— Здравствуй, Кашка! — почему-то обрадовалась Райка.

— Здравствуй,— сумрачно сказал он и занялся костром.

— Просто удивительно, как он вырос, твой оруженосец,— обратилась Райка к Володе.— Когда в лагерь приехали, он гораздо меньше был. А сейчас какой-то вытянутый стал. Или мне кажется.

— Кажется,— сказал Володя.— За две недели нельзя заметно вырасти.

«Правильно»,— подумал Кашка.

Райка еще постояла рядом, потом нерешительно проговорила:

— Пойду поищу наших.

— Только про костер не рассказывай,— предупредил Володя.

Райка ушла.

— Она хотела, чтобы мы позвали ее с нами сидеть,— сказал Кашка и нахмурился.

— Да брось ты,— возразил Володя.— Очень ей надо с нами сидеть. Она девчонок ищет.

Он взял стекло и послал на иголки солнечный колющий лучик. От яркой точки вырос и разбежался желтый огонек. Лизнул ветки.

Через минуту, когда костер уже победно стрелял искрами и кружил пламя, Кашка спросил:

— Это ведь не в последний раз, да? Мы потом ведь еще можем разжечь?

— Хоть каждый день... Ты, Кашка, садись. Садись рядом.

И Кашка сел. Он сел так, что плечом чувствовал Володин локоть.

— Я стихи придумал,— вдруг сказал Кашка.— Про костер.— Он смотрел в неяркое дневное пламя и напряженно ждал, что скажет Володя. Волны теплого воздуха перекатывались через ноги, а спине было холодно. Поэтому Кашка немного вздрагивал.

— Стихи? — переспросил Володя.— Сам придумал?

— Ага...

— Надо же... Я один раз пробовал стихи сочинить... Для одной девчонки. Ну, ничего не получилось. А у тебя получилось?

— Ага,— снова сказал Кашка.

— Почитай, а?

Нет, Кашка не мог так сразу. Неловко было и страшно.

— Я не умею. Я лучше напишу и отдам. Тебе... Ладно?

— Ну ладно. Только не забудь...

«...Только не забудь»,— сказал Володя и вдруг понял, что ему в самом деле интересно, какие стихи получились у Кашки. И при-

ятно, что Кашка сказал ему об этих стихах. И еще он с удивлением почувствовал, что плевать ему на любые насмешки насчет нянек и всякой ерунды. То есть не совсем плевать. Кто будет дразниться, тот получит. Но Кашку от себя Володя прогонять не станет и бегать от него не будет.

И вот еще что странно: никогда никому Володя не рассказывал, что однажды пытался сочинить стихи для Надежды, а Кашке сказал об этом сразу, спокойно и доверчиво...

— Ты не забудь написать,— повторил он.— Я твои стихи домой увезу. На память...

«Домой увезу»,— сказал он, и Кашку вдруг кольнуло предчувствие близкой беды. Именно беды.

Ведь совсем скоро придет день, когда Володя уедет в город. А Кашка— в Камшал. В разные стороны.

В разные стороны...

Он до сих пор не думал об этом. Но сейчас начал думать и понял, что уже никак не прогнать это ожидание близкого печального отъезда. Никак. Потому что все равно придет этот день. Дни идут быстро.

Ну почему, почему он и Володя живут так далеко друг от друга?

— Во-лодя...— встревоженно начал Кашка.— Знаешь что, Володя? Я придумал. Поедем к нам в гости. Когда лагерь кончится.

Он только сейчас это придумал. Сию минуту. Но это был выход. Если Володя поедет, ему, может быть, понравится в Камшале. И тогда, может быть, он захочет приехать еще раз. И еще. А ему понравится! Там они каждый день будут жечь большие костры...

Володя вынул из огня обожженную тросточку. Она дымилась, и по обугленной коре бегали искры.

— Ну, Кашка...— неуверенно сказал Володя.— Ты и придумал... Тебе, наверно, дома влетит. Скажут, кого это ты притащил...

— Не! Не скажут!

— И мне влетит. Все домой приедут, а меня нет. Знаешь, какой переполох будет!

— А ты письмо напиши. Если напишешь, тоже влетит?— упавшим голосом спросил Кашка.

— Если напишу? Нет, тогда не влетит... Ну, я не знаю. Там видно будет, ладно, Кашка?

— Ладно... А что видно?

— Мало ли что. До конца смены еще вон сколько дней. Вдруг что-нибудь случится! Или ты раздумашь. Или еще что-нибудь.

— Не раздумаю,— с отчаянной твердостью сказал Кашка.— Володя! А если не случится? И если ни что-нибудь? Тогда поедешь?

— Ну, посмотрим... Камшал отсюда сколько километров? Сорок? Сорок—это недалеко, ладно... Ты садись как следует. Возьми куртку, а то у тебя зубы стучат.

— Тепло,— лениво сказал Кашка, чувствуя громадное облегчение и усталость от прошедшей тревоги.

— Ногам тепло, а спине холодно. Дай накрою...

Куртка пахла смолой и березовым дымом.

Володя ножиком снимал с палки остатки коры. Черные кубики и треугольники сыпались Кашке на колени. Свежая белизна узора ярко выделялась на дереве, потемневшем от огня.

Глава девятая

Ночью Кашка писал письмо. Попросил у Вальки—Обезьяньего Царя—фонарик, укрылся с головой и выводил в тетрадке крупные буквы:

«Здрастуй мама. Я живу здесь хорошо. Мама у меня есть друк. Ево зовут Валодя. Мама можно Валодя приедет в гости мы будем вместе гулять и за ягодами. Мама я живу хорошо патамушто Валодя. Я сочинил стихи...»

После стихов писать было нечего. Кашка с облегчением вздохнул и поставил такую точку, что проколол бумагу.

Но тут он вспомнил, что обещал подарить стихи Володе. Что же, писать еще раз? Столько слов! Таких длинных! Сочинить все это было, пожалуй, легче, чем написать...

Кашка подумал и аккуратно оторвал половинку письма со стихами. Маме он их и так расскажет, когда приедет. А это—Володе...

А утром, когда позавтракали, Кашка исчез.

Серафима ходила по лагерю и тихо рычала от злости. Больше

всего она не любила, когда кто-нибудь из малышей пропадал из виду...

— Пусть уж лучше на головах пляшут, только чтобы у меня на глазах,— часто повторяла она.

Кашка никогда не дрался и на голове не плясал. Это было просто чудесно. Правда, в последнее время начал он где-то пропадать, но потом выяснилось, что он уходит с Володей, и Серафима успокоилась.

Однако сегодня он исчез один. Володю Серафима увидела на веранде первой дачи, а Кашки там не было.

— Слушай, где твой оруженосец? — раздраженно заговорила Серафима. — Целый час бегаю по лагерю, высунув язык. Не могу найти ни его, ни тебя. У меня по плану разучивание песни, а твой Голубев...

— Не говори так много слов,— сквозь зубы отозвался Володя. Он сидел на перилах веранды и зашивал покрышку волейбольного мяча. Иголлка не хотела втыкаться в толстый панцирь и втыкалась в пальцы.

— Где Кашка? — повторила Серафима.

— Что я, на цепи его держу? У-ых... ф-ф-ф... — Он сунул в рот палец и с ненавистью уставился на иголку. Нитка выскочила из ушка.

— Дьявол тебя проглотит! — в сердцах сказал Володя.

— Меня? — возмутилась Серафима.

«Тебя — само собой», — подумал Володя, но вслух попросил:

— Вдерни мне нитку... пожалуйста.

— Ну тебя с ниткой!

Она пустилась дальше на поиски.

Конечно, Серафима не догадывалась, что и Володю встревожило исчезновение Кашки. Он проводил вожатую глазами и прыгнул в траву, проклиная бестолкового оруженосца, Серафиму, мячи, нитки, иголлки и белый свет. Исколотый палец болел зверски. Покрышку Володя забросил в угол, а иголлку забыл на перилах (потом на нее сядет Генка Молоканов, но это не входит в наш рассказ).

Кашку Серафима увидела неожиданно. Его и Мишку Зыкова вела навстречу Тося Крючкова. Она двигалась с суровым видом и держала мальчишек за воротники. Кашка шел покорно, только

сопел, а Зыков лягал Тосю босыми пятками, возмущенно вскрикивал и хотел вырваться. Старался он зря: Тося была самой большой девчонкой в лагере. Посильнее многих мальчишек из первого отряда. Ростом с Серафиму.

— Получай, Сима, своих гавриков,— хриплым басом сказала Тося.— Дрались, понимаешь, в кустах, аж сучья трещали. Еле расцепила. Особенно вот этот,— она тряхнула Кашку. Голова у Кашки мотнулась.

— Спасибо,— вздохнула Серафима.— Ты их, Тося,пусти. Не сбегут сейчас... Ну, что скажете?

Кашка ничего говорить не собирался. Зато у Мишки слова рванулись, как барабанная дробь. Частые, горячие, убедительные:

— Серафима Павловна! Он как бешеный! Мы сидим, а он — раз! Мы сидим с Валькой, разговариваем, а он — трах! На меня! Как сумасшедший! Ни за что! Мы про него даже не говорили, сидим с Валькой на полянке у кустика, а он как выскочит! Трах по спине! Я думал, он играет, а он опять — раз! Изо всей силы, только мимо...

Столпившиеся вокруг свидетели подтвердили, что так и было. Кашка будто зверь набросился на невиноватого Зыкова.

— Я его отпихну, а он опять лезет. Я ему раз — прием! А он опять лезет! Он же драться не умеет, а сам лезет! — Честные Мишкины глаза смотрели без обиды и злости, было в них только удивление и жажда справедливости.

— Ладно, идите все, не мешайте,— решила Серафима.— Мы тут с ним разберемся. Идите, идите...

Зрители и свидетели нехотя разбрелись. Мишка отошел на три шага и нерешительно затоптался. Не знал, относятся ли слова Серафимы и к нему.

Серафима приступила к допросу:

— В чем дело, Голубев?

Кашка повертел головой так, будто легонький воротник рубашки натирал ему шею. И промолчал, конечно.

— Ну?

Кашка проглотил слюну и стал разглядывать землю.

— Будешь ты говорить в конце концов? — сдерживаясь, спросила Серафима.— Что у вас случилось? Ты первый начал драку? Сам?

— Сам,— тихонько сказал Кашка.

Ну и ну! И это тихий, послушный Кашка Голубев, с которым не было ни забот, ни беспокойства!

— В чем же дело? — почти жалобно проговорила Серафима. — Была какая-нибудь причина?

Кашка подумал и нерешительно ответил:

— Была...

— Какая?!

Кашка прочно смотрел в землю.

— Может, он заболевший? — участливо спросил Мишка. Он был вполне доволен честными Кашкиными ответами и теперь уже сочувствовал ему.

Но Кашка не оценил такого благородства. Мрачно покосился на Зыкова.

— Ты сам заболевший...

Вот так и стояли они на широкой аллее, на самом солнцепеке и вели какой-то бесполезный разговор. И это наконец совсем разозлило Серафиму. Она опять взялась за Кашку:

— Клещами я из тебя слова тянуть буду? Или говори сейчас же, или... — Что «или», она еще не придумала и сбилась. — Или... Встань, пожалуйста, как следует, когда с тобой говорят! Разболтались совсем... Что ты за живот держишься? Стукнул он тебя, что ли, по животу?

— Не стучал я! — возмущенно откликнулся Мишка.

— Не, не стукнул, — подтвердил Кашка.

Серафима редко брала своих малышей «в обработку», но сейчас решила не отступать.

— Опустит руки и поднимет голову, — деревянным голосом сказала она.

Кашка шевельнул руками, но совсем их не опустил и продолжал прижимать к животу локоть. Серафима сжала губы, решительно взяла Кашку за ладони и вытянула его руки по швам.

Тогда раздался тихий шелест, и из коротеньких Кашкиных штанин посыпались мятые конверты. Кашка подпрыгнул и устоялся на них с таким испугом, словно это было что-то кусачее и ядовитое.

— Так... — тихо сказала Серафима. — А это что такое?

Но Кашка снова молчал, и опять вмешался его противник:

— Это письма. Он на почту, наверно, бегал. Да, Кашка?

— Да? — сурово спросила Серафима.

— Ага...— выдохнул Кашка.

— А кто тебе разрешил?

Никто ему не разрешал, зачем зря спрашивать. Просто не терпелось Кашке отправить свое письмо. Ведь до конца смены не так уж много дней осталось, а Кашке надо было дожидаться из дома ответа. Ну просто обязательно надо! А вдруг не успеет ответ? Эта мысль грызла Кашку с вечера, а утром беспокойство сделалось сильнее всяких страхов. Он скользнул из столовой и пустился в путь.

До деревни, где почта, всего-то два километра. И дорога прямая, не заблудишься. Кашка то шагом, то вприпрыжку двигался через лес. В одной руке письмо, в другой— березовая ветка и четыре копейки. И никого он не встретил на пути. Только на краю деревни хотели атаковать Кашку жирные нахальные гуси. Они выстроились поперек дороги шеренгой и выжидательно поглядывали на голые Кашкины ноги.

Гуси, они и есть гуси. Дурни... Кашка не спеша подошел поближе, рванулся вперед и на всем скаку врезался в белогусиный строй. Ветка будто сабля!

Он уже подлетал к почте, а сзади, вдалеке, все не смолкало бестолковое гусиное гоготанье.

На почте, в тесовой комнатенке, скучала за окошечком девушка, немного похожая на Серафиму. Тоже веснушчатая и светлобровая. Увидела Кашку и оживилась:

— Тебе что нужно, молодой человек?

«Молодой человек» протянул копейки.

— Конверт...

Девушка взяла деньги.

— Ага... А знаешь, ничего не выйдет. Денег-то мало. Это одна марка четыре копейки стоит, а конверт с маркой— пять.

Вот этого Кашка никак не ждал!

И такое, наверно, несчастное сделалось у него лицо, что девушка засмеялась и сказала:

— Ладно. Хочешь заработать конверт? На, получай. А за это отнесешь в лагерь письма. Тут восемь штук... Ты ведь из лагеря?

Кашка осторожно признался, что да, из лагеря. Он минут пять еще трудился над адресом, потом отдал девушке заклеенный конверт, получил письма и выпрыгнул на крыльцо.

— Не потеряй!— услышал он вслед.

— Не!

Он не потеряет! Все будет хорошо! Отлично все получилось! И лишь недалеко от лагеря с размаху остановила его тревожная мысль: а как же он отдаст письма? Ведь тогда узнают, что он бегал без спросу на почту.

Кашка растерянно затоптался в травянистой колее. Просто хоть обратно неси эти письма. Но ведь не понесешь же, в самом деле. И тут пришло счастливое решение: «Отдам Володе. Он что-нибудь придумает».

Кашка спрятал конверты под рубашку и двинулся к лагерной калитке.

Он был уже у отрядной дачи, и уже наперебой говорили ему, что Серафима ходит злая и разыскивает его. И он уже успел испугаться и расстроиться, потому что Серафимы боялся, а Володю не нашел. И вдруг в одну секунду позабылись испуг и тревога. Кашка услышал Мишкины слова. Мишка сидел среди кустиков и беседовал с Обезьяньим Царем. И они говорили такое!.. В общем, Кашка замер сперва, а потом в нем что-то сорвалось.

И он ринулся в битву так же стремительно и без оглядки, как недавно врубался в гусиные ряды...

— Кто тебе разрешил? — повторила Серафима. — Кто позволил без спроса уходить из лагеря? Знаешь, что за это бывает?

Кашка точно не знал. Наверно, что-то жуткое. Неужели исключат? А вдруг правда отправят сейчас домой? И не поедет к нему Володя...

Страшная беда, неминуемая, нависла над Кашкой. И казалось, не было спасения.

Но оно было. Оно пришло. Появился Володя.

Он тоже смотрел на Кашку не очень-то ласково. Но смотрел внимательнее и увидел то, что Серафима не заметила сгоряча.

— Подожди, — хмуро сказал он Серафиме. — Не видишь, он весь в крови?

Конечно, Кашка не весь был в крови. Просто рука у него оказалась расцарапанной выше локтя. Кровь ползла медленными струйками.

— Покажи, — велел Володя. — Дрался, что ли?

— Это он сам о ветки расцарапался, честное октябринское, —

жалобно заговорил Мишка Зыков.— Я его даже не стукнул ни разу.

Серафима поморщилась:

— Еще не легче! Теперь в медпункт его тащить. Бинты, йод, писк...

— Какой там писк,— сказал Володя.— Кашка, иди к Райке. У девчонок есть бинт. Да скажи, чтоб промыли. Ну, бегом, чего стоишь?

Кашка моргнул, приоткрыл рот, словно спросить хотел что-то. И сорвался с места.

Серафима растерянно посмотрела вслед. Потом запоздало возмутилась:

— Ты, Новоселов, собственно говоря, что распоряжаешься?

— Тебя пожалел,— усмехнулся Володя.— Сама же говоришь, что боишься писка.

— Не лагерь, а орда,— печально сказала Серафима.— Ну ладно. Я с вами еще разберусь.

— Разбирайся со мной,— серьезно попросил Володя.— А с Кашкой я разберусь сам.

— Великолепно!— Серафима подбоченилась и наклонила набок голову.— Может быть, теперь ты вожатый, а не я? Может быть, ты за мой отряд отвечаешь? Или я все-таки?

— Ну, ты...— мрачно согласился Володя.— А если ты... Если ты отвечаешь, то отвечай как надо, а не хватай сразу человека за шиворот! Ты знаешь, зачем он бегал на почту? Ничего не знаешь. А сразу ругаешься! А может быть, он какое-то важное письмо ждет!— Володя почувствовал, что нашел слова, с которыми трудно спорить. И продолжал почти весело:— Может быть, у него дома что-нибудь случилось, может, он по ночам не спит... Ты его про это спросила?

— Не спит он, как же...— неуверенно проворчала Серафима.— Другой бы на его месте взял бы тогда и объяснил все. А он стоит и молчит...

— Другой на его месте,— ядовито сказал Володя,— взял бы да сунул все эти письма под пень в лесу или в яму какую-нибудь. И концы в воду. Никто бы и не узнал, что он на почту бегал. А он принес...

Может быть, Серафиме нечего было возразить. А может быть, она взглянула на рассыпанные по песку письма и увидела среди них то, которое очень ждала. В общем, она тороп-

ливо наклонилась, собрала конверты, проворчала, что все равно это дело Кашке, а заодно и Зыкову так не пройдет, и ушла.

Володя весело засвистел. Победа была за ним. Он уже хотел покинуть «поле битвы», но заметил у края аллеи, в траве, свернутый листик бумаги. Записка, что ли, какая-то? Она шевелилась под ветром, словно хотела выбраться из путаницы стебельков и листьев.

Володя развернул бумажку и увидел:

Стихи для Володи

Я веток сухих и иголок найду
Стиклом от бинокля огонь
развиду кастер как живой
он похож на жар птицу
Она мне севодне наверно
присница.

Володя аккуратно, уголок к уголку, свернул листик и спрятал в карман. Улыбнулся и пошел туда, где перевязывали раненого оруженосца.

Но Кашка уже сам летел навстречу. Распущенный бинт реял за ним, как вымпел.

Сзади с возмущенными криками бежала Райка, а за ней еще три девчонки.

— Во-лодя...— Кашка остановился и никак не мог отдышаться.— Тут бумажка... с письмами была... Я потерял...

Володя вынул стихи.

— Эта?

Кашка начал улыбаться. Улыбка была смущенная и вопросительная.

— Я прочитал,— негромко сказал Володя.— Хорошие стихи. Правда, Кашка, хорошие. Честное слово... Ну, давай я завяжу руку.

— Вот придумал!— вмещалась Райка.— Нужен стерильный бинт. Смотри, он этот в песке извозил. Сорвался как сумасшедший. Девочки, дайте йод.

Она развернула новый моток бинта. Кашка послушно подставил локоть. Смотрел он не на Райку, а на Володю. Равнодушный к боли и совсем счастливый.

— Кашка, а зачем тебя на почту понесло?— поинтересовался Володя.

— Чтоб скорей письмо отправить. Чтобы мама скорей ответ написала...— Кашка замялся. Неудобно было объяснять Володе, что без маминого разрешения он побаивался везти к себе гостя.

— А дрался зачем?

Кашка насупился. Покосился на Райку.

— Я потом... скажу.

Райка завязала тесемки бинта.

— Пойдемте, девочки. Пусть они секретничают.

Девчонки с независимым видом удалились. Даже их спины говорили: «Больно нужны нам ваши тайны!»

— Ну? — сказал Володя.

— Мишка Зыков говорил, будто она нарочно мимо стреляла...— Кашка сердито кивнул вслед Райке.— Нарочно, чтобы тебе первое место досталось. Потому что... Мишка — он дурак. Говорит: потому что она в тебя влюбилась.

— Тьфу ты...— Володя сказал это беззаботно, а у самого тут же заныло, заскребло на душе. Беспокойство — как злая мышь.

Он всегда не любил непонятные разговоры и загадки, полунамекы и хитрые взгляды. Это его злило. А здесь... Здесь было еще хуже. Он не понимал, что и почему хуже, только почувствовал: чтобы не стало совсем плохо, надо решить все мгновенно:

— Райка, стой!

Девчонки остановились, удивленно оглядываясь. Володя подошел почти вплотную.

— Слушай,— отчетливо сказал он.— Ребята говорят, что ты нарочно мазала по мишеням. Для меня. Да?

Девчонки приоткрыли рты. Райка сделала круглые глаза.

— Если да, скажи сразу, без дураков,— потребовал Володя.

Он смутно чувствовал, как рвутся между ними ниточки-паутинки. Ниточки, о которых он раньше не догадывался. Но рядом стоял весь натянувшийся, напряженно ждущий ответа Кашка, соучастник его победы, верный и доверчивый оруженосец. И это было главное.

— Скажи,— твердо повторил Володя.

Райка отступила к березе, запрокинула голову и принялась хохотать. Хохотала она старательно и громко.

«Аут»,— мысленно произнес Володя. Он по-прежнему чувствовал досаду, но беспокойство исчезло.

— Пойдем, Кашка. Разве их поймешь, девчонок... Пошли. Ты мне поможешь просунуть нитку в иголку.

Дни убегали. Чем ближе к концу, тем скорей. А письмо для Кашки не приходило.

Дежурные отправлялись на почту после обеда, в тихий час, который тянулся не один, а два часа. И это время было для Кашки не сон, а мучение. По нескольку раз он срывался с кровати и выскакивал из палаты, будто бы по неотложному делу. И смотрел, не возвращаются ли дежурные. Иногда Кашке удавалось встретить их, но такие встречи приносили одно расстройство: письма не было.

До прощального костра осталось четыре дня. Вернее, три с половиной.

Кашка лежал и смотрел на потолок. По деревянной балке ходила блестящая зеленая муха. Кашка загадал: если муха перейдет через длинную трещину, письмо сегодня будет обязательно. Муха через трещину не шла. Кашка то уговаривал, то ругал ее шепотом, но без всякой пользы. Муха погуляла вдоль балки и остановилась у круглого сучка. Неожиданно она стала толстеть, расти и превратилась в смешного челотяпика с усами и шпагой. Кашка не удивился такому делу, только не понял: как он там держится вниз головой. И еще оказалось, что сучок — это не сучок, а деревянная пробка. Челотяпик обхватил ее, начал раскачивать и наконец выдернул из гнезда. Пробка полетела вниз и хлопнула Кашку по лбу. Он моргнул и увидел, что ни пробки, ни челотяпика нет, а есть Алеша Малютов, который приготовился второй раз щелкнуть Кашку в лоб.

— Ждал письмо? На,— прошептал Алешка.— И вот еще, отдай своему Володьке...

Хороший человек Алешка! Просто чудо какой хороший!

Кашка перевернулся на живот, рванул конверт. Скорей! Ой, длинное какое! «Здравствуй, милый сынок...» Так, это как всегда, это хорошо. «Папа здоров...» — это замечательно. «Бабушка пишет...» Неважно, что она пишет! Где же главное? Ой, вот! «Конечно, пусть приезжает, мы будем очень...»

Ура!

Кашка тихой молнией скользнул в коридор, а оттуда в соседнюю палату.

Большие мальчишки, конечно, не спали. Двое дулись в шахма-

ты, один жевал печенье. Юрка Земцов целился в кого-то мыльницей, еще двое накачивали велосипедным насосом заштопанный волейбольный мяч. Мяч не накачивался и шипел. Мальчишки тоже шипели и ругались.

Володя лежал на животе и читал книжку.

— Володя,— ликующе зашептал Кашка,— смотри, мама пишет: «Пусть приезжает». Поедем, да?

Володя не сразу понял. Потом отбросил книгу. Ох, черт! Видно, Кашка всерьез вбил себе это в голову...

— Видишь, мама пишет: «Будем очень рады...»

Вот не было печали!

Но ведь он в самом деле тогда пообещал. Как же теперь выкрутиться?

А впрочем... Надо ли выкручиваться? Если уж обещал... Домой, конечно, уже хочется здорово. Но ведь Кашка тоже...

Володя сел в кровати. Эх ты, Кашка... Вот он стоит перед ним, тонконогий малыш-оруженосец. Смотрит радостными серыми глазами. Поверил уже.

А может, правда съездить? На пару дней. Дома, конечно, будет нахлобучка, но... наверно, не очень сильная. Райка отвезет записку. Папа поймет. Мама? Пошумит и тоже успокоится. В Белый Ключ ведь он тоже один ездил, а был на год младше.

Может, в самом деле съездить? А то разъедутся они с Кашкой в разные стороны и, кто знает, увидятся ли когда-нибудь еще?

— Ладно, Кашка. У нас ведь еще четыре дня. Договоримся.

— Три,— настороженно сказал Кашка.— А разве мы еще не договорились?

— Ну... Эх, пусть. Договорились. Если все будет в порядке, то договорились... А что это за письмо еще?

— Ой, оно тебе. Я забыл даже...

От кого бы это? Надо же, от Надежды! Интересно... Но он прочитает, когда никто не будет мешать. Так лучше.

— Ну, Кашка, иди досыпай. А то нам Серафима даст жизни.

— Даст,— радостно согласился Кашка.

Он исчез, а Володя распечатал письмо.

«Вова, здравствуй!

У меня радость. Папка наш едет в командировку в Ленинград и меня берет с собой. А по дороге мы к вам заедем на

три дня. Ты мне весь город покажешь. Помнишь, ты обещал? И театр, и скелет мамонта в музее, и пристань, и летний трамплин. Я знаю, ты 23-го из лагеря приедешь. Мы к вам тоже двадцать третьего приедем. А к нам в Ключ ты собираешься? Встретимся — договоримся. Ура!

Н.»

...Юркина мыльница свистнула над Володиной головой, ударилась о стену и развалилась на половинки. Володя не шевельнулся. Он смотрел в письмо, будто хотел прочитать, какой же придумать выход. Но не было выхода. Тут или — или... Но никакого «или» быть не может. Потому что Надежда — это Белый Ключ, это озера с темной водой и чешуйками месяца, и звезды в разрыве листьев, и солнечные заросшие улицы, и веселье, и ночные костры...

Но... «Костер как живой, он похож на жар-птицу...»

Как же теперь ему объяснить? Как рассказать, что такое эта круглолицая строптивая девчонка?

Эх, Кашка, Кашка! Не везет тебе, оруженосец...

А Кашка, измученный ожиданием и счастьем, спал, лежа ничком поверх одеяла. Ему приснился большой красный самолет в очень синем утреннем небе. Он летел так низко, что пригибались верхушки берез. Самолет весело трещал и блестел стеклами.

Глава десятая

Это последнее утро было бессолнечным и сырым. Ночью шел дождь. Володя, просыпаясь, слышал сдержанный шепот капель и вздохи ветра. Сейчас дождя не было, но тяжелые облака так и не разошлись. Володя открыл глаза и увидел в окнах влажный пасмурный свет.

Вставать не хотелось. Володя закинул руки, вцепился в спинку кровати и потянулся. Заскрипела сетка. «Странно как-то получается, — подумал Володя. — Скоро я встану и, наверно, никогда в жизни уже не лягу на эту кровать. И в этой комнате, может быть, никогда уже не буду». Он разглядывал

некрашенные доски потолка с привычным рисунком трещин и сучков. Прямо над головой были два круглых сучка, похожих на клоунские глаза, и третий, напоминавший сплюснутый нос. Под «носом» шла вдоль доски короткая широкая расщелина, будто растянутый в тонкую улыбку рот. Это было знакомое лицо потолка. Оно смотрело на Володю каждый вечер и каждое утро. Теперь уж не будет смотреть.

В приоткрытое, затянутое марлей окно сочился пахнувший дождем воздух. Володя поежился и выпустил железные прутья спинки.

Слева послышалось деловитое сопение. Володя повернул голову. Юрка Земцов сидел в кровати, держал на коленях рюкзак и укладывал в него свое имущество.

— Не терпится? — равнодушно спросил Володя.

— А зачем время терять? — Юрка повертел в руках лопнувшую по всем швам волейбольную крышку (взять или выбросить?) и утопил ее в рюкзаке. — Сразу соберешься, потом забот меньше. А ты чего кислый? Все-таки домой едем. Неохота?

В самом деле, почему ему ничуть не весело? Ведь домой! Ведь так хотелось домой! Надежда придет. Но тут же он понял почему.

Кашка...

Володя вспомнил вечерний разговор. Они встретились за оградой лагеря, среди больших сосен. Подальше от чужих глаз. Кашка сидел на пеньке и смотрел на Володю, подняв маленький острый подбородок.

— Никак не можешь, да? — тихо спросил он.

Володя покачал головой. Он смотрел в сторону. По траве прошел ветер и пригнул головки подорожника.

— Не обижайся, Кашка, — сказал Володя.

Кашкины глаза стали удивленными. Он совсем не обижался. Как он мог обижаться на Володю? Раз Володя так решил, значит, так надо. Но было очень грустно, и Кашка все еще надеялся, что найдется какой-то выход. Может быть, Володя придумает.

— А если хоть на один денек? — шепотом спросил Кашка. — Тоже нельзя, да?

— Понимаешь, Кашка, никак... — Володя старался говорить очень мягко и убедительно.

Кашка медленно вздохнул. Его остренькие ключицы приподнялись и упали.

«Надо было сказать ему сразу,— болезненно подумал Володя.— Черт меня дернул тянуть это дело».

— Если бы не это письмо, мы бы обязательно поехали,— проговорил он.— Честное слово... Но мы ведь в будущем году опять встретимся,— добавил он почти жалобно.

— Ага...— откликнулся Кашка. Он сидел теперь согнувшись и расковыривал кору на пеньке. На Володю не смотрел.

Прозвучал за деревьями горн.

— Ну вот,— с облегчением произнес Володя.— Это вас на ужин зовут. Что-то рано сегодня...

Кашка медленно поднялся.

— Отряхнись,— сказал Володя.— Все штаны в мусоре.

Кашка покорно дал себя отряхнуть.

— Ну, все в порядке... Слушай, Кашка, давай попрощаемся сейчас. Мы же завтра на разных машинах уезжаем. Рано утром. Наверно, и увидаться не успеем. А на костер вас, наверно, не пустят, чтобы завтра не проспали.

Кашка кивнул. Он стоял, крутил на животе пуговицу рубашки и не знал, что сказать.

Володя взял двумя руками его маленькую ладонь. Ладонь была вялая. Совсем не такая, как раньше. Вчера дежурные не пустили Кашку в столовую, придрались к пятнам смолы на пальцах, и Володя потащил его отмывать руки. От тер их большущим куском мыла, а Кашка визжал, дурачился, и его скользкие ладони вырывались из Володиных пальцев, как живые карасята. А сейчас...

— Ну, беги,— сказал Володя.— Пора. Двигай, Кашка...

— Ага...— прошептал Кашка.— Я пошел.

И он зашагал к лагерю.

«Если бы можно было разорваться,— подумал Володя.— И домой, и к нему...»

Кашкина понурая фигурка мелькала среди потемневших сосен.

«Только бы он не заплакал»,— подумал Володя.

...Но Кашка не плакал. Зачем? Так уже было. Уехал куда-то добрый мальчишка Пимыч. Ушел в далекие горы бесстрашный путешественник Костя. Все встречаются, а потом расстаются. Нечего тут плакать...

Зато Кашка скоро приедет домой, и там будут мама и папа.

Кашка вспомнил о доме, и сразу все просветлело. Слезы растаяли. Кашка пошел дальше не опуская головы.

Но вот он вышел на лужайку, где они с Володей жгли костер. След костра был как черная заплата на мохнатом травяном ковре. У Кашки опять заскребло в горле.

Завтрак был торопливым и коротким. Володя проглотил противный теплый компот и поскорей вернулся в свою дачу.

Юрик Земцов оказался прав: следовало собраться заранее. Почти все уже были готовы, а Володя искал под кроватями зубную щетку и фонарик...

Когда рюкзак был уложен, Володя заметил, что в комнате уже пусто.

Володя ловко бросил рюкзак за спину — обе лямки на одно плечо. Поправил ставшую непривычной кепку: он почти не носил ее в лагере. Взял в углу свою узорчатую тросточку.

Оглянулся на пороге.

Постели были убраны, на полу мусор: обрывки газет, сухие сосновые иглы и блестящая пряжка от сандалии. Плакат, на котором краснощекий горнист играл побудку, оторвался верхним углом от стены и повис, как приспущенный флаг. Видны были только ноги горниста и надпись: «Ура пионерскому лету!»

Вот и все. «Синие Камни», прощайте! Было хорошо, и поэтому сейчас грустно. Но впереди тоже много хорошего, и поэтому грустно не очень. Прощайте, скалы в дальнем конце просеки, алый шиповник по краям полян, желтые костры в сизых сумерках, красный олень, бегущий сквозь кусты... И маленький оруженосец Кашка...

Видно, так уж устроено в жизни. Встретятся два человека и сначала смотрят друг на друга хмуро и непонятливо, а когда эта хмурость исчезает и хочется быть вместе, вдруг наступает вот такой пасмурный день. И надо прощаться. Тут уж ничего не придумаешь, у каждого своя дорога.

«Не надо больше встречаться с Кашкой, — подумал Володя, сходя с крыльца. — Ни к чему с ним сейчас встречаться. Хорошего от этого не будет ни ему, ни мне. Он еще заплачет...»

Но Володе не повезло. Он обогнул дачу и увидел, что вдоль аллеи стоит длинная шеренга малышей. Уже одетые в дорогу, с рюкзаками и чемоданчиками, они выстроились для последней переклички. Ветер сеял водяную пыль, и малыши стояли непривычно тихие, присмиревшие. Серафима нервно размахивала листком бумаги и повторяла:

— До станции поедem в автобусе. Вместе с другими ребятами. Ведите себя как следует. На вокзале разделимся. Те, кто в город, поедут на электричке с Сергеем Петровичем. Те, кто в Новореченск и Камшал, поедут со мной. Повторяю...

«Значит, Сережи с нами не будет,— подумал Володя.— Наш грузовик пойдет в город по тракту, на станцию не заедет...»

Кашка стоял почти в конце шеренги. Был он сейчас совсем маленький. В мятой вельветовой кепчонке, в серой курточке, в сморщенных на коленках чулках. С большим портфелем, перевязанным веревочкой. Левый чулок сползал, и Кашка то и дело поддергивал его. Лицо у Кашки было совсем не улыбочное и равнодушное: словно ему все равно, куда ехать и что делать.

Володе стало не по себе. Если бы он был девчонкой, он мог бы подумать: «У меня защемило сердце». Но он не был девчонкой и думать о таких нежностях не умел.

— Новоселов! В машину! — закричали издалека.— Воло-о-дя-а!

Кашка вздрогнул, распрямился. И конечно, увидел Володю.

Он глянул в упор, и в серых глазах его тут же вспыхнула крошечная надежда. И стала расти. «Ты передумал, да? Ты поедешь?»

«Уйти бы...» — тоскливо подумал Володя. И уйти было нельзя.

— Еще раз повторяю,— с надоедливой громкостью говорила Серафима.— Вести себя надо как следует, потому что... Новоселов, а тебе что надо? Не мешай ты нам...

— Ладно, потерпи,— сказал Володя.— Теперь уж недолго.

Он взял Кашку за плечи и, пятясь, вывел его из строя. Так они пересекли аллею. Володя остановился, прислонившись рюкзаком к березе.

— Ну вот... — негромко сказал он.— Счастливо тебе, Кашка.

— Ага... Счастливо,— ответил Кашка шепотом и стал смотреть на свои сандалии. Сверху, с березовых листьев, падали увесистые капли.

Володе до смерти захотелось, чтобы все было как раньше. Чтобы вспыхнуло солнце, сверкающее, будто труба горниста; чтобы ветер обсушил деревья; чтобы стало тепло и ободренный Кашка улыбнулся своей чуть виноватой улыбкой. Но что же мог Володя сделать? Ведь не мог он разогнать тучи.

Кашка опустил голову так низко, что Володя не видел его

лица. Видел только вельветовую кепку с кнопочкой, светлый затылок и тонкую Кашкину шею с желобком. Большая капля упала прямо в этот желобок и покатилась за воротник. Но Кашка только шевельнул плечами и не поднял головы.

— Ты ведь можешь написать письмо,— сказал Володя.

— Ага...— шепотом откликнулся Кашка.— А куда?— Он медленно поднял лицо.

— Я сейчас. Я адрес дам.— Володя сбросил рюкзак и торопливо зашарил по карманам. Он нашел все, что нужно: огрызок химического карандаша и какой-то бумажный клочок. Он развернул бумажку.

Это были Кашкины стихи.

Я веток сухих и иголок найду
Стиклом от бинокля огонь
развижу кастер как живой...

«Нельзя,— подумал Володя.— На этом никак нельзя».

Но больше не было бумаги. Тогда он снял кепку, растянул ее пальцами на березовом стволе и, мусоля карандаш, начал выводить на подкладке крупные буквы. Потом яростно рванул трескучий сатин.

— Вот, Кашка, адрес. Не потеряй эту тряпку. Где у тебя карман? Ага, вот сюда. Ты смотри пиши. Я тоже напишу. Обязательно, Кашка. Ладно?

— Ладно...— Кашка снова смотрел ему прямо в лицо.— Володя... А если ты только на сегодня съездишь? Хоть дорогу узнаешь. Это тоже нельзя, да?

— Голубев, Новоселов! Вы же держите всех!— окликнула Серафима.— На автобус пора!

Володя поднял из травы свою тросточку и вложил в Кашкину ладонь. Сжал его пальцы вокруг узорчатой рукоятки.

— Бери,— твердо сказал он.— Все. Пиши.

Он вскинул рюкзак и торопливо зашагал к своей машине. Оттуда уже звали его несколько голосов.

— До свидания!— запоздало крикнул Кашка.

Володя, не оглядываясь, махнул рукой.

Грузовик стоял у ворот лагеря. Все ребята уже были в кузове. С ними сидела худая очкастая Рита, вожатая третьего отряда.

Володя вскочил на колесо и перевалился через высокий борт.

— Володька! Мы место заняли! Иди! — услышал он и увидел Юрика Земцова. Юрка поднялся с передней скамейки и махал мятым беретом, на котором только что сидел. Там же, среди тюбетеек и фуражек, зеленела Райкина косынка.

— Сейчас, — сказал Володя. — Встал и поднял рюкзак. Поднял повыше, чтобы не зацепить чью-нибудь голову. Рюкзак был тяжелый, вытянутая рука дрожала.

— Ну-ка, пустите, — сказал Володя.

Мальчишки заворчали и задвигались.

— Шагай скорей! — звал Юрик.

Уже работал мотор, и дно кузова мелко вздрагивало под подошвами. Рюкзак тихо качался над головами.

— Сейчас, — зачем-то снова сказал Володя.

— Да возьмите же у него мешок! — не выдержала Райка. — Олухи, честное слово!

К рюкзаку потянулись чьи-то растопыренные ладони. Володя медленно отвел руку в сторону, за борт.

И разжал пальцы.

«Костер как живой, он похож на жар-птицу...»

Рюкзак тяжело шмякнулся у колеса, и Володя пружинисто прыгнул рядом. Он услышал, как в кузове ойкнула Райка.

Володя выхватил карандаш и листок с Кашкиными стихами — теперь было все равно. Он прижал бумагу к борту грузовика. Писал, пропуская буквы и запятые, и чувствовал, как убегают секунды. Потом крикнул:

— Райка!

Среди удивленных и встревоженных лиц он увидел над собой Райкино лицо.

— Слушай! — сказал он громко и отчетливо, чтобы ни одной секунды потом не тратить на повторение. — Зайдешь к нам, отдашь это. — Он протянул записку.

— Ой, Вовка! Ой, будет тебе дома... — быстро начала Райка, потому что поняла его сразу. — Ой, дурак...

Но он уже бежал, и наспех подхваченный рюкзак неуклюже прыгал у него за плечом.

— Новоселов! Что за фокусы! — Это кричала вслед Рита, но Володя не оглянулся. Больше всего он боялся одного: не успеть. Кеды скользили по сухим сосновым иголкам. Двигатель длинного красного автобуса уже гудел напряженно и нетерпеливо. Вот-вот захлопнется с коротким змеиным шипением дверь!

И казалось Володе, что он уже слышит это шипение. Но, видимо, это был встречный ветер.

Он успел.

Он влетел в дверь, и она закрылась, едва не прищемив рюкзак.

Сразу же Володя увидел Кашку. Он сидел у окна. Но смотрел он не в окно, а прямо перед собой, положив подбородок на спинку переднего сиденья. Рядом устроился Генка Молоканов. На пухлых коленях он держал Кашкину тросточку и с удовольствием ее рассматривал. «Выманил уже, скотина», — мельком подумал Володя. Он шагнул вперед и сурово сказал Молоканову:

— Геть.

Тот захопал ресницами и безропотно сполз с сиденья. Что теперь делать с тросточкой, он не знал и нерешительно топтался рядом.

Кашка поднял голову. Выпрямился. И тоже заморгал. Автобус уже катил среди сосен, и по Кашкиному лицу пролетали быстрые тени.

Володя бросил на сиденье рюкзак, уперся в него кулаками. Так он и стоял, чуть согнувшись, и смотрел на Кашку.

Кашка начинал улыбаться.

В автобусе молчали. Сережа молчал и ребята.

Кашка медленно придвинулся к рюкзаку и обнял его левой рукой. Словно это был не рюкзак, а кто-то живой и добрый. И снова взглянул на Володю. Смотрел он снизу вверх, подняв острый подбородок. Улыбка его была все еще несмелая и немного смешная, потому что не хватало переднего зуба.

А Володя вдруг заметил, что глаза у Кашки не серые. Они светло-голубые с коричневыми крапинками.

1965 г.

МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ

Роман

*

Ребята, в этом романе рассказывается о мальчишке, который очень верил в дружбу, в честность и доброту. И считал, что все люди должны быть справедливыми друг к другу. А еще он верил в свою сказку про всадников, которые приходят на помощь в очень трудные минуты. Верил так крепко, что не сказочные, а настоящие всадники в звездных шлемах примчались ему на выручку, когда случилась беда.

Когда журнал «Пионер» печатал повести об этом мальчишке — Серееже Каховском, — в редакцию приходили письма. Мальчишки и девочки писали Серееже, просили его адрес, очень хотели с ним подружиться.

А отвечать на письма пришлось мне.

Дело в том, что такого Сереежи, по фамилии Каховский, я не знал.

Кое-кто из читателей, наверное, обидится: «Значит, нас обманули!»

Нет, ребята. Просто в книгах не описывается все в точности, как случилось в жизни. Ведь и художник, когда рисует картину, не делает ее похожей на фотоснимок.

Сереежи Каховского не было. Не было и отряда с названием «Эспада». Но все время, когда я писал «Мальчишка со шпагой», рядом со мной были ребята, очень похожие на Сереежу. Рядом со мной, вместе со мной рос и работал, шагал через поражения и радовался победам такой же, как «Эспада», пионерский отряд — отряд юных моряков, юнкоров и фехтовальщиков.

Я точно знаю: не будь этих ребят — не было бы и «Мальчишка со шпагой».

И потому этот роман я посвящаю своим лучшим друзьям: матросам, подкиперам и барабанищикам, штурманам и капитанам, флаг-капитанам и флагманам отряда «Каравелла».

Владислав Крапивин

Часть первая

Всадники на станции Роса

1

Хорошее было у станции название. Очень для нее подходящее. Мальчик пришел сюда рано утром, и, пока он брел от дороги к домику, брюки у него до колен вымокли от росы. Потому что кругом стояли высокие травы и на них дрожали крупные водяные шарики. В шариках загорались огоньки: малиновые, золотые, синие.

Мальчик подошел к скамейке, поставил чемодан, бросил на него потертую рыжеватую курточку, сел и стал ждать поезд.

Ждал он долго и терпеливо.

Огоньки в траве давно погасли, пришел июльский безоблачный полдень.

Станционный домик стоял среди лопухов и высокой овсяницы. Он был небольшой, светло-коричневый, с белыми кружевными карнизами. На острой башенке весело торчал жестяной петух. Он будто высматривал, не спешит ли сюда из-за дальних лесов какой-нибудь поезд. Но поезда появлялись редко: станция располагалась не на главной дороге, а на боковой ветке.

У крыльца, в палисаднике, стояла гипсовая скульптура: мальчик и жеребенок. Низенький постамент скрывался в траве, и можно было подумать, что мальчик с жеребенком стоят прямо на земле. Будто они играли на соседнем лугу и на минутку забежали на станцию взглянуть на круглые часы: не пора ли обедать? Наверно, было еще не пора, потому что они затевали новую игру.

Мальчик правой рукой обнял жеребенка за шею и чуть нагнулся, словно хотел что-то ему на ухо прошептать. Жеребенок стоял смирно, однако в каждой жилке его звенело нетерпение. Он будто говорил: «Я тебя люблю и слушаюсь, но давай поскорее перестанем шептаться и пойдем еще поскачем».

Так, по крайней мере, казалось маленькому пассажиру. Ему нравились гипсовые мальчик и жеребенок, чем-то похожие друг на друга — оба тонконогие, ловкие и, конечно, веселые, — и он смотрел на них как на товарищей. И даже немного им завидовал. Но все-таки они были ненастоящие.

Мальчик на скамейке вздохнул и перевел взгляд.

Дверь в дом была открыта. В маленьком станционном зале громыхала ведрами пожилая уборщица. За домом поднимался зеленый солнечный бугор с редкими и очень прямыми березами. За березами виднелись крыши и антенны дачного поселка. Еще дальше темнел сосновый лес. Он огибал станцию с трех сторон. А на юге, за рельсовой линией, уходили к реке светлые луга и кустарники.

Было жарко и тихо (только ведра погромыхивали). Пахло смолой и гудроном от разогретых шпал.

Из-за бугра пришел серый клочкастый пес. Ростом с козу. У него были полустоячие уши, толстые лапы и озабоченная морда. Он сунулся было в дверь, но увидел уборщицу и попятился, поджав похожий на веер хвост. Улизнув от двери, пес принял независимый вид и деловито оглянулся. Тут он заметил мальчика.

С полминуты они разглядывали друг друга с любопытством и чуть настороженно. Потом пес медленно двинулся к мальчику и остановился в трех шагах.

— Чего тебе? — сказал мальчик. Сказал не сердито, а с неловкостью, как говорят с маленькими детьми, когда не умеют с ними обращаться и боятся обидеть.

Пес нерешительно махнул хвостом. Один раз.

Мальчик чуть улыбнулся. Щелкнул замком чемоданчика и поднял крышку. Пес сделал еще шаг, торопливо сел, наклонил голову и совсем по-человечьи моргнул. Мальчик вынул газетный сверток с дорожным запасом. Это были два ломтика хлеба, а между ними — котлета. Песий хвост засвистел и замелькал как пропеллер, с пушистых одуванчиков стайками взлетели семенепаращютики и осели у мальчика на брюках. Он засмеялся, разломил котлету и бросил половину псу.

Мальчик думал, что кусок моментально исчезнет в собачьей пасти. Но пес, получив угощение, перестал вертеть хвостом, лег и начал жевать котлету, деликатно придерживая лапой. При этом поглядывал на мальчика благодарно и хитровато. Другую половину котлеты мальчик съел сам.

Потом они поделили хлеб. Он был не такой вкусный, как котлета, но пес охотно сжевал весь кусок и выразительно посмотрел на мальчика: «Нет ли еще?»

— Все,— сказал мальчик.

Пес глазами показал на газету: «А это?»

— Это же просто бумага. Видишь? — Мальчик повертел перед ним смятый газетный лист.

Пес не прочь был пожевать и бумагу, пропитанную таким вкусным котлетным запахом, но мальчик не понял. Он скомкал газету и оглянулся: куда бы кинуть? Кругом было чисто. В траве палисадника и на дорожке мальчик не заметил ни окурков, ни бумажных клочков. К тому же сердитое побрякивание ведер напоминало, что мусорить на станции не следует. Уборщица уже вымыла пол внутри дома и мыла крыльцо. Мальчик подошел к ступеням.

— Скажите, пожалуйста, куда можно бросить бумагу?

Уборщица выпрямилась и глянула с высоты. Она сделала вид, что лишь сию секунду заметила мальчика, хотя давно украдкой наблюдала за ним. Она знала, что от мальчишек добра не бывает. Бывают лишь вытоптанные клумбы, шум, беспорядок, а то и окурки по углам. Она привыкла обходиться с этим народом сурово. Но сейчас привычка боролась в ней с симпатией к незнакомому парнишке — спокойному, удивительно ясноглазому, непохожему на скандальных поселковых пацанов.

Наконец она снисходительно сказала:

— Если уж так порядок любишь, снеси вон туда, за угол. Там мусорный ящик есть.

Он кивнул и неторопливо зашагал по тропинке, протоптанной вдоль кирпичного фундамента. Пес неодобрительно взглянул на уборщицу и пошел за мальчиком. Они свернули за угол.

Уборщица смотрела мальчику вслед. «Ишь какой,— думала она со скрытым удовольствием.— Не хулиганистый, ладненький мальчонка. Родители, видать, культурные...»

Потом она взглянула на скамейку, где мальчик оставил вещи. Курточка сползла со спинки и свалилась в траву. Женщина

вытерла о подол руки, спустилась с крыльца и подняла куртку. «Из лагеря возвращается,— подумала она.— Чего же это он одного? Самостоятельный...»

...К большому огорчению пса, мальчик бросил вкусную газету в побеленный дощатый ящик и хлопнул крышкой. Пес вздохнул и сел.

— Что вздыхаешь? — спросил мальчик. — У тебя тоже неприятности?

Пес замахал хвостом. Он как бы говорил: «Неприятности — чувшь. Если хочешь, я готов быть веселым».

— Ты смешной,— сказал мальчик. — Ушастый, хвостатый, блохастый.

Пес наклонил набок голову. Одно ухо встало у него торчком, а другое совсем упало и закрыло глаз.

Мальчик засмеялся:

— Чучело репейное. Как тебя зовут?

Пес вдруг подскочил и припал на передние лапы. Он приглашал поиграть. Морда у него стала дурашливая и озорная.

— А ты меня нечаянно не слопаешь? — спросил мальчик.

Пес замотал головой так, что уши захлопали: «Ни в коем случае!»

Мальчик шлепнул его по косматому загривку:

— Ты ляпа! Догоняй! — и помчался по высокой траве.

Разинув большую розовую пасть, пес рванулся за ним. Он тут же догнал мальчика и постарался ухватить его за ногу. Мальчик споткнулся и полетел в упругие заросли репейника. Пес вцепился в его штанину. Обрадованно заурчал. Но при этом косился золотистым глазом: «Тебе не больно? Ты не ушибся?»

— Эй-эй! — крикнул мальчик. — Брысь со своими зубами! Не имеешь права!

Он тряхнул ногой и вскочил. Пес отпрыгнул и ждал, махая хвостом.

— Смотри, что ты грызешь,— укоризненно сказал мальчик. — Мои заграничные штаны. На них твой портрет, а ты — зубами...

Он повернулся к собаке задним карманом. Карман украшала кожаная заплата с отпечатанной головой овчарки и буквами «Szarik». Это был знаменитый Шарик из польского фильма «Четыре танкиста и собака». Но кудлатый станционный пес не смотрел многосерийных телефильмов, и ему было все равно. Он снова примерился, как бы сцапать мальчишку за штанину.

— Ах, ты так?!

Мальчик прыгнул к нему и хотел повалить в траву, но пес увернулся и зигзагами бросился наутек.

— Догоню! — крикнул мальчик.

И правда догнал, хотя и не сразу. Хлопнул пса по кудлатой спине:

— Ты опять ляпа! А ну, поймай!

И пес бросился за ним... Он понял, что такое игра в «ляпки»...

Наконец они устали. Мальчик сел на старую шпалу в тени красной трансформаторной будки, похожей на часовенку. Пес встал перед ним, вывесил язык и моргал желтыми глазами.

— Ты хороший, — сказал мальчик. — Ты совсем не чучело. Я пошутил.

Пес одобрительно задышал, подошел вплотную и сунул морду мальчику под мышку.

— Пойдем, — сказал мальчик. — Вдруг у меня украли чемодан со скамейки? Тогда мы с тобой бросимся по следу и поймаем преступников. Согласен?

Пес был на все согласен. Они пошли в станционный скверик. Чемодан оказался на месте, куртка тоже. Да и кто мог их взять? На всей станции, кроме мальчика, было всего три человека: в глубине дома дремал пожилой дежурный, в комнатке с квадратным окошечком шелестела журналom кассирша, а недалеко от крыльца чистила медный колокол уборщица. Она стояла на табурете и драила колокол тряпкой с белым порошком. Солнце отражалось в начищенной меди, как большая лучистая звезда.

Мальчик и пес подошли, и уборщица глянула на них неласково. Теперь мальчик не казался ей таким уж культурным и воспитанным. Был он помят и взъерошен, на рубашке и брюках висели серые шарики репейника, в спутанных светлых волосах торчали мелкие листики и обрывки травы.

— Извините, — сказал мальчик. — Вы не знаете, как его зовут? — Он притянул к себе пса за шею.

— Этого-то зверя? — спросила уборщица хмуро и пренебрежительно. — Да никак его не зовут. Как сго звать, если он бесхозный? Как хошь, так и зови. Он на все откликается, лишь бы кормили.

— Значит, он ничей?

— Может, и был чей, а сейчас не поймешь. Ребяшня приащила откуда-то, а в дом никто не пускает. Кусок кой-когда

кинут, ну и все... Кто Полканом кличет, кто Жучкой, кто Фантомасом.

— Спасибо,— сказал мальчик. Ему хотелось еще что-то спросить, но он не решался.

Псу было неуютно тут, рядом с сердитой женщиной, у которой в руках тяжелая тряпка. Он переступал передними лапами и нетерпеливо поглядывал на мальчика: «Пойдем отсюда, а?»

— Извините, что я вас отвлекаю,— сказал мальчик.— Я только хотел спросить: если его здесь не будет, о нем никто не станет беспокоиться?

— Да кому он нужен-то? Все равно когда-нибудь пристрелят за то, что кур гоняет.

— Видите, почему я спрашиваю... Я хочу его взять к себе домой, если он правда ничей.

— Такую лахудру?— изумилась уборщица.— Да мать-то вас обоих из дому веником выгонит!

Мальчик тихо сказал:

— Что вы! Никто не выгонит. Значит, я могу его взять?

— Да забирай на здоровье. Такое сокровище...

— Спасибо,— еще раз сказал мальчик и отступил к своей скамейке.

2

Человек устроен так, что ему обязательно нужен приют. Если он едет в вагоне, то привыкает к своей полке, и ему кажется, что эта полка — его маленький дом. Если он устраивается на ночлег в лесу под сосной, то сразу начинает отличать свою сосну от других: это дерево приютило его, и оно теперь ему ближе, привычнее, чем остальные.

Так и скамейка. Мальчик провел на ней почти полдня и привык.

Скамейка была сколочена из длинных деревянных брусков и покрашена в зеленый цвет. Давно покрашена. Бруски потрескались, краска шелушилась и отскакивала от дерева острыми сухими пластинками. Мальчик, пока сидел, потихоньку отколупывал их вокруг того места, где было вырезано слово «Алеша». Ему почему-то казалось, Алешей зовут гипсового парнишку. Мальчик поглядывал на него, но тот был занят, конечно, своим жеребенком.

Иногда мальчик вставал, чтобы напиться воды из бачка в пустом зале ожидания или погулять вокруг станции, а потом снова возвращался на скамейку, под ветки желтой акации — как домой. И снова сидел: ждал, когда пройдут долгие шесть часов и появится поезд.

Ему казалось, что ждет он очень давно, целую неделю. И целую неделю видит перед собой этот железнодорожный теремок, жестяного петуха на крыше, медный колокол и белую эмалированную табличку с синей надписью «ТЕЛЕФОНЪ» (сразу было понятно, что висит она тут с незапамятных времен, когда бегали по здешним рельсам паровозики, похожие на самовары).

У мальчика была привычка: от скуки читать все надписи задом наперед. Но прочитать наоборот слово «телефонъ» мальчик не мог из-за твердого знака. И от этого делалось еще скучнее.

Так было, пока не пришел пес.

Пес оказался добрый и веселый. И когда мальчик понял, что эта ничья собака стала теперь его и не надо никогда с ней расставаться, все прошлые горести показались ему пустяками.

Он подвел пса к своей скамейке.

— Мы будем жить вместе. Понял? Ты меня не бросишь?

Пес фыркнул, чихнул и замотал головой: то ли семя одуванчика влетело ему в ноздрю, то ли вопрос мальчика показался оскорбительным.

— Молодец ты, умница. Только как мы с тобой поедem в поезде? Подожди-ка...

Мальчик достал из кармана складной ножик и расстегнул брючный ремешок. Ремень был длинный и опоясывал худенького хозяина почти два раза. Мальчик отрезал лишний конец. Затем проколол в отрезанном куске несколько дырок, вытащил из другого кармана колечко медной проволоки, протянул ее сквозь отверстия.

— Ну-ка, давай голову, примерю ошейник.

Пес отнесся к приглашению без восторга. Но не спорил. Он терпеливо ждал, когда мальчик закрепит у него на шее непонятную штуку.

— Ну вот, — с удовольствием сказал мальчик. — Теперь ты не бродяга, а вполне законная собака. И ничего, что ты худой и кудлатый. Ты еще станешь гладкий и красивый, когда подрастешь. Ты ведь еще не взрослый, хоть и большой. Ты почти щенок.

При последнем слове пес торчком поставил оба уха и моргнул.

— Ще-нок...— ласково повторил мальчик.

Пес переступил передними лапами и усиленно замахал хвостом. Мальчик засмеялся:

— Нравится? Я и буду звать тебя Ще-Нок. А когда вырастешь, «Ще» мы отбросим.

Он вытащил из чемодана, из-под маек и рубашек, старенькие кеды, выдернул из них шнурки. Потом соединил шнурки узлом и один конец привязал к ошейнику. Поводок получился непрочный, но он ведь и нужен был только для вида: пес, по имени Ще-Нок, и без привязи не отходил от хозяина ни на шаг.

— Пошли,— сказал мальчик.

Они отправились к кассе, и мальчик вежливо побеспокоил молоденькую кассиршу, увлеченную журналом мод:

— Скажите, пожалуйста, для собаки надо брать билет?

— А как же! Если до города—тридцать две копейки.

Мальчик обрадованно подмигнул псу: денег хватало. Теперь они оба станут пассажирами. Билет—это документ. Это доказательство, что Нок в самом деле его собака.

Он взял пса за ошейник.

— Пошли, товарищ пассажир.

И в этот момент мальчик увидел у своей скамейки человека.

Мальчик совсем не хотел с ним встречаться. Это был физрук лагеря Станислав Андреевич. Конечно, оказался он здесь неспроста.

Физрук пока не видел мальчика. Но все равно нельзя было ни спрятаться, ни убежать. Убегает и прячется тот, кто виноват. Или тот, кто боится. А мальчик знал, что не виноват, и не боялся. Правда, он испытывал тоскливое чувство: смесь унылой тревоги и досады, но это был совсем не страх.

Придерживая пса, мальчик медленно пошел к скамейке.

— А-га...— растянуто сказал Станислав Андреевич.— А то я смотрю: вещички здесь, а хозяина нет... Ну как? Набегался?

— Я не бегал.

— Ну... нагулялся, значит,— сказал физрук примирительно.

— Я не гулял. Я поехал домой, вы знаете.

— Смотри-ка ты, домой!— воскликнул Станислав Андреевич почти весело.— Ладно, друг, кончай дурака валять. И давай топать в лагерь, а то к обеду не поспеем. Да не бойся, ничего тебе не будет, это я тебе по секрету могу сказать.

Мальчик удивился:

— «Не будет»? Я и не боюсь, что «будет». Я просто решил уехать домой.

— Обиделся!

Мальчик вскинул глаза:

— А что? Человек не имеет права обижаться?

— Человек... Если всякий будет на ерунду обижаться да из лагеря бегать, что тогда?

— Во-первых, это не ерунда,— четко сказал мальчик.— Во-вторых, я не убегал. Я сказал, что уйду, и ушел. Начальник сам говорил: «Убирайся!»

— А ты и обрадовался! Мало ли что человек может сгоряча сказать! Может, ты хочешь, чтобы он у тебя прощенья попросил?

Мальчик подумал:

— Нет, не хочу. Да он и не будет.

— Слава богу, догадался. Сам во всем виноват, а еще выкаблучиваешься.

— Я? Виноват? — опять удивился мальчик.

Станислав Андреевич вздохнул и сказал добродушно:

— Ну ладно, парень. Не будем спорить, кто виноват. Я про эту историю подробно и не знаю. Мне что нужно? Чтобы ты в лагерь вернулся.

Мальчик мотнул головой:

— Не вернусь я... Теперь я уж совсем не могу, даже если бы и хотел. Видите, у меня собака. Куда ее девать? В лагерь ведь не пустили бы... Нок, лежать! — Он ладонью нажал псу на загривок, и тот неохотно лег.

Физрук с усмешкой спросил:

— Где ты подобрал эту зверюгу?

— Подарили.

— Ну и подарочек... За версту видно, что он дурак и трус.

— Мне и такой хорош,— сдержанно сказал мальчик.

Станислав Андреевич щелкнул языком. Пес шевельнул хвостом, добродушно разинул розовую пасть и вопросительно глянул на мальчика. Тот сделал шаг вперед, словно хотел загородить собаку от чужого человека.

— Выходит, ты променял весь лагерь на бродячего пса,— сказал Станислав Андреевич.

Мальчик слегка растерялся:

— Да ничего я не менял... Ну при чем здесь ваш лагерь? Он без

меня проживет. А собака не проживет. Мне ее отдали, значит, я за нее отвечаю.

— А за тебя отвечает коллектив. И администрация,— внушительно сказал физрук.— И покидать лагерь ты не имеешь права.

— А почему?

— Потому что порядок должен быть. Вот пускай приедут родители, напишут заявление, что хотят забрать тебя, и тогда— до свидания.

— Как же они приедут? Они не знают...

— Напиши им.

— «Напиши»...— насмешливо откликнулся мальчик.

— Да ладно тебе,— кисло сказал Станислав Андреевич.— Ты много о себе воображаешь. Думаешь, будто кому-то нужны твои письма! Если хочешь, можешь и это отправить, оно у меня. Тихон Михайлович велел отдать. Хоть сейчас опускай в ящик, вон он висит.

— Давайте,— быстро сказал мальчик.

Физрук протянул ему помятый конверт. Мальчик сложил его пополам и сунул в карман.

— Ты опускай, опускай в ящик-то.

— Зачем?— хмуро сказал мальчик.— Оно два или три дня будет идти. А сам я сегодня вечером буду дома.

Станислав Андреевич насупился и тяжело произнес:

— Не будешь ты дома... вечером. Ты эти шуточки играть со мной перестань. Мне директор сказал, чтоб тебя в лагерь доставить. Я доставлю, будь спокоен.

— Как?— удивленно спросил мальчик.— Разве я посылка или багаж? Ну как вы меня доставите, если я не хочу?

— А очень просто!

Станислав Андреевич шагнул к скамейке, левой рукой подхватил чемоданчик и куртку, а правой взял мальчика за локоть.

В первую секунду мальчик замер от неожиданности: никогда в жизни ему не приходилось еще испытывать на себе злую силу взрослого человека. В следующий миг напрягся он, чтобы рвануться со всей обидой и яростью! Но тут же почувствовал: напрасно. Пальцы физрука— сильные, загорелые, с белыми волосинками и короткими ногтями— охватили тонкую руку мальчика с каменной прочностью. И он отчетливо понял, что выхода нет. Сейчас этот человек в самом деле уведет, утащит его отсюда, и никто не заступится. Если кто-нибудь и встретится по дороге,

то поверит, конечно, взрослому, а не мальчишке, у которого сто грехов: нарушил дисциплину, сбежал из лагеря, не слушает старших...

«Но ведь это неправда! Как вы смеете! Вы же не имеете права!» Мальчик хотел крикнуть эти слова, но помешали закипающие слезы. Отчаянные слезы готовы были прорваться вместо слов. Но в этот миг сзади раздался короткий хриловато-горловой звук.

Мальчик и физрук разом обернулись.

Пес уже не лежал. Он стоял на широко расставленных лапах. Это был совершенно незнакомый пес — со вздыбленным загривком и глазами хищника. Верхняя губа у него некрасиво сморщилась и открыла очень белые зубы.

Мальчик опомнился первым. И торопливым шепотом сказал: — Отпустите меня, он же бросится.

Пальцы словно оттаяли: стали мягкими и скользнули с локтя.

Радость мальчика была как теплый толчок. Он коротко засмеялся.

— Нок,— сказал он.— Ничего, Нок. Спокойно, Нок...

Пес шевельнул хвостом, но по-прежнему неотрывно смотрел на Станислава Андреевича, и шерсть на загривке не опускалась.

Мальчик подошел и взял Нока за ошейник.

Станислав Андреевич медленно отступил на три шага. И проговорил:

— Бешеный... Пристрелить его надо такого. И сам ты тоже псих. Ну, черт с тобой. Вот напишут тебе в школу такую характеристику, что на всю жизнь запомнишь.

Он отступил еще на несколько шагов. Потом осторожно повернулся и зашагал по тропинке к шоссе.

— Оставьте мои вещи,— сказал вслед мальчик.

Станислав Андреевич замедлил шаги, но не остановился. Он словно раздумывал: отдать чемодан или унести в лагерь? Может быть, тогда мальчишка сам прибежит?

Мальчик вспомнил его каменные пальцы, и опять нахлынула обида. Но это была не беспомощная обида. Глядя вслед уходящему человеку, мальчик звеняще повторил:

— Оставьте вещи!

Станислав Андреевич остановился, уронил в траву чемоданчик, куртку и опять зашагал. Не оглянувшись.

Пес посмотрел на мальчика, приоткрыл пасть и коротко задышал.

— Нок,— сказал мальчик.— Он ведь сам виноват. Верно?

И подумал: «Хорошо, что я не успел заплакать».

Потом он потянул Нока за ошейник и, опустив голову, пошел к брошенным вещам. Шел он очень медленно. И так же медленно возвращался. Лишь в нескольких шагах от скамейки он поднял глаза и увидел, что там сидит незнакомый мужчина.

Мужчина улыбнулся и сказал:

— Добрый день, Сережа.

3

Если бы он просто сказал «добрый день», было бы не удивительно. Ведь когда на пустой станции встречаются два человека, неудобно смотреть друг на друга молча. Но незнакомец назвал мальчика по имени. И мальчик встревожился, боясь новой опасности.

— Здравствуйте,— напряженно сказал он.

Все так же улыбаясь, мужчина объяснил:

— Ну, что ты удивился? Я прочитал твои анкетные данные на чемодане. Вон какой у тебя опознавательный знак.

Действительно, к боковой стенке чемоданчика был приклеен бумажный квадратик с печатными буквами: «Сережа Каховский, 5-й отр.».

— Правда, я и не догадался,— облегченно сказал Сережа. Он отпустил Нока и начал ногтями соскабливать с чемодана бумажку. Нок улегся рядом со скамейкой и вопросительно поглядывал на хозяина.

Сережа украдкой посмотрел на незнакомца. Тот сидел, неудобно согнув длинные ноги и откинувшись на спинку скамьи. На коленях у него лежала замшевая куртка, а правым локтем он придерживал пузатый желтый портфель. У незнакомца было длинное лицо с круглыми складками у рта, редкие волосы и длинные залысины. Он улыбался, показывая большие прокуренные зубы.

«Дон Кихот с портфелем»,— подумал Сережа. Подумал без насмешки. Дон Кихот (не этот, а настоящий, из книжки) ему нравился. А у этого «Дон Кихота» ему понравилась улыбка, хотя она могла показаться некрасивой и походила на улыбку лошади.

— Из лагеря возвращаешься?— спросил незнакомец.

— Да...— вздохнул Сережа.— Возвращаюсь...

— Любопытно. Неужели ты и красавца этого из лагеря везешь?— Мужчина подбородком показал на Нока.

— Нет. Я его здесь... Ну, в общем, его мне подарили.

— А, понятно. Славный пес. Главное, порода хорошая.

Сережа удивленно посмотрел на «Дон Кихота». Тот опять улыбнулся и повторил.

— Хорошая. Типичная среднерусская дворняга.

Сережа сказал слегка обиженно:

— Пускай. Мне породистая и не нужна. Зато он верный.

«Дон Кихот с портфелем» перестал улыбаться.

— Я не смеюсь,— объяснил он.— Такие вот дворняги очень часто бывают умнее породистых псов. Я знаю одну девочку, у нее совершенно беспородная собака первое место заняла на областной выставке. За выучку. Я про них писал— про хозяйку и про собаку, про Берту.

Сережа перестал соскребать наклейку и выпрямился. И тихо спросил:

— Вы писатель, да?

— Ну почему писатель? Я журналист. В редакции работаю... Видишь, поэтому я и любопытный такой. Как говорится, профессиональное качество...

— А...— сказал Сережа и вздохнул.

— Почему «а»?— спросил мужчина слегка ревниво.— В том смысле, что понятно, отчего я любопытен? Или жаль, что не писатель?

— Что не писатель,— честно сказал Сережа.— А то я хотел спросить...

— Д-да... А может быть, спросишь? Я кое-что в писательских делах понимаю. Или нельзя?

— Да нет, можно. Я просто узнать хотел...— Сережа замолчал, передвинул чемоданчик, присел на него и, глядя снизу вверх на «Дон Кихота», спросил:— Писатели про многое просто выдумывают, верно? Особенно фантастику или сказки. И ведь никто над писателями не смеется, не кричит, что они все наврали... А если какой-нибудь человек... ну, не писатель, а просто... Если он какие-нибудь истории просто для интереса начинает придумывать, его сразу дразнят, что хвастун. Почему?

— Бы-вает...— медленно сказал журналист.— Но тут, наверно, ничего не поделаешь. Просто не надо обращать внимания...

Между прочим, над писателями тоже иногда смеются... Дураки-то еще есть на свете.

Сережа кивнул. Хотел еще что-то сказать, повернулся... Шаткий чемоданчик опрокинулся под ним, и Сережа полетел в траву.

Он тут же вскочил и засмеялся.

— Садись-ка на скамейку,— сказал журналист.— А то раздавишь свой багаж да еще шею свихнешь.

— Не свихну. Мне эта скамейка уже надоела, я на ней с самого утра торчу.

— Ну и что? По-моему, очень удобно. Спинка удачно сделана, и вообще...— Журналист повозился на скамейке, устраиваясь поуютнее.

Сережа торопливо проговорил:

— Извините, я забыл сразу сказать. Там, кажется, где-то гвоздь торчит, можно брюки порвать.

«Дон Кихот» поспешно приподнялся. Ощупал под собой скамью.

— Черт... Действительно торчит. Это было бы чрезвычайно досадно — порвать штаны. Других у меня с собой нет.

— У меня нитка с иголкой есть. Зашили бы,— сказал Сережа.

— Спасибо, утешил... А почему ты свои не зашьешь? Вон у тебя внизу штанина распорола.

— Да ну их! Я их вообще снять хотел, да в чемодан не влазят... Я их надел, потому что через колючки надо было пробираться. Ну и зацепился там.

— Где же ты пробирался через колючки? Ты ведь из лагеря едешь?

Сережа нахмурился.

— Ну, извини,— поспешно сказал журналист.— Это опять профессиональная привычка. Командировочное настроение у меня. Когда я в командировке, то всех обо всем расспрашиваю.

— Значит, вы в командировке? — переспросил Сережа. Потому что неловко было молчать.

— Угу,— откликнулся «Дон Кихот».

Он вдруг внимательно посмотрел на Сережу, наморщил лоб, будто решал что-то. Потом спросил:

— Можно, я расскажу тебе маленькую историю? Ты не удивляйся. Понимаешь, мне очень интересно, что про эту историю скажет случайно встреченный человек. Ну такой, как ты... Можно?

— Конечно,— сказал Сережа.— А про что история?

— Да простое, в общем-то, дело... Получили мы в редакции письмо. От одного гражданина. Пишет гражданин про председателя здешнего колхоза «Луч». Пишет, что председатель этот такой-сякой, с людьми не ладит, зазнается, обижает подчиненных. Колхозные машины для своих личных дел использует. Пионеров из лагеря на колхозную стройку не велел пускать, когда они там хотели в порядке шефской помощи поработать...

— Это, наверно, про наш лагерь,— вставил Сережа.— Здесь близко другого нет.

— Наверно, про ваш... А еще председатель заставил студентов дом для его родственницы ремонтировать. Там студенческий строительный отряд работает, новый конный двор строят ребята, так вот целую бригаду из этого отряда послал он частный дом чинить... Ну и еще кое-что понаписано... В общем, приехал я в колхоз разбираться. Вопрос-то серьезный. И действительно, вроде бы так оно все и есть, как в письме. На первый взгляд. А если поглубже копнуть, то в письме сплошная чушь. Конечно, есть в колхозе люди, которым председатель не по вкусу: лодыри это и прогульщики. Когда народ на поле выходит, они на свой огород или на базар. И насчет машин — чепуха. А насчет пионеров, так он правильно сделал, что не разрешил. Нечего на этой стройке ребятишкам делать, там такие бревна да шлакоблоки, что и студенты едва управятся. А что касается ремонта дома, то это вообще стопроцентное вранье. Никакая она ему не родственница, а просто однофамилица. У нее муж в прошлом году умер, а был он, кстати сказать, инвалид, бывший партизан. Умер, не успел дом поправить. А студенты услышали эту историю и решили помочь. Их председатель и не заставлял. Вот так, брат... Ну, что?

Сережа смутился. Не привык он обсуждать такие «взрослые» вопросы.

— Ну так что...— сказал он с неловкостью.— Значит, все в порядке. Да?

Журналист шумно вздохнул и обрадованно заулыбался.

— Вот и хорошо. Ну, ты молодец, честное слово.

— Я... даже не понимаю,— растерялся Сережа.— Почему я молодец? Вы смеетесь почему-то...

— Просто радуюсь. Видишь, не везло мне сегодня с утра. Встретил двух знакомых одного за другим (у меня тут в округе знакомых полно), рассказал им эту историю, а они... Один меня

жалеть начал: вот, мол, зря съездил, фельетон-то писать не о чем. А другой начал молоть: «Знаем мы этих председателей. Хоть и не подтвердилось ничего, а все равно они такие...» И ни тот, ни другой не порадовались, что человек-то оказался хороший этот председатель. А ты вот сказал самое главное: «Все в порядке». Это ведь здорово, что ты так сказал.

Сережа подумал.

— Да... Только знаете что? Ведь тогда получается, что человек, который письмо писал — плохой.

«Дон Кихот» кивнул:

— Правильно заметил, Сережа. Только это и так было видно сразу. Еще когда письмо не проверяли.

— Почему?

— Ну... это заметно. Злое письмо. И подписано как-то странно. Вроде бы и есть фамилия, а не разберешь толком. На букву «С». И должность под фамилией написана странная: руководящий работник. Не нашел я в колхозе этого «руководящего работника», хотя многим письмо показывал.

— А он, наверно, просто не хотел, чтобы его узнали,— догадался Сережа.

— Наверно...— сказал журналист и задумался.

А Сережа сидел на чемодане, поглаживал Нока и незаметно разглядывал журналиста. Тот ему все больше нравился. И не потому, что он с Сережей разговаривал, как со взрослым. Это многие умеют. Сережа не сумел бы объяснить словами, но чувствовал доброту большого незнакомого человека. Это была сдержанная доброта, и в ней ощущалась уверенность и твердость. И когда «Дон Кихот» улыбался по-лошадиному или неловко передвигал длинные ноги, это было не смешно. Потому что за неловкостью была заметна сила. Ну не такая сила, как, например, у штангиста, а сила характера, что ли...

А может быть, все это Сереже показалось?

Ведь полчаса назад он пережил встречу с другим взрослым человеком — сильным и недобрым. Эта встреча оставила горькое беспокойство. И сейчас нужно было Сереже, чтобы рядом оказался кто-нибудь добрый и умный. Тот, кто все понимает.

«Интересно, как его зовут?» — думал Сережа. Но спросить было неудобно. И вдруг журналист (бывает же так!) встретился с Сережей глазами и сказал:

— Кстати, меня зовут Алексей Борисович... Ты не думай, что

я на знакомство напрашиваюсь. Просто неловко получается: я твое имя знаю, а ты мое — нет... Между прочим, тебя, наверно, часто спрашивают, не потомок ли ты знаменитого декабриста?

— Спрашивают. Ну, не часто, а так, иногда. Только тут декабристы ни при чем. У меня дедушка был красный конник. Мне папа рассказывал. Дедушка тогда еще совсем молодой был, ну не взрослый даже. И родителей у него не было, он беспризорничал. А красные его к себе взяли. Это было как раз под Каховкой, про которую песня есть. Ну и дали ему такую фамилию, потому что он свою настоящую даже не хотел называть. Говорил, раз жизнь новая, пусть и фамилия новая будет... Он потом здорово воевал, даже командиром стал. Только умер он давно, его даже папа плохо помнит. И фотокарточки ни одной не осталось.

— Это не самое главное,— серьезно сказал Алексей Борисович.— Фамилия осталась. Славная у тебя фамилия, Сергей, позабавить можно... Ну это я так, не подумай, что завидую. У меня фамилия тоже знаменитая. Иванов... Ты что смеешься? Я серьезно.

— Я не смеюсь,— запоздало сказал Сережа.— Это я... нечаянно. Извините.

— Думаешь, не знаменитая фамилия? Одних писателей Ивановых двадцать два человека, я специально интересовался. Вот так-то...

— У нас в классе Иванов есть,— сказал Сережа, чтобы сгладить неловкость.

— Один Иванов — это что! В нашем подъезде в трех квартирах Ивановы живут. Один, между прочим, тоже Алексей Борисович. Почтальонка замучилась, все время письма путает. Один раз открыл конверт, начал читать: батюшки мои, какая-то тетя Вера поздравляет меня с серебряной свадьбой. Смотрю — письмо-то соседу. Побежал извиняться. Ужас до чего неприятно.

— Ну, это ничего,— сказал Сережа.— Это же вы случайно... Алексей Борисович! А если какой-нибудь человек нарочно чужое письмо распечатывает и читает... Чтобы узнать что-нибудь про другого... Это как называется? Это очень плохо? Или... не очень?

Лицо Алексея Борисовича стало строгим и напряженным. Уже не подумал ли он, что Сережа про себя говорит?

— Вот вопрос... Ты же не маленький, Сергей. Наверно, и сам

знаешь. Тут уж как ни крути, а называется это всегда одинаково — подлость... Да ты что вскочил?

— Ну вот,— сбивчиво заговорил Сережа.— Вот видите! Я ему так и сказал!

— Кому?

— Тихону Михайловичу. Начальнику лагеря...

4

Сначала Сереже понравилось в «Смене», хотя лагерь оказался совсем не такой, какой ему представлялся.

Раньше, когда говорили «лагерь», Сереже казалось, что это палатки и разноцветные домики, сгрудившиеся между скал и высоких черных елей. В вечернем небе — редкие звезды и яркая половинка луны. И теплый оранжевый костер у самой большой скалы рядом с говорливым ручьем.

Оказалось, что все не так. Были три длинных дома среди редких сосен, посыпанная песком площадка, мачта с флагом, высокий забор, фанерные плакаты «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья» и «Пионер — всем ребятам пример». Трава между соснами была вытоптана, только вдоль забора густо росли репейники и крапива.

Но все равно Сережа не жалел, что приехал. Потому что в первый же вечер на лужайке за кухней развели костер, а вожатый третьего отряда Костя принес гитару и запел песню, от которой все притихли: песня была про очень знакомое, словно кто-то подслушал Серезину тайну.

Только говорилось в ней не про Сережу, а про маленького горниста.

...У горниста Алешки Снежкова
Отобрали трубу золотую.

Говорили, что сам виноват он:
По утрам потихоньку, без спросу
Подымался Алешка с кровати,
Шел на берег по утренним росам.

Разносился сигнал его странный
Над чащобою спутанных веток,
Над косматым озерным туманом,
Под оранжевым флагом рассвета...

И чтобы Алешка не нарушал режим, чтобы не разбудил кого-нибудь раньше срока, трубу у него взяли и заперли в шкаф. Ну что Алешка мог сделать? Может быть, даже плакал, закутавшись в одеяло, после отбоя, но трубу-то все равно не вернешь. Так и уснул.

Спит горнист. А что ему снится?

Может, снится, как эхо сигнала
В теплый воздух толкнулось упруго
И за черным лесным перевалом
Разбудило далекие трубы...

Тут у Сережи, когда он слушал эту песню, каждый раз начинало щекотать в горле, и попавший под руку сосновый сучок он сжимал, как сабельную рукоять.

Захрапели встревоженно кони,
Развернулись дугой эскадроны —
И склонились тяжелые копы,
И поднялись над строем знамена.

В чистом небе рассветная краска,
Облаков золотистые гряды.
Словно в сказке, но вовсе не в сказке
Вылетают на поле отряды.

Мчится всадников черная россыпь
Сквозь кустарник, туманом одетый,
По холодным предутренним росам
Под оранжевым флагом рассвета.

Потом были и другие песни. Но эту на каждом костре пели обязательно. И Сережа всегда ждал ее, и заранее начинала звенеть в нем радостная тревога. Будто могло случиться чудо, и всадники из песни готовы были вырваться на поляну и встать у костра: отблески огня на мордах коней, золотые искры на уздечках, стремянах и медных кольцах ножен. А лиц не видно в тени, только звезды проступают на высоких шлемах...

Однажды после костра Сережа задержался рядом с вожатым и негромко спросил:

— Костя, а кто придумал эту песню?

— Да так...— неохотно сказал Костя.— Один человек...— И было похоже, что он смутился.

Странно. Вообще-то Костя смущался редко. Он был веселый,

неутомимый, справедливый. Не выгонял ребят раньше времени из речки, таскал на плечах малышей-октябрят и никогда не кричал на мальчишек, как вожатая Сережиного отряда с дурацким именем Гортензия.

Гортензия часто кричала, потому что в отряде не было дисциплины. Все хотели то в поход, то на речку, то футбол гонять, а проводить тематические сборы и выполнять режим никто не хотел. Гортензия из кожи лезла, чтобы добиться порядка. Но у нее ничего не получалось, хотя она изо всех сил старалась походить на старшую вожатую Евгению Семеновну.

А Костя не старался быть похожим. Он ходил в темных очках и носил зеленые шорты с широким командирским ремнем.

Все знали, что начальник лагеря Тихон Михайлович Совков недоволен Костей. Начальник считал, что взрослому человеку неприлично ходить в коротких штанах, а вожатый к тому же не имеет права носить темные очки, потому что они отделяют его от детей. Но Костя продолжал ходить в шортах, а очки ни от кого его не отделяли.

И вот когда Сережа спросил про песню, Костя слегка растерялся. И Сережа не стал больше спрашивать, все и так было ясно. А Костя закинул за плечо гитару и взял Сережу за руку.

— Пойдем, Сергей... Не все ли равно, кто придумал песню? Главное, что поют...

И Сереже стало хорошо-хорошо от того, что Костя помнит, оказывается, его имя, и они идут сейчас рядом, и Костя держит его ладонь в своей ладони, а над лагерем теплый такой, тихий вечер, и луна смеется среди темных сосен...

Луна была не совсем круглая, но очень яркая. А на севере не гасла желтая заря. Лунный свет сливался с зарей, и на сосновые ветки словно золотистая пыль осела. Спать никому не хотелось. Ребята сдвинули кровати и стали рассказывать разные истории. Было не очень шумно и очень интересно. Многие даже из других палат прибежали. Гортензия для порядка покричала, а потом незаметно исчезла.

— Гы... На свидание со Стасиком побежала,— съехидничал Вовка Падерин по прозвищу Пудра.

Стасик — это был Станислав Андреевич, физрук. Но никто не стал смеяться, не такое было настроение. Всем хотелось тихонько сидеть рядом друг с дружкой и слушать.

Истории были, конечно, страшные. Павлик Максимов рассказал про отрубленную руку, которую двое мальчишек нашли в старинном сундуке, а Валерка Сотников — про то, как их соседка по квартире оказалась колдуньей и летала в стиральной машине.

А потом Витька Солобоев из первого отряда начал рассказывать про собаку Баскервильей. Только говорил он плохо, все путал, сбивался. Кроме того, Витька на ужине объелся и сейчас сильно пыхтел. Слушать стало неинтересно, тем более что многие ребята историю про баскервильского пса знали лучше Витьки. Они стали перебивать, поправлять, зашумели. Витька, утомленный и обиженный, замолчал. А все заговорили про собак: какая порода лучше, у кого какие были щенки, как дрессировать...

У Сережи никогда собаки не было, но слушал он все равно с интересом.

Вдруг, когда уже начал стихать разговор, маленький Димка Соломин сказал:

— У меня тоже была собака. Только я ее никогда не видел...

— Гы,— тут же отозвался Пудра.— Она меньше блохи была, ага? Смесь микроба с кабыздохом.

Несколько человек с готовностью хихикнули. Но остальные на них зашумели: почти всем хотелось послушать про Димкину собаку.

И Сереже очень хотелось. Дело даже не в собаке. Просто ему нравился Димка.

Они познакомились в первый же лагерный день. Сережа шел в пионерскую комнату и увидел, что прямо перед ним стоит на дорожке мальчишка лет восьми. Худой, золотоволосый, с боевой ссадиной на переносице. Стоит, крепко расставив ноги и заложив ладони за ремешок на штанах. Лицо у мальчишки было хорошее, с большим улыбчивым ртом и зелеными глазами.

— А я тебя помню,— сказал он и наклонил к плечу голову.— Ты учился в пятом «В», в нашей школе. Тебя Серегой зовут.

— Правильно,— обрадовался Сережа.— Только я... не помню, как тебя зовут.— Он постеснялся сказать, что вообще не помнит этого мальчишку.

— Меня звать Димка,— охотно сообщил тот. И пошел рядом с Сережей.

Наверно, они разговорились бы, но тут закричал кто-то издалека: «Димка! Соломин!» И Димка ускакал на зов.

Потом он много раз попадался навстречу и всегда улыбался Сереже, как давнему знакомому.

Сережа ни с кем еще не успел подружиться в лагере. И с Димкой тоже. Но Димка нравился ему больше всех, жаль только, что был он маленький...

Димка стал рассказывать:

— Я тогда жил у нашей бабушки. Не в городе, а в поселке. Там овраг, а кругом дома. Я в первую ночь ну никак уснуть не мог. Потому что не привык. У нас в городе ночью в окошке сразу тыща огней видна, а у бабушки — никаких огоньков, потому что овраг за окном. Только луна. Ну, я не спал, не спал, а потом собака начала гавкать. Я сперва даже разозлился: чего спать не даст? А потом мне ее как-то жалко стало. Она так печально гавкала. Наверно, она все время на цепи сидела, и ночью и днем. Скучно ведь... У меня окошко открыто было. Я подошел и давай свистеть. Ну, не громко, а так, будто зову ее. Она замолчала. А потом гавкнула, будто спрашивает. Ну, я еще посвистел. А она опять: «Гав, гав». Будто отвечает... Вот так мы долго-долго переговаривались. А потом я три раза свистнул, что кончаем разговор, и лег спать. Она тоже еще полаяла немного и замолчала.

— А потом? — спросил Сережа.

— Когда другая ночь наступила, мы опять так же переговаривались. И потом еще. Каждую ночь. Она меня уже узнавала по свисту, эта собака. И откликалась по-всякому. Если весело начну свистеть, она тоже весело так залает! А если потихонечку, грустно, она тоже жалобно так гавкает... В общем, у нас целые разговоры были.

— А как ее звали-то? — спросили из дальнего угла.

— Я откуда знаю? — удивился Димка. — Я ее даже не видел ни разу. Даже не знаю, какая она. Я ее днем искал, да там у оврага огороды кругом и заборы высокие, не проберешься. А на свист она днем не откликалась.

— Какая же она твоя? — обиженно пыхтя, сказал Витька Солобоев. — Даже не знаешь, рыжая она или еще какая. Хозяин у собаки тот, кто ей жрать дает.

— Зато она со мной разговаривала, — тихо ответил Димка.

Сережа с досадой сказал:

— Ты, Солобоев, не мешай рассказывать... Ну а потом что, Димка?

Димка вздохнул.

— Потом я подрался с Вовкой Кобасенком, и у меня губа распухла. Я уже не мог свистеть. А она лаяла, лаяла. Всю ночь. Я просто не знал, что делать. Кричать, что ли? Ну я же не знал, как ее зовут. И бабушка проснулась бы... А собака все лаяла, лаяла и вдруг как завизжит! И замолчала сразу... Я потом, когда губа прошла, всю ночь свистел, а она уж не отвечала.

Все сочувственно помолчали.

— Прибил кто-нибудь,— проговорил Женька Скатов, сердитый некрасивый мальчишка из первого отряда.— Есть такие гады. Им собаку убить что клопа раздавить.

Сережа недолго любил Женьку. Но сейчас Женька пожалел Димкину собаку и сразу показался Сереже симпатичным.

И вообще все вокруг были сейчас хорошие и добрые. Сидели вперемешку на своих и чужих кроватях, привалившись друг к другу и завернувшись во все равно чьи одеяла. И к Сережке приткнулся тоже какой-то парнишка из другого отряда, незнакомый, но все равно славный. Все ярче светила луна, и совсем не хотелось спать, и хорошо было рядом друг с другом.

Кругом были товарищи, и Сережа решил подарить им свою сказку.

Он сказал:

— А у меня есть всадники...

5

Это случилось позапрошлым летом. Сережа выпросил у тети Гали разрешение пойти с ребятами за город, на Песчаное озеро. Дни стояли знойные, все мальчишки были одеты совсем легко. Ведь никто не думал, что в середине дня из-за кромки северного леса прилетит злой ветер с обжигающе холодным дождем. Это был один из стремительных циклонов, о которых не успевают предупредить синоптики.

Непогода захватила ребят, когда они были на луговой тропинке, в двух километрах от автобусной остановки. Лето сразу превратилось в осень. Солнце зарылось в косматые облака и, наверно, дрожало там, как промокший рыжий щенок. Травы согнулись под пружинистыми ударами струй.

Когда Сережа прибежал домой, его можно было выжимать и вешать на веревку вместе со штанами и майкой. Тетя Галя захохла, кинулась греть воду. Но не помогла горячая ванна.

И малина не помогла. К вечеру Сережа осип, ослабел, задрожал от озноба...

Ангина — невеселое дело, особенно в каникулы. Лежишь и скучаешь. В первый день тетя Галя сидела с Сережей, поила горячим молоком и кормила таблетками. А потом температура улеглась, и тетя Галя стала ходить на работу.

Отец был в командировке, Маринка в детском саду, Наташка — та, что жила в той же квартире, — в деревне у бабушки. На улицу Сереже запретили даже нос высовывать.

Да и что было делать на улице? Ветер и дождь хозяйничали как хотели. Под окном растеклась унылая лужа, по ней разбегалась рыжая от глины рябь. Мотались на ветру ветки рябины и желтой акации. Красный столбик в термометре, прибитом за окошком к карнизу, съехался и торчал на десяти градусах.

Наконец однажды к вечеру холодный дождь отшумел и откатился за дальние крыши. На западе прорезалась солнечная щель. Но зябкий ветер еще налетал порывами, и мокрые кусты вздрагивали, как вздрагивают после долгих слез маленькие дети.

Сережа тоже вздрагивал: у окна было прохладно. Пришла тетя Галя и прогнала его в постель. Сережа слегка обиделся. Он лежал носом к стене и весь вечер не поворачивался, хотя ему очень важно было знать, растет ли за окном светлая полоса. Он лежал и разглядывал старые обои. Мелкий узор, пятнышки и царапины складывались в картинки. Можно было, если постараться, увидеть странных птиц, верблюдов, старинный пароход и хромую избушку Бабы Яги. Но отчетливей всего виден был всадник.

Всадник сидел на тонконогом коне. У коня была вскинутая голова и взлохмаченная грива. Всадник был в остром шлеме и шинели. В одной руке — изогнутая шашка, в другой — длинное копьё (эту царапину Сережа нанес деревянной саблей, когда воевал с подушками).

Ресницы слипались, и узоры на стене начинали шевелиться. Конь перебирал ногами, и всадник оглядывался на Сережу, словно с собой звал.

Сережа тряхнул головой, всадник замер. Сережа украдкой глянул в окно. Солнечная щель была теперь оранжевая. По ней, как по огненной дороге, летали маленькие облачка, похожие на кавалеристов с косматыми бурками. Они словно шли в атаку на непогоду.

Ночью шумел дождь. Сережу будила тревога: неужели и

завтра не будет солнца? Всадник на стене был не виден в сумерках, но Сережа знал, что он здесь, и шепотом просил:

— Ну, прогони эти тучи! Ну пожалуйста...

Утро было серое, но дождь умолк. Сережа прошлепал к окну. Циклон уходил. Темные облака откатывались к югу ряд за рядом. Они были похожи на армию, которая отступает, хотя еще не совсем разбита. К полудню синими проблесками стало мелькать небо, а потом в широкий разрыв пушечным ядром вылетело раскаленное солнце, и красный столбик термометра, салютая, взлетел на девять делений.

Яркие лучи упали на стену. Все вечерние рисунки на обоях рассыпались от света, пропали. И всадник исчез. Но он-то не рассыпался, конечно: он усакал бить отступавшего врага.

Ему, этому всаднику, трудно было одному в бою. Сережа сел к столу и стал готовить армию.

Сначала Сережа нарисовал на картоне одного кавалериста (может быть, не очень умело вышло, но он старался). Всадник получился ростом со спичечный коробок. Сережа вырезал его маленькими тети Галиными ножницами. Потом он по этой фигурке обвел еще одиннадцать — сколько хватило картона. И тоже вырезал, а потом разрисовал папиной цветной тушью. Получился эскадрон из двенадцати всадников. С тонкими пиками из рисовой соломы от веника, с блестящими саблями из серебряной обертки от чая, со звездами на шлемах.

Сережа выстроил всадников на подоконнике, чтобы они мчались вслед за убежавшими тучами.

И тучи, испугавшись, скоро совсем покинули поле боя. День стал яркий, сверкающий синими лужами, и теплый. Над высыхающим асфальтом поднимался пар.

Попробуйте посидеть дома в такую погоду! Когда пришла тетя Галя, Сережа сказал, что умрет, если не выйдет на улицу. Тетя Галя повздыхала и разрешила. Велела только надеть резиновые сапоги, длинные штаны и свитер.

Ходить в таком наряде, когда на улице чудесный летний день, может только сумасшедший. Сережа так и сказал. Тетя Галя обиделась. Сережа тоже обиделся. Он даже хотел пустить слезу (в те времена он еще выкидывал такие шуточки), но распускать нюни перед лицом двенадцати всадников было неудобно. Сережа заявил, что гулять не будет, и начал строить на подоконнике вражескую крепость из костяшек домино. Эту крепость

всадники взяли с налета. Они были такие же сердитые, как Сережа.

Однако долго сердиться не пришлось. Неожиданно вернулся из поездки отец. Он, оказывается, поторопился, чтобы успеть на день рождения к своему хорошему товарищу. Узнав, что Сережа нездоров, отец расстроился. В гости идти ему расхотелось. Но Сережа не желал, чтобы отец расстраивался. Он сказал, что ни капельки уже не болеет и что пусть папа с тетей Галей идут, а то дядя Володя будет ждать и обижаться. Только пусть возьмут с собой Маринку, а то она весь вечер будет приставать, чтобы Сережа ей книжки читал. А у него своих дел много.

Вот так он и остался в тот вечер один.

...Прежде всего он распахнул окно. Гулять не разрешают, ну и ладно! А сидеть в открытом окне ему никто не запрещал.

Вечер наступил теплый и слегка влажный. Над крышами вырастала груда желтого облака. Улица была тихая, пустынная, только в кустах шастали воробьи. Сережу стало клонить в сон. Может быть, он не совсем еще поправился, а может быть, просто утомился за день. Он прилег на кровать и стал смотреть в окно. Всадники по-прежнему были на подоконнике. Они словно мчались по вечернему небу навстречу желтому облаку.

Сережа уснул.

Он проснулся от громкого, как выстрел, удара. Это встер захлопнул окно.

Над городом разворачивалась гроза, которая пришла на смену холодному циклону. Это была теплая гроза с голубыми вспышками и раскатистым добродушным громом.

Сережа подбежал к окну. И увидел, что на подоконнике нет всадников. Ветер, прежде чем захлопнуть створки, подхватил картонных кавалеристов и унес неизвестно куда.

Конечно, Сереже стало обидно. И одиноко. Папа с тетей Галей еще не вернулись, хотя было поздно и темно, всадники умчались и бросили его. У Сережи даже защипало в глазах. Он не стал смотреть на грозу. Опять лег и ткнулся носом в подушку.

...И тут ему не то приснилось, не то придумалось, будто мягким толчком распахнулась дверь. И простучали от порога до кровати твердые, с металлическим перезвоном шаги.

Он открыл глаза и повернулся на спину.

В комнате нарастал свет, будто лампочки в люстре сами собой медленно набирали силу.

Недалеко от Сережиной кровати стоял человек в остром шлеме и шинели до пят. На нем были желтые тугие ремни со звездной пряжкой, коричневая кобура и длинная сабля в черных ножнах с медным наконечником. Крошечные капельки дождя блестели на шинели. Человек смотрел на Сережу устало, но по-доброму. Потом он протянул Сереже руку и сказал:

«Не сердись... Мы не успели предупредить тебя. Мы усаkali, потому что ждало нас очень важное боевое дело».

Сережа поспешно вложил свою ладошку в большую ладонь Всадника и поднялся.

То ли сон это был, то ли выдумка, но Сережа помнит все ясно. Как он встал перед Всадником, ухватился за его кожаный пояс и прижался к шинели. Сукно оказалось сырым и колючим, когда Сережа коснулся его голыми локтями и коленками. От ремня пахло, как от нового портфеля, а от желтой пряжки — кисловатой медью. Всадник был высокий, и Сережа доставал до пряжки только подбородком. Он так и стоял, вцепившись в ремень и задрав подбородок, и смотрел на чудесного гостя.

«А вы вернетесь?» — спросил Сережа.

Всадник серьезно сказал:

«Если будет нужно. Мы не можем всю жизнь торчать на подоконнике. У нас еще много боев. Но если тебе придется плохо, ты позови. Мы примчимся».

«Как позвать?» — спросил Сережа шепотом, потому что хотелось заплакать. Не от горечи, не от обиды, а наоборот — будто от любимой песни, когда вспоминается что-то хорошее.

Всадник улыбнулся.

«Как позвать... Ну, встань покрепче, локти согни, кулаки сожми, будто в одной руке поводья, в другой — шашка. И скамандуй тихонько, про себя: «Эскадро-о-он! Ко мне!» И мы сразу будем тут как тут... Может быть, нас никто и не заметит, мы умеем быть невидимками. Но ты обязательно знай, что мы рядом».

«Буду...» — прошептал Сережа.

Всадник подержал на его плече тяжелую ладонь, повернулся и ушел за дверь, позвякивая шпорами. Тихо ржали за окном лошади, и откатывался за горизонт гром. Сережа снова лег...

Сквозь сон он услышал, как пришли папа и тетя Галя, как хныкала Маринка, которой давно пора было спать.

Потом тетя Галя вошла в комнату и охнула:

— Батюшки, так и уснул, даже свет не погасил. И не разделся.

Она стала расстегивать на Сереже рубашку, а он притворился, что никак не может проснуться. Лишь украдкой, одним глазком глянул на пол: нет ли следов от сапог. Но следы уже высохли. И только Сережино плечо все еще будто чувствовало тяжесть крепкой дружеской ладони...

Нет, Сережа пока ни разу в жизни не звал на помощь всадников. Потому что не встречались еще настоящие враги.

Но он знает: если позвать, они примчатся.

Это уж точно...

Едва Сережа кончил говорить, как примчалась Гортензия. На этот раз она раскричалась всерьез, всех разогнала по своим постелям и палатам. Так Сережа и не узнал, понравилась ли его сказка ребятам. Он только помнил, что слушали его внимательно, молча.

Если бы он знал, чем это кончится!

6

Пудру, Витьку Солобоева и Гутю начальник лагеря звал «мои мушкетеры». Они ездили в лагерь уже несколько лет подряд. Знали каждый камушек, каждую тропинку и щель в заборе. Знали они и все порядки. Когда и кому их можно нарушать, а когда и кому следить за ними. В пионерское начальство «мушкетеров» не выбирали. Но они и так ходили в главных. Когда надо перегонять лодки из соседней деревни, ехать в село за сметаной или заготавливать в лесу дрова для костра и возить их на лошади, кого пошлешь? Завхоз дядя Вася на десять частей не разорвется. Не отправишь ведь по таким делам председательницу совета дружины Светку Мальцеву, хотя она и командирша. И на всяких других активистов надежда маленькая: они только альбомчики клеить умеют.

И когда малышовый отряд поднимает на тихом часе гвалт и начинает бой подушками, от совета дружины толку мало и от девиц-вожатых тоже. Станислава Андреевича никогда не доищешься, а с Костей у начальника отношения так себе. «Мушкетеры» же всегда тут как тут.

Ну а если они искупаются лишний разок, когда наблюдают за

порядком на речке, или оттянут по затылку нарушителя дисциплины, беда невелика. Зато на душе спокойно.

Главным среди «мушкетеров» был Гутя. То ли это имя у него, то ли прозвище, Сережа не знал. Девчонки из старшего отряда по Гуте вздыхали. Он был симпатичный: смуглый, темноволосый, стройненький. Всегда в отглаженной пионерской форме, как с картинки. И очень вежливый. Со всеми. Даже с теми пацанами, которых он за провинности собирался тюкнуть по лбу.

Впрочем, Гутя редко пускал в ход руки. Для этого были Пудра и Витька.

Пудра был Гутин друг, хотя он на Гутю ну ни капельки не походил. Худой, длинный, в штанах с пузырями на коленях, в рубаше навыпуск, нескладный. У него была тонкая шея, круглая голова и желтые космы волос. Они торчали вразлет, и Пудра напоминал подсолнух.

Пудра умел притворяться дурачком. Как скажет свое «гы» да отпустит шуточку поглупее, сразу покажется, будто он недоразвитый. Но это тем покажется, кто Пудру не знает.

А Витька Солобоев ходил у Гути и Пудры в адъютантах. И ничего особенного в нем не было, кроме розовых щек и аппетита.

В этом году приклеился еще к «мушкетерам» Женька Скатов. Хмурый такой, неразговорчивый парнишка. Выбрали его в совет отряда, потому что, говорят, он в школе хорошо учился, но Женька отрядными делами не занимался, а все время гулял с «мушкетерами».

...Вот этих четверых и встретил Сережа, когда проводил Костю и возвращался в лагерь.

Костя уехал. Не мог он оставаться: пришла из города телеграмма, что Костина мать заболела. Тяжело. Про Костин отъезд и телеграмму никто не знал, кроме вожатых.

Сережа узнал случайно. Он раньше всех закончил завтрак и украдкой выскользнул из столовой: ему всегда было неловко орать вместе с другими, хором: «Спасибо всем!» Выскочил он на крыльцо и увидел, что Костя шагает к лагерной калитке с плащом на руке и с чемоданом.

Сердце у Сережи неприятно стукнуло. Он догнал Костю.

— Ты разве уезжаешь?

— Приходится,— откликнулся Костя. И коротко рассказал про телеграмму.

Сережа молча пошел рядом. Что тут скажешь? Потом он спросил:

— А почему ребята не провожают?

— Не сказал никому. И так на душе муторно. А тут сорок человек — сорок расставаний. Девчонки еще слезу пустят.

«Не только девчонки», — подумал Сережа. И попросил:

— Можно, я провожу? Я не пушу слезу.

— Пойдем, Сергей, — сказал Костя.

Сережа взял у него плащ, и они зашагали к станции. Через лес, через луг. Молча.

Когда среди трав поднялся станционный домик, Костя остановился:

— Возвращайся, Сергей, а то потеряют тебя. Спасибо. Ребята пусть не обижаются, я им напишу.

«А песню я навсегда запомнил», — хотелось сказать Сереже, но он промолчал. Стоял и смотрел вслед Косте. Даже «до свиданья» не сказал. «До свиданья» — значит «до встречи». А где же им встретиться, если Сережа и адреса-то Костиного не знает. Постеснялся спросить. Какие уж тут адреса, если у человека несчастье.

«Мушкетеры» повстречались ему у самой калитки.

— Очень приятно. Еще один самовольщик, — лениво произнес Гутя. — Кто разрешил за территорию лагеря уходить?

Сереже было грустно. Ему было не до «мушкетеров». Сережа и не подумал, что их четверо, а он один. Просто сказал:

— Тебе какое дело?

— Ух ты... — в один голос возмутились Пудра и Солобоев и хотели ухватить Сережу.

Гутя удержал их движением ладони.

— А вот какое дело, — любезно сказал он. — Позвольте довести до вашего сведения, что директор велел всех, кто из лагеря нос высовывает, отправлять на гауптвахту и держать там до выяснения.

— Куда отправлять? — удивился Сережа.

— В пионерскую комнату. Под замочек. Под арест. Пока он не придет и не разберется.

— Гы! Да ты не бойся, не заскучаешь, — вмешался Пудра. — Тама уже три гаврика сидят, веселятся.

— Ну идите и веселитесь с ними, — хмуро сказал Сережа.

— Ты говори, — пригрозил Женька Скотов. — Иди лучше добром. Нам директор приказ дал.

Директором почему-то все звали начальника лагеря.

— Приказ — дуракам напоказ,— сказал Сережа. Ему было все равно, потому что Костя уехал.— Пусть он сам сидит под арестом, если хочет. Здесь не кадетский корпус.

— Взять! — сказал Гутя.

Пудра и Витька прижали Сережу к забору. Хотели повести насильно. А ему вдруг так обидно сделалось и такая злость нахлынула! Кулаки сами сжались.

— Ладно, отпустите,— вдруг распорядился Гутя.— Дитя готово разрыдаться. Маму звать начнет.

Пудра заупрямился:

— Не-а... Пускай сказочку расскажет, тогда пустим. Это же тот сказочник. Он нам всю ночь про каких-то наездников мозги заправлял. У, потеха!

Видно, Пудра решил отомстить за Витьку, которого накануне вечером не захотели слушать ребята.

И сам Витька обрадовался:

— Точно! Он трепался, будто лошадиной дивизией командовал! Ты, Гутя, не слыхал, не знаешь. Будто, как свистнет, так все кругом без памяти валятся.

Стыд и ярость взметнулись в Сереже! Он им тайну открыл, сказку доверил, а они!

— А ну пустите! — крикнул он с такой злостью, что «мушкетеры» отшатнулись.

— Что случилось? — раздался голос начальника лагеря. Совков подошел незаметно.

— Ничего страшного, Тихон Михайлович. Самовольщик нервничает,— объяснил Гутя.— За пределами лагеря гулял, а теперь брыкается.

Совков повернулся к Сереже:

— Кто позволил уходить из лагеря?

Глядя в землю, Сережа сказал:

— Я Костю провожал. Он мне сам разрешил.

— Надо было у меня спросить... Ладно, ступай.

Сережа плечом отодвинул с дороги молчаливого Женьку и шагнул в калитку. Но злость и обида вдруг снова поднялись в нем. Он повернулся:

— А они... пусть лучше меня не трогают! Я под их скрипку танцевать не собираюсь!

Сережа ожидал в ответ возмущения и угроз. Но «мушке-

теры» промолчали, а Тихон Михайлович сказал почти ласково:
— Ступай, ступай. Они не тронут. Я поговорю.

Они и правда не трогали Сережу. Но в тот же день он увидел на своей подушке листок с карикатурой: кривоногий всадник сидел на брюхатой лошади и держался за хвост.

На следующий день вслед Сереже то и дело звонко ржали наученные «мушкетерами» малыши. К вечеру кое в чем разобрался, видимо, Димка и навел среди октябрятской братии порядок: ржание прекратилось. Но перед ужином к Сереже подошла Гортензия и, хлопая крашеными ресницами, заговорила:

— Послушай, Каховский, у нас завтра костер. Ты не мог бы рассказать всему отряду свою сказку?

— Какую сказку?

— Ту самую, про которую все говорят. Про каких-то волшебников, говорящих верблюдов, лошадей...

«Сама ты говорящий верблюд»,— подумал Сережа. И спросил:

— Кто вам сказал про эту сказку?

— Падерин и Солобоев. А что?

— Скажите им, что они болваны,— четко произнес Сережа.

— А ты грубиян! Тебя по-хорошему просят, а ты...

Вот в тот вечер Сережа и написал домой письмо. Написал и бросил в фанерный почтовый ящик у пионерской комнаты.

А на другой день, на вечерней линейке,— как гром среди ясного неба!

Впрочем, сначала линейка шла как обычно: рапорта, итоги, благодарности дежурным по кухне. Потом взял слово директор. Это было тоже привычно: он часто выступал на линейках.

На этот раз он говорил о тех, кто самовольно уходит из лагеря в лес, на речку и в поле. Невысокий, кругловатый, энергичный, он стоял у мачты с флагом и при каждом слове резко дергал устремленным вниз указательным пальцем — словно кнопки нажимал или неумело печатал на большой пишущей машинке.

Слова директора были привычные и скучные:

— Отдельные безобразные случаи превратились в систему... Администрация будет вынуждена... Есть меры, которые заставят нарушителей...

Потом он передохнул и заговорил попроще:

— Ну чего вам не хватает? Территория благоустроенная,

аттракционы всякие. Порядок надоел? Так ведь порядок этот не назло вам, а чтобы избежать несчастных случаев. Вам бы все сказать, а мы, взрослые, отвечаем. Понимаете? От-ве-ча-ем! Совести у вас нет, вот что. Безобразничаете, а потом еще жалуетесь родителям. Приезжайте, мол, заберите отсюда, а то как в тюрьме...

— А кто жалуется? — насмешливо спросили из рядов.

— Да есть такие... «Папа, приезжай, а то все плохо. На рыбалку нельзя, купаться нельзя»... А тонуть можно, я спрашиваю?

Сережа в первый миг почувствовал себя так же, как при стычке с «мушкетерами», когда они издевались над его сказкой. А потом стало ему тоскливо и очень одиноко. И, уже ничего не боясь, он спросил:

— Это вы про мое письмо говорите?

— А что? — ответил директор. — Может быть, я говорю неправду?

— Значит, вы его читали?!

— Может быть, ты хочешь сказать, что я лгу? Я могу прочитать письмо на линейке.

И тогда при напряженном молчании отрядов, в ясной вечерней тишине, когда не колышутся листья и флаги, все до единого человека слышали Сережины слова:

— Но ведь это подлость!

— Понимаете, Алексей Борисович, я совсем не хотел нагрубить, — сказал Сережа. — Ну нисколько. Так получилось. Просто другого слова не нашлось. А он раскричался, конечно: «Хулиган, как ты смеешь! Раз тебе наши порядки не нравятся, убирайся из лагеря! Чтоб твоего духу здесь не было!» Ну, я сказал «хорошо» и ушел. С линейки ушел и хотел сразу на станцию идти, но уже поздно было, сумерки.

— И страшновато, — добродушно уточнил Алексей Борисович.

— Ну... да. Не потому, что вечер, я темноты не боюсь. Просто на станции стали бы спрашивать: куда один едешь ночью? В общем, я переночевал, а утром ушел. Хорошо, что чемодан был не на складе, а под кроватью: я его как раз взял со склада, чтобы рубашку сменить...

— Никто не знал, что ты уходишь?

— Я Димке сказал, чтобы предупредил всех. Я рано ушел, на рассвете...

...На рассвете он проснулся, будто по сигналу. В окошке, за черными соснами, розовели клочковатые облака. Сережа неслышно оделся, подхватил чемодан и курточку, отодвинул на окне марлевою занавеску и прыгнул на песок.

Осторожно прошел он вдоль всего корпуса к самому крайнему окошку. У этого окошка, в палате шестого отряда, спал Димка.

Оконные створки были распахнуты. Видно, утренний холодок донимал Димку, и он завернулся в одеяло по самую макушку. Торчал только затылок с пшеничными растрепанными волосами.

— Дим,— позвал Сережа и лег животом на подоконник.

Димка не пошевелился, лишь волоски на затылке вроде бы насторожились, как маленькие антенны.

— Ди-ма...

Димка откинул одеяло и сел. Поморгал. И внимательно, будто и не спал, посмотрел на Сережу.

— Я ухожу. Домой уезжаю. Ты скажи водителю... и всем, кому надо.

— Насовсем уезжаешь?— шепотом спросил Димка.

— Насовсем. Что ж теперь делать?

— Правильно,— серьезно сказал Димка.— Только жалко... Костя уехал, ты тоже.

— Что ж теперь делать?— снова сказал Сережа.

— Я понимаю...

— Я тебе письмо напишу,— пообещал Сережа.

Димка растянул в улыбке большие губы.

— Ты длинное напиши, чтобы долго читать. Ладно?..— И тут же насупись.— Нет, не надо. Это письмо, наверно, тоже распечатывают. Ну их...

— Я так заклею, что никто не распечатает,— пообещал Сережа.— Ну, ты ложись. Спи, рано еще.

Димка кивнул, но продолжал сидеть.

— Спи, Дим... Укладывайся.

Димка лег на спину, но продолжал во все глазищи глядеть на Сережу. Сережа до подбородка натянул на него одеяло.

— Ну, я пошел.

Короткая хлесткая злость на директора, на его «мушкетеров», на всех, из-за кого приходилось уезжать из лагеря, обожгла Сережу. Он резко оттолкнулся от подоконника и зашагал к забору. Он успел еще заметить, что Димка снова сел и смотрит вслед. Но оглядываться не стал. Потому что все равно

нужно было уходить. О том, что можно бы и остаться, он даже не думал.

Лагерь спал таким глубоким сном, что можно было никого не опасаться. Но все-таки Сережа не пошел к калитке: сторож мог и проснуться. Доказывай тогда, что Сережа не убегает, а просто уходит, потому что... В общем, сторожу трудно что-нибудь доказать.

Сережа пробрался сквозь колючки к забору. Серые головки репейника приклеились к брюкам, острый сучок разорвал штанину. Сережа отодвинул в заборе доску, и открылась щель. От нее убегала тропинка...

7

— Да-а. Заварил ты кашу,— сказал Алексей Борисович.— И знаешь что, Сергей? Тебя будут обвинять в дезертирстве. Скажут, не уходить надо было из лагеря, а доказывать свою правоту, раз уж ты уверен, что прав.

— Кто скажет?

— Да кто угодно. Ребята. Или тот же начальник лагеря.

Сережа медленно покачал головой:

— Я не дезертир. Я не из-за трусости ушел. Просто противно стало. А доказывать там некому. Одни смеются, другим все равно. Ведь знают, что нельзя чужие письма читать, а молчат... А Тихон Михайлович тоже... Ну что я ему докажу? Он думает, что с ребятами что хочешь можно делать!

— Сейчас он так уже, наверно, не думает,— заметил Алексей Борисович.

Сережа осторожно поднял на него глаза.

— А вы... не думаете, что я дезертир?

— Нет,— сказал Алексей Борисович и почему-то нахмурился.

Потом он спросил:

— А почему этого Тихона Михайловича так разозлило письмо? Что ты там такого понаписал?

— Да ничего особенного! Вот посмотрите!— Он вытащил из кармана помятый конверт.

— Постой, Сережа. А откуда оно у тебя? Разве начальник вернул его?

— Физрук отдал... Ну... он меня тут догнал, уговаривал вернуться.

— Понятно. Это тот гражданин, с которым ты беседовал, когда я подходил к станции?

— Тот самый...

— Так... Значит, можно почитать письмо?

— Читайте, пожалуйста.

Алексей Борисович вынул из конверта большой коричневатый лист в крупную клетку. И удивленно глянул на Сережу.

— А где ты взял такую бумагу?

— Да в лагере ее сколько угодно. Это такие конторские книги, мы из них отрядные дневники делали. А что?

— Да так, любопытно...

И он стал читать.

Сережа придвинулся и тоже стал перечитывать знакомые строчки.

Здравствуйте, папа,
тетя Галя и Маринка!

У меня все в порядке. Здоровье хорошее. Один раз ногу подвернул на футболе, но уже прошло. Недавно мы ходили в поход с палатками. Только ночевать не стали, потому что вожатая испугалась грозы. А еще будет военная игра. Но знаешь, папа, если по правде писать, то мне здесь не нравится. Сначала понравилось, потому что был один хороший вожатый и костры были. Но он уехал. Теперь скучно. Хотел я подружиться с ребятами, только пока не получается. Я один раз сказку рассказал, чтобы интереснее было. А они смеются теперь. Знаешь, папа, лучше бы ты приехал за мной. Лучше бы мы с тобой и Наташкой поехали на рыбалку, а то все только собираемся и собираемся. И никак не получается, чтобы вместе. А здесь даже и не порыбачишь. Одному на речку не дают нос сунуть, а когда целая толпа, то тут уж не до рыбалки. Даже и не искупаешься как следует, потому что только залезешь и уже велят обратно.

Ты не думай, что я жалуюсь. Если надо, я проживу всю смену. Но ты ведь просил писать честно, вот я и пишу честно. Лучше бы ты приехал за мной. Здесь знаешь почему плохо? Потому что каждый день одно и то же! А если плохо, то зачем?

Но если ты не можешь, не приезжай.

Тетя Галя, можно, я сменяю свои польские штаны на

трехцветный фонарик? Они мне все равно велики и сваливаются, а тому мальчику, у которого фонарик, они как раз.

Пусть Маринка не лазит в мой ящик без спросу, а то у меня там пистоны и острый циркуль с иголками.

До свиданья.

Ваш Сережа.

Письмо было написано на развернутом листе, вырванном из конторской книги. Одна половинка листа осталась чистой.

— Можно, я возьму эту бумагу? — спросил Алексей Борисович. — Здесь ничего не написано.

— Возьмите, конечно!.. А зачем?

— Да так, пригодится. В морской бой можно поиграть, тут клетки подходящие. До поезда все равно еще много времени. Ты умеешь играть в морской бой?

Сережа снисходительно усмехнулся.

— Ну и отлично! — Алексей Борисович аккуратно оторвал листок, а письмо отдал Сереже.

— А вы... — нерешительно сказал Сережа. — Вы ведь сейчас читали. Как вы думаете, что в нем... такого?

— «Такого» ничего.

Сережа сунул письмо в конверт, а конверт — в карман своих просторных брюк. Алексей Борисович глянул мельком и спросил:

— Не успел поменять штаны на фонарик?

— Не успел, — вздохнул Сережа. — Да тетя Галя, наверно, и не разрешила бы.

— А тетя Галя... она кто? Твоя тетя?

Сережа просто сказал:

— Она — папина жена. Мама у меня умерла.

— Извини, брат. Перестарался я со своим любопытством.

— Ну, а что ж такого, — спокойно откликнулся Сережа. — Конечно, непонятно: папа и тетя Галя... — И вдруг спросил: — А вы были в Сибири?

— Был.

— Мама в Сибири умерла. Поехала в командировку к геологам и простудилась. Быстрая какая-то простуда. Врач на вертолете прилетел, да уж поздно... Алексей Борисович! — Сережа глянул так, будто очень о чем-то просил. — Это шесть лет назад было. Может, вы встречали маму?

Алексей Борисович покачал головой.

— Нет, малыш. Не хочу я тебя обманывать, не встречал. Я бы запомнил такую фамилию.

— А у мамы другая фамилия — Ласкина.

— Нет, Сережа. Не знаю... Сибирь громадная. Где это было?

— Где нефть. Под Сургутом.

— В тех краях я бывал. Да разве всех запомнишь? Может быть, и встречались когда-нибудь.

Почти шепотом Сережа сказал:

— А у меня карточка есть. Хотите, покажу?

— Покажи, конечно.

Из нагрудного кармана курточки Сережа достал блокнотик и вынул из него фотографию. Она была размером с карманное зеркальце.

Алексей Борисович положил снимок на ладонь. Посмотрел полминуты и снова покачал головой:

— Нет, Сережа. Я запомнил бы... Красивая у тебя мама. И молодая совсем.

Сережа кивнул:

— Двадцать четыре года. Я ее хорошо помню, хотя мне всего пять лет было.

— И карточка всегда с тобой?

— Всегда.

Он вложил снимок между страничками и спрятал блокнот в карман.

Морской бой — игра нехитрая, но тоже требует умения. Алексей Борисович один раз уже потерпел полный разгром и теперь слегка нервничал.

— Не понимаю, как ты ухитряешься? По теории вероятности шансы у нас должны быть примерно равные... Слушай, а ты не подсмотрел?

— Да честное пионерское! Просто у меня особый способ... Дэ-один...

— А, вот тебе и способ! Промазал! Жэ-семь.

— Мимо. Е-три.

— Тьфу, черт! Угробил канонерку. Бей еще... Ты что, Сережа?

А Сереже сразу стало не до канонерок. Он увидел, как на дороге затормозил лагерный «газик». И от машины к станции шагал по заросшей тропинке сам Тихон Михайлович Совков.

— Ну вот,— тоскливо сказал Сережа.— Директор приехал.

Алексей Борисович быстро оглянулся.

— Ишь ты,— непонятно сказал он.

Сережа сидел сощурившись и сжав губы.

— Начнется теперь все снова,— шепотом сказал он.

— М-да...— неопределенно откликнулся Алексей Борисович.

Сережа думал, что он заступится, а он «м-да».

Сережа резко сказал:

— В лагерь я все равно не поеду.

— Смотри. Это в конце концов твое дело.

— Не поеду я!— повторил Сережа.

Алексей Борисович вдруг улыбнулся.

— Ну а если не поедешь, тогда зачем нервничать? Давай играть дальше. Посмотрим, что будет.

И было вот что.

Начальник лагеря подошел и остановился, выжидающе глядя на Сережу.

— Вэ-один,— напряженным голосом сказал Сережа.

— Может быть, Каховский, ты обратишь на меня внимание?— спросил Тихон Михайлович.

— Я обратил,— сказал Сережа.— Вэ-четыре, Алексей Борисович.

— Может, ты хотя бы поздороваяешься?— спросил директор.

— Здравствуйте... Мимо, Алексей Борисович. Вэ-шесть...

— Вляпал,— с сожалением сказал Алексей Борисович.— В подводную лодку. Ловко у тебя получается.

— У меня способ. Нащупывание огнем...

— Гражданин, я, кажется, разговариваю с мальчиком,— с достоинством произнес товарищ Совков.— Я просил бы не мешать.

Алексей Борисович поднял на него добрые свои зеленоватые глаза.

— Разве я мешаю? Бог с вами. Мне показалось, что мальчик сам... э-э... не очень охотно общается с вами.

— Этот мальчик сбежал из лагеря!— возмущенно известил директор.— Вам это известно?

Услышав слово «сбежал», Сережа шевельнул плечом, но промолчал.

— Мне Сережа изложил, так сказать, ситуацию,— откликнулся Алексей Борисович.— В общих чертах. Правда, не совсем так, как вы. Он сказал, что не сбежал, а ушел из лагеря. В соответствии с вашим распоряжением. Кажется, вы не сошлись во взглядах на тайну переписки? Кстати, охраняемую законом.

— При чем здесь закон? Вы что, угрожаете мне?

— Ну, что вы, товарищ начальник лагеря! — с мягким упреком воскликнул Алексей Борисович. — Ну чем я вам угрожаю, посудите сами? Разве я похож на человека, который может угрожать?

— Тогда почему вы вмешиваетесь? Собственно, кто вы такой?

— Да я и не вмешиваюсь. Я, простите, отвечаю на ваши вопросы. Кто я такой? Сережин попутчик, вместе ждем, когда поезд придет... А вообще-то, Тихон Михайлович, я думал, что вы меня не забыли еще. Мы с вами как-то разбирали один сложный вопрос с выгрузкой овощей из вагонов. Помните? По правде говоря, я не думал, что после этой истории вы займете пост начальника пионерского лагеря. Тем более что дети чем-то отличаются от овощей.

Сережа заметил краем глаза, что во время этой речи Тихон Михайлович начал часто мигать и лицо у него порозовело. И кислым голосом директор сказал:

— А, это вы... товарищ корреспондент. Я должен был догадаться. У вас удивительная способность возникать, где не надо.

— Ну, видите ли, тут у нас точки зрения очень разные. Когда вы считаете, что не надо, я как раз думаю, что надо.

Тихон Михайлович тяжело задышал и стал ощупывать карманы, словно искал сигареты.

«А ведь он чего-то боится», — с удовольствием подумал Сережа.

— Да вы не волнуйтесь, товарищ Совков, — усмехнулся Алексей Борисович. — С Сережей-то я случайно познакомился. Я в этих краях по другому письму. Понимаете, какой-то гражданин — не то Сапогов, не то Сачков — написал про председателя здешнего колхоза. Будто председатель этот — сущий жулик. Недлинное письмо, но... выразительное. Кстати, написано на такой же бумаге, как Сережино. Хорошая бумага. Где вы ее для лагеря раздобыли, Тихон Михайлович?

Совков отступил на два шага и вздернул подбородок.

— Я вас попросил бы... Кто вам дал право делать намеки и клеить на меня ярлыки? Я не писал никаких писем. У меня с председателем отличные отношения.

— Ну и прекрасно! Тем более что не подтвердилось письмецо.

— Я не понимаю, зачем вы мне про все это рассказываете.

— Да просто так. Делюсь своими заботами. Думал, вам интересно. Учитывая вашу любовь к чужим письмам...

— Я попросил бы не вести таких разговоров при детях.

— Прошу прощения. Но ведь «дети»...— он взглянул на Сережу,— про это все равно знают.

— Давайте закончим разговор,— сказал Совков со сдержанной обидой.— Я выполняю свои обязанности. Ребенок самовольно покинул лагерь, и я должен увести его назад. Почему вы мне препятствуете?

— Я? Препятствую?— Алексей Борисович даже отодвинулся от Сережи.— Помилуйте, каким образом я препятствую? Ну увозите, пожалуйста.— Он поймал растерянный Сережин взгляд и в ответ улыбнулся глазами.— Только, Тихон Михайлович... я не понимаю, как вы это сделаете. Уговоры, мне кажется, не помогут. А применять более решительные способы вы, наверно, не станете. Тем более что человек — не теленок, на веревке не утащишь...

— Я не собираюсь применять никаких способов,— заявил Совков, поглядывая на дремлющего Нока.— Я просто приглашу на помощь милиционера.

— Ну, Тихон Михайлович,— с укоризной сказал Алексей Борисович.— Вы путаете. Это не тот лагерь, куда приводят с милицией. Кроме того, я точно знаю, что в радиусе шести километров нет ни одного милиционера, ибо участковый, товарищ Павлов, находится сейчас в Дмитровке.

Начальник лагеря перестал обращать внимание на Алексея Борисовича. Он всем корпусом повернулся к Сереже, слегка наклонился и стал говорить настойчиво и в то же время добродушно:

— Ну вот что, Каховский. Надо заканчивать эту историю, ты и сам понимаешь. Давай, дорогой товарищ, забудем все эти грустные события, сядем в машину — и в лагерь. Нас дела ждут.

— Извините, Тихон Михайлович, я не поеду. Я же сказал,— негромко, но твердо проговорил Сережа. Он не смотрел на Совкова. Разглядывал бумажку с нарисованной эскадрой и с нетерпеливой досадой думал: «Когда он наконец уберется?»

— Видали его! — уже без всякого добродушия воскликнул Совков.— Он «сказал»! Фигура! Ты думаешь, что ты лучше всех? За что ты всех нас возненавидел?

— Кого? — удивился Сережа.

— Весь лагерь!

— Я никого не возненавидел. Просто мне в лагере не нравится!

— Не нравится сейчас — потом понравится.

— Нет,— тихо сказал Сережа.— Все равно хорошо уже не будет... Да еще собака. Где она там будет жить?

— При чем тут собака? Я приехал не за собакой, а за тобой. Я не могу забирать в лагерь всех бродячих псов.

— Он не бродячий, а мой. Я его бросить все равно не смог бы. Раз он мой, я за него отвечаю.

— А я отвечаю за тебя! Понимаешь? За тебя! И я не имею права отпустить тебя из лагеря.

Сережа досадливо пожал плечами.

— Вы меня не отпускаете. Я сам уезжаю.

— Вот именно — сам! Самовольно! Ты думаешь, это тебе так сойдет? Не думай, голубчик. Мы и родителям сообщим, и в школу. Про все твои фокусы. И как собаку натравливал на Станислава Андреевича! За такие дела знаешь что?.. В колонию!

— Я не натравливал! Он меня схватил, а Нок зарычал!

— Эти сказки ты потом будешь рассказывать. Не здесь и не мне. Станислав Андреевич врать не будет, собака бросилась за ним вслед.

— Прошу прощения,— вмешался Алексей Борисович,— но ваш Станислав Андреевич несколько... преувеличивает, так сказать. Я как раз подходил к станции и был свидетелем этой сцены. Собака вела себя вполне интеллигентно... в отличие от Станислава Андреевича.

Совков резко повернулся к нему.

— Я не понимаю, чего вы хотите? Чтобы я отпустил его одного домой? Интересно, что вы сделали бы на моем месте?

— На вашем месте,— с жесткой усмешкой сказал Алексей Борисович,— я бы помнил, что никто не имеет права читать чужие письма. Помнил бы также, что у детей тоже есть чувство собственного достоинства, которое никому не позволено оскорблять, да еще публично. И что каждый человек имеет право порвать отношения с тем, кто его оскорбил... Возможно, это не следует говорить «при детях». Возможно, это непедагогично. Прошу извинить... А посоветовать вам я мог бы вот что: раз мальчик категорически отказался жить в лагере, надо назначить ему провожатого — пусть доставят его домой. Странно, что это вам не пришло в голову.

— Если каждый мальчишка начнет бегать из лагеря, у меня людей для провожания не хватит. У меня вожатые, а не провожатые.

— Ну, если у вас начнут бегать все мальчишки, значит, в лагере что-то не так... А о провожатом для Сережи не беспокойтесь, я эту роль могу на себя взять, раз уж так получилось.

— Я не понимаю, зачем вам нужно в конце концов, чтобы он не возвращался в лагерь. Чего вы хотите?

— Да ничего я не хочу,— опять усмехнулся Алексей Борисович.— Просто думал вам услугу оказать, проводить мальчика.

— Знаю я ваши услуги. Они, извините, медвежьи... Каховский, я последний раз спрашиваю, ты поедешь в лагерь?

Сережа вздохнул и молча покачал головой.

— Ну, прекрасно. Так и запишем. А про вас, товарищ корреспондент, я напишу в редакцию. О вашем поведении. Имейте в виду.

— Буду иметь в виду. Только подписывайтесь разборчиво...

Совков круто повернулся и зашагал к машине, широко размахивая руками. Нок поднял уши и смотрел ему вслед.

Хлопнула дверца машины. «Газик» подпрыгнул и запыхал по шоссе.

Сережа с облегчением сказал:

— Кажется, все.

— Будем надеяться... Хотя должен сказать, что Тихон Михайлович Совков — человек упрямый.

— Вы его знаете, да?

— Встречались. Не всегда он был начальником лагеря.

— Вот вы сказали... про овощи. Неужели он был жулик? Он овощи воровал, да?

Алексей Борисович засмеялся.

— Да нет, Сережа, не придумывай. Ничего он не воровал. Все это гораздо сложнее... Хитрил он, чтобы лишнюю премию получить, а из-за этого дело страдало. Вагоны простаивали, график срывался. Да ну его... Ты что приуныл?

— Я не приуныл. Все в порядке.

— Тогда продолжим? Бой еще не закончен.

— Не закончен,— вздохнул Сережа.

8

Подошло наконец время поезда. На станции появились еще три пассажира: старичок с белой бородой и пухом вокруг блестящей лысины, румяная старушка с корзиной, в которой кто-то

крякал и шевелился, и девочка — крошечная, но резвая — в красном с белыми горошинами платочке.

— Как из сказки,— сказал Сережа.— Дед, бабка и внучка Маша.

Из-за леса выскочил зеленый поезд. На крыльце показался старик дежурный в красной фуражке и со свернутыми флажками — красным и желтым.

— Дождались,— сказал Алексей Борисович и поднялся со скамейки.

Поезд зашипел и остановился.

Двери открылись только в двух вагонах. Видно, сходить на этой станции никто не собирался, а для посадки пяти пассажиров достаточно было и двух дверей. Так, наверно, решили проводники.

Дед, бабка и внучка засеменили к ближнему вагону.

— Пойдемте в другой,— торопливо сказал Сережа.— А то они сейчас вход закупорят, и мы не успеем.

Он подхватил чемоданчик, потянул за поводок Нока и вприпрыжку двинулся вдоль вагонов. Алексей Борисович обогнал его и широко зашагал впереди. Он первый вскочил на подножку и крикнул:

— Давай Нока!

Протянул руку, чтобы ухватить ошейник.

Позади возникла юная проводница с круглым неприступным лицом.

— Гражданин, вы куда с собакой?

Алексей Борисович оглянулся.

— Как куда? В вагон, разумеется.

— В вагон нельзя. Вы что, маленький? Правил не знаете?

— У нас билет есть!— крикнул снизу Сережа.

— Билет ни при чем. Намордника-то нет!

— Да что вы, девушка,— вкрадчиво сказал Алексей Борисович.— Ну зачем ему намордник? Это же еще совсем щенок.

— А нас не касается, щенок это или нет. Намордники для всех обязательны... Гражданин, кому я сказала! Не смейте втаскивать собаку, я не пущу.

— Ну, что нам делать-то? — взмолился Алексей Борисович.— Не бросать же пса! Сердце-то у вас есть?

— Сердце здесь тоже ни при чем. Если контролер по вагонам пойдет, ему до моего сердца дела не будет. Я из-за вас премии лишусь.

— Да пока контролер пойдет, мы какой-нибудь намордник сообразим!

— Вот сначала сообразите, а потом садитесь в поезд... Сойдите с подножки, гражданин. Слышите, отправление дали? Или оставьте собаку.

Алексей Борисович взглянул на Сережу.

— Нет,— шепотом сказал Сережа и обхватил Нока за шею.

Алексей Борисович чертыхнулся и прыгнул на землю. Проводница старательно закрыла дверь. Вагон лягнул и пошел, наращивая скорость.

— Фу-ты, как глупо вышло. Юная бюрократка... И не придерешься ведь, инструкцию соблюдает,— сказал вслед вагону Алексей Борисович.

Сереже было очень стыдно. Ну как он не сообразил, что нужен намордник! И Алексей Борисович из-за него остался...

— Вам надо было ехать,— проговорил Сережа.— Я виноват, вот и сидел бы здесь. А теперь вы из-за меня застряли.

— Ну, брат, что за чепуху ты говоришь,— недовольно произнес Алексей Борисович.

Сережа виновато помолчал и спросил:

— А что теперь делать?

— Ну, что делать... Сначала намордник. Потом еще раз сыграем в морской бой. Через полтора часа, насколько я помню, должен еще поезд быть... Только вот есть хочется. А? Что за станция, даже завалящий бутерброд купить негде. Прямо хоть ремень жевать начинай. У тебя кожаный?

Сережа улыбнулся все еще виновато.

— Кожаный. Только его жевать нельзя. Из чего тогда намордник делать?

— А может быть, от моего аппарата возьмем ремешок для намордника? У меня в портфеле фотоаппарат. Жалко, конечно, но... с тебя же штаны свалятся, если ты ремень снимешь.

— Нет, что вы, не надо от аппарата! — даже испугался Сережа.— Да пусть они свалятся, у меня другие есть. А эти я под мышкой понесу, раз они в чемодан не влазят.

— Попробуем в мой портфель затолкать,— решил Алексей Борисович.

Они вернулись к скамейке. Алексей Борисович забрал у Сережи ремень, моток проволоки и ножик. Он сказал, что никогда в жизни не делал намордников и хочет попробовать.

Подозвал Нока и стал обмерять ему морду. Нок мотал головой и дергал ушами. Попробовал даже улизнуть, но Алексей Борисович ухватил его за ошейник.

— Стой спокойно ты, беспризорник... Никакой культуры в тебе, никакого воспитания. Вот нацепим намордник, сразу почувствуешь, что такое дисциплина.

Сережа переоделся, вместо брюк надел синие шорты от пионерской формы, а заодно сменил рубашку, которую помял и перемазал, когда возился с Ноком. В коротких штанах и белой футболке он сделался тоньше и словно повыше ростом. И стал похож немного на того мальчика с жеребенком. Особенно когда подошел к Ноку и взял его за шею. Правда, Нок совсем не был похож на изящного жеребенка.

— Отпусти его, пусть побегает,— сказал Алексей Борисович.— Может быть, он себе что-нибудь съестное отыщет.

Сережа отпустил. Нок отошел, но искать ничего не стал, а сел и с укоризной поглядел на Сережу: «Эх ты, хозяин. Взял, а не кормишь».

Подошел старичок в красной фуражке, дежурный по станции. Спросил с интересом:

— Что это вы, граждане пассажиры, не уехали? Понравилось, видать, у нас?

— Да вот так получилось. Из-за этого пассажира.— Алексей Борисович кивнул на Нока.

Тот сидел в трех шагах и чесался с такой силой, что от него разлетался ветер.

— Не пустили без намордника,— объяснил Сережа.

— Правило такое существует,— сказал старичок сочувственно.— А вообще-то как повезет. На кого, значит, наткнешься. Когда пустят, а когда нет... А сейчас, я думаю, для вас, граждане, самый правильный выход — это шагать до тракта да ловить попутку до города. Ежели только вы, конечно, ночевать не расположены.

— Это почему же ночевать? — встревожился Алексей Борисович.— А поезд?

— А какой же поезд, милый ты мой? Сегодня поездов в ту сторону больше не будет.

— Как же не будет? А в шестнадцать двадцать девять? Я же на прошлой неделе ездил на нем.

— Э-э, вон ты про что! Ты это в субботу или в воскресенье

ездил. Это точно. Есть такой поезд по выходным дням. Дополнительный, значит, чтобы дачников возить. А сегодня нету.

— Ну, дела-а...— сказал Алексей Борисович, жалобно глядя на Сережу.— Все, брат, одно к одному.

— Все из-за меня,— убитым голосом произнес Сережа.

— Нет, Сергей, ты эти речи брось,— тут же воспрянул Алексей Борисович.— Что ты, в самом деле, сразу нос опускаешь... Давай думать. Значит, так: на шоссе нам идти не стоит. Мало надежды. Грузовики нас не возьмут, их за это автоинспекция греет. А в легковую машину нас, такую компанию, тоже никто не пустит.

— Может быть, пешком?— робко предложил Сережа.

— Шестьдесят-то верст! Да на голодное брюхо... Нет, брат, это не та романтика.

— Это верно,— вставил слово дежурный.— Пешком — это не тот фасон. Так что самое вам хорошее дело — сходить в поселок, в столовую, да остаться ночевать. Ежели негде, то я могу вас у себя устроить, раз уж так случилось. Глядите, в общем...— Он вздохнул и побрел к домику.

— Спасибо,— сказали ему вслед Сережа и Алексей Борисович. Затем Алексей Борисович решительно встал.

— Ночевать нам, Сергей, не годится. Мне вечером надо быть дома. Да и тебе не стоит зря болтаться здесь... Есть один способ. Хватай чемодан, и пошли. Только быстренько!

Он затолкал в карман почти готовый намордник Нока, взял портфель и куртку и, не говоря больше ни слова, зашагал куда-то через кусты, через канаву, прямо в поле.

— Нок, за мной! — крикнул Сережа. Схватил свой чемоданчик и бросился догонять Алексея Борисовича.

9

Они шагали гуськом по тропинке, которая то и дело терялась в траве. Позади, рассеянно вертя головой, семенил Нок. Под носом у него пролетали желтые бабочки, и Нок щелкал пастью.

Алексей Борисович шел впереди. Он оборачивался и объяснял на ходу:

— На реке, километрах в полутора отсюда, стоит на приколе баржа. К ней иногда катера швартуются. Если какой-нибудь мимо пойдет — посигналим. Может, повезет нам. Катер, конечно, не экспресс, но в сумерках до города, возможно, доберемся... Ну

а если не повезет — что ж, будем считать, что у нас еще одно приключение.

Слово — удивительная вещь. Если скажешь «неудача», кисло на душе делается. А если скажешь «приключение», то сразу веселее. Серсжа догнал Алексея Борисовича и зашагал рядом — не по тропинке, а прямо сквозь траву.

Травы цвели. Высоко, иногда у самых Серезиных плеч, качались длинные розово-лиловые свечки иван-чая. Желтел в путанице листьев львиный зев — смешные цветки, похожие на щенячьи мордочки. Чиркали по Серезиным локтям головки мелких белых соцветий, у которых мало кто знает названия.

Путешественники незаметно перевалили плоский пригорок, и когда Сережа оглянулся, то уже не увидел станции. Только башенка с петухом торчала среди травы.

Иногда открывались лужайки с темно-красными головками клевера. Над клевером неподвижными мохнатыми шариками висели шмели. Неторопливо пролетела очень крупная коричневая бабочка гавлиний глаз.

Нок не выдержал, гавкнул и бросился в погоню.

— Несolidно он себя ведет, — с улыбкой сказал Алексей Борисович.

А Сережа с беспокойством следил за Нок: не слопал бы пес в самом деле такую симпатичную бабочку.

Не слопал, не догнал. И, виновато моргая, вернулся к хозяину.

— Будешь пиратничать — намордник наденем, — пообещал Серезжа.

Нок дурашливо фыркнул и замотал головой. К морде прилипли травинки.

— Смотрите, Алексей Борисович, он траву ел! Говорят, если собака траву ест, значит, дождь будет.

— Да нет, едва ли. Это он просто с голоду. Я и сам готов подорожник жевать. А дождя не должно быть, небо вон какое хорошее.

В небе замерли желтовато-белые груды облаков, которые никогда не закрывают солнца и не грозят ненастьем. Ветра совсем не было. В прогретом воздухе стоял густой запах луга. Солнце припекало плечи.

— Придем к реке — искупаться можно будет, — мечтательно сказал Серезжа.

Реку еще не было видно. Она лежала вровень с низкими бере-

гами. Темные полосы прибрежных кустов и высокие травы закрывали воду. Лишь изредка пробивался вдали сквозь зелень синевато-стеклянный блеск.

Но вот кусты приблизились, расступились. Сразу же распахнулась перед путешественниками голубая вода с отраженными облаками. Нок бросился к песчаной полоске, ступил в воду передними лапами и принялся лакать с таким усердием, что внутри у него забулькало.

— Алексей Борисович, я окунусь, можно? — заторопился Сережа.— Мы с Ноком. На минуточку.

— Подожди-ка, дружище,— быстро сказал Алексей Борисович. Он смотрел вдоль берега.— Пстой-ка. Нам, кажется, повезло больше, чем я ожидал. Пошли. Ты видишь?

В сотне метров от них стояла на отмели баржа, а к ней прикнулся бортом крупный катер с белой рубкой и тонкой мачтой.

— Поднажмем,— сказал Алексей Борисович, и они «поднажали».

Нок припустил за ними — по самой кромке воды с плеском и брызгами.

— Точно,— отдуваясь, произнес Алексей Борисович, когда различимы стали белые буквы на корме.— «Азимут». Ну, как здорово, честное слово!

По тонкой сходне они поднялись на баржу. Здесь пахло отсыревшей деревянной обшивкой бортов, сухими досками палубы и дегтем. Нок медленно переступал и повизгивал: нагретые доски обжигали лапы.

— Не ходи босиком,— мельком сказал Алексей Борисович.

Нок обиделся и ушел в тень высокого кормового люка.

Катер был ниже баржи. Алексей Борисович перегнулся через борт и позвал:

— Эй, на крейсере!

Из рубки выбрался широколицый веснушчатый парень. И заулыбался.

— Володя! — воскликнул Алексей Борисович.— Ну как я рад! Здравствуй... Сережа, это капитан Володя. Он прошлой весной снял меня с необитаемого острова, на котором я оказался из-за происков местных браконьеров. Я там почти сутки добросовестно играл роль Робинзона.

— Да вы и сейчас, мне кажется, товарищ Иванов, вроде Робинзона,— смеясь, проговорил Володя.— Хоть на что могу спорить,

что до города транспорт ищите. Только не один вы сейчас Робинзон, а с Пятницей. Ага?

— Угадал. Насчет транспорта. А насчет Пятницы — это ты зря. Мы с Сергеем равноправные попутчики.

— Да я не к тому... Я про Пятницу вспомнил, потому что сегодня день-то как раз пятница.

— Ну-ну, вы опять путаете, мой капитан. Сегодня четверг.

— Вот уж тут-то я, товарищ Иванов, не путаю,— заупрямился Володя.— Я здесь стою как раз потому, что пятница. Витька, это наш новый моторист, взял на пятницу билеты в цирк на семь вечера, а к семи нам не успеть. Мы на базу, в Решетниково, запчасти отвозили, да там нас проманежили. Вот он и побежал звонить в город, девушке своей, чтобы не волновалась. Тут рядом водоразборная станция, а на ней телефон есть...

— Ч-черт,— сказал Алексей Борисович.— Как же это я? Неужели пятница? Сергей, что же ты молчал?

— Ну, Алексей Борисович, вы же не спрашивали, какой сегодня день. А разве обязательно надо, чтобы четверг?

— Да в том-то и дело. Я же в студенческом отряде корреспонденцию заказал, чтобы ребята написали про свою работу. Завтра они должны ее в редакцию привезти. Договорились, что обязательно завтра. А редакция в субботу не работает... Ах, братцы, старая перечница я стал. Склероз.

— Да что вы, товарищ Иванов,— снисходительно утешил Володя.— Склероза у вас нет. Это у вас, извините уж, просто характер такой. Помните, когда я вас с острова снимал, вы там свою сумку оставили. Пришлось назад поворачивать... А я вам вот что посоветую. Вы сходите сейчас на водоразборку да звякните по телефону в колхоз, объясните, как и что.

— А вы подождете?

— А чего ждать? Это же рядом, шагов триста. Идите вниз по берегу, там деревянный дом да кирпичная будка. Увидите... А, вон Витька идет! Вить, работает телефон?

— Работает,— буркнул хмурый долговязый Витька.— Лучше бы не работал. Она мне знаешь каких вещей наговорила...

— Ну ничего. Может, еще успеем. Хотя бы на второе отделение. Только вот товарищ корреспондент ходит в колхоз позвонит, и мы сразу врубим на всю катушку.

— Я бегом,— заторопился Алексей Борисович.

— Да вы не спешите, товарищ,— скучным голосом сказал

Витька — Мне лично, по крайней мере, спешить некуда. Раз уж она сказала, чтоб на глаза не показывался, это, значит, на три дня, не меньше.

— Да-а...— сочувственно протянул Алексей Борисович.— Ну, я все-таки поспешу. Ты, Сережа, подожди, я мигом. Кажется, кончатся наши приключения... Э, Сергей, да что с тобой?

А Сережа стоял с опущенными руками и всем своим видом словно говорил:

«Ну что же делать, если я такой никудышный, неудачливый, несчастный и бестолковый?»

— Что случилось, Сережа?

— Брюки-то я забыл,— шепотом сказал он.— Остались на скамейке. На спинке висят. И куртка.

— Тьфу ты... Да ладно, Сергей. Неужели они тебе так уж нужны? Куртка старая, а штаны... Велики ведь они тебе. И порваны к тому же. Разве что клеймо интересное...

— Да не клеймо... Там же письмо в кармане осталось. Найдет кто-нибудь, читать будет.

— Досадно. Ну а, в общем-то, что в нем особенного, в этом письме? Пусть читают.

— А еще там в кармане карточка. Мамина,— совсем тихо сказал Сережа.

— М-да...

И больше Алексей Борисович ничего не сказал. А что скажешь?

Сережа тоже молчал. Он ясно представил, как чужие любопытные пальцы выворачивают карманы, вытряхивают медяки, нащупывают и разворачивают письмо... А потом достают записную книжку, шелестят листками. Падает на скамейку снимок. Ведь никто же не знает, что это его, Сережина, мама. Это для него мама, а для других — просто незнакомая, чужая женщина. И бросят ненужную карточку в траву...

Сережа наклонился над бортом баржи.

— Товарищ капитан,— звенящим голосом сказал он Володе.— Я очень быстро сбегая. Можно, а? Я бегом. Тут же недалеко!

— Да что случилось-то? Товарищ Иванов?— забеспокоился Володя.— Чего это парнишка расстроился?

— Имущество кой-какое забыли на станции,— виновато объяснил Алексей Борисович.— Ну, не везет как по заказу.

— Да пусть малец сбегает,— сказал моторист Витька.— Это же

дело-то пустяковое: туда и обратно километра три, не больше. За полчаса обернется. А нам теперь и подождать можно, чего уж...

— Подождем,— решил Володя.

— Жми, Сергей,— сказал Алексей Борисович.— Собаку возьмишь?

— Нет, придержите ее, пожалуйста. Один я быстрее...

По правде говоря, он опасался, что вдруг на станции появятся поселковые ребята и предъявят на Нока права. Лучше не рисковать.

Он прыгнул на сходню, на берег и помчался так, что трава зашвистела у ног.

Алексей Борисович удержал за ошейник встревоженного пса и сказал Володе:

— Славный парнишка... Вот сегодня утром я еще не знал, что есть он на свете. А сейчас будто вместе тысячу верст прошагали.

— Пацаны — они народ такой. К ним привязываешься,— согласился Володя.— Я прошлым летом две смены вожатым в лагере работал, от райкома комсомола. А потом отказался. Потому что как начинают разъезжаться по домам — будто от сердца отдираешь.

Алексей Борисович кивнул и отвернулся. У него болели глаза: перед этим он смотрел вслед Сереже, а тот убежал в сторону солнца. Чтобы глаза отдохнули от блеска, Алексей Борисович стал смотреть на северный берег. Там были луга, пестрые домики, синий бор на горизонте, а перед ним — кудрявый березовый лес. За тем лесом прятался лагерь, где начальником Совков Тихон Михайлович.

Из леса выскочил серовато-голубой «газик» и запылil по дороге к мосту.

— Однако...— сказал Алексей Борисович.— Володя! Нет ли у тебя бинокля?

10

Еще издали, с пригорка, Сережа увидел, что брюки и куртка по-прежнему висят на спинке скамьи. Осталось пробежать немного, перепрыгнуть заросшую канаву, проскочить кустарник — и вот скамейка.

Он перепрыгнул канаву. Но когда перед ним оказались кусты, оттуда, из засады, вышли четверо.

Это были, конечно, враги. Гутя, Витька Солобоев, Женька Скатов и Пудра.

— Гы...— сказал Пудра.— А вы говорили, уехал. Вот он, вовсе и не уехал даже. Ага.

— Привет,— насмешливо сказал Гутя. Он был, как всегда, красив и аккуратен, даже складочки на шортах отутюжены. Остальные трое были встрепанные и вспотевшие, а Гутя даже прическу не разлохматил. Он вертел в пальцах одуванчик с пушистой головкой и улыбался.

Сережа сделал ошибку. Ему бы сразу шарахнуться назад, за канаву, а там еще посмотрели бы, кто быстрее бежит. Но он решил проскочить строй врагов, схватить со скамейки вещи и потом уже броситься к реке.

Не успел. Сразу шесть липких ладоней ухватили его за голые локти, за кисти рук. Сережа рванулся, конечно, да толку мало. Его трое держали, и каждый был сильнее Сережи.

— Не дрыгайся, силы береги,— сказал Гутя.— Еще до лагеря четыре километра топать, а ты, наверно, не обедал, бедненький.

— Ну, чего пристали?!— отчаянно крикнул Сережа.— Я что вам сделал?

— Нас из-за тебя на речку не пускают и в лес,— объяснил ему из-за плеча Витька Солобоев. Он дышал Сереже прямо в ухо, и от него пахло грушевым компотом.

— Я-то здесь при чем?

— А говорят, что если отпускать, то все начнут разбегаться, как ты. Ты больно хитрый. Сам— до хаты, а мы сидеть из-за тебя в палатах должны?

— Врете вы все,— убежденно сказал Сережа.— Вас директор послал.

— Ладно, это не твое дело,— сказал Гутя. Он один из всех не держал Сережу. Прохаживался перед ним. Помахивал одуванчиком. А в другой руке у него был маленький газетный сверток.

— Я в лагерь все равно не пойду,— убежденно сказал Сережа.

— За уши потащим,— пообещал Гутя.

«Ох, ну почему я не взял Нока?»— подумал Сережа. И сказал:

— Надорветесь.

— Справимся.

— Вы права не имеете. У меня же вещей нет, они на берегу остались.

— А собака? — спросил Женька Скатов.

— Тоже на берегу! — ответил Сережа и спохватился: «Не надо было говорить. Если бы думали, что Нок близко, может, испугались бы...»

— Вот и хорошо, — обрадовался Женька. — Дай, Гутя, колбасу, я ее вместо собаки съем. А то все равно Солобоев слопает, ему сегодня добавки не дали...

— Дурак, — сказал Гутя и зашвырнул сверток в кусты. — Не знаешь, что ли, что в этой колбасе?

— Не знаю, — растерянно отозвался Женька. — Я еще на кухне откусить хотел. А что?

— Дурак, — опять сказал Гутя.

«Неужели иголку сунули? — подумал Сережа. — Нок ведь не знает еще, что у чужих брать нельзя. Нет, хорошо, что он там». И сказал:

— Живодеры.

— За живодеров поимеешь, — пообещал Гутя. — В лагере. Ладно, пошли.

Сережа опять рванулся.

— Не пойду я! Меня там люди ждут! Катер!

— Гы, адмирал, — сказал Пудра. — Глядите, парни, катер его ждет...

Остальные загоготали.

— Не волнуйся, деточка, — сказал Гутя. — За тобой в лагерь персональный самолет пришлют.

— Вы еще за это ответите, — пообещал Сережа. — У меня там чемодан. Если вам за меня ничего не будет, за вещи вы все равно ответите.

На Гутином лице мелькнуло сомнение. Но тут вмешался Пудра:

— А на кой нам твой чемодан? Нам про него ничего не сказали. Может, ты его куда выбросил или запрятал, а мы искать обязаны? Нам не чемодан ведь, а тебя велели в лагерь при- тащить.

— Ага! — крикнул Сережа. — Велели! Я же говорил!

— Ладно, заткнись, — буркнул Гутя.

— Жандармы вы, вот кто, — сказал Сережа с закипающей яростью и бесстрашием. — Точно! Полевая жандармерия.

— Ну, ты... — медленно произнес Гутя и пушистой головкой одуванчика ткнул Сережу в губы. А облетевшим стеблем стегал

нул его по носу.— За жандармов ты особо получишь, по первому разряду.

Сережа мотнул головой и сплюнул прилипшие семена.

— Все равно жандармы,— сказал он.— А кто вы? Хорошие люди, что ли?

— Ладно, тащите его, парни!— скомандовал Гутя.

Сережу рванули вперед. Он уперся пятками, но кожаные подошвы сандалей заскользили по траве. Сережа постарался зацепиться за куст, но только зря расцарапал щиколотку.

Ну почему так устроен человек? И не боится он, и боли особой не чувствует, а только злость, и плакать совсем не хочет, а слезы сами по себе закипают где-то в глубине и грозят прорваться. Они еще не очень близко были, эти слезы, но Сережа уже чувствовал их.

Вырываясь, он сказал сквозь сжатые губы:

— Зря стараетесь. Ну, притащите в лагерь, а потом что? Все равно за мной сейчас придут. Алексей Борисович придет. И собака.

«В самом деле,— думал он,— ведь не уедет же Алексей Борисович. Все равно искать будет. Только как он догадается, где я? И когда он до лагеря доберется?»

Гутя злорадно объяснил:

— Пусть ищут. С собакой. Там для тебя отдельная комнатка приготовлена в изоляторе. Будешь сидеть, пока маму-папу не вызовут. А потом на линейке коленом под... Ну, в общем, ясное дело.

— Могут и галстук снять,— пыхтя, добавил Солобоев.

— Не,— огорченно сказал Гутя.— Не снимут. Гортензия говорила, что в лагере нельзя выгонять из пионеров. А то бы запросто.

«Если запрут, могут и не сказать Алексею Борисовичу, что я в лагере. Тогда что?»— подумал Сережа. И рванулся так яростно, что его чуть не отпустили. Витька Солобоев сказал, дыша компотом:

— Ну, я так не согласен. Четыре километра его переть. Машина-то небось уехала, а мы вкалывай. Я не лошадь.

— Чичас он сам побежит,— вдруг сообщил Пудра.— Вы его только поддержите минуточку, я чичас...

Он отпустил Сережу (а Витька с Женькой вцепились в него еще крепче) и побежал к заросшей канаве. Мальчишки ждали. Сережа видел, как Пудра натянул на ладонь обшлаг рубашки

и вырвал длинный, почти метровый стебель крапивы с темно-зелеными узкими листьями.

— Гады, четверо на одного,— сказал Сережа и даже удивился, что ничуть не боится. И слезы больше не грозили ему. Была в нем холодная, спокойная злость, только и всего.

А Пудра улыбался большим ехидным ртом, помахивал крапивой и медленно подходил.

— Ну, побежишь?— спросил он.

— Животное,— сказал Сережа.— Попробуй только ударь.

Пудра сильно размахнулся и стеганул его повыше колен. Сережа закусил губу, но не двинулся.

— Дураки. Вы меня хоть огнем жгите, я вам подчиняться все равно не буду.

— Бу-удешь,— протянул Пудра и хлестнул еще раз.

Неожиданно, то ли из книжки про разведчиков, то ли еще откуда-то, вспомнились Сереже слова: «Если ударить противника под колено каблуком, можно сразу вывести его из строя...» И он без размаха, коротко, трахнул сандалей Пудру по ноге.

Пудра ойкнул, присел. Свободной ладонью зажал колено. Однако крапиву не выпустил. Глаза у него сузились, и он прошипел:

— Ну, чичас попляшешь...— и размахнулся.

— А ну, кончай,— сказал вдруг Женька Скатов и отпустил Сережу.

Это было очень неожиданно, и Сережа пропустил момент. Ему бы рвануться из Витькиных лап— и был бы свободен. А он прозевал, и в следующий миг его руку перехватил Гутя.

— Ты чего?— спросил Гутя у Женьки.

— А ничего,— хмуро бросил Женька.— Мучаете человека. Чего он размахался?— Женька кивнул на Пудру.— Ему бы так.

— Гы, а меня крапива не берет. Я в нее могу без штанов прыгнуть. На спор,— сказал Пудра.

— Ну и болван,— отрезал Женька.— Все вы... Собаку еще погубить хотели. Она-то при чем?

— А тебе жалко?— с досадой сказал Гутя.— Она бы тебе ноги пообглодала.

— А мне чего их глодать? Я, если б знал, с вами бы не связался... Обождите, я еще скажу в лагере, как вы его мучили...

Он вдруг повернулся, пролез через кусты и зашагал к дороге.

— Во изменник,— сказал Пудра, все еще держась за колено.
— Ему же хуже будет,— сказал Гутя.
— Хуже всех будет вам,— пообещал Сережа.— Вы еще вспомните...

— Ой, страшно. Он сейчас маму позовет,— прохихикал Витька Солобоев.

Сережа напряг плечи и сжал кулаки — кулаки-то у него были свободны. И Пудра, глядя на него, вдруг проговорил:

— Не-а. Он не маму позовет. Он всадников своих позовет чичас... Мюнхавузен. Ну, зови своих всадников! — И, скривив рот, он издевательски проблеял: — Ескадро-о-он!..

Ох, если бы на самом деле были всадники! Все, что есть у него, отдал бы за это Сережа! Полжизни отдал бы за минутное чудо, за то, чтобы гневные всадники примчались сейчас для защиты и мести. Чтобы и Гутя, и Витька, и гнусный Пудра затряслись и побелели от ужаса перед непонятной и неожиданной силой. Если бы!

И сильнее боли, сильнее обиды и злости жгучей волной поднялась в нем тоска по чуду, которого не может быть.

Ведь только совсем маленькие дети верят в сказки до конца...

Только очень маленькие дети верят в чудеса. Да еще старые, много пожившие люди утверждают, что чудеса все-таки бывают. Редко-редко, но случаются. Но Сережа-то не был маленьким ребенком. И старым опытным человеком он тоже не был. Он был просто мальчик и твердо знал: на свете не бывает чудес.

И он изумился и вздрогнул почти так же, как его враги, когда в полыхании рыжих грив и с глухим громом подков пятеро кавалеристов вылетели на поляну и встали полукругом.

И самый главный всадник — смуглый, белозубый, в зеленой рубашке и парусиновой буденовке с суконной голубой звездой — негромко сказал:

— Не трро-огать...

И стало тихо-тихо. Только в сбруе у лошади звякнули медные колечки.

Катер рокотал мотором и разгонял по стеклянной воде длинные волны. Вода и небо были светлыми, несмотря на поздний час. А берега кутались в сумерки.

Мигая цветными огоньками, плавно прокатывались навстречу сухогрузы и буксиры. На них играло радио.

Впереди, там, где не гасли закатные облака, поднимался город: трубы, крыши, башни и узорчатые вышки. Там тоже мигали огоньки, и становилось их все больше.

— Через полчаса причалим,— сказал Алексей Борисович.— Если больше не будет приключений. Если не сядем на рифы, не нападут пираты и не налетит тайфун.

Они с Сережей стояли на носу у поручней. Сережа молчал. Он не откликнулся на шутку. Смотрел перед собой и молчал.

— Сергей,— сказал Алексей Борисович.— Ты меня пугаешь, честное слово. Ты целый час будто в рот воды набрал. Что с тобой?

Сережа повернул к нему лицо. Оранжевыми веселыми огоньками блеснул в его глазах закат.

— Я вспоминаю,— сказал Сережа.— Вы не смейтесь, Алексей Борисович, ладно? Я вспоминаю. Как они примчались! А говорят, чудсс не бывает.

Алексей Борисович взял его за плечо. На Сережином плече, под ключицей, часто билась горячая жилка.

— Чудеса бывают,— осторожно сказал Алексей Борисович.— Собственно говоря, что такое чудо? Несколько редких случаев, совпавших друг с другом... Вот, допустим, открою я портфель и скажу: «Раз, два, три! Упади сюда метеорит!» Упадет?

— Нет,— уверенно сказал Сережа.

— А вдруг? Ведь они все-таки падают на Землю. И если так совпадет, что катер окажется на месте этого падения? И мой портфель тоже?

Сережа засмеялся.

Алексей Борисович сказал:

— Так получилось. Надо было, чтобы я взглянул на берег и увидел «газик», который вдруг остановился у моста и высадил ребят. Надо было, чтобы рядом оказался телефон. И надо было, чтобы в правление колхоза в тот момент зашел командир отряда Володя Малахов. Они как раз хотели ехать в Дмитровку, и лошади были оседланы... Вот и получилось чудо. Это, брат, такие ребята, что лишнее чудо сотворить не откажутся.

— А почему у них форма?

— Все студенческие отряды сейчас форму себе шьют. Каждый

свою. Ты разве не видел? А эти ребята все время с конями, вот и завели буденовки, кто сумел. Красивая форма?

— Еще бы.

Сережа закрыл глаза и снова, как в кино, увидел рванувшиеся кусты, вскинутые конские головы, вздыбленного гнедого жеребца на краю поляны, острые шлемы с голубыми кавалерийскими звездами...

«Не трро-огать!»

А потом крепкие руки, жесткое седло. Трава, летящая под копыта.

«Не трро-огать!»

Сережа засмеялся, вцепившись в поручень.

— Как они... Будто атака! Даже я ничего не понял. А те, кто меня ловил! Они, наверно, и сейчас ходят обалделые... Нет, все равно это чудо, Алексей Борисович.

— Может быть... Но, видишь ли, Сережа, такие чудеса случаются раз в жизни. Не чаще. И надеяться на них не надо.

— Я понимаю,— тихо сказал Сережа.— Ну и что же? Мне и одного хватит на всю жизнь.

— Тебе... А другим?

— Другим?

— Да. А как же... Ты сейчас рад, спокоен даже. А кто-то в этот миг зовет на помощь. Ты думаешь, всадники спешат и туда?

— А что же мне делать?

— Будь всадником сам. Не обязательно на коне и в шапке со звездой, не в этом главное.

— Я понимаю,— опять сказал Сережа.

По берегам начинался город: с цветными неоновыми вывесками на магазинах, с яркими вспышками электросварки, с желтыми квадратиками окон. С тихой музыкой репродукторов. Мотор заработал тише. Стало слышно, как по-ребячьи сопит на свернутом брезенте Нок, слопавший два корабельных ужина.

— Почти приехали,— заметил Алексей Борисович.

Сережа сказал:

— Всадникам, наверно, тоже приходится нелегко.

— Конечно. А ты испугался?

— Нисколько. Просто я вспомнил. В прошлом году один тип у нас во дворе хотел кошку повесить. Говорил, что бродячая. А она даже не бродячая была, а просто заблудилась. Мы с ребя-

тами вырвали и убежали. А потом нас все соседи ругали. Говорили: со взрослыми спорить не полагается.

— Ну что ж... Конечно, не полагается. Только разве всегда знаешь, что полагается, а что нет? Мне, наверно, по всем правилам полагалось отправить тебя в лагерь, а не подымать по тревоге кавалеристов. Но ты ждал всадников...

— Вы говорите, что другие ждут тоже.

— Да.

— А как узнать? Как всадник услышит, что его зовут?

— Учись,— откликнулся Алексей Борисович.— Слушай. Смотри.

Катер заглушил мотор и по инерции подходил к пирсу. Там, под яркой лампочкой, сидел маленький мальчик-рыболов.

— Эй, пацан, ноги береги!— закричал выскочивший на палубу Витя-моторист.

Мальчик вскочил, взметнул длинную удочку.

Стало совсем тихо, только журчала у борта вода.

В этой тишине Сережа негромко сказал:

— Я постараюсь.

Часть вторая

Звездный час Сережи Каховского

1

От пристани до самого дома Нок вел себя как дрессированный. Ни разу даже не дернул поводок. Он шел рядом с Сережей, и тот все время ощущал ногой его косматый теплый мех.

— Нок — лохматый бок, — шепотом сказал ему Сережа.

Пес вопросительно повернул голову. Свет, падающий от близкого фонаря, желтыми точками блеснул в его глазах.

— Скоро будем дома, — пообещал Сережа.

Еще несколько шагов — и тогда сквозь черные тополиные ветки глянут на усталых путешественников светящиеся окошки второго этажа.

Вот они, окна.

Однако горели только два окошка — в Наташиной комнате. Стекла Сережиных окон отражали синевато-серое небо июльской ночи.

«Может, смотрят телевизор? — подумал Сережа. — Или спят уже? Папа так рано не ложится.... А может быть, оставили Марину у Наташки и в кино ушли на последний сеанс?»

Он слегка встревожился. Во-первых, чего же хорошего возвращаться в пустую квартиру? Во-вторых, не хотелось ему откладывать объяснение с отцом и тетей Галей.

Сережа несколько не боялся этого разговора. Но он хотел, чтобы поскорее остались позади все неприятности и все обсуждения этих неприятностей. Не надо о них вспоминать. Пускай только всадники на золотистых конях вспоминаются каждый день...

Сережа и Нок вошли во двор. Сережа толкнул нижнюю дверь, и они стали подниматься на второй этаж. Над лестницей горела неяркая лампочка. Потрескивали точеные старые перила. Когти Нока громко стучали по ступеням, и этот стук отдавался в железном корыте, которое висело у двери чулана. Пахло пересохшими досками, теплой пылью и древесным лаком. Это был запах пожилого доброго дома, в котором Сережа провел все свои почти двенадцать лет... Верхняя дверь была обита облезшей клеенкой. Клеенка местами треснула, и в разрывах торчала пакля. На косяке весело белела кнопка. Это была обманная кнопка: звонок Сережа и Наташка развинтили еще пять лет назад, когда строили из большой корзины и картонного ящика ледокол. Блестящая чашечка звонка понадобилась им для корабельного сигнала. С тех пор кнопку нажимали только те, кто первый раз приходил в этот дом.

Сережа несколько раз ударил кулаком по мягкой клеенке. Бух-бух-бух...—отдалось за дверью. Сначала была тишина, потом часто защелкали подошвы, и Наташкин голос капризно спросил:

— Кто?

— Я.

— Кто «я»?

— Ну я, Сергей! Ты спишь, что ли?

Лязгнул крючок, и дверь распахнулась так стремительно, что перепуганный Нок отскочил на всю длину поводка. Наташка перешагнула порог и схватила Сережу за локти мокрыми пальцами.

— Сережка! Как здорово! Какой ты молодец, что приехал!

Она лишь мельком глянула на пса и даже не удивилась.

— Ой, ну как здорово! Бывают же чудеса! — повторила она и, не отпуская, потянула Сережу в коридор.

Он совсем не считал, что его приезд такое уж чудо. Пожал плечами, втащил в коридор очень оробевшего Нока и взглянул на свою дверь. Обычно по вечерам в ней светилась тонкая щель. Сейчас ее не было.

— Где наши?

Глядя счастливыми глазами, Наташка сказала:

— Да! Ты ведь ничего не знаешь!

— Ничего не знаю. Скажешь ты наконец?

— Вы квартиру получили. Три комнаты. Уже неделю назад переехали.

Это была новость. Уж чего-чего, а такого дела он никак не ждал.

— Вот так финт...— медленно сказал Сережа.— Это значит, я здесь уже не живу?

Она вздохнула:

— Значит... Ну и что? У тебя теперь будет своя комната. Ой, Сережка, такая хорошая, просто прелесть! Окно на юг, реку видно. Обои на стенах такие веселые, голубенькие... Ты что, не рад?

— Да я не знаю даже...

Он и правда не знал. Он, видимо, просто устал сегодня от разных неожиданностей.

— А почему не написали, что новая квартира?

— Хотели тебе сюрприз сделать.

— Сюрприз...— усмехнулся Сережа. Поглядел на притихшего Нока, потрепал ему загривок.— Я вот тоже сюрприз привез.

— Я уж смотрю... Это ты из лагеря такое страшилище везешь? Да нет, он хороший, только... больно какой-то уж непричесанный.

Нок вопросительно посмотрел на незнакомую девочку, потом на хозяина и вдруг зевнул во весь размах розовой пасти.

— Ой,— сказала Наташка.

— Она пошутила, Нок,— сказал Сережа.— Она больше не будет, не глотай ее.

Наташка засмеялась и вдруг сразу встревожилась:

— Сережка... А почему ты... Ведь смена только через десять дней кончится. Ой, выгнали, да?

— Сам ушел,— хмуро сказал Сережа.— С начальником лагеря поругался.

Наташка охнула:

— Мамочка моя... А тебя отпустили?

— А я спрашивал?

— Сережка, сумасшедший! Тебя же искать будут.

Сережа поморщился:

— Да не будут, там знают... Я все расскажу, только потом, ладно?

Наташка тряхнула своими светлыми, коротко подрезанными волосами.

— Ну ладно. Идите в комнату, я вас кормить буду... Слушай, а у него блох нет?

— Нет... Не знаю... Не надо нас кормить, мы на катере ели. Ты адрес скажи. Мне ведь надо... домой.

— Ой, ты не уходи!— испугалась она.

— Как это «не уходи»?

— Подожди. Переночуй здесь.

— Зачем?

— Ну, зачем... Скучно же. Думаешь, приятно полночи одной дома сидеть?

— А где тетя Маша и дядя Игорь?

— В театр пошли. Опера из Свердловска приехала. А потом еще в гости к папиному знакомому.

— А тебя не взяли?

— А я не пошла.

— Почему?

— Из вредности.

— А-а...

— Конечно... Отца всю неделю просила: «Почини, почини велосипед». Он все: «Починю, починю». А сам дотянул... Все ребята на озеро сегодня уехали, а я дома осталась... Ну вот и пусть сами ходят в свой театр.

— Ну, ты тоже хороша. Дядя Игорь с утра до вечера на работе, а ты с велосипедом...

Наташка виновато шмыгнула носом.

— Он говорил: «Подожди до субботы». А в субботу его вызвали в порт. Что-то там срочное случилось. А он сейчас диспетчера порта замещает.

— Сейчас навигация в разгаре. Мы пока плыли, знаешь сколько всяких теплоходов навстречу попало... Ну, ты все-таки давай адрес, я пойду.

— Останься, Серенький...— жалобно сказала Наташка.

Вот она всегда так, если хочет подмазаться: «Не уходи, Серенький. Сделай, Серенький». Только она Сереньким его и называет.

Раньше еще мама так называла, но это было давным-давно...

— Не уйдешь, да? Я пельменей сварю, у нас две пачки в холодильнике.

Пельмени — это, конечно, вещь, но...

— Куда ты пойдешь ночью...— уговаривала Наташка.— Это далеко, за семь кварталов, на углу Октябрьской и Челюскинцев. Уже полдвенадцатого. И холодно сейчас, вон у тебя руки в пупырышках.

Вечер и в самом деле был свежий. Сережа, пока шел от пристани, слегка озяб. Но он сурово глянул на хитрую Наташку.

— Это от твоих рук.— Он потер ладонями голые локти.—

Почему у тебя пальцы мокрые и холодные? Стирала на ночь глядя?

— Это я ревела,— сердито призналась она.

— Тоже из вредности? — понимающе спросил Сережа.

— Нет... Я боюсь одна.

Сережа внимательно посмотрел ей в лицо. Только сейчас при свете слабой коридорной лампочки он разглядел, что глаза у Наташки красные и припухшие. Он не стал, конечно, смеяться. Никогда они не смеялись друг над другом, если одному из них было по-настоящему, до слез плохо. Если человеку одиноко и страшно, кто-то должен оказаться рядом (как сегодня на станции). Хотя, по правде говоря, Сережа не понимал: как может быть страшно в своем доме, знакомом до последнего гвоздика?

— Ладно, вари пельмени,— сказал он.

Наташка расцвела, и они пошли в комнату.

Наташа сразу превратилась в хозяйку. Цыкнула на Нока, который хотел устроиться на пушистом половике у дивана, и показала ему место у двери. А Сереже велела умываться.

— Успеется,— лениво ответил он.

Скинул сандалии и забрался на диван. Наташа неодобрительно посмотрела на Сережины колени, темные от земли и въевшегося травяного сока, но ничего не сказала. Диван торжественно гудел всеми пружинами. Гудеть так он научился еще в те времена, когда Сережа и Наташа устраивали на нем цирковые представления с борьбой и конными скачками.

Наташа ушла на кухню. Нок опять осторожно перебрался на половик и вопросительно посмотрел на хозяина.

— Ладно, лежи пока,— шепотом разрешил Сережа.

Усталость мягко растекалась по телу. Но спать Сережа не хотел. Привалившись к вышитой подушке, он оглядывал комнату. Комната была такой же привычной, своей, как и те, в которых он жил. Все знакомое-знакомое: телевизор «Старт», накрытый вязаной салфеткой, черный книжный шкаф с завитушками и треснувшим стеклом, большая фотография в рамке: Наташа и дядя Игорь делают зарядку. Наташка маленькая, шестилетняя, в мальчишечьем тренировочном костюме и с громадным обручем. Дядя Игорь — с двумя двухпудовыми гирями, поднятыми к плечам, весь переплетенный мускулами, как гладиатор. И громадный.

Сережа вспомнил, как дядя Игорь еще недавно сажал их с Наташкой на вытянутые руки и вертел, будто карусель. Только не в этой комнате, а у Сережи, потому что у Каховских было попросторнее.

Сереже захотелось в свои комнаты. Он понимал, что пустая квартира — со следами унесенной мебели на полу, с темным квадратом на обоях, там, где висела мамина фотография, — невеселое зрелище. Но все-таки... Он встал и зашлепал босыми ногами в коридор, толкнул свою дверь.

Дверь была заперта.

— Нат, почему заперто? Открой.

— Это не мы, — откликнулась из кухни Наташа. — Домоуправление заперло. Скоро новые жильцы приедут. Какие-то Грачевы.

— У-у... Я думал, что вы наши комнаты займете. Вам бы наконец свободнее стало.

— Да теперь уж все равно. Мы к весне тоже переедем... Твой людоед ест пельмени?

— Он все ест. Горячие только не давай, а то чутье пропадет.

Сережа вернулся в Наташину комнату. Подошел к окну. Вид отсюда был такой же, как из его комнаты. Крыши, неяркие окна, силуэт водонапорной башни, похожий на старинный замок. Слева — темная груда тополей, внизу — кусты рябины. За кустами — мостовая.

Она была горбатая, эта мостовая, и зимой вдоль нее ветер наметал длинные сугробы. Такие непролазные, что отцу приходилось брать Сережу на руки, когда шли в детский сад.

Потом они с папой оказывались на широкой, очищенной дворниками улице, но папа не опускал Сережу. Так им удобнее было разговаривать.

— Пап, разве справедливо, когда двое на одного? — спросил один раз Сережа.

— Конечно, нет.

— А что делать?

— Ну, что делать... Выбери время, поговори с ними по очереди, один на один.

— Правильно! — обрадованно сказал Сережа. — Светку Лапину я подожду во дворе, а Танька сегодня дежурит в группе...

— Постой-постой! Ты что же, с девочками хочешь драться?

— Я не драться, а только раз... А чего! Они сами первые...

— Неважно, что первые, — серьезно сказал отец. — Ты будущий

мужчина. Настоящий мужчина никогда не дерется с женщинами, это стыдно.

— Они же не взрослые тетеньки, а девки,— обиженно возразил Сережа.

— Не девки, а девочки, во-первых. Ты ведь Наташу девкой не называешь. А во-вторых, девочки вырастают и становятся взрослыми женщинами. Мамами, бабушками. Твоя мама тоже была девочкой. Тебе понравилось бы, если бы какой-нибудь парнишка ее отлупил?

Мамы тогда уже не было, но они всегда говорили о ней, как о живой: «А что сказала бы мама? А маме бы понравилось?»

Мама уехала и не вернулась. Потом пришла та телеграмма от незнакомых людей... Иногда Сережу будто с размаху ударяла мысль, что мама уже никогда, совсем никогда не вернется, и тоска скручивала его, и прорывались совершенно безудержные слезы. Но он не видел маму мертвую. А живая она улыбалась с большой фотографии и словно удивлялась: «В чем дело? Я же здесь».

Нет, Сереже ни капельки не понравилось бы, если бы какой-нибудь мальчишка задел маму хоть мизинчиком!

Но чтобы не сдаваться так легко, он проворчал:

— Мама, наверно, первая никого не стучала.

И папа согласился:

— Наверно...

Покачиваясь на папиных руках и почти касаясь губами его колючей щеки, Сережа спросил:

— А ты маму знал, когда она была маленькая?

Папа сказал:

— Нет, Сереженька, не знал.

...Когда мама была девочкой, с ней дружил не папа, а совсем другой мальчик. Андрей. Сережа узнал про это позже, когда была уже тетя Галя и маленькая Маринка. Он увидел однажды, как папа сидит на поленьях у горячей печки-голландки и медленно бросает в открытую дверцу письма. Писем была целая пачка. Сережу это заинтересовало, потому что на многих конвертах он заметил красивые марки.

— Папа, это что?

— Это мамины,— тихо объяснил папа.

— Мама писала?

— Нет. Когда мама училась в школе, у нее был друг Андрей

Кожин. Когда они выросли, то разъехались в разные города, и он маме часто письма писал. Даже потом... два письма пришло.

— А зачем ты их в печку?

— Куда же их? Лежат, лежат... Андрею отослать? Я адреса не знаю, на конвертах он обратный адрес не указывал.

— А что в них написано?

— Не знаю, Сереженька. Мама не говорила, а я не спрашивал.

— А сейчас почитай.

Отец покачал головой и отправил в желтый огонь еще один конверт.

— Нельзя. Чужие письма не читают без разрешения. Это нечестно.

Конверт свернулся в трубочку, и пламя взвилось над ним длинным языком.

— А марки? — шепотом спросил Сережа.

— Марки?.. Марки можно взять.

Сережа сел рядом с папой у гудящей и стреляющей печки. Он отрывал от писем разноцветные марки и под тонкой бумагой конвертов чувствовал сложенные вчетверо листки. Там были слова, которые больше никто никогда не прочитает. Потому что не у кого спросить разрешения, а лезть без спросу в чужое письмо — это очень скверное дело...

Заглянула Наташа, сказала, что пельмени готовы.

— Вставай руки мыть... Ой, да ты спишь уже!

— Я? Нисколечко. Даже не хочется.

Сережа поднялся и нащупал ногами сандалии. Нок принюхался к кухонным запахам и деликатно замахал хвостом.

— Папа магнитофон купил, — сообщила Наташа. — Хочешь, включу, чтобы не заснул? У нас одна такая запись есть! Мексиканский гитарист и певец...

— У нас в лагере вожатый был. Вот это гитарист! — сказал Сережа. — От него все ребята ни на шаг не отходили. Он такую песню знал — лучше всех песен на свете! И вообще он был самый хороший вожатый.

— У нас тут недалеко тоже один человек появился. За ним тоже мальчишки табуном ходят. Он их на шпагах сражаться учит.

— Что это за человек? — встрепенулся Сережа.

— Кажется, тренер. Или вожатый... В общем, на Красноармейской есть старый дом, вроде нашего. Его сносить хотели, а потом

не стали. Там какой-то детский клуб сделался. Название «Эспада».

— «Эспада» — по-испански «шпага», — сказал Сережа.

— Правда? В одной песенке у этого мексиканца тоже все время повторяется: «Эспада, эспада...»

— Включи, — попросил Сережа.

Наташа вытащила из шкафа магнитофон — плоский чемоданчик, нашла на полке катушку.

— На транзисторах, — сказал Сережа. — Какая марка?

— «Мрия». По-украински значит «Мечта».

— Слушай, Нат. Он был в пенопластовой коробке?

— Да, а что?

— Она где?

— Папа убрал куда-то.

— Можно, я ее заберу?

— Ну... ты спроси у папы. Можно, наверно. А зачем?

— Хочу одну штуку сделать... Давно хочу, да все пенопласта не могу достать. Большие плиты, которые на стройках, не годятся, они крошатся. Мне нужен плотный.

— Папа, наверно, отдаст... Сережка, ну что все-таки в лагере случилось?

— «Что, что!».. Написал домой письмо, что скучно. Начальник его прочитал. Начал меня на линейке ругать. Я ему говорю: «А зачем чужие письма читаете?» Он еще сильнее раскричался: «Убирайся, если тебе все не нравится!» Думал, я испугаюсь. А я убрался...

— Сумасшедший, — сказала Наташа тоном полного одобрения. — Ну, слушай запись.

Сначала зашелкали кастаньеты, и это напоминало цокот копыт. Потом упруго и ритмично ударили струны. И, опять привалившись к подушке, Сережа почти сразу увидел желтые травы и низкое косматое солнце среди облаков, похожих на рваные красные ленты. И темные всадники, медленно выплывая на круглую вершину холма, разворачивались и пускали коней в галоп.

И была уже не музыка, а встречный ветер и летящая под копыта степь...

И вдруг сквозь шум ветра и топот донеслись голоса. Папин. Взволнованный тети Галин. Спокойный и чуть насмешливый бас дяди Игоря:

— Да вот он, «бедный странник». Спит без задних ног.

Сережа это слышит, но пошевелиться и сказать что-нибудь не может, потому что по-прежнему видит степь и стремительных кавалеристов. И сам он — один из всадников.

Голос тети Гали:

— Я чуть с ума не сошла! Приезжает начальник лагеря, представляете — сам! Ночью. Привозит его куртку и брюки... Я думала — утонул. Оказывается, бросил вещи на станции и куда-то ускакал...

(Значит, вещи нашлись. Значит, мамина карточка, которая была в кармане, все-таки не пропала. Хорошо. А то, когда примчались всадники, он так и не успел схватить одежду со скамейки.)

Голос дяди Игоря:

— Наталья, знаешь, что этот герой отколол?

— Знаю.

— И конечно, одобряешь?

— И конечно...

Папин голос:

— Ну ладно, друзья, ничего не случилось. Галина, хватит слезы пускать. И ты, Маша, за сердце не хватайся. Одно слово — женщины.

Тетя Маша:

— Молчи уж, мужчина. Сам белее мела до сих пор.

Папа:

— Мы сами виноваты. Надо было сразу адрес ему дать.

Наташа:

— Папа, перетащи его на раскладушку. Есть он все равно уже не будет.

Дядя Игорь:

— Это можно... Граждане, а это что за чудовище? Эй, да он не подпускает! Зубы показывает!

Наташа:

— Это кто не подпускает? Я вот ему! Ну-ка брысь!

(А Наташку Нок слушается сразу. Молодец Наташка!)

Могучие руки поднимают Сережу. (Вместе с конем.) И желтое поле, качаясь, уходит вниз.

Совсем откуда-то издалека папа говорит:

— Все понимаю... Да не спорь, Галя, ты сама знаешь, что он прав. Не пойму только: что за лошади, на которых он умчался? Просто сказка какая-то...

Пенопластовой коробки от магнитофона, конечно, не хватило бы на макет. Но еще одну коробку Сереже отдал Генка Кузнечик.

Теперь фасад замка был почти готов: две квадратные башни, двойная зубчатая стена между ними, в стене глубокая арка решетчатых ворот. Но работы оставалось очень много, и Сережа мысленно дорисовывал замок. Появятся еще пять башен — круглых и шестигранных, потом — внутреннее кольцо стен, дворики, галерея и замковая церковь, сама по себе похожая на крепость. Все сооружение будет стоять на крутом холме, сделанном из папье-маше и пластилина.

Холм — зеленый, а башни и стены — как из белого мрамора. Квадратные зубцы блестят на солнце, будто пиленный сахар.

Сережа сидел у подоконника и на игрушечной наковаленке склепывал из тонкой алюминиевой проволоки узорный флюгер для главной башни.

Сегодня был неожиданный выходной. В районо назначили какое-то срочное учительское собрание, и поэтому в трех школах отменили занятия. Объявили спортивный день. Но спортивные соревнования были не подготовлены, и участвовать в них смогли только немногие. Остальные гуляли, радуясь неожиданному отдыху.

За окошком начинался хороший день.

Начало сентября было холодным и слякотным, но в середине месяца подули южные ветры и опять пришло лето. Перед Сережиным домом цвел пустырь. На нем год назад разломали несколько ветхих домиков. От них остались только заросшие крапивой квадратные фундаменты, а вокруг фундаментов зеленели кусты сирени и дикие яблони. Из травы смотрели шарики красного клевера и белела россыпь диких ромашек.

Пустырь тянулся вдоль всего нового дома, а дом был длиной с океанский лайнер. Говорили, что скоро перед ним разобьют сквер. Но пока никаких работ никто не вел, пустырь зарастал буйными травами, и здесь было отличное место для игр. Правда, кое-где уже нахально торчали новенькие личные гаражи и пестрели в траве какие-то огороженные клумбочки и грядки.

Из окна своей комнаты, с третьего этажа, Сережа видел, как на старых фундаментах мальчишки играют в индейцев. Где-то шумели и футболисты, но их не было видно за кустами,

а «индейцы» расположились как на ладони. Один, в помятом школьном пиджачке и синих джинсах, маленький, с растрепанной светлой головой, суетливо перебегал среди кустов: искал хорошее место для засады. «Похож на Грачева», — подумал Сережа. И воспоминание о Стасике неприятно кольнуло его.

Эта история случилась вчера. Дурацкая какая-то история.

На перемене перед четвертым уроком Сережа услышал в коридоре шум, визги и рыдающий крик малыша. Недалеко от их класса находился второй «А», и там что-то случилось. Что?!

Сережа выскочил за дверь. А за ним Генка Кузнечик и Мишка Маслюк. В коридоре голосила толпа второклассников. Впереди толпы двигалась дежурная девятиклассница Лилька Граевская, по прозвищу Мадам Жирафа, — могучая особа с тонкой шеей и маленькой головкой. Лилька тащила визжащего и ревущего малыша. Малыш извивался, пытался упасть, чтобы вырваться, скользил каблуками по паркету. И захлеб кричал:

— Пусти! Не буду! Пусти!..

Столько отчаяния было в этом крике, такой ужас был на маленьком, залитом слезами лице, что Сережа и не помнил, как оказался на пути у дежурной.

— Не трогать!

У Лильки было очень глупое лицо. Она моргала слегка подкрашенными ресницами и все еще держала малыша за кисти рук, пытаясь приподнять его над полом.

Уже спокойнее и жестче Сережа повторил:

— Не смей трогать.

Она могла бы одним движением локтя смести Сережу с дороги. Но ей это, видимо, и в голову не пришло. Кроме того, рядом с ним были Кузнечик и Мишка. Она выпустила пленника, он шлепнулся на пол и, сидя, все еще повторял:

— Пусти! Пусти!

Второклассники притихли.

— Ты чего? Я дежурная, — сказала Мадам Жирафа.

— Дура ты, а не дежурная, — сказал Сережа.

— Я дежурная, — повторила Лилька.

— Дежурная ты сегодня, а дура каждый день, — почти успокоившись, объяснил Сережа.

— И это, к сожалению, неизлечимо, — вежливо добавил Кузнечик.

А невоспитанный Мишка Маслюк пообещал:

— Счас как дам тебе, дежурная, ниже позвоночника!..

Лилька опять заморгала.

— Хулиганы! Я к дежурной учительнице пойду.

— Иди, иди,— сказал Мишка.

Сережа в это время наклонился над малышом, взял у Генки Кузнечика платок и начал вытирать второкласснику зареванное лицо. Это было не очень приятно, однако что делать.

— Ну, вставай,— сказал Сережа.— Хватит реветь.

Малыш сидел, всхлипывая, и со страхом смотрел на Лильку.

— Не встану...

— Не бойся,— сказал Сережа.— Она больше не тронет.

Он почти насильно поднял мальчишку, и тот сразу прижался к нему, вцепился в куртку. Сережа чувствовал, как все щуплое тело малыша под форменным сукном вздрагивает от нервного озноба и всхлипов.

— За что она его?— спросил Сережа у второклассников.

Крупный мальчик с красивыми карими глазами рассудительно сказал:

— Он сам виноват:

— «Сам виноват»! Эх вы... он же ваш товарищ.

— А Неля Ивановна говорит, что он нам не товарищ, раз так себя ведет,— все так же рассудительно сообщил кареглазый мальчик.

— Она сама велела Грачева к директору отвести,— объяснила аккуратная кудрявая девочка.— Потому что у нее самой уже руки опускаются.

Маленький Грачев вдруг дернулся и снова зарыдал, не отцепляясь от Сережи. Мадам Жирафа неожиданно засопела, растолкала малышня и тяжело побежала вдоль коридора.

Резко ударил звонок. Ребятишки, нерешительно оглядываясь на Грачева и его спасителей, потянулись в класс. Грачев заплакал еще сильнее. Что с ним было делать, куда девать?

— Как бы не заболел,— опасливо сказал Мишка Маслюк.— Маленькие, они такие...

И Сережа понял, как поступить.

— Вы идите, ребята, не надо всем опаздывать. Я сейчас...

Этажом ниже, у самой лестницы, был кабинет врача. Уговаривая и подталкивая, Сережа повел туда Грачева.

— Можно, Марина Аркадьевна? Вот... Успокойте его как-нибудь. Просто беда...

— Ну-ка, ну-ка...— Доброе лицо Марины Аркадьевны стало озабоченным.— Батюшки, сколько слез! Двойку получил? Нет?.. Ну, тогда ничего страшного. Тебя как зовут?.. Стасик? Вот и отлично. Давай-ка, Стасик, перестанем плакать. Я тебе обещаю, что все будет хорошо.

Она вопросительно повернулась к Сереже, подошла. Он шепотом рассказал, что случилось. Марина Аркадьевна кивнула: все в порядке, можешь идти.

Сережа вышел. И услышал из-за двери голос Марины Аркадьевны:

— Да что ты от меня шарахаешься, глупенький? Не будет никаких уколов. Честное слово. И лекарств не будет. Видишь, я даже халат снимаю. Никакой врач не делает уколы без халата, это не полагается... А чего же ты директора-то испугался? Разве он страшный? Ну, успокойся... Вот так, наконец-то. Смотри, что я тебе покажу...

Потом наступила тишина, а через полминуты послышался неуверенный, прерывистый смех Стасика Грачева.

...Сережа вошел в класс. Он чувствовал себя как после тяжелой работы или хорошей драки. Даже в голове гудело и ослабели руки.

Был урок географии. Классная руководительница Татьяна Михайловна спросила:

— Ты где это гулял, моя радость?

— У врача был.

Она встревожилась:

— А что с тобой?

— Да не со мной. Один второклассник расшибся, я его отводил,— соврал Сережа.

— Серьезное что-нибудь?

— Кажется, нет.

Татьяна Михайловна пригляделась.

— Да ты и сам какой-то... Голова не болит? Ну садись. Я тебя спрашивать хотела, да уж ладно.

— Что вы, Татьяна Михайловна, спрашивайте,— забеспокоился Сережа.— Я учил...

А теперь Сережа со смутной досадой вспоминал этот случай. Кажется, он все сделал как надо. Откуда же непонятное беспокойство? Наверно, вот откуда: не мог Сережа забыть, как малень-

кий Стаська вздрагивал весь, трепетал просто, прижимаясь к нему. Он был какой-то совсем беспомощный, весь перекрученный страхом, и не осталось в нем ни гордости, ни капельки мальчишечьего характера.

Ну разве можно так доводить человека?!

И еще Сереже казалось, будто он забыл что-то и вспомнить не может.

И наконец понял: фамилия-то у Стаськи — Грачев! Наверно, это сын Грачевых, которые поселились в старой Сережиной квартире. Наташа говорила, что у них есть мальчишка-второкласник. Взрослого Грачева Сережа несколько раз видел, когда приходил к Наташе, а сына не встречал и не расспрашивал о нем. И Наташа, и он почти не говорили о новых жильцах. Неприятно было, что в квартире, где много лет две семьи жили как одна, появились незнакомые люди. Может быть, и хорошие, но чужие...

...Непонятно где — то ли в соседней квартире, то ли в репродукторе на пристани — пропищали радиосигналы: десять часов.

Сережа отложил почти готовый флюгер и потянулся за рубашкой.

Рубашка была темно-стального цвета, с блестящими пуговицами и погончиками. На левом рукаве, над локтем, голубел суконный шеврон: рыцарский щит с тремя золотистыми скрещенными шпагами. Над шпагами пламенела звездочка с оранжевыми языками костра. Над звездочкой и витыми рукоятями шпаг полукругом шла желтая надпись: «Espada».

Рубашку тетя Галя купила в «Детском мире». Шеврон вышила Наташа, она же пришила его на рукав. Трудно было найти голубое сукно, однако Наташа перерыла все лоскутки в шкафу и отыскала обрезок от старого тети Машиного пальто. Обрезок был большой. Остаток Сережа отдал Женьке Голованову. А Женька за это вытравил кислотой две шпаги на Сережиной военной пряжке. Они как бы скрещивались позади звезды.

Сережа заправил рубашку и стал протягивать в петли на брюках широкий форменный ремень (тетя Галя специально перешивала петли, чтобы ремень проходил в них). Пряжка звонко щелкнула, пояс плотно охватил талию, и Сережа сразу почувствовал себя выше и стройнее. Он лихо повязал галстук, схватил со стола черный берет с блестящей «майорской» звездочкой и вышел в коридор к зеркалу. Глянул на себя придиричиво, как командир на

новобранца. Еще летом ребята и Олег договорились не ходить в клуб обормотами, быть всегда в форме и «держат марку».

Все было в порядке. Сережа показал язык своему отражению (чтобы не зазнавалось) и крикнул:

— Тетя Галя, я пошел!

Он выскочил на улицу.

День был не такой теплый, как это казалось из окна. С реки тянул холодный ветерок. Сережа поработал локтями, чтобы прогнать озноб, и зашагал вдоль дома.

Посреди пустыря шумели ребята. Но это был уже не шум игры. Сквозь возмущенные мальчишечьи голоса пробивался визгливый женский крик.

Мимо пробежал, как сумасшедший, второклассник Вовка Лебедев и крикнул Сереже:

— Дзыкина мяч отобрала!

В окружении ребят стояла круглая тетя в цветастом халате. Она прижимала к животу красный футбольный мяч и кричала. Кричала о том, какие все вокруг паразиты, особенно дети, и как они отравляют ее несчастную жизнь, и что она не отдаст мяч, пока не придут родители и не расплатятся за все причиненные ей убытки и унижения. Это и была Дзыкина.

Сережа и раньше сталкивался с ней. Один раз. Две недели назад ребята играли с Нок, и пес по инерции проскочил около дзыкинской грядки с георгинами и астрами. Грядка была огорожена колышками с белой матерчатой лентой. Нок зацепил хвостом колышек, и лента затрепыхалась. Бдительная Дзыкина увидела это и подняла крик. Правда, тогда она кричала издали: Нок не любит, когда ругают его хозяина.

Сейчас, видимо, мяч попал в цветы, а Дзыкина, к несчастью, оказалась рядом. Разговаривать с ней было бесполезно. А что делать?

Прежде чем решиться на стычку, Сережа сделал отсчет. Этому его научил Олег. Он говорил: «Если приходится влезать в неприятное дело или в драку какую-нибудь, сосчитай, как перед стартом. Чем серьезнее дело, тем больше бери отсчет. Помогает справиться со страхом и успокаивает голову, чтобы не напороть горячку».

Сейчас никакого страха Сережа не чувствовал, было просто противно. Однако не уходить же. Отберет мяч насовсем, испортит людям весь день и настроение. И ничего они с ней не сделают,

тем более что народ собрался совсем молодой, не старше четвертого класса.

Сережа начал с пяти: «Пять, четыре, три, два, один, ноль!»

— Отдайте мяч! — резко сказал он.

Дзыкина хлопнула губами и уставилась на Сережу. В ее булавочных глазках появилось злорадство. Не отрывая взгляда от Сережи, она вобрала воздух и заголосила:

— Петя-а!..

От пронзительности и стараний у нее получилось: «Пиетя-а! Пиетя-а!»

Из открытого гаража появился Петя. Это был широкий, лысоватый мужчина с распаренным, как после бани, лицом. Жидкие прядки волос приклеились к его липкому лбу. Он вытирал о мешковатые штаны масляные ладони. Петя раздвинул при молкших мальчишек и встал рядом с Дзыкиной.

— Вот! — выдохнула она. — Опять в клумбу засобачили, шпана проклятая...

Петя осторожно взял мяч за тонкий ремешок шнуровки.

— Здесь общая земля, а не ваш участок, — сказал Сережа. — Теперь из-за ваших цветов не играть здесь, что ли?

Петя не ответил, будто Сережи и не было. Он обвел взглядом всех мальчишек и деловито спросил:

— Чей?

— Общий, — сказал Петька Лебедев. — Отдайте, мы же не нарочно. Мы по полтиннику собирали на этот мячик.

— По полтиннику, — почти ласково повторил Петя. — Свои полтиннички вы, значит, любите. А когда люди труд вкладывают, землю роют, вам, значит, наплевать...

Свободной рукой он вытащил из просторного кармана складной нож. Оскалившись, открыл зубами узкое лезвие. Потом прижал мяч к животу и нацелился ножом, как на арбуз.

Тут считать было уже некогда. Резким ударом кулака, снизу вверх, Сережа выбил мяч, и он свечкой взмыл над головами. Ребята на секунду замерли. Затем разнесся ликующий крик, и все кинулись за мячом.

Потная Петина рожа стала сиреновой.

— Ах ты, шкура! — выдохнул он и схватил Сережу за руку. У плеча, повыше нашивки.

Несколько ребят унесли на безопасное расстояние мяч, а остальные столпились за Сережей.

— Петенька! — закудаhtала Дзыкина. — Ножик убери, ножик! Скажут, что с ножиком на мальчишку. Потом не докажешь.

Петя протянул ей нож. Он, не отрываясь смотрел на Сережу. Глаза у него были, как у Дзыкиной, — булавочные, лютые.

«Дверь не закрыта. Если ударит — свистну», — подумал Сережа. И представил, как серым снарядом вылетает из квартиры и несется по пустырю громадный косматый Нок.

В Петиных глазах мелькнула растерянность. Он, видимо, не мог понять, почему мальчишка не вырывается. Стоит спокойно и молчит.

Сережа медленно посмотрел на грязные пальцы, вцепившиеся в его руку, и опять перевел глаза на Петино лицо.

— Ну-ка, отпустите, — брезгливо сказал он. — Вы мне рубашки не стираете.

Петя отпустил. Сережа шевельнул плечом, словно отряхивая след от его пальцев, и пошел прочь.

— Шибко грамотные стали, — сказала за спиной Дзыкина.

— Все равно узнаю! — вдруг визгливо закричал Петя. — И фамилию узнаю, и где живет!

— Второй подъезд, квартира девятнадцать, — не оглядываясь, сказал Сережа.

Старый каменный дом стоял в заросшем лопухами дворе. Его окружали новые здания: пятиэтажные и одно девятиэтажное. Сначала дом хотели снести, а потом почему-то раздумали. На верхнем этаже помещались какие-то кладовые и контора слесарей и техников местного домоуправления. Нижний этаж отдали для детского клуба. Сейчас на двери была прибита вывеска: «Пионерский клуб «Эспада». А выше, над карнизом, приколочен был голубой фанерный щит со шпагами — в точности такой же, как нарукавная нашивка у Сережи, только большой.

По средам, как и по воскресеньям, занятий в клубе не было, но ребята, кто хотел, собирались в выходные дни просто так. Иногда Олег устраивал дополнительные тренировки или короткие соревнования — пульки. Иногда ребята забирались на большущий старый диван, оставленный давними жильцами вместе с люстрой и телефоном, и читали что-нибудь вслух. Пока было тепло, ходили купаться за пристань, на плоты. А случалось, что Олег приносил старенький кинопроектор, и они, завесив окна, который раз подряд смотрели купленные в ЦУМе мультфильмы: «Ко-

рабль пиратов», «Шпионские страсти», «Чьи в лесу шишки»...

Но самое лучшее — это были, конечно, бои.

Сережа любил приходить по выходным дням еще и потому, что можно было встретиться на фехтовальной дорожке с почти незнакомыми противниками. С теми ребятами, которые учились в первую смену и в клубе занимались после обеда, когда Сережа был в школе.

Может, и сегодня встретятся?

В «Эспаде» было четыре десятка ребят. А в Сережиной группе — восемь. По группам и занимались. Во-первых, учились в разных сменах, во-вторых, тренироваться сразу большому числу фехтовальщиков было негде. Самая большая комната — длиной в десять метров. Низкий потолок, скрипучий пол, небольшие окна в толстых старинных стенах. Все это никак не походило на спортзал.

Когда создавался детский клуб, думали, что девочки и мальчики будут сидеть за столами, клеить игрушки, рисовать, разучивать песни и выпускать стенгазеты. Но райком комсомола назначил руководителем клуба Олега Петровича Московкина — бывшего артековского вожатого, студента-заочника, фехтовальщика первого разряда. Олег принес в клуб сетчатые маски, четыре стеганых нагрудника, книгу «Три мушкетера» и букет новеньких рапир. Когда рапиру брали в руки, тонкая зеркальная сталь клинка чутко дрожала, словно в ожидании схватки.

Летом, когда клуб только открылся, в него записалось больше ста человек. Даже из Сережиной школы, которая дальше всех отсюда, было полтора десятка ребят. Но, впрочем, и тогда из шестого «А» только один Сережа записался.

Потом народ схлынул. На некоторых «надавили» родители: лето, мол, кончилось, и надо думать не об игрушках, а об уроках. Кое-кому надоела дисциплина: Олег и совет капитанов групп «завинчивали гайки». Они требовали, чтобы никто не пропускал занятий, чтобы все приходило в форме, отутюженные и начищенные. Олег не терпел, если кто-то появлялся без пионерского галстука. «У нас на дверях написано «Пионерский клуб», — доказывал Олег. — Мы частичка пионерской организации. Если есть такие, кто забывает или стесняется надевать галстук, пусть лучше заявит, что выходит из организации. Это будет, по крайней мере, честно. Свинство, когда человек считается пионером, а галстук прячет в карман».

Двух человек совет отчислил за то, что они самовольно взяли из пирамиды рапиры и начали бой, не надев к тому же маски и нагрудники. После этого Олег достал масляные белила и на стене, рядом с нарисованными во весь рост мушкетерами, выписал крупными буквами третий пункт устава «Эспады»:

ВЗЯВ В РУКИ ОРУЖИЕ, Я БУДУ ПОМНИТЬ,
ЧТО В НЕМ ЗАКЛЮЧЕНА СМЕРТЬ.
ПОЭТОМУ Я НИКОГДА НЕ НАПРАВЛЮ
ДАЖЕ НЕЗАРЯЖЕННОЕ ОРУЖИЕ НА ЧЕЛОВЕКА,
НЕ ОБНАЖУ КЛИНКА ПРОТИВ СОПЕРНИКА,
НЕ ЗАЩИЩЕННОГО МАСКОЙ,
ЕСЛИ ТОЛЬКО ЭТИ ЛЮДИ
НЕ БУДУТ НАСТОЯЩИМИ И ОПАСНЫМИ ВРАГАМИ.

Под «незаряженным оружием» имелась в виду расхлябанная пневматическая винтовка, которую Олег добыл в районном комитете ДОСААФ. Убить из нее, конечно, было нельзя, но выбить глаз или вогнать пулю под кожу — вполне возможно.

Из этой винтовки ребята стреляли по круглым мишеням с черным «яблочком» размером с пятак: сдавали нормы на значок «Меткий стрелок».

Лучше всех стрелял Володя Огоньков — семиклассник из сорок шестой школы, капитан Сережиной группы. Он то и дело выбивал сорок пять — сорок шесть очков из пятидесяти. И всегда будто удивлялся своему успеху, даже стеснялся немного. Володя был большой, спокойный, добрый. С круглой головой, покрытой, словно медной щеткой, коротенькими рыжими волосками. Долго никто не знал, что у него постоянно болеют мать и бабушка, а отца и вовсе нет, и что ему приходится тащить на себе все домашние заботы. Это стало ясно после одного случая. Володя беспокойно поглядывал то на круглые часы у двери, то на хозяйственную сумку, которую притащил с собой, и Олег вдруг сказал:

— Ты не нервничай. Давай деньги, и пусть кто-нибудь сбегает за картошкой, пока ты ведешь бои...

За картошкой охотно побежал пятиклассник Андрюша Гарц. Он вообще все делал охотно, по крайней мере в клубе. Он торчал в «Эспаде» все свободное от школы время. И не потому, что надеялся выпросить лишний бой, а просто так. Он даже уроки готовил здесь же, приткнувшись в уголке дивана. Олег с трудом

прогонял его обедать. Андрюшка возвращался через пятнадцать минут, дожевывая на ходу бутерброд и раскалывая крепкими зубами косточки от компота.

— Тебя родители скоро из дома выгонят,— говорил Олег.

Андрюшка морщил переносицу и весело соглашался:

— Ага. Мама говорит, чтобы я забирал подушку и шел жить в клуб.

— Бедная твоя мама...— вздыхал Олег.

Был в группе еще один Андрюшка — по фамилии Ткачук. С ним постоянно случались неприятности. Он мог поскользнуться на ровном месте и вывихнуть ногу, мог ни с того ни с сего зацепить провод и грохнуть на пол телефонный аппарат (а телефон был великой ценностью; счастье, что его не сняли, когда уехали жильцы). Именно он, Андрюшка, во время купания застрял однажды на плоту между бревен и расцарапал спину и пузо. На его счету было больше, чем у всех, сломанных папирных клинков. Однако больше всего неприятностей с ним случилось в школе. Один раз Сережа слышал, как Олег объяснялся по телефону с Андрюшкиной учительницей английского языка:

— Что? Двойка? Очень прискормно. Хорошо, учту... Что значит не допускать к занятиям? Вообще? Ах, пока не исправит двойку? И поведение... А когда он их исправит?.. Простите, почему мне виднее? Все-таки вы его учительница, а не я... Да, но здесь у него все в порядке... Господи, ну я прекрасно знаю, что школа важнее. Но в клубе-то он занимается не во время уроков, а в свободное от школы время. Что?.. Вы всерьез уверены, что если он не будет ходить в клуб, то станет больше времени сидеть над домашними заданиями? Ах, не уверены! Я тоже... Что значит наказать? Это я не столько его, сколько себя накажу: он пропустит тренировку, а потом я должен буду с ним дополнительно заниматься. У меня тоже программа... Ну, это вы считаете, что неважно. А я считаю, что спорт важен не только для отличников, а для всех. И не только спорт, а вообще жизнь в товарищеском коллективе... Классный коллектив? Ничуть не отрицаю, просто это разные вещи... Да, но почему, когда его классный коллектив участвовал в «Зарнице», Андрея не взяли? Не знаете? А я знаю: из-за двойки по истории. А знаете, что он мне сказал? «Если будет настоящая война, разве на нее тоже не будут брать с двойками?» Глупо? А по-моему, он прав... Ну, педагогику я тоже учил, уверяю вас... Да жалуйтесь, пожалуйста... Хоть в Совет безопасности. Всего хорошего...

Он брякнул трубку на рычаг, обернулся, заметил Сережу и сказал:

— Это не значит, конечно, что можно безнаказанно хватать двойки.

— А я и не хватаю,— слегка обиделся Сережа.

Он и правда начал год вполне прилично, даже троек не получал.

Были в группе еще Валерик и Вовка Воронины. Вовка учился в пятом, Валерик — в седьмом, но оба казались одинаковыми: невысокие, худые, молчаливые и дружные. Это они вместе с Олегом расписали стены мушкетерами, рыцарями, замками и крутобокими каравеллами.

На тренировки Воронины приходили с шестилетним братишкой Вадиком — тот не хотел оставаться дома один. Вадик был такой же спокойный и молчаливый, как братья. К оружию не лез, тренировкам не мешал. Помогал подметать полы и мыть окна. Наконец Вадику сказали, что он может считать себя членом «Эспады», и назначили запасным барабанщиком. Дали нашивку со шпагами и белый капроновый аксельбант.

Из всех ребят Сереже не нравился только Ленька Мосин — сердитый, черный, похожий на растрепанную ворону. Дрался на рапирах он зло, словно был не в спортзале, а шел на abordаж с борта пиратского судна. В первом же бою с Сережей он, не взяв защиту, пошел во встречную атаку, сломал клинок и обломком расцарапал Сережину руку у локтя. Олег бинтовал Сереже локоть и ругал Мосина. Тот развинчивал сломанную рапиру и хмуро огрызался. Сережа на него тогда разозлился.

А потом, в коридоре, Ленька подошел к Сереже и, глядя в сторону, пробормотал:

— Ну чё... Я же не хотел.

— Да ладно,— отмахнулся Сережа.

Ленька постоял рядом, вздохнул и отошел.

Через десять минут он догнал Сережу на улице:

— Ну, Серега... Ты не злишь.

У него был виноватый вид. И не просто виноватый, а какой-то беспомощный.

— Да не злюсь я,— сказал Сережа.— Что ты в самом деле... Зря ты только скачешь во время боя как бешеный.

Мосин облегченно улыбнулся.

— Понимаешь, я не могу, если кто-нибудь на меня обижается.

«А сам-то хорош, на всех рычишь»,— чуть не брякнул Сережа. Но поглядел на Мосина и промолчал. Ленька был сейчас совсем не злой. Он улыбался по-хорошему и вообще он как-то даже посветлел: стал не черный, а темно-русый и глаза у него были теплые, коричневые...

«Интересно, кто из них сегодня придет?— подумал Сережа, шагая по заросшему двору.— Ну, Андрюшка Гарц, наверно, уже там. Огонькова не будет: у него бабушка болеет. Воронины появятся, конечно... А из других групп? Прежде всего примчится наверняка «барабанная команда» Данилки Вострецова».

Но самым первым, кого Сережа увидел в клубе, был совсем незнакомый мальчик.

3

Мальчик стоял в коридоре у окна. Тоненький, белобрысый, нерешительный. В нарядной клетчатой курточке с белым воротничком. Курточка была легкая, летняя, но под ней Сережа заметил плотный голубой джемпер.

«Новичок,— безошибочно определил Сережа.— С мамой пришел».

Никакой мальчишка, если он сам идет записываться в клуб, не станет одеваться как в театр. А в костюме этого мальчика заметна была женская забота: и принарядить, и не простудить. Кроме того, человек посамостоятельнее обязательно уселся бы на удобный широкий подоконник. А мальчик стоял. Ленька Мосин, а пожалуй, и Андрюшка Гарц прошли бы мимо новичка, задрав нос и помахивая рукой с нашивкой над локтем. И мальчишка, разумеется, смутился бы и с робостью глядел бы на «ветеранов». Но Сережа не любил, если при нем кому-нибудь было неловко или страшно. Ему становилось неудобно за этого человека, и он мучился вместе с ним.

И сейчас, чтобы новичок не застеснялся, Сережа подошел и спокойно, будто между прочим, спросил:

— Записываться пришел?

Мальчик на секунду вскинул синие глаза и выдохнул:

— Да...

— А почему не заходишь?

Новичок посмотрел на дверь спортзала.

— У меня там мама.

— А она согласна, чтобы ты записался?

Мальчик кивнул.

— Ну тогда все в порядке,— ободряюще сказал Сережа и шагнул в зал.

Олег беседовал с женщиной. Он был, как всегда, ярок и великолепен: в малиновых спортивных брюках с белыми лампасами, в оранжевой футболке. Он словно светился на фоне темной стены. Женщина была невысокая, худая, с таким же острым носиком, как у мальчишки. Она беспокойно вертела в руках сумочку. В маленьком спортзале не было никакой мебели, кроме шкафа и узких низеньких скамеечек вдоль стен, поэтому Олег и мать новичка разговаривали стоя.

— Здравсте,— сказал Сережа.

— Добрый день,— откликнулся Олег.— Сделай одолжение, размонтируй две рапиры, они слева в пирамиде. Эти пираты-барбанщики вчера опять сломали два клинка.

— Сделать им деревянные, пусть машут сколько влезет. А то не напасешься клинков,— сказал Сережа.

— Это мысль,— усмехнулся Олег. И повернулся к собеседнице: — Извините, я отвлекся... Значит, Мите одиннадцать лет?

— Да, двенадцатый. Он только выглядит помладше. Видите, и я маленькая, и отец был невысокий... Но дело не в том, что он маленький, а в том, что слишком уж тихий. Знаете, я сама была отчаянной девчонкой, честное слово. А на него смотрю и удивляюсь. Ведь мальчишка же он, а не девочка. Другие матери сладить не могут со своими сыновьями, а я вот, не поверите, мечтаю даже: ну хотя бы подрался с кем-нибудь!

— Обижают его? — негромко спросил Олег.

— Нет... не обижают. Но, знаете, как-то не принимают всерьез. Если на дворе футбольная игра, он в сторонке. Если крепость строят, он опять где-то сидит и смотрит...

Она улыбнулась, нерешительно посмотрела на Сережу и вполголоса призналась:

— Мужского воспитания, конечно, не хватает.

«Чепуха,— думал Сережа, развинчивая рукоять рапиры.— У Володьки Огонькова тоже нет отца, а он сам кого хочешь воспитает по-мужски. Это уж от характера зависит».

— Меня тревожит одно обстоятельство,— сказал Олег.— Наши ребята занимаются с лета, они многому уже научились. Вашему

сыну придется их догонять. Заниматься старательно, больше, чем другим...

— Он будет! Он так мечтает о клубе.

— Да, я понимаю,— осторожно продолжал Олег.— Хорошо, что мечтает. Но... вы знаете, когда мальчишка не ходит ни в кружок, ни в секцию, ни в клуб, а в школе учится так себе, это, в общем-то, дело привычное. Но стоит ему записаться и в эти же дни, упаси господи, получить двойку, как родители сразу делают вывод: клуб тебя отвлекает от школы.

— Да не будет его клуб отвлекать,— поспешно возразила Митина мама.— Он дома над уроками все равно больше часа не сидит. Или кораблики клеит, или книжки читает... Значит, запишете Митю?

Олег улыбнулся:

— Я сам не записываю, это совет капитанов решает. Но я думаю, совет не будет возражать. Что могут иметь капитаны «Эспады» против пятиклассника Мити Кольцова?.. Но я должен одно сказать, Ольга Васильевна: у нас не спортивная секция, а простой дворовой клуб. Мы не готовим спортсменов-разрядников, и вряд ли кто-нибудь из наших ребят станет участником Олимпийских игр или хотя бы чемпионом города. Мы занимаемся разными делами, и фехтование у нас просто для общего развития.

— Я понимаю. Не в чемпионстве дело...

— Ну и прекрасно... Сергей, позови, пожалуйста, из коридора человека Митю Кольцова, который, наверно, с трепетом ждет решения своей судьбы.

— Не ждет он с трепетом,— откликнулся Сережа.— Я ему уже сказал, что примут.

Митина мама с благодарностью посмотрела на него. Сережа приоткрыл дверь и кивнул Мите:

— Входи.

Митина мама ушла, и они остались втроем. Ребята еще не начали собираться. Митя стоял у дверей и, стесняясь, оглядывал разрисованные стены.

— Слушайте, поручик, у меня к вам просьба,— сказал Олег Сереже.

— Да, мой генерал,— в том же тоне откликнулся Сережа.

— С меня райком спрашивает план работы. Если завтра не

сдам, повлекут в геенну огненную. Пока у нас тихо, я поработаю в кают-компании, а ты займись с новичком.

— Я? — растерялся Сережа.

— Ну да. А что?

— Но я же... — начал Сережа и наткнулся на требовательный взгляд Олега. Этот взгляд говорил: «Надеюсь, ты не будешь капризничать при новичке?» — Ну... хорошо, — сказал Сережа. — Ладно. Я займусь.

Олег удалился в кают-компанию. Это была комнатка, где стоял знаменитый диван и хранилось в самодельном шкафу из оргстекла голубое с красными звездами и золотыми клинками знамя «Эспады».

— Начнем, — сказал Сережа, старательно вспоминая, что говорил и как себя вел в таких случаях Олег.

Митя послушно кивнул.

Сережа достал из пирамиды рапиру.

— Возьми... Нет, не так. Ты видел когда-нибудь старинный пистолет с прямой ручкой?

— На картинке, — шепотом сказал Митя.

— Ну вот. Рапиру держат примерно так же, как этот пистолет. Указательный палец здесь, у щитка. Этот щиток называется гарда. На этом пальце вся тяжесть рукоятки. Ты его согни, будто он на спусковом крючке. А большой палец — сверху, как на курке, вот так. А остальными пальцами слегка придерживай... Нет, ты не стискивай. Пальцы должны играть на рукояти, как на флейте.

Митины пальцы, тонкие, холодные от волнения, послушно сгибались и разгибались. Сережа, совсем как Олег, продолжал:

— Есть такой фильм — «Скарамуш». Из эпохи французской революции. Фильм так себе, но фехтование в нем поставлено отлично. Ну так вот, там учитель фехтования говорит главному герою: «Шпагу надо держать, как птицу. Если сильно сожмешь — задушишь, если слабо станешь держать — улетит». Понимаешь, противник выбьет...

Митя нерешительно сказал:

— Я слышал, что если на соревнованиях шпагу выбьют, то это не считается. Сразу бой останавливают.

— Вообще-то да... Но что хорошего, если у тебя оружие вышибли! И это ведь на соревнованиях. А если по правде, в бою? Там таких правил нет.

Митя взглянул ему в лицо. В синих глазах его было удивление.

— Разве бывают сейчас настоящие бои на шпагах?

— Всякое может быть,— солидно сказал Сережа.— Нам Олег рассказывал про один случай в Ташкенте. Там несколько бандитов с ножами напали на спортсменов. А те с эскадронами шли, с тренировки. Эскадрон — это не рапира и не шпага, а спортивная сабля, тонкая такая. Эти ребята-фехтовальщики взяли эскадроны да как принялись за бандитов! Чуть в капусту не искрошили. Повывивали ножи, притиснули к забору, потом позвали милицию... В общем, было дело.

— Вот это здорово! — сказал Митя. Он оживился и перестал смущаться.— А мы будем учиться на этих... на саблях?

— У нас их нет пока. У нас рапиры, это колющее оружие. Учти, что рапира — основа фехтования... Ну, давай я тебе покажу исходное положение и боевую стойку.

Исходное положение Митя усвоил сразу. А боевая стойка сперва не получалась. Клетчатая курточка, такая нарядная на первый взгляд, оказалась старенькой и тесноватой. Узкие рукава, аккуратно заштопанные на локтях, не давали рукам свободно сгибаться.

— Сними ты ее,— посоветовал Сережа.— И свитер скинь. И вообще полагается заниматься в спортивном костюме и кедах.

Митя виновато глянул на свои начищенные полуботинки.

— У меня есть. Я не знал... Ну, не думал, что надо будет так сразу.

— Пойдем. Я тебе отыщу кеды. На время.

В комнате рядом с кают-компанией была раздевалка. В несколько рядов стояли маленькие шкафчики для одежды. Олег раздобыл их в каком-то детском саду, старые, списанные. Мальчишки сначала хихикали над детсадовской мебелью, но оказалось, что шкафчики — вещь удобная. Можно оставлять обувь, тренировочные костюмы, всякую мелочь. Шкафчики были заново покрашены — в стальной цвет. Вместо малышовых картинок с морковками, флажками и котятами на дверцах пестрели рыцарские эмблемы: щиты со звездами, кораблями, лилиями, оружием и львами.

— Это у каждого свой знак? — спросил Митя.

— Да.

— И мне... тоже дадут?

— Ты сам должен придумать эмблему.
— Но мне так ни за что не нарисовать.
— Ты, главное, придумай. Валерик Воронин нарисует... но эмблема — это не сразу. Это когда совет переведет тебя из кандидатов в члены клуба.

— А-а,— сказал Митя слегка разочарованно.

— Да ты не огорчайся. У нас в кандидатах долго не держат.

— А сколько?

— Ну, это как когда... В общем, соберется совет, все тебе объяснят. И про устав, и про наши правила. Ты пока главное правило запомни — про оружие. Оно там на стене написано.

— Я уже запомнил. Наизусть,— сказал Митя. Зажмурился и тихонько зашептал. Сережа расслышал последние слова: — ...если только они не будут настоящими и опасными врагами.

— Вот именно,— хмуро сказал Сережа, потому что вспомнил вдруг потную физиономию и цепкие пальцы Пети Дзыкина.

Но Петя Дзыкин не был, наверно, настоящим врагом. Он был просто собственник и склочник...

Сережа дал Мите кеды Андрюшки Гарца, и они вернулись в спортзал.

Через сорок минут к ним заглянул Олег.

— Ну как?

— Да ничего,— сказал Сережа.— По-моему, даже хорошо. Для первого раза, по-моему, даже здорово.

— Только не зазнавайтесь.

Митя улыбался смущенно и устало. Рубашка на спине у него взмокла.

— Отдохните,— сказал Олег.

В этот момент хлопнула дверь. Появились Воронины и Андрюшка Гарц. Через минуту за ними с хохотом ворвалась лихая компания четвероклассников Данилки Вострецова. Все, как один, в летней парадной форме: в рубашках салатного цвета, в белых ремнях на синих шортиках, с блестящими аксельбантами барабанщиков на плечах. Рубашки им сшила Данилкина мама, аксельбанты сплел из капронового шнура Олег.

«Барабанная команда» шумно дышала и поправляла ремни.

— Ишь какие красивые,— сказал Олег.— Закаляетесь, да? И чего это вы при полном параде?

— В школе на сборе были,— объяснил Данилка.— Нас попро-

сили на линейке барабанить. Сегодня сбор про День танкистов. Говорят, у нас форма как у юнармейцев.

— А сюда чего прискакали? — хитро спросил Олег. — Просто так или по делу?

Данилка украдкой показал кулак своей команде, и пятеро барабанщиков мигом выстроились у стены. Данилка, насадив на золотые вихры берет, вытянулся перед Олегом.

— Товарищ командир «Эспады»! Звено «Юные барабанщики» прибыло для дополнительной тренировки.

Это у него всегда ловко получалось.

Но Олег сказал:

— Шиш вам, а не тренировка. Кто вчера два клинка угробил?

— Мы не нарочно... — жалобным хором сказали барабанщики и дружно вздохнули, а Данилка молчал и вопросительно махал пшеничными ресницами.

— Чего это они без очереди! — возмутился Андрюшка Гарц. — Мы первые пришли.

— А мы младше, — донеслось от барабанщиков.

— Вот и уважайте старших, — отбрил Андрюшка.

— Нечего спорить. Первый бой у меня с Каховским, — решительно сказал Олег. — Он сегодня заработал. Переодевайся, Сергей.

Сережа обрадованно бросился в раздевалку. Данилкина компания в знак протеста удалилась в кают-компанию. Сначала там было тихо, но когда Сережа вернулся в зал, в кают-компании уже стонал диван и раздавались победные крики.

Олег бросился туда и принес под мышкой главного нарушителя — Данилку. Данилка отбивался и дрыгал ногами. Олег посадил его на шкаф, где хранились маски и нагрудники.

— Сиди и не трепыхайся. А то в шкаф засуну.

— Справились с маленьким, да? — укоризненно произнес Данилка. Подумал и начал потихоньку барабанить каблуками по стенке шкафа.

— Данила! — грозно сказал Олег.

Барабанщики по одному просочились в спортзал.

Митя слегка ошарашенно смотрел на эту суету.

Сережа взял маску и вышел на дорожку. Против Олега.

Они обменялись салютами.

Олег был широкоплечий, среднего роста, но когда он стоял перед противником с поднятой для салюта рапирой, то казался

очень высоким, тонким, гибким. И крупное лицо его с большим носом и острыми скулами делалось красивым и строгим. Это был боец, мушкетер...

— Готовы?.. К бою! — скомандовал Валерик Воронин. — Начали!

Олег был почти неуязвим. Лишь изредка ребятам удавалось зацепить его клинком. И тогда «автор» укола весь день ходил именинником.

Сереже повезло. Начиная осторожную разведку, он вспомнил слова Олега: «Фантазируйте. На одних классических приемах далеко не уедете. Бой — это творчество».

«Ладно, пофантазируем», — сказал себе Сережа. Он сделал вид, будто идет в атаку снизу, но хочет закрутить перевод в верхний сектор. Однако делать перевод не стал, а упал на левую руку и направил клинок в нижний край Олегова нагрудника.

Конечно, этот трюк был сплошным пижонством. Но сейчас он удался: рапира упруго выгнулась — укол!

— Ловко, — сказал Олег. — Хотя, конечно, не ново. Эта штука описана еще Проспером Мериме в новелле «Дон Жуан».

— Я не читал, — сказал Сережа.

— Весьма возможно... Продолжим?

Но тут раздался грохот. Это упал со шкафа Данилка. Олег охнул, подскочил, начал ощупывать пострадавшего. Впрочем, Данилка не был пострадавшим, потому что приземлился удачно.

Олег сел на скамейку и взялся за левый бок.

— Если я когда-нибудь получу инфаркт, — печально сказал он, — то исключительно из-за этих юных головорезов. Будьте свидетелями.

Потирая синяк на лбу (налетел на дерево), появился Андрюшка Ткачук. Сообщил, что в «Космосе» новый фильм «Робинзон Крузо» и мультики. Удлиненная программа.

— Мамка спрашивает: надо билеты оставлять? Только они дорогие, по сорок копеек.

Андрюшкина мать работала в кино кассиром.

Олег обвел взглядом всю компанию.

— У кого деньги есть?

Подняли руки пять человек. Сережа поднял. И Митя — у него был полтинник. Остальные жалобно сопели.

— Ладно, Андрей, — сказал Олег. — Мчись к маме, пусть оставит... раз, два, три... десять... четырнадцать билетов. Пропадай моя зарплата.

Домой Сережа пришел под вечер. В прихожей его встретила Маринка. Она прыгала и ликовала:

— Динь-динь! А у нас телефон!

— Правда? Тетя Галя, правда поставили?

— Наконец-то,— со вздохом сказала тетя Галя.

— Почему «наконец-то»? Люди иногда больше года ждут.

— Это я про тебя: наконец-то явился,— объяснила тетя Галя.— Люди-то обедают когда полагается, а ты целый день скачешь голодный.

— Мы в кино пирожки покупали.

Подошел Нок, встал на задние лапы, а передние взгромоздил Сереже на плечи. Укоризненно посмотрел ему в лицо.

— Соскучился, крокодил?— сказал Сережа.— Ну-ну, только не лизаться.

Он освободился от собачьих объятий, потрепал Нока по ушам и пошел к телефону.

Плоский светло-серый аппарат был похож на модель гоночной автомашины. Если только трубку убрать.

Сережа поднес трубку к уху. В наушнике гудел настойчивый сигнал.

Маринка прыгала рядом. Она весело сообщила:

— А нам уже звонили!

— Кто?

— Папа звонил.

— А чего он звонил?

Тетя Галя сказала из кухни опять со вздохом:

— О чем он может звонить? Снова у Владимира Сергеевича задержится до ночи.

— Они же отчет об экспедиции готовят,— заступился Сережа.

— Вот именно. Не могут ни днем ни ночью позабыть про свой отчет.

Сережа осторожно положил трубку и пошел к себе в комнату. Нок, стуча когтями, двинулся следом.

За окнами синели сумерки. Недостроенный замок таинственно белел в полутьме, словно декорация приключенческой пьесы, когда спектакль уже кончился.

Сережа погладил Нока и сел на кровать. Окончен хороший день, в котором были товарищи, удачный бой с Олегом, кинокар-

тина с шипучими синими волнами, парусами и джунглями. Звон рапир и смех Данилки Вострецова. Горячие пирожки в буфете (три на двоих) и пока нерешительная, но добрая улыбка новичка Мити Кольцова... И теперь, в одиночестве, Сереже стало грустно.

«Может, позвонить кому-нибудь? — подумал он. — А кому?» И вспомнил: у Генки Кузнечика есть телефон. Только номер какой? Но тут же вспомнил и номер. Еще давно, весной, Генка объяснял ребятам: «Вот запомните. Тридцать два ноль два сорок четыре. Очень просто. Как дважды два — четыре. Только впереди троечка». Про что был разговор и при чем там Генкин телефон, Сережа забыл, а номер запомнился.

Кузнечик, наверно, удивится звонку. Они с Сережей не дружили и даже приятелями не были. Правда, на той неделе Генка услышал, что Сереже нужен пенопласт, и на другой день притащил коробку. Ну и что? Кузнечик любому человеку готов помочь, даже незнакомому.

А Сереже Генка нравился. Всегда. Но ведь не подойдешь к человеку и не скажешь: «Ты мне нравишься. Давай сделаемся друзьями». Сережа, по крайней мере, так не мог. И он лишь думал, давно, с третьего класса, что хорошо бы как-нибудь подружиться с Генкой Медведевым, которого тогда еще не звали Кузнечиком.

Прозвище Кузнечик появилось в прошлом году.

В самом конце августа, перед началом учебного года, в школах шли собрания. Было еще жаркое лето. Строгая деловитость учебной жизни не успела лечь на школу. Школа гудела, как большой рой. Никто не пришел в форме, коридоры и классы расцвели от пестрых платьев, ярких рубашек и разноцветных испанок. Всем было весело, и даже строгая завуч Елизавета Максимовна рассмеялась, когда увидела, что Генка Медведев тащит по коридору большущую, с себя ростом, гитару.

Он принес ее в класс.

Ребята перед этим хвастались загаром, но теперь стало ясно, что чемпион по загару — Генка. Он все лето прожил в Севастополе и сделался коричневым, как его блестящая гитара.

— Подумаешь. Медведь и должен быть коричневым, — завистливо сказала длинная Люська Колосницына, именуемая обычно Люстрой.

Люстру не поддержали. Уж на кого-кого, а на медведя Генка никак не был похож.

Его затормошили, закидали вопросами:

— Генка, а зачем гитара?

— Ты играть научился, да? Ай да Геночка!

— Ой, да он врет, братцы! Я целый год учился, и то....

— Потому что у тебя таланта, как у курицы... Гена, сыграй!

— Ген, ты правда умеешь? Ну давай...

Генка кивнул. Уселся на парте, сложив по-турецки ноги, словно покрытые коричневым лаком. Хитро и немножко смущенно посмотрел на ребят. У него были продолговатые большие глаза, почему-то похожие на глаза громадного насекомого. И лихо торчал над лбом выгоревший хохол.

Генка постучал пальцами по гулкой гитаре: тра-та-та, та-та-та, тра-та...

Забренчал на струнах и запел:

Там, где у цветов головки
Лепестками ветру машут,
Маленький кузнечик Вовка
Жил да был среди ромашек...

Играл он, конечно, не очень. Просто подыгрывал песне. Но песенка была интересная, целая сказка. Никому не знакомая. И пел он здорово. Негромко, но чисто и весело.

Не был Вовка музыкантом,
Хоть трещал не умолкая,
Вовка был работник-плотник —
Строил дачи и сараи.

Он пилой работал ловко,
Молотком стучал о доски:
Строил он мосты, и лодки,
И газетные киоски...

Дальше рассказывалось, как в руки Вовке попалась золотистая лучинка, и кузнечик выстругал из нее шпагу «просто так, на всякий случай». А однажды...

Приземлился на поляне
Злой разбойник и обжора,
Очень страшный и нахальный
Воробей по кличке Жора.

Всякие жучки и божьи коровки прыснули во все стороны. А кузнечик остался: неудобно прятаться, если у тебя шпага. Бесовестный великан Жора хотел тут же проглотить Вовку, н шпага воткнулась ему в язык. И Жора улетел, подвывая не по воробыному. А песенка кончалась такими словами:

Чтоб врагам
 хвалиться
 было нечем,
Не беги
 назад от них
 ни шага.
Даже если ты кузнецик,
У тебя
 должна быть
 шпага.

Никто не заметил, что в класс вошла Татьяна Михайловна.
— Ай да молодец, Медведев,— сказала она.— Ты, Гена, за лето просто артистом стал!

Генка засмутился и вскочил прямо на парту.

— Да нет... Это не я. Это брат сочинил в Севастополе для ребят. Мы там с ним ялик ремонтировали...

— Ну ладно. Пора нам о делах поговорить,— сказала Татьяна Михайловна.— А потом расскажешь про Севастополь и про ялик. Садись-ка на место, кузнечик.

И тут все заметили, что Генка и правда похож на кузнечика: в зеленой, как трава, рубашке, а руки-ноги у него — будто сломанные пополам лучинки; и гитара его тоже похожа на туловище насекомого с одиноко торчащей лапой.

— Точно! И правда кузнечик! — развеселились ребята.

— Ой, батюшки! Я, кажется, тебе прозвище придумала! — с шутливым испугом воскликнула Татьяна Михайловна. — Гена, я не хотела.

— Да ничего,— покладисто сказал Генка.— Это лучше, чем Медведь. А то Люстра меня Медведем обозвала.

— Отныне считать Медведя Кузнечиком,— заявил Павлик Великанов — очень авторитетный в классе человек.

Так и повелось...

Сережа набрал номер. Он боялся, что трубку возьмут Генкины родители, будут спрашивать, кто и зачем. Но ответил сам Генка.

Сереза сказал:

— Здравствуй. Не узнал?

Кузнечик помолчал. Потом ответил:

— Узнал... Это ты, Сереза?

Он сказал не «Каховский» и даже не «Сереза», а Сереза, и это прозвучало как-то неожиданно, по-дружески. И Сереза обрадовался. Он сам не ждал, что так сильно обрадуется. Но тут же встревожился: в классе было шесть Сергеев.

— Это я, Каховский,— объяснил он.

— Да. Я понял,— все так же негромко сказал Кузнечик.— Хорошо, что позвонил.

— Почему хорошо?

— Ну, так просто,— откликнулся Генка теперь оживленнее.— Понимаешь, я сижу один, скучаю. И вдруг ты...

— А я тоже так просто. Нам только что телефон поставили, и я вспомнил твой номер. Ты что делаешь?

— Я же говорю: скучаю. Гитару мучаю.

— Ты уж, наверно, здорово научился играть, да?

— Нет, что ты. Я понемножку.

— Слушай, сыграй что-нибудь,— попросил Сереза. Его словно толкнуло. И он загадал: «Если Кузнечик согласится, все будет хорошо». А что «хорошо», и сам не понимал.

Генка согласился сразу.

— Ладно... Я и сам хотел. Ты только трубку не клади, я гитару возьму... Ну вот, все.

И Сереза очень ясно представил, как Кузнечик, такой же, как тогда в классе, сидит с гитарой на столе у телефона, прижимает щекой к плечу трубку.

— Ты слушаешь? — спросил Генка.

— Конечно.

— Понимаешь, это песня... Ее брат придумал, когда в институте учился. Они пьесу ставили про наших летчиков, которые за Испанскую республику воевали. Вот про этих летчиков песня...

Сереза услышал негромкие удары по струнам и затем, гораздо громче струн, очень чистый Генкин голос.

Кузнечик пел отрывисто и печально:

Не трогай,

не трогай,

не трогай

Товарища моего.
Ему предстоит дорога
В высокий край огневой.
Туда,
 где южные звезды
У снежных вершин горят,
Где ветер
 в орлиные гнезда
Уносит все песни подряд.
Там в бухте
 развернут парус
И парусник ждет гонца.
Покая там не осталось,
Там нет тревогам конца.
Там путь по горам
 не легкий,
Там враг к прицелам приник,
Молчанье его пулеметов
Бьет в уши,
 как детский крик...

Теперь Сереже не казалось, что Кузнечик сидит на столе у телефона. Он закрыл глаза и ясно увидел костер на поляне, и Костю у костра, и ребят с оранжевыми от огня лицами, и Генку рядом с Костей. Будто они пели вместе.

...Не надо,
 не надо,
 не надо,
Не надо его будить.
Ему ни к чему теперь память
Мелких забот и обид.
Пускай
 перед дальней дорогой
Он дома поспит,
 как все,
Пока самолет не вздрогнул
На стартовой полосе...

Песня затихла. Было слышно, как Генка прижал струны ладонью. Он помолчал и сказал:

— Вот все... Ты слышишь?

— Да,— сказал Сережа.— Это такая песня... Про нее лучше ничего не говорить. Просто слушать, и все.

— Брат ее, оказывается, давно написал... А мне спел только сегодня. Это он когда про Чили услышал.

— Про что?

— Про Чили. Ты что, радио не слушал?

— Нет,— смутился Сережа.— Я тут сегодня закрутился с делами...

— Там фашистский переворот! — с неожиданной злостью сказал Генка.— Генералы толстопузые мятеж устроили... Зря он этим гадам доверял.

— Кто?

— Президент Альенде. Они убили его. Обстреливали президентский дворец из танков.

— А я ничего не слышал,— тихо сказал Сережа.

— Брат в июле был в Чили со студенческой делегацией. У него там друзья остались. Он мне и привез адрес одного парнишки, помог письмо написать по-испански. Я все ответа ждал. Теперь уж, наверно, не будет ответа...

Что мог сказать Сережа? Он знал про Чили не так уж много. Знал, что там столица Сантьяго. Что там правительство, которое стоит за рабочих. И что президент Сальвадор Альенде распорядился, чтобы всем-всем детям в этой большой стране каждый день обязательно давали бесплатное молоко: и в городах, и в глухих горных деревушках... Видно, не всем нравится, когда у каждого из ребят, даже у самого бедняка, каждый день есть глоток молока.

— В общем, все, как тогда в Испании,— опять услышал Сережа Генкин голос.— Ты читал книжку «Испанский дневник»?

— Не читал,— признался Сережа.

— А у нас есть...— Ты бы пришел ко мне, а? Мог бы взять ее. Если, конечно, хочешь. Ну, не обязательно за книжкой, а так... Ты ведь никогда у меня не был.

— Конечно, я приду,— обрадованно сказал Сережа.— А ты? Ты тоже приходи. Ты ведь тоже у меня не был.

— Ладно! Я знаю, где ты живешь.

— Нет, у нас теперь новая квартира.

— Я знаю,— повторил Кузнечик.

— Откуда?

— Очень просто. Узнал, когда коробку тебе раздобыл. Хотел тебе домой ее принести. Пришел, а у вас никого нет.

— Специально приходил?

— Ну да. С коробкой...

— А где ты ее раздобыл? Я думал, она твоя была.

— У соседа выпросил.
— Нарочно для меня? — все еще не решаясь поверить, спросил Сережа.

— Ага... Послушай, а зачем тебе пенопласт? Не секрет?
— Не секрет, конечно. Я завтра тебе расскажу. Хорошо?
— Хорошо. Тогда до завтра?
— До завтра... Гена... А можно еще раз ту песню?
— Ладно.

...Но если в чужом конверте
Придет к вам черная весть,
Не верьте,
 не верьте,
 не верьте,
Что это и вправду есть.
Убитым быть —
 это слишком.
Мой друг умереть не мог.
Вот так...
 И пускай братишка
Ему напишет письмо...

Этой песней Генки Кузнечика хорошо было бы кончить рассказ о длинном Сережином дне.

Но не все кончается, как хотелось бы.

Тетя Галя заглянула в Серезину комнату и сказала:

— Тут один жилец приходил, на тебя жаловался. Что такое ты утром натворил?

Сережа сидел на кровати и не спеша расстегивал рубашку. Он хотел пораньше забраться в постель, включить настенную лампочку, взять книгу «Двадцать лет спустя» и еще раз перечитать историю о том, как герцог Бофор бежал из Венсенского замка. Разговаривать об утреннем случае вовсе не хотелось. Даже вспоминать этого наглого Петю Дзыкина и то не хотелось...

— Ничего я не натворил. Это он натворил, — хмуро сказал Сережа. — Задумал у ребят мяч проткнуть. А я не дал.

— Ну, про мяч я не знаю. А грубить-то зачем? Зачем ты ему таких слов наговорил?

— Я? — изумился Сережа. — Я ему только сказал, что здесь общий двор, а не его огород. А что, неправда?

— Такие слова взрослому человеку говоришь. Хоть бы подумал: он в три раза старше тебя.

— Если старше, пусть не хулиганит. Его, что ли, мяч? Если нравится протыкать, пускай купит себе и протыкает...

— Вы же сами его из терпения вывели. Все цветы потоптали.

— Мы? Потоптали? — вскинулся Сережа. — Во-первых, не «мы», потому что я там даже не играл. Во-вторых, ни один цветок не был сломан. Ведь ты же не была там, а говоришь!

— Ладно, ладно... Ты уже закипел, как чайник. Я в этом деле разбираться не стану. Отец придет, пусть разбирается.

— Ну да, будет он разбираться! Он бы сам вмешался, если бы видел, как этот Дзыкин к ребятам пристал.

— Ну и что же? Он — это другое дело. Он взрослый человек. И тот взрослый...

— Ты все одно: «Взрослый, взрослый!» — действительно закипел Сережа. — Этот Петя не взрослый человек, а взрослый шкурник! Ну откуда они такие берутся? Сытые, нахальные, думают, что вся земля для них, весь мир! Для их грядок и гаражей! Все будто только для их пользы! Поэтому и наглые. Как тот шофер!

— Господи, какой еще шофер?

— Забыла? Ты меня все за рубашку дергала: сядь да сядь. В автобусе. А чего он к бабке привязался? Я же видел, что она деньги опустила, а он орет: «Деньги не бросила, а билет отрываешь! На кладбище пора, а совести нет!» Она плачет, а он орет. Его бы самого на кладбище! А ты только одно: «Сядь, не груби».

— Ну и что? Я ему сама сказала, что так нехорошо.

— Как ты сказала? Он и не посмотрел на тебя. Хорошо, что летчики вмешались... А другие сидят и молчат, будто не их дело. Тоже взрослые...

Тетя Галя устало отмахнулась:

— Тебя послушать, так будто и хороших людей на свете не осталось.

— Что? — удивился Сережа. И как-то сразу успокоился. Ему сделалось даже смешно. И не стал он больше ничего говорить. Он вспомнил хороших людей, которых знал или видел. Костю, журналиста Иванова, маленького Димку... Тех летчиков в автобусе. Кузнечика... Татьяну Михайловну... Наташку, дядю Игоря. Ребят в своем классе и в Наташкином... Врача Марину Аркадьевну. Капитана Володю и моториста Витю с катера «Азимут»...

Это были только те, кого он вспомнил за несколько секунд. Потом Сережа подумал о хороших людях, которых встречал сегодня: Олег, Андрюшка Гарц, Данилка и его барабанщики.

Валерик, Вовка и Вадик Воронины. Андрюшка Ткачук. Андрюшкина мама в кинотеатре «Космос». Шофер какого-то служебного автобуса — он увидел ребят на троллейбусной остановке, открыл дверцу и сказал: «В кино небось собрались? Садитесь, а то опоздаете, там на линии провод оборвался».

И этот новичок, Митя Кольцов, кажется, тоже хороший парнишка.

А из плохих людей сегодня встретились только двое: горластая Дзыкина и ее ненаглядный Петя.

Кто же виноват, что среди людей попадаются такие дзыкины? Они вредят, гадят, хапают. И не всегда по злости, а потому просто, что им наплевать на всех, кроме себя. И кроме таких же, как они.

...И один такой может испортить жизнь многим хорошим людям.

...А всадники успевают не всегда...

Сережа разделся и залез под одеяло. Открыл книгу. Стало тихо. Посапывал в своем углу Нок, и звонко тикал будильник.

«...Герцог Бофор приподнял верхнюю корку пирога и, к ужасу своего тюремщика, достал из-под нее веревочную лестницу...»

— Сережа! — позвала из кухни тетя Галя. — Вынеси, пожалуйста, ведро. А то очистки уже на пол валяются.

Ну вот! Думаете, приятно вылезать из-под одеяла и тащиться к мусорному ящику?

— Тетя Галя, можно, я утром?

— Господи, неужели трудно спуститься по лестнице? Ящик в двух шагах.

Как можно убедительнее Сережа сказал:

— Что с ним сделается, с этим ведром, до утра? Завтра встану и, честное слово, сразу унесу.

— Плесень-то разводить... — проворчала тетя Галя. Но больше ничего не сказала.

Сережа снова уткнулся в книгу. Но все же его слегка точило беспокойство. Он невольно прислушался. В кухне звякнула дужка мусорного ведра. Сережа вздохнул, откинул одеяло, сунул ноги в полуботинки и вышел в прихожую.

Тетя Галя стояла у двери с ведром в руке.

— Давай вытащу, — сказал Сережа. — Раз так срочно это надо...

— Ладно уж...— Тетя Галя мельком взглянула на Сережу.— Куда ты раздетый по холоду... Скажешь еще потом, что и я тоже никуда не годный человек.

В Сереже будто струна сорвалась. Он прикусил губу, постоял секунду и ушел к себе, стуча незашнурованными башмаками. Обида нарастала, как боль, когда прижигаеть йодом ссаженный локоть: первую секунду еще ничего, а потом жжет все сильнее, сильнее — прямо слезы из глаз.

И не из-за последних тети Галиных слов обида, а вообще. «Ну почему, почему так? Объясняешь, доказываешь, а тебя даже слушать не хотят?»

Мама смотрела с большой фотографии. Она сидела на корме вытащенной на берег лодки и немного удивленно улыбалась: «Кто тебя, Серенький?»

Сережа лег лицом в подушку, стиснул зубы, но слезы все равно прорвались. Неожиданно горькие, неудержимые. Он сам даже не понимал, откуда это. Ничего такого-то уж не случилось. А остановиться не мог. И только одного хотел: чтобы тетя Галя и Маринка не слышали.

Прежде всех услышал Нок. Подошел, встревоженно ткнул его в локоть мокрым носом. Сережа обхватил его за шею и заплакал сильнее. И стало уже все равно.

Поспешно вошла тетя Галя, села рядом.

— Да ты что, Сереженька? Ну зачем ты, в самом деле... Нельзя же так. Я же не знала, что ты уже лег. Будь оно неладно, это ведро!

Как будто в ведре дело!

Тетя Галя осторожно положила ему на затылок ладонь.

— Ну хватит, хватит... Ты уж не заболел ли?

Он сердито мотнул головой, сбросил руку. И мстительно подумал: «Бойтся, что папа придет и увидит, как я реву от нее». Но тут же ему стало стыдно от этой мысли. Будто он за спиной у тети Гали сделал какую-то гадость. Сразу ушла обида, остановились слезы.

— Да ничего. Все уже,— пробормотал он и потерялся мокрыми щеками о подушку.

— Может быть, у тебя голова болит?

— Да нет. Это так. Ну все уже, правда...

Он сердито придвинул к себе книгу и глазами, в которых не высохли слезы, уставился в лист. И ничего не видел.

— Что же ты лег, даже не поужинал,— нерешительно сказала тетя Галя.— Может быть, встанешь покушаешь?

— Нет, не хочу.

— Тогда хоть чаю попей.

— Я правда не хочу.

— Ой, характер,— вздохнула тетя Галя. Погладила его по затылку и вышла.

Это она права: характер никудышный. Девчоночий. Глаза на мокром месте. Тогда летом, в автобусе, тоже чуть не разревелся. В тот момент, когда летчик загородил его и сказал водителю: «Ну ты, копеечный рыцарь, не кидайся словами! Сопляк — это тот, кто позволяет себе такие гнусные выходки, как ты сейчас. А этот мальчик в тысячу раз больше мужчина, чем ты».

Мужчина! У него тогда в горле заскребло, как у дошкольника, потерявшегося в универмаге. И он всю дорогу не отрывался от окна, потому что щипало в глазах.

Читать уже не хотелось. Он дернул шнурок лампочки и в темноте повернулся к окну. Там было видно только темно-синее небо. В нем горел яркий, как фонарик, Юпитер. Иногда он почти угасал и тут же снова радостно вспыхивал: это пролетали тонкие, невидимые облака.

Сережа уснул. Ему приснился чужой, горячий от солнца город. Старинные серые дома с разноцветными стеклами в полукруглых окнах, темные арки и галереи, вдоль которых стояли могучие колонны из ноздреватого камня. Из пожухлой травы подымался средневековый испанский бастион с чугунными орудиями. На горячих стволах были оспинки от ржавчины. За старыми домами, как белые острые скалы, вставали небоскребы. Это был, наверно, Сантьяго.

В конце улицы синей стеной стоял тропический лес. Оттуда по середине мостовой шел навстречу Сереже мальчик в зеленой рубашке. В пустой улице, словно громкие часы в тишине, шелкали по плитам песчаника его подошвы. Мальчик был вроде бы Генка Кузнечик и в то же время Митя Кольцов и еще какой-то незнакомый мальчишка.

Город был враждебный, полный измены и злобы. За колоннами, за желтыми зубцами бастиона притаились пулеметы.

А мальчик шел.

«Что ты делаешь! Они же убьют! Ложись, прячься!» — закричал

Сережа. Но голос его погас в плотной знойной тишине, и прозвучал только шепотом.

Сережа хотел закричать снова, но тут включился пулемет. Он заработал беззвучно, и Сережа лишь почувствовал круглые короткие толчки воздуха. На рубашке мальчика расплзлись темные пятна, он постоял, опустился на колено, упал и раскинулся на плитах. Пуля ударила рядом и отбила от песчаника острый осколок.

Сереже захотелось лечь и вдавиться в камень. Но он, чувствуя всем телом, как следят за ним пулеметы, подошел и наклонился над мальчиком. Он почему-то сразу понял, что это тот мальчик, от которого Кузнечик ждал письмо.

На рубашке у мальчика в середине темных пятен были маленькие черные отверстия.

Сережа перестал бояться. Он повернулся лицом к желтому бастиону и подобрал с мостовой каменный осколок. Сжал, как гранату.

Над каменными стенами появились головы врагов. И каждый из них был Дзыкин. Сережа чувствовал, как они беззвучно кричат друг другу: «Скорей, скорей!» Из черного глазка пулемета выскочил оранжевый огонек, и пули очень сильно стали толкать Сережу в грудь, в плечи. Но он не падал. Он решил не падать.

Каменный обломок удобно и прочно лежал в ладони. И Сережа увидел, что это уже не камень, а рукоять с глухой, как у эспадрона, гардой. Из рукояти очень быстро выползал узкий зеркальный клинок.

Сережа выпрямился над убитым мальчиком. Сжал рукоять и пошел к бастиону.

Не трогай!

Не трогай!

Не трогай!

Товарища моего...

5

Ну и работка досталась Валерику и Вовке Ворониным! Нарисовать сорок два рыцарских герба! Красками. На ватмане. Каждый размером в развернутую тетрадку.

Потом гербы наклеили на разноцветные бумажные флаги,

флаги развесили над потолком спортзала на протянутых от стены к стене шпагатах.

Сережин герб висел во втором ряду, третий слева. Это был ярко-оранжевый геральдический щит с белой окантовкой. По огненному, рассветному полю мчались два всадника. Сами всадники были темно-красные, а кони — светло-серый и черный. Всадник на сером коне был с шашкой в опущенной руке, всадник на черном — с поднятым копьём. Снизу, из левого угла щита, навстречу конникам било тонкими лучами яркое белое солнце.

Был теперь герб и у Мити Кольцова: темно-синий круг, перечеркнутый снизу цпочкой кудрявых голубых волн, по которым плыл белый карабик. Право на свою эмблему Митя заслужил через две недели после прихода в клуб. Голосовала сначала за это Митина группа с капитаном Алешей Смирняковым, а потом совет. Что говорили на совете капитаны групп, Сережа не знал. Но раз перевели человека из кандидатов в полноправные члены «Эспады» — значит, человек того заслужил.

Встречался с Митей Сережа редко: учились они в разные смены. Виделись иногда по воскресеньям, да еще раз в неделю на общих вечерних линейках клуба. Но все же один бой у них был.

Это случилось в первое воскресенье октября. Сережа и Митя пришли раньше всех, и Олег предложил:

— Ну-ка, поручик, возьмите рапиру и посмотрите, каких успехов достиг ваш ученик.

— Как посмотреть? Защиты проверить?

— Нет, зачем же. Просто бой.

Митя порозовел от волнения. Он взглянул на Сережу почти виновато, словно хотел сказать: «Я понимаю, что мне смешно тягаться с тобой. Но что поделаешь, раз вызывают».

На дорожке он старательно, по всем правилам, отдал салют на три стороны, хотя боковых судей не было, за боем наблюдал только Олег. Сережа снисходительно улыбнулся под маской.

И они сошлись.

Конечно, он был слабоват перед Сережей. Ну что ж, ведь и месяца не прошло. Многому ли научишься за такой срок? Но кое-чему Митя научился. Защиты брал умело, не махал клинком, как новички, зря не отступал.

Сережа нанес ему первые два укола и слегка расслабился: противник был неопасный. А зря. Зевнул и тут же сам заработал укол.

А второй укол Митя нанес ему хитро: после ложного выпада и двойного перевода с захватом.

— Елки-палки...— шепотом сказал Сережа, а Олег, не скрывая удовольствия, произнес:

— Вот так, уважаемые сеньоры!

Сережа решил, что надо кончать, и одну за другой провел две успешные атаки. Но во время третьей атаки промахнулся и заработал еще одну «дырку»: отвечал Митя мгновенно.

Кончился бой со счетом пять — три в Сережину пользу. Но когда пожимали руки, Митя улыбался счастливо, как победитель. Еще бы! Все-таки он нанес три укола одному из лучших фехтовальщиков клуба.

— Ну как?— спросил у Сережи Олег.

— С ним зевать опасно,— шепотом сказал Сережа.— Когда он успел? Наверно, каждый день занимается?

Олег кивнул:

— Почти...

Однажды при Сереже пришла Митина мама. Сказала, что хочет посоветоваться.

— Понимаете, Олег Петрович, вызывали меня в школу... Была у них недавно в классе репетиция — коллективное чтение стихов готовили к концерту. А Митя отказался, потому что тренировка в клубе. Вот учительница и рассердилась. Даже сумку у него отобрала. Сказала, что не отдаст, пока я не приду.

— Ну уж сумку-то отбирать — это совсем не дело,— решительно сказал Олег.— Разве так чему-нибудь хорошему научишь?

— Да бог с ней, с сумкой,— устало произнесла Митина мама.— Не это меня тревожит. Учительница, когда мы беседовали, сказала такие слова... правда, может быть, сгоряча... Говорит, зря он там только время тратит. Что, говорит, вы думаете, он у вас спортсменом станет? Занимался бы, мол, своими книжками да корабликами. Как говорится, каждому свое...

Олег потемнел лицом.

— Ну и что же?— сдержанно спросил он.

— Ну вот... Я уж боюсь. Может быть, она права? Как у Мити здесь успехи?

Олег усмехнулся:

— Успехи? По-моему, самый большой успех, что ему здесь нравится. В уголок не жмется больше, решительный стал. Друзья у него появились. Особенно один. Есть тут у нас такая личность —

Данилка Вострецов. Их теперь лошадами друг от друга не оттащишь.

Митина мама расцвела:

— Ой, знаю Данилку, он у нас был! Рыженький такой, симпатичный. Чудо-ребенок!

— Хм...—тихонько произнес Сережа, вспомнив «чудо-ребенка», упавшего со шкафа.

Олег бросил на Сережу быстрый взгляд и продолжал:

— Митя мне как-то признался, что раньше у него такого друга не было. Ну, такого крепкого, что ли... А спортивные успехи, что ж... Не хуже, чем у остальных. Пусть учительница придет, сама посмотрит.

— Едва ли она захочет. Она как-то звонила сюда по поводу одного мальчика из шестого класса. Насчет его двойки. И почему-то очень на клуб обижена.

Сережа решил, что можно вмешаться.

— Ну и зря, если не придет,—сказал он.—Вот наша Татьяна Михайловна везде с нами ходит. У ребят в бассейне были соревнования, так она даже туда ходила, хоть ей и нельзя, где влага, потому что ревматизм. Она уже немолодая, скоро шестьдесят лет, а все равно...

Олег предложил:

— Если учительница не захочет, вы-то все равно приходите. Скоро у нас финальные соревнования на приз клуба. Праздник. Видите вот, флаги вешаем. В эти дни отборочные бои идут. Митя, кажется, имеет шансы попасть в финал.—Он перехватил удивленный взгляд Сережи и подтвердил: — Да, представьте себе, поручик. Имеется возможность встретиться в честном поединке с вашим учеником... Кстати, познакомьтесь, Ольга Васильевна,—обратился он к Митиной маме.—Сергей Каховский, первый учитель вашего сына.

— Ну уж, учитель,—сказал Сережа.—Полчаса позанимался в самом начале.

— Удачное было начало,—сказал Олег.

Финальные соревнования состоялись в конце октября.

Накануне, в субботу вечером, Сережа зашел к Кузнечнику.

— Придешь?—спросил он.

Генка виновато покачал головой.

— Завтра внеочередная тренировка, первый выход на лед.

— Жалко,— сказал Сережа.

— Я, может быть, позже приду. Если рано кончим,— пообещал Кузнечик.— Как раз к тому времени, когда тебе будут первый приз вручать.

— Иди ты! — отмахнулся Сережа. И признался: — Знаешь, Кузнечик, я боюсь что-то... Первые соревнования. Да не думай, что мне приз очень нужен! Я боюсь, что размякну и начну по-глупому проигрывать... Хорошо, когда за тебя болеют. Сразу сил больше делается.

— За тебя и так весь клуб болеет.

— Ну уж, весь клуб! Каждая группа болеет за своих финалистов. И потом, одно дело, когда своя группа, а другое — когда кто-то еще, не из клуба.

— Ага! — хитро сказал Кузнечик. — «Когда кто-то еще, не из клуба...» А уговаривал меня записаться в «Эспаду».

— А ты решил? — быстро спросил Сережа.

— Нет, не могу. Вот если выгонят из секции, тогда приду.

— За что тебя выгонят?

— Да пока не получается из меня хоккеист. Тренер ворчит.

— Вот и давай к нам. У нас никого не выгоняют, если не получается. И Олег из-за этого никогда не ворчит. Можно вообще не заниматься фехтованием.

— А как тогда?

— Ну мало ли в клубе дел! Олег кинокамеру достал, будем, наверно, фильм «Три мушкетера» снимать.

— Здорово,— искренне сказал Кузнечик.— Но я пока не могу. Вот добьюсь своего в хоккее, тогда посмотрим.

«Если добьешься, тогда совсем уж уходить не захочешь», — чуть не сказал Сережа. Но промолчал.

Дружба их была в самом начале, а в эту пору люди боятся обидеть друг друга неделикатной настойчивостью или даже одним неосторожным словом.

Зато с Наташей Сережа договорился легко. Правда, сперва она отругала его: почему редко к ним заходит. Но потом быстро сказала:

— Ладно, приду.

Подумала и спросила:

— А можно Стасика взять?

Сережа слегка удивился:

— Ну возьми... Думаешь, ему интересно будет?

— Да это неважно. Просто хочу его увести куда-нибудь. В воскресенье у них отец дома весь день, а он такой... Стаське от него плохо.

— Приводи,— сказал Сережа.— Только пусть он сидит поспокойнее. А то он всякое может.

Стасик Грачев, которого Сережа спас от Мадам Жирафы, действительно мог «всякое».

На первый взгляд это был тихий мальчик, славный такой, с русой челкой над глазами и смешным пучком волос на затылке. С честными серыми глазами, которые от одного ласкового слова наливались вдруг слезами, словно в них вставляли стеклышки. Но порой в Стасике что-то взрывалось. Он отчаянно хохотал, метался по классу и коридору, скакал по партам, лупил ребят книгами по макушкам. А когда его пытались унять, визжал и кусался. Дело кончалось опять слезами, но уже громкими и злыми.

А случалось, что Стасик подходил к кому-нибудь из старших, брал за локоть, прижимался щекой к рукаву и стоял так по нескольку минут. Подошел он так однажды и к Сереже. Потом Сережа спросил у Наташи:

— Чего это он?

А она серьезно сказала:

— Маленький, а нервы никуда не годятся.

Наташа пришла без Стасика. Сказала, что его непустили. Она дала Сереже мятный леденец и забралась в угол, на стул. В другом углу, стесняясь шумной толпы мальчишек, уже сидела Митина мама. Она была единственным взрослым среди зрителей. Остальные были свои же ребята из «Эспады», которые не попали в финал и пришли болеть за друзей, или приятели и одноклассники финалистов.

Места для зрителей устроили у главной, длинной, стены, против окон. Притащили из кают-компаний все стулья и даже диван. Его, конечно, сразу оккупировала «барабанная команда», которую Данилка привел болеть за Митю.

Вошел Олег и попросил зрителей «не вопить как на стадионе в Рио-де-Жанейро». Потом скомандовал бойцам построение.

Финалистов было семь. Предстоял двадцать один бой. На черной доске темнели пустые квадраты расчерченной мелом таблицы. Скоро там появятся единицы и нули: кому-то радость победы, кому-то — наоборот.

На судейском столике лежали дипломы и стоял пузырек с тушью, чтобы вписать имена победителей. А в прозрачной коробочке поблескивал жетон с красной ленточкой. На жетоне были скрещенные шпаги и надпись: «Чемпион «Эспады». 1973». Дипломы Олег взял в райкоме комсомола, а жетон по его просьбе сделал из латуни знакомый гравер.

Кончилась жеребьевка. Сереже выпало выступать в первой же паре. Он застегнул нагрудник, натянул перчатку... и понял, что уже не боится и не волнуется.

Первый бой был нелегкий. Большой, грузный Женька Голованов лишь на первый взгляд казался неповоротливым. Клинок его мелькал и свистел перед Сережей, выписывая кольца и восьмерки. Голованов не тратил времени на долгую разведку, он шел напролом в атаку за атакой, давил корпусом, вертя двойные и тройные переводы.

Сережа уходил в сторону и огрызался короткими контратаками.

У них было уже по три очка, когда Голованов налетел на Сережу всем корпусом, проскочил вперед, извернулся и нанес удар со спины.

— Четыре — три.

Если мечтаешь о первом месте, проигрывать первый бой нельзя. Сережа не выдержал, забыл про осторожность и полз в отчаянное наступление. Голованов ринулся навстречу. Олег остановил бой.

— Обоюдная атака. Делаю предупреждение.

Женька тяжело дышал. Он был на шаг от победы. Он рвался к ней.

«Ладно,— сказал себе Сережа.— Не будем больше прыгать. Пофантазируем, как говорил Олег».

Он быстро отступил и встал в третью позицию, когда кисть руки на уровне пояса отведена влево, а клинок смотрит вниз. Он открылся перед противником. С точки зрения фехтовальной науки это был бред. Голованов от неожиданности на миг остановил свой клинок. Тут же Сережа снизу вверх нанес по нему скользящий удар. Женькина рапира взмыла под потолок, а Сережа вошел в глубокий выпад. Есть!

Зрители взревели.

— Неправильно! — кричали болельщики Голованова.— Клинок выбит, нельзя колоть!

— Нет, правильно,— сказал Олег.— Клинок еще не упал, когда был сделан укол. Четыре — четыре.

После этого Голованов разозлился, полез в атаку слишком открыто и проиграл еще очко.

Сережа снял маску, пожал противнику руку и, вытирая рукавом лоб, стал пробираться в угол к Наташе. Трикотажная рубашка липла к спине.

— Ух, как я переживала! — шепотом сказала Наташа.— Просто даже страшно. Ты такой молодец, Сережка. Держись дальше.

И он держался. Он выиграл еще два боя: у почти незнакомого семиклассника Павлика Сосновского из второй группы и у Ленки Мосина. Ленка дрался лихо, но не очень умело. Когда проиграл, то обиделся, надулся, но через пять минут уже спокойно болтал с приятелями.

Володьке Огонькову Сережа проиграл. Проиграл глупо, досадно, так, что завывать хотелось от обиды. Конечно, Огоньков дрался не хуже Сережи. Но если бы Сережа в последний момент, при счете четыре — четыре, не промахнулся так по-дурацки, то обязательно победил бы.

А Митя у Огонькова выиграл. Этого никто не ждал. Может быть, Огоньков устал после встречи с Сережей, а может быть, недооценил противника: худенького, белобрысого пятиклассника, неизвестно как попавшего в финал. Если недооценил, то зря. Мог бы видеть, что с Кольцовым шутить не стоит: до этой встречи Митька вышел победителем из двух боев.

Болельщики, следившие за хитростями финальной таблицы, начинали гудеть сначала удивленно, потом одобрительно. Дело в том, что вслед за Огоньковым и Каховским Кольцов пробивался в лидеры.

Сережа следил за Митей с радостным удивлением. И даже с легкой завистью. Кольцов дрался так, будто не думал о победе и поражении. Бой для него был как песня, как музыка, в которую человек вкладывает всю душу. Так, по крайней мере, казалось. В каждую схватку он шел, словно этот бой — самое главное и самое радостное дело в его жизни, а потом будь что будет.

Сережа теперь уже не думал: «Когда он успел...» Если у человека талант, он может вспыхнуть моментально.

После каждого боя Митя сбрасывал маску и улыбался счастливо, открыто и в то же время так, словно говорил противнику: «Ты уж не обижайся, пожалуйста». Потом он пробирался к маме

под шум и аплодисменты, под крики Данилкиных барабанщиков, которые вскакивали на диван и от восторга лупили друг друга по спине.

Мама, такая же, как и Митя, маленькая, светловолосая, остроносенькая, тихо смеялась, прижимала его к своей вязаной кофточке, скомканным платком вытирала с его лба мелкие горошины пота. Что-то быстро-быстро шептала ему на ухо. Он улыбался и кивал.

Он совсем не стеснялся маминой ласки на глазах у ребят. Может быть, кто-то считал это глупым и усмехался про себя. Но только не Сережа. Он сам, наверно, тоже не стеснялся бы. Он подумал: «А пришла бы сюда моя мама?» И решил, что пришла бы обязательно.

И отец мог бы прийти, но он опять был в командировке. Хорошо, что хоть Наташка была рядом.

Она тоже следила за Митей.

— Вы очень похоже сражаетесь,— сказала она.

— Ну что ты! — искренне возразил Сережа. — Он ведет бой совсем раскованно, будто танцует.

— А это хорошо или плохо?

— Это здорово,— ответил Сережа. Но тут его кольнула тревога за Митю. Вернее, она появилась раньше, но он не понимал почему. А сейчас понял. И встревоженно сказал: — Но так нельзя, наверно. Он выматывается весь в каждом бою. Он устанет и не дотянет до конца.

— Ну так что же,— рассудительно заметила Наташа. — Это даже неплохо. У тебя с ним последний бой. Легче его победишь.

«И верно!» — спохватился Сережа. До сих пор он просто радовался за Митю и не думал о нем как о будущем противнике.

Митька между тем выиграл бой у Мосина.

Вызвали Сережу и Алешу Смирнякова — капитана группы номер четыре. Это был веселый парнишка с горячими зелеными глазами.

Сережа, насмотревшись на Митю, заразился его ритмом. Он мог бы, наверно, покончить с противником быстро, но теперь он думал не только о победе — его увлекла сама схватка.

Вот это был бой!

Смирняков хоть и был послабее, но совсем не собирался проигрывать. Он два раза принуждал Сережу отступить до конца дорожки. Тот мог бы ответить прямой, короткой контратакой,

потому что Алешка в азарте открывал грудь, но... пусть. Пусть звенят и посвистывают клинки: дзан, дзанн, дзиу-у!.. Пусть мышцы поют как струны! И вспыхивают в мыслях молниеносные головоломки приемов!

Удар, защита, выпад! Шаг назад (ну иди, иди поближе), атака, захват! Ах, черт, ушел... Ну, на это ты меня не поймаешь: открыл левый бок и думаешь, я — на приманку, а ты — в сторону и в атаку справа? А я — удар по клинку и укол вверх, под маску. Ага!

И Сережа, и Алеша с досадой опускали клинки и поднимали маски, когда Олег останавливал бой.

Олег переговаривался с боковыми судьями:

— Был укол?.. Был?.. Не был?.. Не действительный? Не считать!

Не считать так не считать! К бою!

И опять, уже без долгих разведок, без выжидания: дзан-дзах, дзиу!..

Вот она, мушкетерская песня огневой честной схватки!

Кто ты, Алешка Смирняков? Я тебя почти не знаю. Ты в другой группе, в другой школе. Но я вижу: ты благороден и смел. Мы сейчас сошлись друг против друга, но мы, если надо, станем плечом к плечу с клинками в руках... И где-то совсем недалеко вскидывают нетерпеливые головы и рвутся у коновязи наши золотистые кони...

Что же случилось? То ли Сережа увлекся, то ли Алешка набрал силу в бою, но вдруг оказалось, что счет четыре — четыре.

И теперь Сережа не был уверен в победе. Проиграешь очко — проиграешь бой. Черные квадратики таблицы — как ступеньки, по которым покатишься вниз.

Но азарт боя продолжал звенеть в нем. И Сережа сделал то, что никогда не позволил бы себе в первых встречах. Как в давней схватке с Олегом, он пошел на отчаянный риск: после ложной атаки в отчаянно длинном выпаде упал на левую руку!

Этот почти театральный прием опять удался ему...

Сережа пожал Смирнякову руку, повернулся... и увидел у двери, на уголке чужого стула, Генку Кузнечика. Генка улыбался и показывал большой палец: молодец!

Сережа подбежал и потащил его в угол к Наташе.

— Вот! Это Наташка... Это Генка. Ух, ну хорошо, что пришел. Кончилась тренировка?

— Не-а... Мне здорово клюшкой врезали. Я захромал, и меня отпустили. А ты еще не чемпион?

— Что ты! Тут еще такая заваруха будет!

Наташа объяснила Кузнечнику:

— Видишь вон того беленького в черном костюме? У них с Сережкой главный бой, самый последний в таблице.

— Ага,— сказал Генка. Но смотрел не на «беленького в черном», а на Наташу. И рассеянно улыбался.

А Сережа, по правде говоря, чувствовал себя почти чемпионом.

Он не боялся встречи с Митей. Он знал, что все-таки сильнее. Правда, когда он выиграет бой, то у него, и у Мити, и у Огонькова будет по пять побед и по одному поражению. И между тремя претендентами начнутся дополнительные бои. Но ни за что на свете Сережа больше не проиграет Володе Огонькову! А Мите Кольцову — тем более. Митька — молодец, но он устал...

Митя и правда устал. Он сам еще, наверно, не замечал своей усталости. Но Сережа заметил ее, как только начался бой. Он в первые же секунды нанес Кольцову прямой четкий укол, и тот не успел взять защиту. Вернее, даже не попытался.

Все притихли. И непонятно, кто за кого болел. Многие — за Митю: он до сих пор так стремительно и весело шел к победе. Многие — за Сережу: уж он-то имел полное право на первое место.

Если Кольцов выиграет сейчас, он получит жетон чемпиона. А Сережа займет лишь третье место, потому что на второе в любом случае выйдет Огоньков. По очкам.

Но Кольцов не выиграет.

Сережа снова пошел в атаку. Митя четко взял защиту и сделал ответный выпад. И еще!

Нет, зевать, оказывается, нельзя!

Но все равно Митька уже не опасен. Он бережет силы. Выжидает, атакует не часто. Можно передохнуть на миг, бросить взгляд на зрителей. Вон Генка и Наташа, устроившись на одном стуле, неотрывно следят за Сережей. Вон Митина мама все комкает и комкает в кулаке платочек. Волнуется больше Мити. Еще бы! А его мама разве не волновалась бы? Наверно, тоже сидела бы неподвижно и повторяла бы про себя: «Ну, давай, Серенький. Ну, держись».

Я, видишь, держусь. Теперь уже нетрудно, все опасности

позади. Впереди только победа. Ее несложно отвоевать у вымотанного Митьки...

Разве я виноват, что он так обессилел?

Ну да, я понимаю, что невелика честь — победить уставшего противника. Но что здесь нечестного? Ведь он сам устал в боях, а в спорте побеждает сильнейший... (Дзах, дзах, дзиу! Ух ты черт! Уже три — два. Он еще держится, он еще жмет из последних сил. Он даже не понимает, что все равно проиграл.) Нет, я не виноват. У каждого своя сила и свое умение. Ведь это спорт. Не только спорт?

Да, я помню, что говорил д'Артаньян. Не тот молодой и отчаянный, из «Трех мушкетеров», а старый, поседевший в боях д'Артаньян из длинного и печального романа «Виконт де Бражелон». Он говорил, что не в умении владеть шпагой заключается доблесть и честь человека. Она в самом человеке... Но разве я дерусь против совести? Разве Мите Кольцову, который на два месяца позже меня пришел в «Эспаду», мало третьего места? Это же все равно и слава, и почет, и диплом... Да, диплом, конечно, не понесешь в класс, не будешь хвалиться. Другое дело — маленький золотистый жетон на школьной курточке: «Чемпион «Эспады». Он сам говорит за себя. Говорит всем, кто не верил и раздражался, кто усмехался, глядя на тихого щуплого пацана.

Но разве это будет честно, если Митька не по правде выиграет последний бой?

Но почему не по правде? Ведь он бьется до конца, из последних сил. А перевес в одно очко разве не может быть просто случайностью?

(Ж-жах! Выпад, второй! Что он делает?! Идет уже напролом! Ведь стоит Сереже ответить поточнее — и все.)

Но он еще держится, Митька Кольцов. Он все еще верит в себя. И тут даже не надо поддаваться. Просто немного расслабиться. Ведь и он, Сережа Каховский, имеет право устать...

Мама прижала Митю к себе, обхватив за плечи. И он полминуты стоял неподвижно, уткнувшись ей в плечо. Только острые лопатки ходили от дыхания под промокнутой футболкой. Данилкина компания прыгала вокруг и радостно хлопала по спине победителя, иногда попадая по руке матери...

Потом, уже переодевшись в форму, финалисты построились, и Олег вручил дипломы. А Мите приколот жетон.

Потом опять все смешалось.

Зрители и участники расходились: впереди была еще половина выходного дня. Солнечный, синий от безоблачности и осеннего холода, он бил в окна и звал на улицу.

Сережа тряхнул плечами, прогоняя усталость, улыбнулся.

— Ты не расстроился? — участливо спросила Наташа.

— Третье место — это ведь тоже хорошо, — сказал Генка.

— Все хорошо, — сказал Сережа. — Знаете что? Пойдем сейчас ко мне? Я вам покажу, какую башню отгрохал на своем замке. А потом что-нибудь придумаем.

Олег прошел мимо, на ходу попросил:

— Сергей, останься, если можешь. Надо порядок навести, оружие убрать.

Наташа и Генка сказали, что подождут.

Вокруг Мити и его мамы все еще толпились друзья.

— Олег Петрович! Сережа! — позвала она. — Знаете что? Приходите сегодня к нам! Вот и Данилка, и все ребята придут. Сделаем маленький праздник. Будем чай пить, я пирожков нажарю. Придете?

— Вообще-то мне контрольную надо готовить, — сказал Олег. Посмотрел на Митю, который оглядывал всех со счастливым ожиданием, и вздохнул: — Но, с другой стороны, пирожки...

— А с чем пирожки? — поинтересовался Данилка, и Сережа слегка щелкнул его по макушке.

— С вареньем... А ты, Сережа, придешь? — Она улыбнулась. — Ты ведь первый учитель.

— Приходи, — негромко, одними губами попросил Митя.

«Если откажусь, получится, что обиделся за проигрыш», — подумал Сережа. Но не это было главное. Главное, что ему самому хотелось пойти. Но как же Наташа и Кузнечик?

— Извините, я не могу, — сказал Сережа. — Меня ребята ждут.

— А ты с ребятами приходи, — настаивала Митина мама.

Сережа подошел к Наташе и Генке.

— Пойдем?

Наташка почему-то опустила ресницы и тихо сказала:

— Я бы пошла. Что такого...

— Я — как вы, — быстро сказал Кузнечик.

Митина мама заторопилась:

— Приходите в шесть часов... Митенька, ты иди домой, приготовь пока все для чая, а я зайду в магазин.

— Пусть он с нами в кино идет,— предложил Данилка.— У нас билеты есть на четыре часа. До шести успеем.

Но Митя молча покачал головой. Он не хотел в кино. Наверно, старался не расплескать до вечера свою радость.

Почти все ушли.

Кузнечик и Наташа бродили по залу, разглядывая флаги с гербами. Олег и Сережа укладывали в шкаф маски.

— Зачем?— тихо спросил Олег.

— Что— зачем?— не понял Сережа.

— Только не надо отпираться. Зачем проиграл?

Отпираться в самом деле было глупо. Сережа пожал плечами.

— Пожалел его?— спросил Олег.

Сережа удивленно вскинул глаза.

— Вот еще! Просто... ему нужнее.

Олег помолчал.

— Ну... пусть,— наконец проговорил он.— Я вот про что хочу сказать. Знаешь, что Огоньков от вас уходит? Будет командовать знаменной группой.

— Почему?

— Их класс перевели в первую смену... А тебе, наверно, быть капитаном.

— Почему мне?— искренне удивился Сережа.

— Так ребята говорят. Я уже спрашивал.

— Что я, лучше всех?

— Да нет, все одинаковы,— серьезно сказал Олег.

— Валерик Воронин старше меня.

— Я знаю. Но он прежде всего художник, у него и так работы хватает. И он, кстати, тоже назвал тебя.

— Странно...

Сережа никогда не стремился быть командиром. Конечно, капитан—это здорово. Это золотой угольник на рукаве под нашивкой, это право открывать стеклянный шкаф со знаменем, это участие в советах, где решаются важнейшие дела. Но ведь это еще и отвечать за всю группу. А как это— отвечать? И как командовать? Мосиным, Андрюшкой Гарцем, Ворониными? Почему они должны видеть в нем командира?

— Это ведь не награда. Это— нужно,— сказал Олег.

— Ну, раз нужно... Только...

— Хочешь сказать: только получится ли?

— Нет... Только не говори никому про это... Ну, про последний бой.

Олег выпрямился.

— Никому? Нет, кое-кому я все-таки скажу... Ребята, идите сюда!

Генка и Наташа подошли.

— Я про вас кое-что знаю,— сказал Олег.— Сергей не очень разговорчив, но про вас он говорил. Вы его друзья. И хотя бы вы должны знать: последний бой он проиграл нарочно.

«Сейчас начнут спрашивать—зачем»,—с досадой подумал Сережа. Но Наташа промолчала и только слегка покраснела почему-то. А Кузнечик спокойно сказал:

— Ну, значит, так надо.

— Надо?—переспросил Олег.— Может быть, братцы, не знаю... Сергею видней. Только все-таки обидно, наверно, да, Сережа? Первые соревнования. Сразу была надежда стать чемпионом. Не всегда ведь так повезет...

— А, пускай,—задумчиво произнес Сережа. Ему было сейчас хорошо. И он не боялся сказать о том, что снова вспомнилось:— Мне однажды так повезло, что, наверно, хватит на всю жизнь. Я про это никому не говорил. Только отцу да Наташке...

— Это про всадников?—шепотом спросила она.

— Да... Я, когда еще маленький был, придумал сказку о волшебных всадниках. Будто они приходят на помощь, когда позовешь. А потом, этим летом уже, меня на станции поймали четыре гада. Я из лагеря домой уходил, потому что не хотелось там быть, а они тащили обратно. Насильно. Издеваться начали: «Ну, зови своих всадников!» И они вдруг примчались! Понимаете, настоящие!

Он замолчал, потому что опять слишком уж зазвенел голос и опять, как наяву, он пережил то изумление и счастье, когда в нарастающем громе копыт загудела земля, вспыхнули рыжие гривы и упруго прозвучал голос командира...

— А что за всадники?—нетерпеливо спросил Кузнечик.

Но тут резко открылась дверь, и они увидели Митю.

Он был в разорванной куртке, с кровью на щеке и на губах, а в глазах у него стояли злые слезы.

— Кто?—тихо и гневно спросил Олег.

— Не знаю,—сказал Митя.—Я их раньше не встречал... Их было четверо.

Тыльной стороной ладони он вытер припухшие губы. На руке осталась красная полоса. Митя удивленно посмотрел на нее и негромко, но со злостью продолжал:

— Одного зовут Лысый. Я запомнил.

— Лысый?!—вскинулся Кузнечик.—Он такой, с меня ростом, в вязаной шапке, да? И под глазом фингал?

Митя кивнул.

— Я же этого паразита знаю!—воскликнул Генка.—В нашем дворе живет. Синяк—это я ему вделал за голубя. Они его поймали на помойке, банку привязали к лапам и летать заставляли...

— Стойте. Все потом,—сказал Олег.—Наташа, будь добра... В раздевалке у двери аптечка. Вата, бинт, йод, перекись водорода. Сергей, возьми в умывальнике стеклянную банку, налей теплой воды...

Когда Сережа вернулся с водой, Олег и Кузнечик стаскивали с Мити куртку. Митя осторожно вытягивал из нее руку и морщился.

— Что с рукой?—спросил Олег.

Митя улыбнулся, не разжимая зубов.

— Больно пальцы. Я этому Лысому все-таки один раз стукнул. Костяшками. По зубам... Это когда уже все разбежались и я пошел. А он за мной привязался, все в спину тыкает и шипит: «А ну беги. А ну беги, хуже будет». А потом забежал вперед, ладонь растопырил—и меня за лицо...—Митя брезгливо передернул плечами.—Я не выдержал и как дал!..

— Иди-ка сюда,—сказал Олег. Сел на стул, поставил Митю между колен, обмакнул ватный тампон в теплую воду.—Поверни щеку. Вот так... Ну и что дальше было?

— А дальше они все меня окружили... Вот тогда и разбили губы. А тут взрослые подошли, закричали на них, они сразу кто куда... Вот и все. Я сюда пошел. Если я в таком виде домой приду, мама...

Он замолчал, потому что Олег стал обмывать ему губы.

— Гена!—позвал Олег.—Значит, Лысого ты знаешь?

— Еще бы! И он меня знает. Он меня еще лучше сегодня узнает, это уж точно.

— И меня,— сказал Сережа, чувствуя холодок в груди.— Эх, жалко, никого из наших там рядом не было!

Митя удивленно глянул на Сережу и дернул головой.

— Что, больно?— спросил Олег.

Митя отрицательно промычал.

— А что же ты... Сказать что-то хотел?

— Нет,— прошептал Митя и опустил глаза.

Олег бросил на пол розовую мокрую вату. Нахмурился.

— Постой... Ты сказал... Ты сказал: все разбежались, а я пошел... Ты что же, был не один? Митя!

Митя опустил голову, прикусил больную губу, и по отмытой щеке побежала злая слезинка.

— Кто еще был?— жестко спросил Олег.

Митя глянул исподлобья.

— А потом они скажут, что я предатель...

Олег горько усмехнулся:

— Ты— предатель?

— Ты или те, кто тебя бросили?!— яростно спросил Сережа.

— Они, наверно, не бросили. Они, наверно, думали, что я тоже побежал, только в другую сторону.

— Давай все по порядку,— сказал Митя Олег.

Митя глотнул, словно острый леденец проглотил.

— Я сперва шел один... Потом догнал Мосина, Голованова. И этого... Сенцова. Мы шли разговаривали. А там, у магазина, есть такой закоулок, ящики пустые лежат. Они из-за этих ящиков вышли.

— Эти четверо?

— Да... Я сначала думал, что это просто так, знакомые. Самый большой, вроде Голованова, подошел и говорит: «Денежки есть?»

Митя обвел всех влажными глазами и продолжал:

— Он так спросил, что я опять нисколько не догадался. Думал, что он, наверно, взаймы у наших ребят просит... А Голованов говорит: «Нет». Тогда другие два говорят Мосину: «А у тебя?» Мосин тоже сказал, что нет. Еще сказал: «Откуда? Я их сам не делаю». И Сенцов тоже сказал, что нет. А у меня почему-то не спросили. Я поэтому все и думал, что они между собой знакомые, а со мной и не разговаривают, потому что не знают. Вдруг этот, большой самый, Сенцову говорит: «А ну, расстегнись, покажи». И Мосину с Головановым: «Врете, наверно. Покажите карманы!»

Митя поморщился и пожал плечами.

— Я смотрю, наши ребята куртки расстегнули. А Лысый меня за куртку взял: «Ты, что ли, глухой? Расстегивай!» Я вырвался и говорю: «Ты какое имеешь право меня обыскивать?» Лысый сразу будто удивился, такое лицо сделал глупое. Ну, притворяется, конечно. И говорит главному: «Саня, он трепыхается». Только он сказал не «Саня». Имя какое-то непонятное: Ксаня или Ксыня...

— Гусыня! — вмешался Генка. — Длинная дубина, нос картошкой, и волосы на глаза лезут. Да?

— Да... Только этот Гусыня на меня не посмотрел. Он у ребят ремни увидел. Обрадовался: «Раз денежек нет, возьмем за это ваши ремешочки. Давайте-ка снимайте».

— Они сняли? — спросил Сережа и покраснел так, словно сам отдал ремень.

— Они не сняли. Те сами сняли с них.

— И они отдали? Не сопротивлялись? — тихо спросил Олег. Митя покачал головой и опять отвернулся.

— Не сопротивлялись. Только Мосин сказал: «Чё хватаешь, не твой ведь». Его один раз хлопнули по носу ладошкой и... ну и все.

— А ты? — спросил Олег.

— Гусыня потом на меня посмотрел и спросил у Лысого: «Этот самый трепыхается?» И говорит: «Воспитайте». Лысый и еще один в меня вцепились, начали куртку расстегивать. Я стал вырываться... Но я за ремень не боялся. Он у меня в петлях туго сидит, не вытащить. Я боялся, что значок сорвут. — И Митя посмотрел на свой чемпионский жетон, приколотый к форменной рубашке.

— А диплом где? — спросил Олег.

— Диплом я в руках держал. Они сразу выбили и затоптали. Там грязно у ящиков.

Олег сидел, положив руки на колени. Прямо сидел и спокойно. Только суставы пальцев напряглись и побелели.

— Дальше, — сказал он.

— А дальше Гусыня оглянулся и говорит: «Ладно, некогда нам. Пусть чешут отсюда. А ну бегите! И не оглядывайтесь!» Те побежали, а я вырвался и пошел... Вот тогда Лысый и увязался.

Наташа до сих пор молчала. Вертела в руках Митину куртку. Наконец спросила:

— Олег Петрович, здесь иголка и нитки есть? Зашить надо. Олег словно очнулся:

— Что?.. Да, есть, конечно. В аптечке посмотри.

Наташа принесла иглу и нитки, отошла с курткой к окну, ближе к свету, и оттуда вдруг спросила:

— Их ведь четверо было? И вас тоже. И они даже не больше вас. Как же так? Без драки...

— Я не знаю. Наши какие-то замороженные сделались. Будто кролики перед удавом...— И Митя вдруг заплакал.

Олег быстро встал и взял его за плечи.

— Да что ты, Митька! Ты ведь не был кроликом. Ты сделал все, как надо.

— Обидно,— прошептал Митя.— Даже никто не подумал, что можно драться.

— Но ведь ты-то дрался,— сказал Олег. И улыбнулся:— Признайся: первый раз в жизни, да?

Митя тоже улыбнулся разбитыми губами.

— Нет. Наверно, второй. Я еще в детском саду дрался с одним мальчиком из-за педальной машины. Но мы тогда подрались и помирились. А с этими... Это же враги...

«Враги?— подумал Сережа.— Значит, враги».

Сам он с такими компаниями как-то не сталкивался. В том дворе, где он вырос, ребята были как ребята. Всякие. Сашка Кривицын и Мишка Маслюк иногда курили за сараем. Бывало, что все резались в «чику». В соседний сад лазили за яблочками. Но никому в голову не пришло бы напасть на кого-то, избить, отобрать что-нибудь...

Видел, конечно, Сережа и других. Тех, кто мелкими стайками вьется у гастронома и кино, с сигаретами, опасливо спрятанными в рукав. Постриженных не то чтобы «под битлов», а вроде. В резиновых сапогах с отогнутыми до пят голенищами, будто нет у них нормальной обуви. С ухмылками, то увертливыми, то наглыми. С припухшими от курева глазами.

Один такой, Санька Копылов, учился в Серезином классе. Учился так, с двоечки на троечку. Зевал на уроках, уныло грубил учителям и на все вопросы отвечал одинаково: «А чо я сделал?» Разговаривать с ним было неинтересно, он даже «Тома Сойера» не читал, а любимый герой его, судя по всему, был волк из мультфильма «Ну, погоди!». После уроков этот парень спешил к каким-

то друзьям. Ходили слухи, что дружки эти могут кого хочешь подкараулить и отлупить. Сережа не верил.

Отец не терпел хулиганов. Он говорил: «Это же трусы. Они храбрые с теми, кто перед ними трясется. А как только получают по морде, сразу теряют все нахальство». И Сережа верил ему.

Но сам он ни разу не встречался с ними лицом к лицу. И, по правде говоря, не думал о них как о врагах.

Но вот пришел Митька, и лицо у него в крови. Митька, который никого не трогал и дрался только один раз в детском саду, да и то неизвестно, первый ли начал. За что они его, гады!

Ну ладно, они — это они. Но наши...

Разве так бывает? Только что держали рапиры, был бой, и казалось, что хоть тысяча врагов налетай, никто не страшен! Женька Голованов... Большой такой, сильный, наверно. Где его сила и смелость? Ленька Мосин. Как он подошел тогда: «Не люблю, если кто-нибудь на меня обижается...» Что же он, обидеть боялся этих типов? Трус он, вот и все! И Сенцов... Новенький, еще кандидат, но ведь тоже рапиру держал. И перед знаменем стоял на линейке...

Пусть есть же, черт возьми, такие слова: «Взяв оружие в руки, обещаю, что ни трусостью, ни подлостью, ни изменой не запятнаю свой клинок...» Даром, что ли, это обещание дают те, кто вступает в «Эспаду»?

И Олег, видимо, думал, о том же.

— Финалисты... — сказал он с едкой досадой. — Цвет и надежда клуба... Красивые слова говорим, песни поем о гордости и чести, а перед первой же встречной шпаной готовы... Тьфу!.. Ну вот что: в шесть — совет.

Он повернулся к Мите:

— Извини уж, придется отложить наш праздник. Ты приходи к шести. И вы, ребята, придите. Договорились?

— Мы же не члены клуба, — сказал Генка.

— Ничего. Вы как свидетели приходите. Ты всдь, кстати, знаешь этого Лысого.

— И Гусыню, — сердито сказал Кузнечик.

На улице заспорили. Митя доказывал, что не надо его провожать, ничего больше с ним не случится. А Сережа утверждал, что надо — на всякий случай. Генка слушал, слушал и сказал Мите:

— Ну а если нам хочется? Жалко тебе разве?

И Митя сразу согласился.

Потом Сережа с Генкой проводили Наташу. Тоже на всякий случай.

Когда шли к Сережиному дому, Кузнечик сказал:

— А я сначала думал, что она твоя сестра.

— Наташка? Да что ты! — Я — Каховский, а она — Лесникова. Ты вообще... как с луны упал. Пять лет в соседних классах учились, а ты будто сегодня первый раз увидел ее.

— Ну и что? Я, может, до сегодняшнего дня на девчонок вообще не смотрел... А у брата и сестры иногда бывают разные фамилии.

— Наташка и в самом деле как сестра, — объяснил Сережа. — Мы всю жизнь вместе росли, в одной квартире. Только в разных детских садах были, и как-то получилось, что в разные классы нас записали. Зато дома все время вместе. Даже игрушки были общие.

Генка вздохнул:

— Тогда понятно, что ты ничего не замечаешь.

— Чего не замечаю?

— Какая она красивая, — отважно сказал Кузнечик.

— Да ну тебя! — отмахнулся Сережа. — Ну, пусть красивая... Тут выть хочется, а ты чепуху говоришь. Такой день был сначала хороший, и вдруг все кувырком!

— Он и сейчас хороший, — возразил Генка. — Не может он плохим сделаться из-за того, что нашлись три труса.

— Целых три! Сразу! Как будто самое обычное дело.

— Зато Митька молодец, — сказал Генка.

Это была правда. И этой правдой Сережа слегка утешился.

Совет собрался ровно в шесть. К точности привыкли и ею гордились.

Мосин, Голованов и Сенцов сидели в уголке кают-компаний. Молчаливые, с опаской в глазах. Они не сняли курток.

— Почему не в форме? — спросил капитан первой группы Владик Самойлов. — На совет пришли, а не на рынок.

Из-за совета у Самойлова пропал билет в кино, и он был настроен угрюмо.

— Не трогай их, — попросил Олег. — Формы у них нет. По крайней мере, полной... Все собрались?

Это был не просто вопрос. Это было начало совета.

— Командир барабанщиков здесь! — озорно выкрикнул самый младший — Данилка.

— Капитан первой здесь, — буркнул Владик Самойлов.

— Капитан второй группы здесь!

— Капитан третьей здесь!

— И четвертой тоже, — весело известил Алешка Смирняков.

— Капитан знаменной группы здесь, — сообщил Володя Огоньков. — Это, значит, я. А капитаном пятой будет, значит, он. Группа уже решила.

И Володя указал на Сережу.

— А почему посторонние? — ревниво спросил Данилка, глядя на Кузнечика и Наташу.

— Это не посторонние, а мои друзья, — сказал Сережа. — По целу пришли, а не к тебе, Даниле, в гости.

— У всех друзья. Ну и что? — придрался Данилка. — А ты и сам еще не член совета. Мы еще за тебя не голосовали.

— Данила! — сказал Олег. — Вот я терплю, терплю, а потом возьму и выдеру!

— Когда? — жизнерадостно поинтересовался Данилка.

— Боюсь, что скоро.

— Не-а...

Сели у круглого скрипучего стола.

Олег спросил, не возражает ли кто-нибудь против нового члена совета — Сергея Каховского. Никто не возражал. Сережа украдкой показал Данилке язык.

Беда, случившаяся днем, словно отодвинулась. Все было просто и спокойно. Даже Митя, сидевший рядом с Данилкой, слегка улыбался.

Но вот поднялся Олег. Уперся ладонями в стол, и тот закрипел, застонал.

— Внеочередной совет, — сказал Олег. — Я понимаю: воскресенье, всем хочется отдохнуть. У Самойлова билет полетел. А что делать? Случилось такое, что ни ждать, ни молчать нельзя... Вот Кольцов мог бы лучше меня рассказать, но ему трудно: губа разбита. Они шли вчетвером: Кольцов, Голованов, Мосин, и Сенцов. Их остановили четыре хулигана. Не старше этих. Но нахальнее, это точно. Потребовали деньги, обыскали. Потом велели отдать ремни. Трое отдали: Голованов, Мосин, Сенцов.

Он повернулся к тем троим, сидевшим в углу.

— Это так?

Они медленно поднялись.

— Так? — повторил Олег.

Они молчали.

Сереже неловко было на них смотреть. Он стал смотреть на ребят за столом. Данилка тревожным шепотом допытывался у Мити:

— Почему ничего не сказал? Ну почему? Это хорошо, да?

Олег очень сдержанно спросил еще раз:

— Это так было?

Голованов хрипло сказал:

— Так...

— Вообще-то не совсем так, — вежливо сказал Сенцов. — Мы не отдавали ремни. Они их взяли сами.

Сережа пересилил себя и посмотрел на него. Сенцов был аккуратный, причесанный, спокойный.

— Они взяли, — повторил Олег. — А вы стояли опустив руки. Так?

— А что было делать? — спросил Сенцов. — Приятно, думаете, по морде получать? Из-за ремня, который стоит рубль пятьдесят в военторге. Если посчитать, то невыгодно.

— Рубль пятьдесят?! — крикнул Алешка Смирняков. — А сколько твоя совесть стоит?

— Я совесть не отдавал. Только ремень, — объяснил Сенцов.

— Гнать, — спокойно сказал капитан второй группы Гена Корнеев.

А его друг, маленький курчавый Валерка Давыдов, тоже спокойно подтвердил:

— Гнать. Чего тут разговаривать! Если бы даже простые ремни были, все равно гнать за трусость. А ремни форменные. Значит, они еще и форму опозорили.

Олег обратился к Голованову.

— Ты тоже так думаешь: рубль пятьдесят — и все? Ты ведь на пряжках у этих ремней сам шпаги выцарапывал...

— Я и на других сделаю, долго, что ли? — огрызнулся Женька.

— Лишь бы в морду не получить? — насмешливо спросил Смирняков. — Я тоже за то, чтобы выгнать. Только у меня еще вопрос: почему они думают, что обязательно заработали бы по морде? Там же их четверо на четверо было.

Женька Голованов сердито хмыкнул:

— Четверо... От Кольцова какой толк?

И тут вмешалась Наташа:

— Как это какой толк? Ведь он-то как раз и дрался!

Женька опять хмыкнул:

— Дрался... Он драться-то совсем не может.

— А ты можешь? — тихо сказал Митя.

— Когда надо, могу...

И тогда взлетел яростный голос Данилки:

— А ты, скотина, думаешь, что сегодня было не надо?!

— Тише, Вострецов, — сказал Олег. И повернулся к Мосину: —

А ты, Леонид, что скажешь?

Он хмуро ответил:

— Чё я скажу? Ничего.

— От тебя я трусости никак не ожидал, — горько сказал Олег.

— А я их и не боюсь, этих-то...

За столом засмеялись.

Мосин кинул сердитый взгляд.

— Ну чё... Смеяться легко. А на них если будешь выступать, соберут шару, подкараулят потом десять на одного...

— Что соберут? — не понял Олег.

— Шару... Ну, компанию, значит.

Неожиданно вмешался Генка:

— Я этого Лысого лупил, лупил... Никто не собирает, никто меня не трогает.

Мосин усмехнулся одной стороной рта.

— Тебя — конечно. У тебя брат — боксер да самбист, все знают.

— Я за брата не прячусь, — сказал Генка.

— Ну, не за брата, так вон за его волкодава. — Ленька подбородком показал на Сережу. — Про его пса тоже все знают. С ним свяжись...

Наташа шепнула Сереже:

— Какой у тебя Нок знаменитый!

Сережа не ответил.

Он вдруг представил себя на месте Мосина. Или Голованова, или Сенцова. Будто он сам стоит перед советом и должен отвечать за свою трусость. Отвечать хрипло и мучительно, давясь от стыда.

Хотя Сенцову как будто и не стыдно даже. Он думает, наверно, что сделал все как надо.

Но Сергей-то не смог бы так думать!

А смог бы он, Сережка, оказаться на их месте? Вдруг тоже струсил бы? Он ведь никогда в жизни еще не стоял перед такими врагами, как Гусыня и его компания. Правда, на станции Роса его тоже схватили четверо, но там было другое. Они все равно не посмели бы его избить, только дурак Пудра махался крапивой. Гусыня, конечно, страшнее.

Но тогда Сережа представил другое: как он под угрожающими взглядами хулиганов стоит опустив руки, а они стягивают с него ремень. Лишь бы не били?..

Да нет, не могло быть такого. Даже если бы он оказался один против шайки. А ведь этих было четверо против четверых!

Да и что там говорить! Ведь самый маленький, Митька, выстоял!

Да, но самый большой, Голованов, струсил. Значит, не в росте и не в силе дело? Но тогда, значит, и он, Сережка, мог бы струсить, хоть он и больше Кольцова?..

Эти мысли так закрутили ему голову, что он прослушал почти все слова Олега. Только самый конец услышал:

— ...Конечно, четыре месяца не четыре года, но и за этот срок можно было чему-то научиться. Научиться понимать, что такое товарищи по оружию, что такое честь, гордость за флаг, смелость... Черт возьми, да разве этому учатся специально? Всякий нормальный человек знает это всегда!.. Ну скажите, неужели вы до сих пор не понимаете, что поступили по-свински?

Наступила недолгая тишина, потом Голованов сумрачно сказал:

— Понимаем...

— Понимаем,— глядя в сторону, повторил Мосин.

— А ты, Сенцов?

Сенцов шевельнул бровями и неохотно произнес:

— Возможно...

— Возможно? — переспросил Олег. — Хорошо. У меня предложение совету. Не надо их отчислять. До среды, до линейки. Пусть вернут себе ремни. Как угодно! Слышите вы? Как угодно! Идите к этим гусыням домой или караульте на улице, требуйте или деритесь, дело ваше. Не хотите драться, идите к директору школы, пусть школа берет их за шиворот. Не из вашей школы? Идите в их школу. Или в милицию... Мне, конечно, ничего не стоит пойти сейчас к этим типам, взять их за жабры, вернуть ремни. Ничего не стоит сделать так, чтобы завтра они сами при-

тащили ремни в клуб и просили прощения. Но не мое это дело и не дело совета. Вы отдали ремни, вы должны их вернуть. У вас три дня. Придете в среду на линейку в ремнях, будем считать, что делу конец. Но не советую являться без ремней. Ясно? Совет согласен? Всё. Можете идти.

На линейку они пришли с ремнями.

До сигнала оставалось три минуты. Кузнечик пришел с Сережей. Сам попросился. Сережа спросил у Олега:

— Можно, он посмотрит линейку?

— Угу,— рассеянно отозвался Олег. Он был озабочен.

Барабанщики, блестя аксельбантами, уже выстроились вдоль окон. Палочки, как кинжалы, торчали у них за белыми ремнями. Данилка был серьезен и строг.

Сейчас переливчато проиграет горнист, и барабанщики ударят сигнал «марш-атака»: р-рах, р-рах, р-рах-рах-рах! Под этот сигнал вдоль разрисованных стен маленького спортзала встанут шеренги «Эспады». Потом дежурный барабанщик прошагает к двери, развернется и поведет за собой на правый фланг знаменную группу: знаменосца и двух ассистентов.

Капитан знаменной группы Володя Огоньков проверял, не помялись ли на ребятах красные с золотой каймой ленты, почищены ли ассистентские клинки. Олег подошел к Огонькову и что-то тихо сказал. Потом подозвал дежурного командира линейки Алешу Смирнякова.

Через полминуты Смирняков отдал команду:

— Построение по группам! Без знамени! Знаменосцы, горнист и барабанщики — в общий строй!

Сразу же стих шум, а потом ребята загудели негромко и удивленно: такого еще не бывало.

Группы встали вдоль стен буквой «П». Только Генка Кузнечик устроился в глубоком проеме окна.

Олег вышел на середину. Опять стало тихо.

— Первая группа готова,— сказал Владик Самойлов.

— Вторая готова!

— Третья...

Олег махнул рукой:

— Не надо... Голованов, Мосин, Сенцов, выйдите из строя.

Они сделали шаг вперед. И сразу опустили головы. При ярком свете ламп желтым огнем горели новые пряжки их ремней.

— Где взяли ремни? — спросил Олег.

Они молчали.

Сережа увидел, как у Олега потемнело лицо, острыми стали широкие скулы и презрительно сощурились глаза. Казалось, что Олег крикнет сейчас что-то беспощадное. Но он сунул кулаки в карманы брюк и пошевелил плечами, словно стала тесной серая форменная рубашка. Потом повторил устало и медленно:

— Скажите все-таки, где вы взяли ремни?

Мосин тихо сказал:

— В военторге.

— По рубль пятьдесят, — сказал Олег. — Понятно. Хотели обмануть?

— Не хотели мы... — пробормотал Голованов.

Сенцов поднял голову и, глядя вверх строя, сказал:

— Мы не собирались обманывать. Просто купили. Не все ли равно, какие у нас ремни?

В строю зашумели.

— Историю с ремнями знают все? — спросил Олег.

Зашумели сильнее. Знали все.

— Давайте сядем, — вдруг предложил Олег. — Не до линейки сейчас. Усаживайтесь кто где может.

Строй рассыпался. Сели на длинную скамью у стены, на подоконники. Кое-кто прямо на пол.

Голованов, Мосин и Сенцов не садились. Только отошли к стене. Олег прислонился к простенку между окнами. Оглядел ребят. Опять стало тихо.

— Значит, вам все равно, какие ремни? Так, Сенцов? — спросил Олег. — Ну, допустим. А если Гусынина компания у вас и эти ремни потребует? Опять будете новые покупать?

Голованов сердито сказал:

— Не потребуют они, им больше не надо. Они сами говорили.

— Какое великодушие! — раздался звонкий издевательский голос. Это Генка крикнул с подоконника. — Вы им спасибо сказали?

По залу пробежал смех.

Олег спросил:

— Вы пытались вернуть свои ремни?

Они молчали.

Тихо, но уже четко и с напряжением Олег повторил:

— Вы хоть что-нибудь сделали, чтобы вернуть свои ремни?

И они опять молчали, глядя в пол.

— Олег, да пусть идут,—в резкой тишине вдруг сказал Андрюшка Гарц.—Все равно только мучаются стоят.

Он, всегда готовый помочь кому угодно, решил, наверно, выручить и этих. Последний раз.

— Идите,—негромко сказал Олег.—Решение совета вы знаете... Одно мы можем для вас сделать: не снимать нашивки перед строем. В кают-компании есть ножницы. Срежьте нашивки и оставьте их на столе. А потом... можете быть свободны.

Они стояли неподвижно, и стало совсем тихо.

— Идите,—повторил Олег.

Мосин заплакал. Сенцов повернулся и, глядя поверх голов, пошел к двери. Голованов и Мосин пошли за ним. Барабанщики на полу у дверей раздвинулись, давая им дорогу.

— Все...—проговорил Олег.—Знаете что, ребята? Давайте не будем сегодня проводить линейку. Тошно что-то...

Группы разошлись. Только Сережа и Кузнечик остались. Всегда Сереже нравилось оставаться в опустевшем клубе, не спеша заканчивать какие-нибудь дела, разговаривать с Олегом о прошедшем дне.

Но сегодня все было не так. Тишина в комнате была тяжелая, как память о недавнем случае.

Сережа сказал Олегу:

— Все-таки зря не стали проводить линейку.

— Да, наверно,—согласился Олег.—Но понимаешь... я не могу. Это было бы как пляска на похоронах.

— А эти трое ушли и ничего не сказали,—печально произнес Генка.

Олег пожал плечами.

— Что они могли сказать? Попросить, чтобы не исключали? Тогда пришлось бы отвоевывать ремни. А они не могут, боятся. Понимаете, и сейчас боятся.

— Сенцов, по-моему, не так уж боится,—возразил Кузнечик.—Он просто думает, что невыгодно драться. Личико могут попортить.

— Это ж все равно из-за страха,—сказал Олег.—Гиблое дело такой страх. Тряпку делает из человека. И самое скверное, что не только эти трое боятся. Я сейчас за ребятами наблюдал. Кое-кто на них с сочувствием глядел... Ну нет, не с сочувствием, а с пониманием, что ли. Потому что знают про себя: тоже трусили бы.

— Да нет же, Олег! — почти с отчаянием заспорил Сережа. — Таких больше нету!

— Есть, Сереженька, — грустно сказал Олег.

Он сел на диван и откинулся к спинке.

— Трудно, братцы... Хочется, чтобы все ребята были во! — Олег сжал пальцы. — Как один кулак. Один коллектив. Чтобы каждый за всех болел... В Артеке мы за месяц такие отряды делали, что до сих пор, как вспомнишь, петь хочется. А здесь что... Клуб, а не отряд. Разные школы. Разные смены. Разные группы. Каждая группа сама по себе живет...

Сережа сел рядом.

— Олег, — осторожно сказал он, — ну давайте делать отряд. Разве так уж страшно, что разные школы и смены?

Олег задумчиво посмотрел на Сережу. Потом на Кузнечика, который сидел на подоконнике и рассеянно вертел рапиру. Вертел, а глядел не на нее, а на Олега.

Глаза у Олега повеселели.

— Хорошо, капитан Каховский, — сказал он. — Постараемся. Не все же только Артек вспоминать.

— А почему ты уехал из Артека? — спросил Сережа. И сразу испугался: вдруг там случилось что-нибудь такое, о чем Олегу плохо вспоминать!

Но Олег ответил охотно:

— Трудно... Я не про работу. Трудно все время расставаться. Месяц или два пройдет — и нет твоего отряда, разъехались пацаны. И главное, что знаешь: это навсегда. Несколько дней ходишь и света не видишь. Кажется, что никогда таких ребят уже не будет. В новой смене все какие-то чужие. И будто в тысячу раз хуже тех... А потом все снова... Ну, это едва ли можно понять, если сам не испытал.

— Нет, я могу, — серьезно сказал Сережа. — Мне про это говорил уже один вожатый. Капитан катера «Азимут».

— Вот даже эти трое, — продолжал Олег. — Ушли, а на душе кошки скребут. Вспомнишь, как с Мосиным с плотов ныряли...

— Я помню, — согласился Сережа. — Но я не понимаю... Ну почему они так?! Даже ни капельки не сопротивлялись. Ну, если бы одного четверо прижали, тогда еще понятно. Да и то...

— Да и то, — сказал Олег. И резко встал. — В конце концов, они же фехтовальщики. Там у ящиков рейки и палки валяются. Фехтовальщик с палкой в руке может целую шайку разогнать. Одному

по зубам, другому по колену, третьему по руке! Может, зря я вам это не показывал...

— Что?

— А вот что...

Олег снял с полки пачку свечей, которые зажигали иногда по вечерам на клубных «огоньках», чтобы рассказывать при мерцающем свете таинственные истории.

— Зажгите семь штук,— попросил Олег.— И поставьте в разных местах, где хотите. Только не вплотную к стенам.

Через минуту свечи горели на подоконнике, на полке, на столе, стульях и диване.

Олег взял у Кузнечика рапиру и дал Сереже секундомер.

— Отойдите к двери. Теперь слушай, Сергей. Нажмешь кнопку и скажешь: «Марш!» Потом я крикну: «Все!»— и ты останови секундомер.

— Ясно,— сказал Сережа, хотя было не очень ясно...— Можно?

— Давай.

— Марш!

Короткий свистящий смерч прошел по комнате. Сережа услышал команду «Все!» и машинально нажал кнопку.

Четыре свечи стояли на местах, но погасли. Срезанные фитильки лежали, догорая, на столе и на полу. Один горел на кончике рапиры. Две свечи лежали, перебитые пополам. Одной не было совсем. Олег, недовольно пыхтя, полез под диван и выкатил ее оттуда.

— Сколько?— спросил он у Сережи.

— Одна и восемь десятых.

— Так себе,— сказал Олег.— Не точно и не очень быстро. Но все-таки...

— Ничего себе «не очень быстро»!— искренне удивился Сережа.— Как вихрь! Научишь?

Олег улыбнулся.

— Если будешь хорошо себя вести.

Подошел Кузнечик:

— Олег Петрович... А если я не уйду из хоккея, можно мне все равно к вам? Я смогу.

— Надумал?— обрадовался Олег.— Вот хорошо.

Потом он спросил у Сережи:

— А Наташа?

Сережа удивился:

— Наташа? Она и не собиралась. Да и как она здесь будет, одна девочка на весь клуб?

— Она была бы просто первая. Пришли бы за ней и другие.

— Не знаю,— сказал Сережа.— Вот если бы у нас были малыши... Она любит с маленькими возиться. С трех лет в учительницу играет.

Кузнечик со вздохом сказал:

— Жаль, что я уже не малыш.

И впервые за вечер все рассмеялись.

7

Приближался праздник Октября и осенние каникулы. В младших классах уже шли утренники и сборы. Все готовились к торжественной линейке. В пятницу школа расцвела, как летом. Это октябрю пришли в своей праздничной форме: светло-коричневой, зеленой, голубой и даже оранжевой. В серой толпе старшеклассников будто взорвались гроздья веселого салюта.

Больше всего октябрят было в голубом. Коридор на втором этаже каждую перемену словно заливала морская волна. После звонка голубые с белыми проблесками потоки выхлестывали из классов и шумным прибоем докатывались до дверей шестого «А».

Кончился четвертый урок — география. Татьяна Михайловна отпустила ребят пораньше, и звонок грянул, когда Сережа был уже в коридоре. Первой распахнулась дверь третьего «Б». Очень загорелый, но светловолосый мальчишка выскочил из класса и помчался вдоль коридора. Набрав скорость, он проехал на подощах по паркету, затормозил, нагнул и стал подтягивать парадные белые гольфы.

В этот миг сзади налетела толпа одноклассников. Мальчишку сбили, и тут же на полу взгромоздилась куча мала. Радостно орущий голубой ком, из которого во все стороны торчали дрыгающиеся тощие ноги.

В конце коридора показался директор. Высокий, похожий на циркуль, он шагал широко и медленно. Резвая малышня притихла и почтительно расступалась. Только веселая куча самозабвенно вопила, не чуя опасности.

Директор подошел и остановился, возвышаясь над свалкой. Сережа с любопытством ждал, что будет. Директор снял очки

и почесал ими кончик носа. Потом близоруко взглянул на Сережу. Глаза его без очков были непонятные.

— У меня к тебе большая просьба,— сказал он серьезно.— Постарайся, чтобы эти гвардейцы обошлись без синяков и вывихов.

Он чуть заметно усмехнулся, утвердил на носу очки и прошагал дальше.

— Хорошо,— сказал вслед ему Сережа.

Он сдернул с чьей-то ноги мягкую спортивную тапочку и слегка хлопнул ею по чьей-то спине.

— Эй, вы, пираты! А ну кончайте!

Взъерошенный хозяин тапочки кормой вперед выбрался из схватки и дерзко уставился на Сережу:

— А ты кто? Дежурный?

— Хуже. Я уполномоченный директора,— сказал Сережа.

Услышав о директоре, третьеклассники быстренько расцепились и стали подниматься с пола. Последним поднялся загорелый мальчишка. Он деловито одернул голубой жилетик, отряхнул белые рукава рубашки и весело сказал:

— Во психи! Чуть меня по паркету не размазали.

И поднял лицо.

— Димка! — изумленно сказал Сережа.

— Ой... это ты,— медленно проговорил мальчишка, и его зеленые глаза стали лучистыми.

— Где ты пропадал? — спросил Сережа.— Я думал, ты в другую школу перешел.

— Не-е-е... У мамы с папой отпуск был два месяца. Мы в Анапе жили, я там учился. Ух, там до сих пор лето!..

— Ты мое письмо получил тогда в лагере? — спросил Сережа.

— Ага! А ты мое?

— Нет. Димка, а ты писал?

Он серьезно кивнул.

— Я писал. Я про все писал. Тебя там потом на линейках ругали. Несколько раз. За то, что ушел из лагеря. А я наших ребят подговорил, и мы как закричим на линейке: «Неправда, неправда!» — Он улыбнулся и весело тряхнул разлохмаченной головой.— А нам за это все равно ничего не было!

— Спасибо, Димка,— задумчиво сказал Сережа.— Обидно, что письмо не дошло...

— Ну ничего,— утешил Димка.— Вот...

Он полез в кармашек, что-то достал и сунул Сереже в ладонь, а

ладонь закрыл. Оглядел столпившихся одноклассников и сказал:

— Все. Последний.

Потом объяснил:

— Я их десять штук привез из Анапы. Уже все раздарил, а они за мной гоняются и гоняются, выпрашивают... Ну, мы побежали, у нас репетиция сейчас.

Они ускакали. Сережа, улыбаясь, разжал пальцы. На ладони лежал маленький синий краб из блестящей пластмассы. С красными капельками-глазами. С булавкой на обратной стороне, чтобы прикалывать к одежде. Славный такой крабий малыш.

Сережа сразу понял, что с ним сделает. Он не будет его таскать на куртке. Он приклеит краба над воротами своего пенопластового замка, который уже почти готов. Пусть хозяин замка называется Рыцарь Синего Краба. А что? Неплохо.

Здорово, что встретился хороший человек Димка!

Поднимаясь на третий этаж, Сережа размышлял о Димке, о лагере. Вспомнил костры и песню про горниста. Про всадников. И вдруг подумал: почему ни разу не сказал про эту песню Кузнечик? Может быть, он ее знает? А если не знает, можно его научить. Ну, петь Сережа толком не умеет, но слова-то он помнит и насвистеть мелодию сможет.

Генку ребята уговаривают выступить на вечере. У шестиклассников будет первый в жизни вечер, все готовятся. Генка пока отбрыкивается, но, наверно, согласится. Вот бы спел эту песню!

Сережа вернулся в класс и узнал, что расписание «полетело кувырком». Из-за разных мероприятий уроков сегодня больше не будет. Ну и прекрасно!

— А где Кузнечик?

Оказалось, что Генка ушел к «вэшникам» — ребятам из шестого «В». Выступать на вечере он уже согласился, а теперь помогает готовить какой-то номер соседнему классу. В порядке обмена опытом.

«Балда, нашел время влюбляться», — добродушно подумал Сережа.

В шестом «В» училась Наташа.

То, что Наташа ему «нравится больше всех на свете», Кузнечик признался Сереже еще неделю назад, сразу и честно. При этом он краснел, кусал губу, но не опустил глаза.

— Ну... хорошо, — растерянно проговорил Сережа. — Что же теперь делать... Я-то при чем?

— А ты... не обижаешься?

Сережа великодушно улыбнулся:

— Да чего уж там...

Наташка была как сестра. А братья не обижаются на тех, кто влюбляется в сестер.

В самом хорошем настроении Сережа пустился отыскивать классную комнату, где устроились «вэшники».

Но не всем было весело.

У дверей второго «А» стоял и плакал Стасик Грачев.

Сережа знал, что Стасик может плакать просто так, по пустякам. Или чтобы не попало. Или чтобы пожалели. Но так он плакал в окружении людей, громко, напоказ. А сейчас он был один в опустевшем коридоре. И Сережу, который свернул сюда от лестницы, он не заметил. Стасик стоял, прижавшись плечом и головой к дверному косяку, молча вздрагивал и ронял крупные слезы. Он был совсем несчастный. И одет он был не в праздничную форму, а в обычный серый костюм.

Сережа подошел.

— Ну что с тобой опять? Стаська!

Тот поднял мокрое лицо. Потом, не сказав ни слова, взял Сережу за рукав и завел в класс. Указал на стену.

Там, против окон, блестели стеклами две витрины. Два небольших плоских шкафа, в которых выставляют спортивные трофеи, наглядные пособия, коллекции и книжные новинки. Эти витрины Сережа и раньше видел в Стаськином классе. Там располагались разные коробочки, корзинки и пластилиновые фигурки, которые ребята мастерили на уроках труда.

Но сейчас все было убрано, а за стеклами стояли развернутые дневники. К левой витрине сверху была приколота полоса ватманской бумаги, и на ней красной тушью написаны слова:

МЫ ИМИ ГОРДИМСЯ

Дневники за стеклами пестрели пятерками.

Но Стасик показывал на правую витрину. На ней, на такой же бумажной ленте, были черные слова:

ОНИ НАС ТЯНУТ НАЗАД

Дневников там было всего четыре, не то что в левой.

— Ясно,— мрачно сказал Сережа.— А который твой?

Стасик ткнул в левый верхний.

Страницы дневника были украшены тремя двойками и недельным «неудом» за поведение. Но прежде всего бросалась в глаза размашистая красная запись: «Из-за своей неорганизованности едва не сорвал выступление класса перед шефами!» Восклицательный знак был высотой со спичку. Стасик сел за парту, положил голову и заплакал уже в голос.

— Да уймись ты! — с досадой сказал Сережа. — Ну плюнь ты на это дело. Пускай он здесь стоит, жалко, что ли?

Как ни странно, Стасик всхлипнул и почти перестал плакать. Поднял голову и с какой-то взрослой сумрачностью сказал:

— Хорошо говорить «пускай». Отец знаешь как налупит...

— Тебя?! — воскликнул Сережа. И чуть не добавил: «Такого цыпленка!»

— Да. Ты не знаешь, — сказал Стасик и опять едва не разразился слезами.

Чтобы он не ревел, надо было с ним разговаривать.

— Ну за что налупит? Он же не знает.

— Узнает. Сегодня собрание для родителей. Это для них такую выставку сделали.

— А может, он не придет.

— Да, не придет! Он всегда ходит.

— И лупит? — с недоверием спросил Сережа.

Стасик шумно шмыгнул носом.

— Ну, пойдем, — сказал Сережа.

— Куда? — испугался Стасик.

— «Куда-куда»... Домой-то ты собираешься? Не ночевать же здесь.

Стасик вздохнул.

— Не пойду. Я ждать буду.

— Кого?

— Когда Неля Ивановна придет.

— А где она?

— А все уехали, и она тоже. На завод к шефам. Там наш класс на концерте выступает.

— А почему ты не поехал?

— Я же сорвал... — Он опять подозрительно завсхлипывал. — Чуть не сорвал. Мне стихи давали учить, а я сорвал.

— Не выучил?

— Да выучил! — с отчаянием сказал Стасик. — Только одет не по-праздничному.

— Из-за этого тебе и запись сделали?

— Ну да! — сказал он и опять заревел. Громко, ровно и безнадежно.

— Не гуди, — попросил Сережа. — Я же так ничего не пойму. Зачем тебе Неля Ивановна? Попросить, чтобы дневник убрала?

— Ну-у-у...

— А ты ее раньше просил?

— Ага-а-а...

— А что она сказала?

Стасик перестал гудеть, отдышался немного и сообщил:

— Не хочет. Говорит, проси у всего класса, потому что они коллектив, а ты коллектив тащишь назад... А как у них просить? Они все не слушают, только орут. А Бычков говорит: «Ты, что ли, лучше других? У тех пусть стоят дневники, а у тебя убрать? Какой хитренький!» А у других уже давно решили поставить, а у меня только сегодня, из-за формы.

«Кому концерт, а кому слезы», — подумал Сережа и взял Стасика за плечо.

— Пойдем разыщем Наташку. Что-нибудь придумаем.

Наташа и Кузнечик отыскились в пионерской комнате. Они разрисовывали гуашью объявление о вечере.

— Так я и знала. Снова несчастье? — сказала Наташа, едва увидев Стасика. — Что опять?

Сережа рассказал. И шепотом спросил у Наташи:

— Он правду говорит, что отец дерется?

Она незаметно кивнула. Потом сказала:

— Гена, сходи умой его как следует, пожалуйста. Он вон какой зарванный.

Стасик уныло побрел за Кузнечиком в туалет.

Наташа взяла щеки в ладони, словно у нее зубы болели, и печально посмотрела на Сережу.

— Ты даже не представляешь. Он его за каждый пустяк ремнем бьет. Он такой... ну просто негодяй какой-то! Стаська домой приходить боится. И всегда при отце тихий, как мышонок. А тот все одно только повторяет: «Я сам как рос? С пятнадцати лет работать пошел! С пути не свихнулся, человеком стал. И из тебя человека сделаю!»

— Он кто? Дурак или пьяница? — спросил Сережа. От злости и отвращения у него заглодело в груди.

— Да не пьяница он... Он ведь Стаську не сгоряча бьет, а наоборот... Ну, как будто по плану по какому-то. — Наташа поморщилась. — Не могу я про него говорить, у него глаза рыбы... Ой, а Стаська всегда визжит так: «Папочка, папочка!» Наш папа один раз не выдержал... — Наташа слабо улыбнулась. — Не выдержал, вызвал этого Грачева в коридор да как взял его за рубашку! Приподнял и к стенке прижал, висячего. И говорит: «Если еще раз ребенка тронешь...»

— Так и надо, — сказал Сережа.

— Думаешь, очень помогло? — спросила Наташа. — Грачев Стаське кричать запретил. Стаська теперь только мычит да ойкает, когда его лупят. Папа у нас по вечерам на работе, а меня и маму Грачев не боится. Недавно опять Стаську так изукрасил, у него все ноги и плечи в полосах. Я видела, когда он утром умываться выбегал. Он, конечно, и парадную форму не надел, чтобы следы от ремня на ногах не увидели.

— Этого Грачева... его же повесить мало! — сжимаясь от отвращения, тихо сказал Сережа. — Если кто-нибудь котенка или голубя мучает, за это и то могут под суд отдать.... Даже в газетах про это пишут. А тут...

Наташа что-то ответила, но он уже не слышал. Странное чувство он испытывал. Первый раз в жизни. Какую-то смесь жгучей жалости и ярости. Но ярости не такой, когда хочется крушить, ломать, кидаться на врага очертя голову. Наоборот, голова сделалась ясная, и стало тихо и пусто вокруг.

...Никогда-никогда ни один взрослый человек не ударил Сережу. И никогда Сережа не знал, что такое страх перед возвращением домой. Всякое бывало: и двойки, и записи в дневнике, и порванные штаны, и утонувшие в реке ботинки, но дом всегда оставался добрым. Это был его дом — свой, надежный. И не могло там случиться такого, чего надо бояться...

Но вот в комнатах, где он жил с отцом, с Маринкой, с тетей Галей, где когда-то ходила и пела мама, поселился этот хлипкий плешистый дядька с бесцветными глазами. Такой тихий и вежливый на вид. Он поселился там, и комнаты, где раньше дружно жили хорошие люди, стали местом страха и боли. Почему? Кто позволил? Откуда берутся эти люди вроде Грачева?..

Вернулись Генка и Стасик.

Генка озабоченно взглянул на Сережу.

— Что с тобой? Ты какой-то... натянутый.

— Думаю,— зло сказал Сережа.— Про то, что зря дуэлей сейчас нет. Обидно: живет на свете какой-нибудь скот и ничего с ним не сделаешь.

— На дуэлях иногда и скоты побеждали,— возразил Кузнечик.

— Не верю.

— А Дантес?

Их перебила Наташа. Сказала, что Стасику пора домой. Если он задержится, ему попадет не меньше, чем за дневник.

За окнами уже густели сумерки.

— Может, нам самим дождаться его Нелю Ивановну и поговорить с ней?— предложил Кузнечик.

— Да откуда вы взяли, что она сюда вернется?— спросила Наташа.— Наверняка она распустит ребят у завода, а сама уедет домой до собрания. Сейчас еще шести нет, а собрание в восемь... Да и не будет она никого слушать. Вы ее знаете?

Сережа вспомнил Нелли Ивановну: молодую, с громким, раздраженным голосом, с желтым тюрбаном прически. Когда она шла по коридору, тюрбан колыхался, а каблучки стучали отчетливо, как дятел в утреннем лесу.

Стасик опять подозрительно притих и заморгал.

— Проводите его домой,— сказал Сережа.— Я знаю, что делать.

— Не пойду я,— заупрямился Стасик.

Мучаясь от жалости и злости, Сережа сказал как можно мягче:

— Ты иди. Я сделаю так, что все будет хорошо.

Стасик нерешительно моргал.

— Иди. Я тебе обещаю,— очень твердо сказал Сережа.

— Ты что придумал?— шепотом спросил Генка.

Так же шепотом Сережа ответил:

— Пока ничего. Главное, пусть он уйдет, иначе опять начнет реветь. Помоги Наташке его увести, а то он по дороге может ей концерт выдать. Потом вернетесь, и мы что-нибудь придумаем.

Сережа правильно рассчитал: Генку не пришлось уговаривать идти с Наташей, это он всегда готов. И хорошо, что ушел. Не надо ему лезть в это дело. Завтра Кузнечику на вечере выступать, и неприятности ему ни к чему.

Сережа знал, что идет на громкий скандал, но не колебался. В нем уже звенела «система отсчета»: девять, восемь, семь...

Он вернулся в Стаськин класс. Пошатал дверцы витрин. Они

были, конечно, заперты. Сережа спустился на первый этаж и отыскал гардеробщицу тетю Лиду.

Тетя Лида владела богатейшей коллекцией ключей, про это знала вся школа. Когда терялись или портились ключи от классов, мастерских, от шкафов и ящиков, все сразу шли к тете Лиде. Иногда к ней прибегали несчастные люди, потерявшие ключ от квартиры.

— Тетя Лида, во втором классе шкаф заело,— сказал Сережа.— Наверно, кто-то запер, а ключа нет.

Тетя Лида, притворно ворча, вытащила громадную звякающую связку.

— Какой шкаф-то?

— Давайте ключи, я сам подберу. И сразу принесу. Чего вам наверх ходить...

Нужный ключ нашелся быстро. Сережа распахнул обе витрины. Из правой достал дневники с двойками. Потом «пятерочные» дневники равномерно расставил в обеих витринах. Стало редковато, но ничего. Сережа отцепил бумажные ленты. Правую он отложил, а левую аккуратно, по сгибу, разорвал пополам. На одной половине осталось: «Мы ими», а на другой «гордимся». Эти половинки он опять приколот над витринами.

Дневники тех, кто «тянет назад» и ленту с черной надписью он положил в портфель. А куда их было девать?

После этого Сережа запер дверцы и отнес ключи.

Больше в школе делать было нечего. Сережа зашагал к Наташиному дому, чтобы встретить друзей.

Он повстречал их на углу Октябрьской и Пристанской. Генка и Наташа спешили назад, в школу.

— Ты куда?— удивился Кузнечик.— А дневник?

— Все в порядке.— Сережа хлопнул по тугому портфелю.

Наташа удивилась:

— Она отдала?

— Я ее не видел. Поэтому не спрашивал.

Наташа опустила руки и широко открыла глаза.

— Ты сумасшедший,— сказала она печально.— Ты представляешь, какой крик поднимется?

— Приблизительно представляю,— сказал Сережа.

— Мы скажем, что вместе это сделали,— решительно вмешался Кузнечик.

— Зачем? Не надо,— возразил Сережа.

— Надо. Вдвоем легче отвечать.

— Да за что отвечать?! — вдруг разозлился Сережа. — За то, что пацаненка из беды выручили? А такие выставки устраивать, чтоб ребят лупили, это правильно?

— А ты думаешь, теперь его не тронут? — спросила Наташа. — Нелюшка увидит, что дневник пропал, еще больше разозлится. Такого отцу наговорит, что хуже будет.

— Не дневник, а дневники... И не наговорит она, — сказал Сережа. — Я пока не могу понять, отчего это, но думаю, что не наговорит...

— А как тебе завтра влетит, понимаешь? — спросила Наташа.

— Ну... влетит. По крайней мере никто меня пальцем не тронет. Не то что Стаську.

8

На следующий день Сережа пришел в школу пораньше. У дверей учительской он дождался Татьяну Михайловну. Она сразу обеспокоилась:

— Ты меня ждешь, Сережа? Что случилось?

— Я хочу вас попросить... Передайте, пожалуйста, вот эти дневники Нелли Ивановне, учительнице второго «А».

— Так... Значит, это ты?

— Я.

— Зачем ты это сделал?

Сережа вздохнул и приготовился рассказывать.

Мимо них в учительскую прошагала завуч второй смены Елизавета Максимовна. Из-за двери донесся ее трубный голос:

— Татьяна Михайловна! Можно вас на пять минут?

Татьяна Михайловна досадливо оглянулась на дверь.

— Ты меня подожди, — попросила она. — Или нет, иди в класс. А на перемене все мне расскажешь. Хорошо?

Сережа кивнул.

Но дожидаться перемены не пришлось.

Едва начался урок и Сережа поднял руку, чтобы его вызвали, как в дверь заглянула тетя Лидя.

— Кто тут Каховский? Ну вот, ты и есть... К директору.

— Иди, — с сожалением сказал Сергей Андреевич. — А я тебя спросить хотел. А то ведь троечка будет за четверть.

Как будто Сережа сам напросился к директору.

Кузнечик рванулся было за Сережей.

— А ты куда? — возмутился Сергей Андреевич.

— Я тоже должен...

— Если должен, позовут. Сиди.

Директор был новый, работал в этой школе первый год. Сережа его не знал и никогда с ним не разговаривал, если не считать случая с Димкой. Директор преподавал у старшеклассников математику, и те прозвали его «А» в кубе». Имелась в виду буква «А» в третьей степени. Потому что имя, отчество и фамилия начинались у директора с буквы «А»: Анатолий Афанасьевич Артемьев.

Что он за человек? Однажды Сережа слышал, как десятиклассники говорили: «Во мужик! Все объясняет, как семечки щелкает!» Он-то объясняет. А ему самому что-нибудь можно будет объяснить?

Сережа постучал в дверь директорского кабинета, услышал «войдите» и вошел.

Ну конечно! Желтый тюрбан Нелли Ивановны возвышался у директорского стола.

Татьяна Михайловна тоже была здесь.

«Сейчас начнется», — подумал Сережа и почувствовал противную пустоту под сердцем.

Началось.

— Вот он! — произнесла Нелли Ивановна. Голос ее был твердо деревянный, как стук каблучков. — Полюбуйтесь, Анатолий Афанасьевич. Это и есть Каховский.

Директор несколько секунд смотрел на него молча. Он вертел в пальцах неочиненный карандаш и постукивал им по настольному стеклу. То одним концом, то другим.

Наконец сказал:

— Полюбовался. Проходи, Каховский, садись.

Он кивнул на свободный стул.

Сережа твердо подошел и сел. Сказал:

— Спасибо.

У Нелли Ивановны удивленно шевельнулись брови.

Татьяна Михайловна сидела подальше, у стены. Из-за плеча Нелли Ивановны она смотрела на Сережу, как на маленького мальчика, разбившего банку с вареньем.

— Объясни нам, зачем ты устроил этот загадочный трюк

с дневниками? — ровным голосом потребовал директор и положил карандаш.

— Из-за Грачева, — сказал Сережа.

— Вот-вот! Я так и знала! — взвилась Нелли Ивановна. — Он уже не первый раз выделяет такие фокусы из-за этого хулигана!

— А какой? — поинтересовался директор.

«Третий, — подумал Сережа. — Первый раз — это с Мадам Жирафой. Второй — когда одноклассники лупили его у буфета, а мы с Наташкой их разогнали. Но про второй она не знает».

— В сентябре был такой возмутительный факт! — гневно продолжала Нелли Ивановна. — Я отправила этого Грачева к вам, а он... — она ткнула острым ногтем в Сережу, — он со своими друзьями силой отбил его у дежурной...

Сережа слегка разозлился и перестал бояться.

— Не силой, — возразил он. — Можно, Анатолий Афанасьевич, мне сказать?

— Ну?

— Это дежурная сама силой тащила Грачева, а он так ревел, что все сбежались. Он от рева даже заикаться начал. Мы его потом к врачу отвели... Татьяна Михайловна, помните, я тогда еще опоздал?

— Да, действительно. — Татьяна Михайловна кивнула. — Я помню. Вообще-то Каховский никогда не опаздывает.

«Один — ноль» — подумал Сережа. И стал ждать. В споре главное — не спешить. Пусть другой человек скажет все до конца. А потом надо отвечать — коротко и четко. Как защита клинком. Когда защита, а когда и контратака. А если возмущаться, перебивать, скажут, что грубишь, вот и все. И тогда, хоть лопни, не докажешь ничего.

Директор снял очки и так же, как карандашом, стал постукивать по столу.

— А скажите, Нелли Ивановна, — спросил он, — зачем вы этого... Грачева... направили ко мне с дежурной?

Глаза у Нелли Ивановны сделались круглыми и несчастными. Она поднесла к груди сжатые кулачки.

— Да потому что сил моих нет! Я с ним воюю второй год! Это не ученик! Это... какое-то чудовище! Он делает все, что вздумается! А тут находятся дружки, которые его покрывают.

— Какой он мне дружок, — снисходительно сказал Сережа. — Он еще маленький.

— А ты помолчи! — отрезала она. — Будешь говорить, когда тебя спросят.

Возражать было нельзя. А промолчать — значит показать, что виноват. Сережа секунду подумал и покладисто сказал:

— Хорошо.

Директор и Татьяна Михайловна переглянулись.

— Вернемся к нашему главному вопросу, — предложил Анатолий Афанасьевич. — Ты, Каховский, утверждаешь, что убрал дневники ради Грачева? Зачем? Спасал его, так сказать, от позора и бесчестья?

— От битья, — сказал Сережа, и все внутри у него натянулось. — Его отец излупил бы за эту выставку, как... ну, не знаю даже. Как зверь.

— Это неправда! — возмутилась Нелли Ивановна.

— Это правда! — со звоном сказал Сережа. — Если не верите, спросите Наташу Лесникову. Они с Грачевым в одной квартире живут. Отец его все время бьет!.. А потом все удивляются, почему он такой псих...

— Сережа, Сережа, — предупреждающим тоном сказала Татьяна Михайловна.

Нелли Ивановна слегка растерянно произнесла:

— Я этому не верю, Анатолий Афанасьевич. У Грачева такой деликатный папа. Я, наоборот, хотела его в родительский комитет...

Чувствуя, как летят все тормоза, Сережа наклонился на стуле и, глядя прямо в рассерженные очи Нелли Ивановны, отчетливо сказал:

— Этот деликатный папа недавно так отделал Стаську, что он в синяках от шеи до пяток. А вы пишете: сорвал выступление.

— Вы это знали, Нелли Ивановна? — спросил директор.

— Я ничего не знала! Я повторяю, что не верю ни одному слову этого... этого...

— Сережи Каховского, — сухо подсказала Татьяна Михайловна.

— Можно проверить, — сказал Сережа. — Синяки не краска, за день не отмоются.

— А зачем ты убрал другие дневники? — спросил директор.

Он опять надел очки. Лицо у него было непонятное. То ли ему было все равно, то ли он сердился, но скрывал это. И если сердился, то на кого?

Сережа не ответил на вопрос. Он сам точно объяснить не мог, зачем целиком опустошил «двоячную» витрину.

— Зачем же? — повторил директор.

— Как-то нехорошо было бы, — неуверенно сказал Сережа. — У одного убрали, а у других стоят. А я ведь не знал, вдруг им тоже попадет...

— Вот как?.. — сказал директор. — А почему ты решил, что имеешь право вмешиваться в дела учительницы, изменять ее решение?

Сережа даже удивился:

— Я и не думал, что имсю право. Просто выхода не было.

— Не было? А разве ты не мог поговорить с Нелли Ивановной? Не мог объяснить ей?

— Нелли Ивановны в школе не было. Да и вообще...

— Что «да и вообще»?

Сережа решительно сказал:

— Я думаю, она не стала бы меня слушать.

— Не «она», а Нелли Ивановна, — строго поправила Татьяна Михайловна.

Сережа промолчал.

— Ладно, допустим, — сказал Анатолий Афанасьевич. — А про других учителей ты тоже так думаешь? Почему ты не посоветовался с Татьяной Михайловной? Мог бы и ко мне прийти. Ты решил, что и мы не будем тебя слушать?

— Нет... — растерянно откликнулся Сережа.

— Так почему же? — с нажимом спросил Анатолий Афанасьевич.

— Я не догадался.

Директор откинулся на спинку стула и ладонями прихлопнул по столу.

— Вот видишь! Не догадался. И что же получается теперь? Ты хотел выглядеть борцом за справедливость, а стал нарушителем дисциплины. Причем грубым нарушителем.

Если он думал, что от этих слов Сережа раскается и сникнет, то зря. Сережа вскинул голову и посмотрел прямо в директорские очки.

— Я никак не хотел выглядеть! Я вообще про это не думал. Я думал про Грачева и больше ни про что... Ну можно, я сейчас спрошу?

— Ну давай,— сказал директор, и Сереже показалось, что за очками мелькнули веселые искры.

Сережа хотел точно подобрать слова, но получилось сбивчиво:

— Вот если вы идете по улице... А там бьют вот такого, вроде Грачева... Ну, маленького. Вы же все равно полезете заступаться, правда? Вы же не будете думать, как тут выглядишь? А вчера ведь так же было. Ну, почти так же...

Директор опять взял карандаш.

— Логично,— сказал он вполголоса.

Потом спросил у Сережи:

— А чего ты добился своим поступком? Убрал дневники, ладно. Однако ты же не мог помешать Нелли Ивановне рассказать на родительском собрании о плохом поведении этих ребят. Нелли Ивановна, очевидно, так и поступила.— Он повернулся к ней: — Я прав?

Нелли Ивановна раздраженно ответила:

— Ничего я не стала говорить и собрание скомкала. Объявила итоги четверти, вот и все... Я просто не знала, что подумать! Четырех дневников нет, все переставлено, переделано... В конце концов, откуда я знала: может быть, это вы или Елизавета Максимовна распорядились.

Она вдруг поняла, что сказала лишнее, и почти испуганно взглянула на Сережу. И тут же рассердилась. И на себя за свой испуг, и опять на Сережу:

— Ну что ж! Возможно, выставка дневников — это была не лучшая выдумка. Но если все хулиганы из шестых классов будут лезть в учительские дела, как работать?

— Нелли Ивановна,— мягко сказала Татьяна Михайловна,— может быть, поступок Сережи не следует называть хулиганством? Возможно, это горячность, ошибка, своеволие, но... Я учу его третий год и никогда не сказала бы, что Каховский хулиган.

— Нет, хулиган! — резко возразила Нелли Ивановна.— Если уж пошла об этом речь, я скажу. Бывают такие тихенькие до поры до времени, особенно в школе. А за стенами школы что они творят! Вы знаете, что выкинул Каховский летом? Со мной в институте учится Гортензия Павловна Кушкина, она старшая вожатая в девятнадцатой школе, а летом была вожатой в лагере «Смена». Она мне рассказала, как этот Каховский при всех, на линейке оскорбил начальника лагеря, а потом самовольно отправился

домой. А когда за ним послали физрука, этот... «нехулиган» натравил на него собаку!

Сережа вцепился в сиденье стула. Он посчитал про себя до семи. Но полностью сдержаться не смог.

— Все очень похоже на правду,— сказал он тихо, но язвительно.— Все почти так и было. Только чуть-чуть не так.

— Нет, так! — Нелли Ивановна даже притопнула.— И я не понимаю, почему из лагеря не сообщили в школу.

— А я понимаю,— сказал Сережа.— Стыдно было. Им пришлось бы объяснить, почему я ушел.

— А почему? Ну-ка, скажи!

— Не будем отвлекаться,— перебил их директор.— Насчет лагеря мне известно, это другой вопрос. А сейчас вот что. Я думаю, Каховский извинится перед Нелли Ивановной за свой поступок и отправится в класс. Он и так уже пропустил пол-урока.

— Я не извинюсь,— негромко, но решительно сказал Сережа.

— Каховский! — воскликнула Татьяна Михайловна.

— Почему? — сухо спросил Анатолий Афанасьевич.

— Потому что извиняться надо, если виноват. А если просто так, то зачем?

Директор поправил очки и спросил не сердито, а скорее с любопытством:

— Ты что же, считаешь, что ничуть не виноват?

— Может быть, виноват,— сказал Сережа.— В том, что не догадался к вам пойти, чтобы сказать о дневниках... Но сейчас я извиняться не буду. Я не люблю, когда меня обзывают хулиганом и рассказывают про меня всякое... чего не было.

— Ты не любишь правду! — торжествующе заключила Нелли Ивановна.— Недаром ты и твои дружки в вашем клубе выгнали Сенцова.— Она повернулась к директору: — Это прекрасный ученик в седьмом «Б», вежливый, дисциплинированный. Его брат учится в моем классе. Я говорила с матерью, она места себе не находит от возмущения! Они выгнали его за то, что он отказался участвовать в уличной драке и честно сказал об этом.

— Его выгнали за трусость. И не я, а совет,— сказал Сережа.— Они трое, такие здоровые, бросили в беде одного пятиклассника, самого слабого.

— Зато ты, я смотрю, ух какой смелый! Вроде тех смельчаков, которые гривенники у первоклассников отбирают по дороге в школу... И не старайся, мне твои извиненья не нужны!

Сережа сжал зубы.

Анатолий Афанасьевич взглянул на часы.

— Каховский, у вас какой сейчас урок?

— Физика.

— Как у тебя дела с физикой?

— Не очень. Надо сегодня тройку исправить.

— Ладно. Иди в класс.

Сережа встал. «Выходит, все?»

— До свиданья,— сказал он.

Директор молча наклонил голову.

Сережа пошел к двери.

— Анатолий Афанасьевич! Значит, вы ему больше ничего не скажете? — раздался за его спиной взвинченный голос Нелли Ивановны.

Сережа остановился, думая, что его окликнут.

— Пока нет,— устало сказал директор.— Иди, Каховский, иди.

Сережа закрыл за собой дверь. И тогда услышал, как там, в кабинете, неожиданно окрепшим голосом директор спросил:

— А что я должен ему сказать, уважаемая Нелли Ивановна?

На урок Сережа сразу не попал. На лестнице его встретила Юля, старшая вожатая.

— Взгрели? — сочувственно спросила она.

«Все уже знают про эту историю», — подумал Сережа. И сказал:

— Обошлось.

— Ну и хорошо. Слушай, Каховский, поддержи идею.

— Какую?

— Давай назначим тебя октябрятским вожатым к второклассникам.

— Юля,— с укором произнес он,— мне сейчас по физике отвечать, а ты страшные вещи говоришь.

— Да я серьезно!

— И я серьезно. Нельзя же так пугать человека.

— Сереженька, у тебя получится. Ты вон как за них заступаешься!

— Одно дело — заступаться, другое — командовать.

— Ну ты же командуешь в клубе «Эспада». Ты там, говорят, не то адмирал, не то капитан.

— Это же в «Эспаде». Там у меня в группе нормальные люди,

а не малыши. Они сами знают, как что делать, даже и не надо командовать. А к маленьким подход нужен.

— Желание нужно,— грустно сказала Юля.— Никто из мальчишек не хочет работать. В совете дружины девчонки, в тимуровском штабе девчонки... А мальчишки — кто в хоккейной секции пропадает, кто у вас в клубе, а про школьные дела и слышать не хотят.

— Ю-у-у-ля,— протянул Сережа,— ты хороший человек, а говоришь... прямо не знаю что. Во-первых, у нас в «Эспаде» из нашей школы только несколько человек, все больше из сорок шестой и девятнадцатой. Даже обидно. Во-вторых, дружинную газету кто всегда делает? Воронины. В концерте сегодня у кого главный номер? У Кузнечика. То есть у Медведева. В барабанщики ты кого записала? Пашку Снегирева из четвертого класса. А где он барабанить научился? В «Эспаде» у Данилки Вострцова, есть у нас такой барабанщик. Жалко, ты его не знаешь, он в сорок шестой школе учится.

— Немножко знаю,— сказала Юля.— Это мой брат.

— Ух ты! — удивился Сережа.— А я все не мог понять, на кого ты похожа. Знакомое что-то...

— Рыжие все похожи,— вздохнула Юля.

— Ты не рыжая, а золотистая. И Данилка тоже... Юль, позвони Данилке, пожалуйста, в клуб, он сейчас там. Пусть он мне свой белый ремень оставит. Я потом забегу, возьму. Мне для вечера надо.

— А пойдешь в вожатые?

— Ну, Юля...

— Не буду звонить.

— Слушай, Юля. Если тебе вожатый нужен, поговори с Наташкой Лесниковой. Она давно к малышам хочет, а все не решается.

— Она девочка. У меня и так все девчонки в активе.

— Она лучше всякого мальчишки,— сказал Сережа.— Позвони Данилке, ладно? А то мне неудобно к телефону в учительской соваться. Ну, я побежал!

Когда Сережа вошел в класс, все притихли и стали смотреть на него. Сережа поймал встревоженный взгляд Кузнечика, улыбнулся и мигнул: «Все в порядке».

— Живой? — спросил Сергей Андреевич.— А мы уж тебя похоронили. Отвечать будешь? Ну, иди к доске, мятежная душа.

...Из школы Сережа вернулся в шесть. А в половине седьмого позвонил Кузнечик:

— Сережка, ты на вечер в форме идешь?

— Конечно!

— Я тоже хочу. А родители жмут. Говорят, зря, что ли, новый костюм покупали?

— Ну, не знаю... Я только в форме.

— Я тоже. Ну его, этот костюм, я в нем на жениха похож. А ты парадный ремень достал?

— Ага. У Данилки. Только надо в клуб забежать.

— А мне Митька принес, ему барабанщики подарили.

— Волнуешься перед выступлением? — спросил Сережа.

— Нет. Почему-то нисколько... Знаешь, я сегодня письмо получил от того парнишки, из Чили... Четвертого сентября отправлено, за неделю до мятежа.

— Вот это да... Долго оно шло.

— Знаешь, Сережа, я даже боюсь. Я думаю: а вдруг его уже в живых нет? Он ведь сын коммуниста, а фашисты стреляют во всех без разбора: и в больших, и в пацанов.

— Может, в партизаны ушел с отцом, — сказал Сережа.

— Может быть...

— А что пишет?

— Не знаю. Брата нет, а сам я не могу перевести. Коротенькое письмо. Несколько марок прислал и свою фотографию. Я думал, они там все черные, смуглые, а он совсем светлый. На Митьку немного похож. А имя такое длинное: Алехандро Альварес Риос...

Вечер состоял из двух отделений: концерт и танцы.

В ожидании концерта мальчишки и девчонки толклись в коридоре у дверей зала.

К Сереже и Наташе подошла Татьяна Михайловна.

— Как настроение? — поинтересовалась она.

— Бодрое, — сказала Наташа.

— Спасибо, — сказал Сережа.

— Кстати, могу выдать небольшую тайну, — сообщила Татьяна Михайловна. — Ради праздника. Нелли Ивановна требовала для тебя, Сергей, строгого выговора, но мы с Анатолием Афанасьевичем убедили ее, что не надо.

— И она согласилась? — с большим сомнением спросил Сережа.

— Ну... как видишь. Хотя поведение тебе, конечно, придется снизить. «Примерного» уже не будет, только «удовлетворительное».

Сережа засмеялся.

Татьяна Михайловна удивилась:

— Разве я сказала что-нибудь смешное?

— Ну, Татьяна Михайловна, вспомните: когда у кого из нас было «примерное» поведение? Разве что у девочек, да и то не у всех.

— Да... Народ вы очень уж беспокойный.

— Зато веселый,— заметила Наташа.— Иногда плакать надо, а мы смеемся.

— Ты о чем это, Лесникова?

— О Стасике Грачеве. Он такой счастливый сегодня. Отец не отлупил, вот он уже и скачет от радости.

Татьяне Михайловне, видимо, не хотелось говорить о грустных вещах, она изменила разговор. Поглядывая на левый Сережин рукав с голубой нашивкой и золотым капитанским угольником, она спросила:

— Это у вас такая форма в клубе? Красиво. Только почему такое странное название?

— Это испанское слово,— объяснил Сережа.

— Я понимаю. Но разве не нашлось русского?

— А что такого? Есть, например, студенческий строительный отряд «Гренада». Я с ним летом встречался. Тоже испанское название.

— «Гренада» — это другое дело,— возразила Татьяна Михайловна.— Про Гренаду песня есть.

— Про «Эспаду» тоже есть песня,— сказала Наташа.

Сережа удивленно посмотрел на нее, но спрашивать не стал.

Они прошли в зал.

А через несколько минут на сцену вышел Кузнечик с гитарой. Шестиклассники зашумели, зааплодировали.

Павлик Великанов поправил перед Генкой микрофон.

Кузнечик, не дожидаясь тишины, ударил по струнам. И тишина пришла сама, сразу.

Не успел Сережа научить Кузнечика песне про горниста и всадников. Генка пел ту, старую, про летчика.

Но сейчас в этой песне, кроме знакомых слов, Сережа услышал новые:

Прощаясь,
 он шпагу, как надо,
Братишке сделать помог.
Испанское слово «эспада»
По-нашему значит «клинок»...
Пока рассветы багряны,
Пока покой не настал,
В ребячьих
 клинках
 деревянных
Пусть крепнет упругая сталь...

9

После каникул стал падать замечательный пушистый снег, и за два дня пришла зима. Правда, потом наступила оттепель, но и это было здорово: снег набух, сделался липким. Каждую перемену в скверике перед школой реяли стаи тугих снежков. Снежки разбивались на стенах и дверях влажными серыми звездами.

Изредка звенели выбитые стекла.

С тех давних времен, как в школах вместо бычьих пузырей и слюды появились настоящие стекла, их время от времени разбивают. Иногда виновник признается сам и сразу. Иногда его просто не отыскать. А иногда известно, что виновник где-то рядом, но кто именно, угадать нельзя. Тогда на классном собрании начинается долгий и безнадежный разговор с призывами «найти мужество и признаться». Однако виноватый чаще всего считает это не мужеством, а глупостью и помалкивает. Помалкивает и класс, потому что с давних пор известно: выдавать товарища — свинство. Тогда остается один выход — взять класс измором.

Именно так и решила поступить Нелли Ивановна. Она заявила, что умрет на пороге класса, но не выпустит ни одного, пока не узнает, кто высадил стекло рядом с форточкой.

Класс молчал. Скорей всего, никто и в самом деле не знал виноватого. Стекло выбили снаружи, а снежки в ту перемену летали тучами, и попасть в открытую форточку старались не только второклассники.

Все это Нелли Ивановна слышала от ребят уже много раз. Но в ответ заявляла, что, поскольку стекло выбито, значит, виновник существует и должен понести наказание. Только трех заревевших

девчонок она милостиво отпустила — они-то явно были ни при чем.

Остальные не ревели и не признавались. Класс сидел. Осенние сумерки за окном превратились в сплошную темноту. Снег растаял, и земля была черной, а небо — беспросветным.

В классе у Сережи кончился шестой урок. Сережа вышел в коридор и увидел Наташу.

— Просто безобразие, — сказала она. — Нелюшка ребят не отпускает. Стаська теперь ни за что один домой не пойдет, он же трусишка. А мне скорей домой надо, маме помогать. Скоро гости придут.

У дяди Игоря был сегодня день рождения. И папа, и тетя Галя, и Маринка собирались в гости к Лесниковым. И Сережа, конечно. Сразу после уроков. Только сначала он хотел забежать к Генке, который сидел дома с ангиной и дажепеть не мог, бедняга.

— Ладно, Генке я позвоню, объясню, — сказал Сережа. — Ты иди. Я Стаську дождусь, и мы пойдем. Не будет же она их до ночи держать.

— Надо бы мне зайти спросить, когда их отпустят, — нерешительно сказала Наташа. — Я ведь все-таки у них сейчас вожатая. Но бесполезно. Я с Нелюшкой за эти дни уже два раза поругалась.

— Ну и нечего третий раз ругаться. Иди домой.

Наташа ушла, а Сережа устроился на подоконнике напротив второго «А». Вытащил из портфеля книгу «Архитектура средневековья». Книга была старая, тяжелая. Он сегодня увидел ее в шкафу, в кабинете истории, и под честное слово на два дня выпросил у доброй исторички Анны Валентиновны.

Сережа разглядывал иллюстрации и все больше огорчался. По сравнению с прекрасными рыцарскими замками на книжных гравюрах его собственный пенопластовый макет казался примитивным и нелепым.

Проходил мимо директор. Сережа вскочил с подоконника.

— Что читаешь? — спросил Анатолий Афанасьевич и взял книгу. — Ого, серьезная вещь. Интересуешься или случайно?

— Интересуюсь. Немного.

— Молодец. А почему здесь сидишь в одиночестве?

— Жду, — сердито сказал Сережа. — Все того же Грачева. Учительница их не отпускает, а он сейчас один заботится домой идти.

В коридор доносился громкий голос Нелли Ивановны.

Директор осторожно приоткрыл дверь и шагнул в класс.

Через три минуты ребяташки, радуясь долгожданной свободе, вырвались из дверей. Стаська увидел Сережу и заулыбался.

— Ну что, нашли преступника? — спросил Сережа.

— Не-е... Сказали, что потом.

Сережа и Стасик с ребятами вышли из школы. Пришлось делать крюк, чтобы хоть некоторых развести по домам. Сначала с ними шла большая компания, но один за другим второклассники уходили в подъезды и калитки. Наконец, кроме Стасика, остался только один мальчик. Это был тот крупный кареглазый парнишка, который в сентябре сказал про Стасика, что он им не товарищ.

— Ты где живешь? — спросил Сережа.

Ответил Стасик:

— Рядом с нашим домом, на углу. Он в большом доме живет.

— Вместе домой ходите?

— Вместе, — сказал мальчик. Его звали Валера.

— Ну вот, — усмехнулся Сережа. — А говорил, что не товарищи.

— Мне сказали, чтобы я над Грачевым шефство взял, — объяснил Валера.

— Кто сказал?

— Новая вожатая. Ее Наташа зовут.

Стасик свернул в Походный переулок. Валера — за ним.

— Вы куда? — удивился Сережа. — Вы разве здесь ходите? По Октябрьской же лучше: там сухо и фонари.

— Там канаву роют для труб, — объяснил Валера. — Все перекопали. Просто шею можно сломать.

Сережа не любил Походный переулок.

Ничего особенного в этом переулке не было: домики с палисадниками, газетный киоск на углу. Но когда Сережа был в первом классе, он видел, как мотоциклист сбил здесь собаку. Большая рыжая собака лежала на краю дороги мертвая, вся в крови... И с тех пор Сережа старался по этому переулку не ходить.

Но делать нечего, они пошли.

Фонарей не было, свет падал только из окошек. И лишь сейчас увидел Сережа, что небо очистилось и сверкают, будто отмытые, звезды. Белые и голубые. Он шел позади ребят, запрокинув лицо, и видел все больше и больше звезд, целые миллионы. Они светлой пылью проступали в черноте.

Переулок уже кончался, впереди горели фонари. Сережа опустил голову и тогда увидел троих ребят. А потом четвертого — он догонял остальных, спешил от закрытого киоска.

Они шли навстречу. В их ленивой и развинченной походке была скрытая угроза. Стасик остановился. И Валера.

— Это, кажется, Киса,— шепотом сказал Стасик.— Пойдемте назад.

Сережа ощутил в груди неприятный холодок. Но он подтолкнул Стасика в спину.

— Идите, не бойтесь. Что за Киса?

— Он в новом доме живет, его раньше не было. Он в седьмом классе учится, только не в нашей школе.

«Что раньше не было, я и сам знаю,— подумал Сережа.— Развелись всякие Кисы...»

— Киса — не тигр. Чего вы дрожите? — сказал он как можно беззаботнее.

— Он у ребят деньги отбирает,— объяснил Валера.— Он хулиган. По нему плачет колония.

— Идите,— сказал Сережа. И подумал: «Малышей не тронут. Не звери же».

Четверо неизвестных приближались. Самый высокий сказал тонким, но хрипловатым голосом:

— Остановитесь-ка. Дело есть.

— Ну? — сказал Сережа, и ему стало по-настоящему страшно. Это был обыкновенный липкий подлый страх, от которого слабеют ноги.

— Скажи ему, Киса,— нетерпеливо прошептал самый маленький, чуть пониже Сережи.— Скажи...

— Денежки есть? — поинтересовался длинный Киса. У него получилось мягко, почти ласково: «денюшки».

Сережа не видел в темноте их лиц. Он различал только фигуры. Трое стояли тесной группой, четвертый чуть в стороне.

«Вот так,— подумал Сережа.— Опять их четверо. Это тебе не на совете других ругать за трусость».

Это не на совете... И не на фехтовальной дорожке, где противник — твой товарищ, а кругом строгие судьи... И не во сне, когда вражьи пули бьют в тебя безвредно, как дождевые капли...

«Эх, Нока бы сюда»,— подумал он.

Страх не уходил. Но Сережа знал, что пусть хоть до смерти изобьют, а карманы выворачивать он не даст и не побежит без

боя. Да и как побежишь, когда Стаська с Валеркой здесь? Не бро-
сишь.

Стараясь, чтобы не дрожал голос, он сказал:

— Валера, Стасик, идите домой. Я тут сам разберусь...

«Если они уйдут, можно пробиться,— думал Сережа.— Дам Кисе головой в поддых, а пока они будут мигать, выскочу на светлую улицу. Там они побоятся лезть».

— Стоп, козявки! Ни с места,— угрожающим шепотом приказал Киса.— Гусыня, присмотри.

Ага, значит, этот тип в спортивной шапке с помпоном и есть Гусыня... Раньше встретиться не пришлось. После того случая с Митей Сережа и Кузнечик, прихватив Нока, два вечера искали компанию Лысого и Гусыни, но те не появлялись на улице. А теперь — вот он!

Гусыня взял Стасика и Валеру за воротники, подвел и прислонил к телеграфному столбу.

— Стойте и не дышите, головастики. Худо будет...

Он, видимо, был уверен, что страх совсем парализует малышей, и даже не оглянулся.

Стасик замер, и в полоске света, падавшей из окна прямо на столб, Сережа видел его бледное, с полуоткрытым ртом личико. В глазах у Стаськи были ужас и покорность.

Валера тоже на секунду притих, но вдруг рванулся и бросился из переулка к свету.

— Кеша! — тонко заголосил Киса.— Верни гада!

Тот, кто стоял в стороне, кинулся было за Валерой, но не догнал и вернулся.

— Черт с ним,— решил Киса.— Мы тут быстро...— И обратился к Сереже:— Ну как насчет денежек?

— А ты что, займы их мне давал? — скручивая в себе страх, сказал Сережа.

— А как же! — обрадовался Киса.— Давал, конечно. Вчера. Три рубля. Отдашь?

— Да ты не бойся,— успокоил Гусыня.— Бить не будем, если будешь хороший. Мы же вежливые.

Тот, кто бегал за Валеркой, по-прежнему стоял в стороне, а маленький был рядом, но молчал и опасливо вертел головой.

— Ну-ка, раздвиньтесь, мне идти надо,— сказал Сережа.— У меня времени нет.

— У него времени нет! — подхватил Киса.— Вы слышите?

Кеша, проверь у него карманчики, и отпустим человека, ему некогда.

Тот, кого называли Кешей, недовольно обернулся.

— Я же просил не втягивать меня в подобные истории...

И Сережа узнал по голосу Сенцова!

— Сенцов! — сказал он, забывая на миг о страхе. — Надо же! Быстро отыскал новых друзей.

— Почему новых? — хладнокровно отозвался тот. Он, видимо, еще раньше узнал Сережу. — Старых друзей у меня и не было. В вашем зачуханном клубе, что ли, друзья?

— На что надеешься? — спросил Сережа. — Избить вы меня можете, а убить не убьете. Завтра все равно все узнают, какой ты подонок.

— А какие у тебя ко мне претензии? Я тебя, кажется, не трогаю. А кроме того...

— Никто ничего не докажет, — снисходительно объяснил Киса. — А поэтому стой и не возникай.

— Докажут, — сказал Сережа.

— Кто? Может, этот ребеночек? — Киса кивнул на Стасика. — Он не будет на нас наговаривать, он хороший мальчик. Верно, Стасик? Мы с ним друзья. Хы-ы...

Сережа увидел, как Стасик заморгал и зашевелил губами. Словно ответить хотел.

— А если и докажут, что будет? — насмешливо спросил Киса. — Сводят в учительскую, скажут, что нехорошо так делать. Вон Гусыню каждый день к директору таскают, а он веселый.

— Пусть карманы покажет, — мрачно потребовал Гусыня.

На что они надеялись? Ну да, они не понимали, что бывают вещи сильнее страха. Что можно бояться и все равно стоять прямо. Потому что есть эмблема с конниками и солнцем, есть друзья, рапиры, слова клятвы. Песни Кузнечика, всадники «Гренады». И где-то далеко — маленький Алехандро Альварес Риос, которому грозят пули. И красный галстук, который, выходя из школы, не прячешь в карман, как эти подонки. И золотой угольник капитана...

В двух шагах от светлых домов, от тысяч веселых и справедливых людей из случайной темноты выползли эти поганки и думают, что они хозяева!

— Дураки вы, — сказал Сережа. — Вы думаете, на вас управы не найдется?

— Милицией пугаешь, гад? — прошипел Гусыня. — Не пугай, мы там были — и ничего, так же дышим.

— Значит, никто вам не страшен? — с насмешкой спросил Сережа. — Значит, вы сильней Советской власти?

Киса хихикнул:

— Это ты — власть?

— Я не власть. Но она за меня, а не за вас. А вы — плесень.

В ту же минуту в глазах у Сережи вспыхнули желтые огни, и от удара в лицо он отлетел на палисадник. Острые концы реек больно уперлись ему в спину. Палисадник был шаткий, он прогнулся под Сережей, и несколько реек отскочили от нижнего бруса. Чтобы не упасть, Сережа схватился за одну из них...

Рейка подалась и осталась в руке.

И в ту минуту, когда Сережины враги думали, что он сломлен, побежден, уничтожен, в нем вспыхнула мгновенная радость. Радость силы и уверенности.

До сих пор он не думал об оружии. Но сейчас, ощутив под рукой деревянный брус, он вспомнил все, что надо: Олега с рапирой, свечи, серебристый вихрь клинка. Вспомнил, как сам на пустыре длинной линейкой рубил колющие головки на высоких кустах репейника. Это было как вспышка. Он оттолкнулся левым локтем и кинулся к врагам...

Киса ойкнул и отскочил, ухватившись за кисть правой руки. Обратным движением Сережа сбил Гусыню, который оказался справа: концом рейки, зажатой в ладони, как рукоять, Сережа ударил его в подбородок. Тот схватился за лицо, заскулил, медленно сел на корточки и уткнулся в колени, но это Сережа увидел уже после. А сначала он развернулся в сторону Сенцова. Осторожный Сенцов успел отскочить заранее, но при этом неудачно повернулся спиной. Сережа прыжком догнал его и от души врезал по лопаткам.

— Я тебя трогал?! — заорал Сенцов, изгибаясь.

Самый маленький из ребят прыгнул на дорогу и поднял что-то с земли. Наверно, камень. «А он не трус», — мельком подумал Сережа и повернулся в сторону Кисы. Младшего противника он не боялся: знал, что подойти тот не решится, а камнем сгоряча попасть трудно. Другое дело Киса... Но Киса по-прежнему держался за руку. То ли удар был очень силен, то ли Киса обалдел от стремительного отпора.

У Сережиной головы прошелестел камень.

— Ты мне еще покидайся! — пригрозил Сережа. Перехватил поудобнее рейку, поднял портфель и сказал Стасику: — Пошли.

Сердце у него бухало и колени вздрагивали, но это был уже не страх, а возбуждение боя. И тут он услышал взрослый голос:

— Это шо же такое?

«Сейчас побегут», — подумал Сережа.

Но враги его не двинулись. Только Гусыня поднялся, все еще держась за подбородок.

Сережа разглядел, что взрослый человек был невысокий, но широкоплечий. В короткой куртке, плоской фуражке и сапогах. И, судя по голосу, молодой.

— Так шо же случилось? За что ты побил этих хороших мальчиков?

Он то ли старался говорить «по-одесски», то ли просто не очень владел языком. «Кажется, пьян», — понял Сережа.

Но все-таки это был взрослый человек. Не будет же он заступаться за хулиганов.

— Они сами полезли, — возбужденно сказал Сережа. — Понимаете, деньги им понадобились. Четверо на одного. Рыцари...

— Ай-яй-яй, — насмешливо произнес человек.

Младший мальчишка прошептал с опаской и почтительным восторгом:

— Это Гаврик...

— Молчи, дубина! — злым шепотом оборвал его Киса. И жалобным голосом объяснил: — Мы его по-хорошему попросили, а он дерется.

— Ай-яй-яй... — снова сказал Гаврик, и Сережа ясно услышал издевательскую нотку. — Тебя попросили, а ты дерешься... А ведь люди по-хорошему просят. И не один, а целый коллектив... Тебя в школе учили, что коллективное важнее личного, а? Что же ты себя про-ти-во-по-став-ляешь? А? Нельзя. А еще, наверное, пионер... А?

И вдруг совсем другим голосом, резким и злым, он сказал:

— А ну брось палку и топай сюда, ты... — И он выругался.

И выдернул из кармана руку.

Может быть, случайно, а может быть, нарочно этот Гаврик протянул руку в полосу света, и Сережа увидел на его полураскрытой ладони плоский широкий нож.

Стасик громко заплакал. Сережа машинально закрыл грудь локтем.

В этот миг он понял, что если промедлит хоть полсекунды, то не справится с собой. Бросится бежать, изнемогая от страха за себя.

А Стаська?

Рейку Сережа держал концом вниз. Рука фехтовальщика сработала молниеносно. Снизу вверх, из третьей позиции, он ударил по оружию противника. Вернее, по его руке. Нож серебряной рыбкой взлетел в полосу света и воткнулся в столб в метре над головой Стасика. Стасик шарахнулся вбок.

— Ай! — как-то по-детски сказал Гаврик.

Но он оставался здоровым, сильным, опасным. И, вливая всю свою силу, страх и ненависть, Сережа врезал ему по коленям. Гаврик упал на четвереньки, а Сережа, не сдержав отвращения, замахнулся еще раз...

И тут его будто опять ударили в лицо. Он зажмурился и снова открыл глаза. С трех сторон широкими светлыми конусами били фонарики.

— Всем на месте! — прозвучал очень громкий голос.

А второй голос, тоже громко, спросил:

— Кто Каховский?

— Я, — сказал Сережа.

Блеснуло золото на красных околышах.

Кто-то крикнул:

— Куда? Я сказал — быть на месте!

— Я же случайно здесь... — Это жалобно произнес Сенцов.

Тот же голос, уже мягче, сказал:

— Если случайно, зачем бежать? Свидетели будут нужны.

Гаврик медленно поднимался с земли. Лучи фонариков уперлись в него. Сережа увидел бледное лицо с большим перекошенным ртом и темными впадинами глаз.

— Батюшки мои! Гаврилов! — совсем не по-военному воскликнул один из милиционеров. — Вот встреча!

— Это я, начальник, — слабо усмехнувшись, признался Гаврик. И быстро опустил в карман ладонь.

— Тихо! — крикнул милиционер и рванул кобуру.

Впервые Сережа увидел так близко от себя боевое оружие — тяжелый черный пистолет.

Но милиционер опоздал. Гаврик махнул рукой, и что-то тяжелое прошелестело в воздухе, упало за забором.

— Кастет выбросил! — крикнул милиционер с погонами младшего сержанта. — Ничего, найдем!

Гаврик поднял согнутые в локтях руки, помахал кистями, пьяно улыбнулся:

— Все, начальник. Берите птичку.

— Пошли, птичка... — Милиционер махнул пистолетом в сторону фонарей. — Там и клетка есть на колесах. Правда, не позолоченная... Пошли все.

Сережа выпустил рейку, подошел к Стасику и взял его за плечо. Сбивчиво сказал:

— Ну, пойдём... Не бойся теперь.

На углу стояла милицейская машина — желтый фургон с темной полосой и синей лампой над кабиной.

Главный милиционер — старший лейтенант — сказал:

— Этих — в машину. А ты, Сережа, двигай с ребятишками. Тут рядом.

— Куда? — удивился Сережа. Но обращались, оказывается, не к нему.

— Хорошо, — откликнулся другой милиционер, тоже офицер, с двумя звездочками на погонах, только совсем молодой.

Гаврика посадили в машину. Туда же сели два милиционера, и старший лейтенант скомандовал Кисиной компании:

— Давайте и вы. Там разберемся.

Сенцов захныкал...

Через минуту машина уехала.

— Пойдем, — сказал Сереже лейтенант. — Здесь недалеко.

— А куда?

— В отделение. Надо же у вас показания взять. — Он улыбнулся совсем по-мальчишечьи. — Да не волнуйся, мы вас домой на машине доставим. Не на этой, а на «Волге». Всех троих.

Только сейчас понял Сережа, что рядом с ними опять Валера.

— Откуда ты здесь?

— Да ведь это же он нас позвал, — объяснил лейтенант. — Мы с задания ехали, а он выскочил на дорогу и давай голосовать. Ты хоть спасибо скажи человеку за выручку.

Валера улыбался откровенно и счастливо, как человек, совершивший подвиг.

— Спасибо,— машинально пробормотал Сережа.

— Ну, пошли,— повторил милиционер.— Да ты успокойся, браток. Все уже позади... А ты знаешь, кто этот Гаврилов?

Сережа помотал головой.

Лейтенант сказал:

— Известная фигура... Как тебе удалось его свалить? Это же чудо какое-то.

— Он, по-моему, сильно пьяный,— сказал Сережа.— А может быть... В общем, я и сам не пойму.— Он слабо улыбнулся. Он совсем не чувствовал себя героем. Его бил озноб.

— Ну и что же, что пьяный,— возразил лейтенант.— Головы-то он не терял. Догадался же кастет выбросить. Ну ничего, там сержант остался, найдет...

— А нож! — спохватился Сережа.— Взяли?

— Какой нож?

— Но ведь он же с ножом был.

— Тебе не показалось? Темно было.

— Не показалось. Там свет из окна падал! Я по ножу ударил, а он в столб воткнулся. Вот над ним.— Сережа указал на Стасика, и тот почему-то вздрогнул.

— Роман «Три мушкетера», да и только,— озабоченно произнес лейтенант.— А ну пойдем назад. Нож — штука серьезная.

Он решительно двинулся в переулок, и ребята потянулись за ним. Стасик прихрамывал.

— Можно, я домой пойду? — спросил он.— У меня нога болит. Лейтенант обернулся.

— А не боишься?

— Дом-то уже рядом,— объяснил Сережа.— Пусть идут оба, а то родители волнуются. Тут их никто не тронет. А я вам все расскажу и без них.

— Ну, бегите,— разрешил лейтенант.

— Стаська, не вздумай дома рассказывать про это дело,— предупредил Сережа.— Там с ума сойдут. Скажи, что я к Генке зашел.

Стасик торопливо кивнул и, кажется, обрадовался.

Малыши ушли, а Сережа и лейтенант снова окунулись в темноту переулка.

Нож они не отыскиали. На столбе его не было, в сухой траве вокруг столба — тоже.

— Может быть, показалось все-таки? — спросил милиционер. Сережа упрямо помотал головой.

Лейтенант помолчал и спросил:

— А ты не помнишь, как нож воткнулся? Вдоль древесины или поперек?

— Вот так, — Сережа вытянул перед собой ладонь, — наискосок.

— Посмотрим... — Лейтенант стал на цыпочки и долго водил светлым кружком фонарика по столбу.

— Точно. Есть такая зарубка, — сказал он.

Кто-то тяжело прыгнул с забора и подошел к ним. Это был сержант.

— Вот он, кастет. На грядках лежал.

Лейтенант сказал ему о ноже. Минут десять они обшаривали вокруг землю, но напрасно.

— Пойдем, — сказал лейтенант. — Нет ничего.

— Вы мне не верите? — спросил Сережа.

— Верю. Тем более след на столбе... Но где же нож? Может, Гаврилов успел его выбросить?

— Да нет, он его больше не касался.

— Ладно, выясним... А как ты сумел выбить его у Гаврилова?

— Не знаю, — утомленно сказал Сережа. — Наверно, с перепугу... — Его опять стал трясти крупный озноб, и захотелось поскорее оказаться дома у Наташки, среди своих, где спокойно, светло и весело. Казалось, что он уже много-много часов пробыл в этом переулке.

Сержант, который все молчал, вдруг спросил:

— С перепугу, говоришь? С перепугу люди драпают сломя голову, а ты дрался.

Сережа не стал объяснять, что драпать нельзя было из-за Сгаськи. Еще подумают, что хвастается: вот, мол, какой хороший, не бросил маленького...

В отделении милиции все произошло быстро. Гаврилова увели. Кису, Гусыню, Сенцова и четвертого мальчишку отпустили домой, сказав, что вызовут в понедельник. Хмурый пожилой капитан, повернувшись к Сереже, слегка улыбнулся:

— Ну, мушкетер, давай по порядку. Как было дело? Да не волнуйся, все уже хорошо.

«Почему они все говорят «не волнуйся»? — подумал Сережа. — Или заметно, как меня трясет? Но это же от холода».

Он рассказал обо всем. Получилось не много. Капитан записывал. Потом спросил:

— Значит, настаиваешь, что нож был?

— Да.

— Ну ладно... Прочитай и распишись.

Сережа бегло прочитал разлинованный лист. Все было правильно, только очень уж коротко. Сережа написал внизу: «Каховский». Буквы получились большие и корявые. Он услышал, как шепотом кто-то сказал:

— Натерпелся малец.

Капитан обратился к лейтенанту, которого тоже звали Сережей.

— Увези парнишку домой.

— Я и так дойду, здесь недалеко,— сказал Сережа.

Капитан опять сдержанно улыбнулся.

— Увези, увези... Героям должен быть почет. Он и сам еще не знает, как здорово нам помог...

У крыльца стояла милицейская «Волга». Лейтенант сел за руль, Сережа — рядом. В зеркале над рулем он увидел на миг свое лицо. На левой скуле был могучий синяк. Это Сережу почему-то развеселило.

Доехали они за минуту.

Дверь Сереже открыла Наташка.

— Ну, пропащая душа... Мы уж беспокоимся.

При неярком коридорном свете она не разглядела Сережино лицо.

— Слушай,— шепотом сказал он,— есть у тебя пудра или крем какой-нибудь, которым лицо мажут?

— Ты рехнулся?

— Ни капельки. Надо навести маскировку.

10

Наташе Сережа сказал про все, но велел, чтобы молчала как рыба: не портить же людям праздник. Весь вечер он держался в тени, а когда пришли домой, сразу лег спать. Ему не снились ни бандиты с ножами, ни другие кошмары. Вообще ничего не снилось.

Проснулся Сережа поздно. Все тело болело, будто накануне он весь день тяжести таскал. Зато настроение было прекрасное. Он

отлично помнил, что было вчера, и чувствовал спокойную гордость. А чего ж не гордиться? Он до конца держался в неравной схватке. Он был победитель.

Все было хорошо. Уютно пощелкивали батареи, смеялась за дверью Маринка, весело говорил с тетей Галей отец. А за окнами опять сыпал крупный снег.

Даже пенопластовый замок с узорным флюгером на главной башне и синим крабом над воротами опять показался Сереже красивым и почти настоящим.

Сережа откинул одеяло, сделал десяток приседаний, чтобы прогнать боль из мускулов. Потом побежал в ванную. В прихожей он столкнулся с тетей Галей.

Она ахнула:

— Сереженька! Что с тобой?

— А что?

— Ты в зеркало посмотри!

Он посмотрел.

«Маскировка» слезла, и синяк цвел во всю щеку.

— Кто тебя? — все больше волновалась тетя Галя. — Батюшки, да что же это? Володя, иди сюда!

Пришел папа. Посмотрел, присвистнул. Сказал:

— Давай, дружище, выкладывай. Пойдем-ка в комнату.

И Сережа «выложил». Да он и не собирался отмалчиваться. Одно дело вчера, другое — сегодня.

Он сидел на тахте, покрытой мохнатым, ласково щекочущим пледом, приткнулся к отцу и чувствовал себя, как котенок в добрых руках. Рассказывал спокойно и подробно. Не скрывал ни страха, ни мыслей, которые были в тот момент, ни злости, которую влил в удары своей деревянной шпаги. Папе можно было говорить все. Конечно, зря здесь была тетя Галя: не женское это дело слушать о таких вещах. Но разве ее уговоришь не слушать! И Маринку тоже.

Маринка сидела верхом на Ноке и держала его за уши, как за вожжи. Нок терпеливо улыбался розовой пастью.

Маринка слушала серьезно и молча. Только один раз она спросила:

— А они были кто? Шпионы?

Сережа и папа рассмеялись. А тетя Галя несколько раз повторила: «Господи... Господи», хотя в бога верила, конечно, не больше Сережи.

— Ну вот и все. Жалко только, что нож не нашли,— закончил Сережа.

Отец коротко вздохнул, приподнял его и, как в давние времена, усадил на колени. Притиснул к груди:

— Маленький ты мой...

Сережа не прочь был на несколько минут оказаться маленьким. Он притих и зажмурился. Почти замурлыкал.

Маринка ревниво следила за ним.

— А ты почему не в садике? — спросил Сережа, выглядывая из-за папиного локтя.

— А я в субботу не хожу.

— В субботу мы вдвоем домашней работой занимаемся,— сказала тетя Галя и увела Маринку на кухню.

Вот как! Сегодня суббота! А он и забыл.

Продолжая играть маленького, Сережа капризно сказал:

— У всех в субботу выходной, даже в детском садике. А мы учимся. Почему? Не хочу — и все...

— А не ходи сегодня в школу,— неожиданно сказал папа.

Сережа вскинул голову.

— Да я же пошутил. Что ты, папа!

— А я не шучу. Давай хоть одну субботу побудем вместе. Не останешься ведь ты из-за этого на второй год.

— Не останусь... Папа! А скажи по правде, ты боишься меня в школу отпускать, да? Думаешь, что опять что-нибудь случится?

— Ну, вот глупости. Просто надо тебе отдохнуть после встряски. Ты же вчера перед вражеским оружием стоял. Как на войне. Даже взрослым после такого дела передышка нужна.

Сережа не чувствовал, что ему нужна передышка. Но неожиданный выходной — это было заманчиво. Можно не торопясь доделать крышу у замковой галереи и покрасить на ней мелкие картонные квадратики в оранжевый цвет — под черепицу. Можно срисовать из книги «Архитектура средневековья» несколько крепостей. Можно поваляться и почитать. А можно починить наконец маленькую кровать для Маринкиной куклы Тамары. А то он совсем забросил Марину: со Стаськой Грачевым возится больше, чем с собственной сестрой.

Но эти мысли мелькнули между прочим, а главная мысль была все о том же — о вчерашнем.

— Папа, а тебе приходилось так?.. Ну, чтобы на тебя с оружием?

Отец улыбнулся:

— Было несколько случаев. Я же лесной человек... Один раз три мерзавца застрелили лосиху и — мало им еще! — хотели прирезать лосенка. Тут я на них и вышел. На моей стороне был закон, а на их стороне — сила. А что им закон, если у них шесть стволов, а у меня два? Долго мы стояли друг против друга, беседовали. Многими любезностями обменялись.

— Они отступили?

— Да, ушли в конце концов. Они меня знали. Понимали, что, если даже продырявят навывлет, один ствол я успею разрядить и не промахнусь. А каждый из них считал, что его паршивая жизнь дороже лосенка, хотя, по-моему, ошибался.

— А их нашли потом?

— Нашли. Я же их знал. Трудно было доказать, что именно они стреляли в лосиху, но ничего, доказали... А потом я не выдержал и признался им, что у меня в стволах патронов не было. Вот они локти кусали!.. Давно это было, еще ты не родился... А сейчас ты вон какой длиннющий! Ну-ка беги умываться, герой!

Сережа задумчиво сказал:

— И ни капельки я не герой. Вот ни настолько.— Он показал ноготь.

Отец взъерошил ему макушку.

— Помнишь, ты мне про случай с ремнями рассказывал? — спросил он.— Вы тогда трех человек исключили... Ты рассказываешь, а я все время чувствую: какая-то мысль тебя грызет.

— Какая?

— А такая: «А что я сам-то делал бы на их месте? Не струсил бы?» Так?

— Так...— признался Сережа.

— Ну вот. А теперь ты, по крайней мере, знаешь: не струсил. В общем, это был твой звездный час.

— Что было?

— Звездный час. У каждого человека бывают в жизни звездные часы. Это когда у него большая победа, или большая радость, или успех в трудном деле. В общем, торжество.

— А-а...— сказал Сережа.

Торжества он не чувствовал. Победа — это конечно. Гордость. Но не торжество. И радости особой не было. И не очень-то хотелось вспоминать, как Гусыня сидел на корточках, держась за разбитое лицо. И как бледно улыбался Гаврик, взмахивая

поднятыми руками... Лучше бы совсем не было на свете этих кис, гусынь, гавриков. Ну что они за люди? Что им надо на свете? Почему они мешают жить другим? Ну что они, из племени людоедов или с другой планеты? Живут вместе со всеми. Наверно, на первомайские парады, как нормальные люди, ходят и те же песни поют. Некоторые даже пионерские галстуки носят. И когда кино про войну смотрят, не за фашистов же они болеют!

Но спорить с отцом Сережа не стал, только спросил:

— А у тебя были звездные часы?

— Конечно, были,— без улыбки сказал папа.— Когда мы добились, чтобы район Черного озера объявили заповедником. Не представляешь, какой был бой, четыре раза пришлось нам с дядей Володей в Москву вылетать... А еще когда взял первый приз за стрельбу на круглом стенде. Это в шестьдесят четвертом году... А еще... когда твоя мама согласилась выйти за меня замуж.

Они помолчали.

— Па...— сказал Сережа.— А Кузнечик влюбился в Наташку.

— Надо же... Ну ты смотри над этим не смейся.

— Разве я смеюсь? Я сегодня к нему сбегая, ладно?

Генка сидел с ногами в кресле, в обнимку с гитарой. Он опять был как настоящий кузнечик. Большой кузнечик с обмотанным горлом.

Ух как он обрадовался! Вскочил, сунул ноги в тапочки, завернулся в длинный мохнатый халат и зашлепал к Сереже.

А подойдя вплотную, тихо сказал:

— А я все знаю.

— Откуда?

— Наташа утром приходила.

— Все девчонки одинаковы,— ворчливо заметил Сережа.— Язык на привязи не держат.

Но в глубине души он был рад, что не надо от начала до конца рассказывать опять эту историю.

— Ты не обижайся на нее,— попросил Кузнечик.— Она знаешь как за тебя волнуется!

— Теперь-то уж чего волноваться?

— А все равно... И еще она за Стаську беспокоится. Он какой-то пришибленный.

— Перепугался. Я и то чуть не помер, когда этот тип с финкой появился.

Генка поежился:

— Я бы точно помер.

— Ты? Вот уж чушь-то,— искренне сказал Сережа.

Генка сипло, словно вспомнив, что у него ангина, произнес:

— Если бы чушь... Это ведь не на гитаре тренькать.

— Да перестань ты! — прикрикнул Сережа. — На гитаре... Тот парень в Чили, Виктор Хара, тоже был с гитарой, а не с автоматом. А эти сволочи ему руки отрубили и голову размозжили прикладами. Сам, наверно, слышал...

— Сравнил... — вздохнул Кузнечик. Поддернул подол у халата и опять полез в кресло.

— Ну и сутана у тебя,— сказал Сережа. — Как у кардинала Ришелье.

— Это Сашин халат, боксерский.

Саша, Генкин брат, был неуловимой личностью. Он окончил физико-математический факультет и работал в какой-то «очень интересной» лаборатории. Сережа видел его лишь один раз, мельком, потому что дома Саша только ночевал. Да и то не всегда. Кроме того, он часто уезжал: то в Новосибирск, в Академгородок, то в Москву.

Но все дома у Генки было связано с братом Сашей: книги на самодельных стеллажах, боксерские перчатки на гвозде, индейская маска, привезенная из Чили, морские карты на стенах. На картах были наклеены почтовые марки с кораблями всех времен и стран. Это так необыкновенно Саша и Генка собирали коллекцию.

Раньше карт было четыре. А сейчас осталось три. На месте четвертой — английской карты с изображением порта Александрии — темнел пустой квадрат.

— Куда Александрию девали? — поинтересовался Сережа.

— Митьке отдали. Он вчера пришел и как прилип к этим картам, так больше ни на что другое не смотрел. Поразговаривает, поразговаривает, а потом опять к ним... Вот так. Он, конечно, сперва отказывался изо всех сил...

— Там ведь кубинская серия с парусниками была,— вспомнил Сережа.

— Была... Митька два апельсина притащил. Хочешь?

— Лопай сам. Ты больной.

— Никакой я не больной! Это врач выдумывает! Все равно завтра в клуб пойду!

Сережа внимательно поглядел на него и понял: в самом деле пойдет. А может, это и лучше. А то от одиночества можно сильнее заболеть.

— Слушай, Кузнечик,— ласково сказал он,— я тебя очень прошу: не рассказывай завтра об этом деле в клубе. Хорошо?

— Ну... хорошо,— слегка растерянно отозвался Генка.— Только зря ты так. Это уж не скромность, а черт знает что.

— А я не из-за скромности. Просто хочется, чтобы завтра все было как всегда. А то начнутся разговоры, расспросы... Если тридцать девять человек начнут расспрашивать, тут хоть кто завоюет.

— Сорок,— сказал Кузнечик.— Мосин, видимо, вернется.

— Как так?

— Митька рассказал. Мосин поймал после уроков Лысого, пришел к стенке и говорит: «Гони обратно ремень». Лысый, конечно, запсиховал: «Я сейчас наших позову!» Мосин говорит: «Зови. Пока зовешь, я тебя в стенку вколочу, будут стамеской выковыривать». Тут прибежал приятель Лысого по кличке Бобочка. Начали они с Мосиным разговаривать нахально. И вдруг подходит Андрюшка Гарц... Они же все вместе в сорок шестой учатся... Подошел да без всяких слов ка-а-ак вделает Бобочке портфелем по хребту. Тот сразу в бега...

— Ай да Андрюшка! — со смехом сказал Сережа.— А я ему, бедному, в среду наряд вне очереди вклепал, за то что нашивка еле-еле на рукаве держится.

— Ничего, он не обидится... Ну вот, Бобочка — драпать. А Мосин и Гарц стали беседовать с Лысым. Он начал врать, что нету ремня, сменял кому-то. Мосин тогда отобрал у него сумку и говорит: «Принесешь ремень — отдам».

— Принес?

— Куда он денется? А вчера Мосин ремень нацепил и пришел в клуб. Записываться опять.

— Надо взять,— сказал Сережа.— Он все-таки парень хороший. Не то что Сенцов, шкура такая... Правильно я ему вчера врезал.

— Сенцову? За что?

— Разве Наташка не сказала?

— Нет. Да она вообще запутанно рассказывала. Больше охала, чем говорила. Ну-ка давай рассказывай подробно.

В воскресенье с утра Сережа пришел в клуб. Там было весело, спокойно и хорошо. Олег в спортзале проводил с Данилкиной

группой внеплановые соревнования — на личное первенство среди барабанщиков. Впервые участвовал Вадик Воронин. Правда, вне конкурса. Его братья в кают-компании рисовали эскизы костюмов для фильма «Три мушкетера». Андрюшка Гарц приставал к ним:

— А почему д'Артаньян в валенках? Разве бывают валенки со шпорами? И штаны у него современные.

— Это чтобы смешнее,— терпеливо объяснял Валерик Воронин.

— А почему он верхом на палке, а не на лошади?

— Тебе же говорят: чтобы смешнее было. Это же фильм-шутка. Будто игра.

— С лошадей все равно лучше.

— А у тебя есть лошадь? — рассердился второй художник, Вовка.— Если есть, веди сюда. Если нет — отцепись.

Лошади у Андрюшки, видимо, не было, потому что он отцепился.

Кузнечик сидел в тепле, у батареи, тренькал на гитаре и заглядывал в бумажку со словами песни о горнисте и всадниках.

Пришел Андрей Ткачук, сказал, что вчера гонял шайбу на застывшем пруду и, конечно, провалился. Хорошо, что неглубоко, по колено.

Володя Огоньков на подоконнике чинил заезженный кинопроектор. Оторвался на минуту и спросил у Сережи:

— Ты, говорят, модель крепости строишь?

— Макет. Не крепости, а замка.

— А его можно будет в фильме снять?

— Он же маленький.

— А мы бы его близко сняли. На экране будет большой, как настоящий. Дашь?

— Ну и вопросы ты задаешь,— обиделся Сережа.— Неужели не дам?

...Вечером он сел доделывать висячий мост. Цепи сделал из цепочки от старых часов с гирями, а поперечный настил — из крашеных в коричневый цвет спичек. Мост получился что надо. Снимай хоть на «Мосфильме».

Сережа направил на замок свет настольной лампы и лег на кровать.

Белые башни, зубчатые стены с тонкими карнизами и выступами светились, как под южным солнцем. Оранжевые кусочки картона казались издали настоящей черепицей. Синий краб

тайнственно поблескивал над полукруглой аркой ворот. Это было похоже на сказку.

В последнее время все чаще думал Сережа о старых-старых городах, где под горбатыми мостовыми пролегали подземные ходы, а в сводчатых подвалах библиотек не до конца разобраны желтые свитки и хрустящие от древности книги. О заросших буграх со следами оборонительных стен, где еще можно отыскать ржавые клинки и ядра. Об остатках крепостей и о серой полыни, в корнях которой прячутся осколки византийских ваз и монеты с профилями забытых императоров. Об острове Пасхи, о ступенчатых пирамидах Южной Америки... Тайны, упрятанные в глубину земли, в заросли и камни, казались ему живыми. Они ждали открытий, как пленники ждут освобождения...

Понедельник в школе прошел спокойно. После уроков Сережа вышел на улицу и увидел тетю Галю. Она недалеко от школы гуляла с Нокком.

— Меня ждете? — с мягким упреком спросил Сережа.

— Просто гуляем. Нок все принохливается, не идешь ли ты. Вот и решили пойти навстречу.

— Не надо меня встречать. Ну честное слово, ничего со мной не случится.

Во вторник вечером «случайно» мимо школы проходил отец и тоже встретил Сережу. Тот лишь вздохнул.

В среду Сережу вызвали с третьего урока. В кабинете директора сидели двое мужчин. Один — в коричневом костюме, с узким, как топор, лицом и черными внимательными глазами. Второй — в мягкой куртке, невысокий, полный. Анатолия Афанасьевича не было, зато присутствовала завуч Елизавета Максимовна.

Мужчина в куртке попросил:

— Сережа, будь ласков, расскажи, как было дело в тот вечер.

Сережа вопросительно глянул на Елизавету Максимовну. Она сухо сказала:

— Это из милиции.

— Я же рассказывал в милиции.

Человек в куртке терпеливо объяснил:

— Я понимаю. Но меня там не было, а следствие придется вести мне. Хочется самому послушать. А кроме того, ты сгоряча тогда мог что-нибудь забыть. Постарайся сейчас изложить подробно, в деталях.

Сережа начал рассказывать.

Елизавета Максимовна перебила:

— Извините, у меня урок. Мне прислать кого-нибудь вместо себя?

— Как хотите,— сказал полный мужчина.

— Я слышала, что при допросе обязан присутствовать кто-нибудь из старших.

Следователь поднял на нее светлые глаза.

— Какой же это допрос? Допрашивают обвиняемых, а здесь... наоборот.

Завуч попрощалась и ушла.

Сережа заговорил опять.

Человек с острым лицом молча и быстро писал в черном блокноте. Следователь делал пометки на листе бумаги.

— Спасибо,— сказал он в конце.— Извини уж, что оторвал от урока... Вот и учительница ваша недовольна.

— Это завуч,— объяснил Сережа.— Знаете что? Вы ей скажите, пожалуйста, в чем дело. А то она, кажется, думает, будто я в чем-то виноват.

Следователь засмеялся:

— Да что ты, она все знает. Но мы еще раз скажем, не волнуйся. Скажем как следует.

Вечером Сережу никто уже не встречал. Прямо из школы он побежал в клуб, на линейку. На линейке приняли в кандидаты «Эспады» Леонида Мосина.

В четверг на первом уроке объявили, что в перемену состоится школьная линсйка. Общая, всей второй смены. Это известие вызвало шум и удивление. Все понимали, что за десять минут линейку не проведешь. Значит, что-то важное случилось, если жертвуют уроками.

После звонка классы начали сходиться в зале. Шеренгами выстраивались вдоль стен. Гомон стоял, и колыхались на окнах шторы.

Потом все стихло. Притихли сразу и третьи, и четвертые классы, и шестые, и девятые. И малыши-второклассники. Вошла Елизавета Максимовна, а с ней — два милиционера.

Сережа их сразу узнал. Один из милиционеров был хмурый

капитан, с которым они беседовали в отделении, второй — лейтенант Сережа.

Завуч и милиционеры прошли на середину зала.

У Сережи от волнения засосало под сердцем. Он понял, что без него здесь не обойдется. Но что же будет?

— Ребята! — громким голосом начала Елизавета Максимовна. — У нас гости. Представители нашей славной милиции...

— Про уличное движение будут говорить, — раздался громкий шепот.

— Краснов! — безошибочно определила Елизавета Максимовна. — Хотя бы здесь воздержись от своих реплик. — Она повернулась к хмурому капитану: — Извините...

— Ничего, — сказал капитан и улыбнулся так, что Сережа сразу увидел: он совсем не хмурый. Ни капельки.

Капитан шагнул вперед.

— Хочу я вам рассказать про двух славных и храбрых людей, — сказал он. — Про двух ребят. Они среди вас. Один еще совсем небольшой, это Валера Шагаев. А второй постарше — Сережа Каховский. В пятницу на прошлой неделе эти ребята оказали нам большую услугу, помогли поймать преступника. Как это было, долго сейчас рассказывать. Вам потом на собраниях в классах расскажут. Я скажу только, что Валера проявил смекалку и быстроту: выскочил на дорогу и остановил машину с нашей оперативной группой. А Сергей, столкнувшись с преступником, вел себя как настоящий мужчина. В общем, храбрые люди... Вот Елизавета Максимовна говорила, что директор школы готовит им приказ с благодарностью...

— К сожалению, Анатолий Афанасьевич сейчас на совещании в облоно, — перебила завуч. — Он прочитает этот приказ по школьному радио. Мы готовим специальную передачу.

— Это хорошо, — сказал капитан. — А мы... Короче говоря, от милиции есть для этих ребят подарок. Раньше за храбрость награждали именным оружием. Ну, а для вас главный фронт — учеба. Вот мы и решили, что для учебы тоже хорошее оружие не помешает. Давайте-ка, лейтенант...

Лейтенант расстегнул портфель и достал две плоских черных коробки — большие готовальни.

— Валере-то еще, наверно, рановато ею пользоваться, но в будущем пригодится, — сказал капитан.

Сережа стоял, как назло, в первой шеренге и видел сотни глаз,

которые разглядывали его. С любопытством. С дружеским пониманием. С изумлением. С завистью. А сзади удивленно и обрадованно шептали что-то одноклассники. Кто-то разик уже весело трахнул его между лопаток.

От неловкости Сереже хотелось спрятаться за вторую шеренгу. Но чувствовал он и радость. Только в радости было беспокойство. Это сверлила его мысль, которая появилась еще вчера. Мысль о случайности.

А вот Валеру Шагаева ничто не беспокоило. Его красивое лицо сияло счастливой и гордой улыбкой.

«Стасье, наверно, обидно»,— подумал Сережа. Отыскал Стасика глазами. Тот стоял понурый и, кажется, очень бледный. Это сильно испортило Сереже радость.

— Валера Шагаев и Сережа Каховский, подойдите, пожалуйста,— позвал капитан.

Они подошли. Капитан вручил им готовальни. И он, и лейтенант каждому пожали руки. Лейтенант незаметно подмигнул Сереже.

Валера громко сказал:

— Большое октябратское спасибо!

В строю засмеялись.

Сережа тоже сказал спасибо, но тихо и неуверенно. Когда он подошел к своей шеренге, его окликнула Татьяна Михайловна. Она стояла рядом с ребятами.

— Каховский! Что же ты не поблагодарил как следует?

Сережа повернулся к середине зала.

— Спасибо,— произнес он теперь уже громко. И подумал: «Сказать или не сказать?» Сказать было нужно. Сейчас. Чтобы слышали все. Сказать о том, что беспокоило его. Но страшновато было.

«Три. Два. Один...» — отсчитал он. И повторил:

— Спасибо.— Затем твердо добавил: — Но это была случайность.

Прошелестел по шеренгам удивленный шумок. А Сережа продолжал. Все громче и звонче:

— Случайность! Ведь провожать их должен был не я, а Наташа Лесникова. Она у них вожатая. И что было бы тогда?.. Или даже пускай я, но если бы мне рейка под руку не попала? Или если бы я не знал, как ею действовать? Тогда что?.. Я думаю, не надо малышей задерживать допоздна, вот и все.

Настала тишина. В ней были растерянность и удивление. И вдруг щелкнули одинокие аплодисменты. Они словно прорвали плотину. Сработала привычка: раз окончена речь, надо хлопнуть. Под шум аплодисментов Сережа встал в строй.

Елизавета Максимовна подняла руку и объявила, что линейка закончена.

Классы начали расходиться, и строй рассыпался. Сережу догнала Татьяна Михайловна.

— Ты и здесь не мог обойтись без скандала,— сказала она не то что с упреком, а скорее удивленно.

— Вы не обижайтесь, Татьяна Михайловна. Я просто не удержался... Но я же правду сказал.

— Смешно даже, Сережа. Ты думаешь, что один о маленьких беспокоишься? Мы об этом еще в субботу на педсовете говорили. Не надо считать, что ты умнее всех.

Сережа так не считал и промолчал. Татьяна Михайловна отошла.

Его обгоняли ребята. Оглядывались. Одноклассники хлопали по спине и называли Гераклом.

Пробежала Наташа. Крикнула на ходу:

— Это я начала аплодировать! Цени.

Одна девчонка из девятого «Б» сказала другой громким шепотом:

— Симпатичный.

«Ну и жизнь,— подумал Сережа.— Даже дурами не обзовешь, сразу скажут: вообразает».

Кто-то взял его за плечо. Это был капитан.

— Ты уж извини,— сказал он.— Неудобно после торжества, а надо все равно один вопросик уточнить.

— К завучу пойдем?— спросил Сережа. И подумал: «Неужели ругать будет за мое выступление?»

— Да нет, здесь поговорим. Только пусть народ схлынет... А завучей я до сих пор боюсь.

Он, как мальчишка, уселся на подоконник. Улыбнулся.

— Совсем будто в детстве. Выгонят, бывало, из класса, сидишь так в коридоре и гадаешь: «Потянут к завучу или обойдется?» А чего боялся? Завуч Вера Константиновна добрейшая женщина была... В блокаду погибла в Ленинграде...

Наконец коридор опустел. И в это время подошел лейтенант Сережа.

— Ну что, Георгий Матвеевич?

— Не говорили еще,— сказал капитан.— Сейчас... Вот какое дело, Сергей... Может быть, и трудно вспомнить, но постарайся. Как выглядел нож? Говоришь, свет на него падал? Ты сразу не отвечай, подумай, если не помнишь.

— Да помню я!— воскликнул Сережа. И, как на фотоснимке, увидел снова короткис пальцы Гаврика с выпуклыми грязными ногтями и блестящий клинок. Рука и нож словно светились в темноте.

— Он такой... Короткий. Тяжелый... Ну, по виду тяжелый. Помоему, самодельный...

— Почему ты так думаешь?

— У него медная переключинка, а на ней следы от напильника. Похоже, что вручную сделали.

— Ты все это заметил?— усомнился капитан Георгий Матвеевич.

Сережа кивнул.

— Это бывает в такие моменты,— вмешался лейтенант.— В прошлом году, когда Пеликан мне в пузо «вальтер» навел, я тоже царапину на стволе заметил.

Георгий Матвеевич усмехнулся:

— Два Сережи, две геройских... фигуры.

Лейтенант Сережа, кажется, обиделся:

— Я же для пользы дела вспомнил.

— Для пользы дела продолжим разговор. Скажи-ка, Сергей, а какое было лезвие?

— Клинок? Он плоский. С двух сторон заточенный. А конец некрасивый какой-то. Как у тупого утюга.

— Клинок с желобком?

— Нет,— уверенно сказал Сережа.— Без желобка.

Георгий Матвеевич и лейтенант переглянулись.

— А какая ручка?— спросил капитан.

— Ручку я плохо помню, ее пальцы закрывали. Почти... Но, помоему, пластмассовая. Знаете, бывают такие, из разных кусочков...

— Все точно,— сказал лейтенант.— Ну и глаз у человека!

— Да,— подтвердил Георгий Матвеевич, но как-то невесело.

Сережа удивленно посмотрел на одного, на другого и вдруг сообразил:

— Значит, нашли?

Капитан кивнул:

— Нашли. Только пока это, Сергей, между нами.

— Конечно! А где нашли?

— Целая история. Отец Касьянова сам к нам принес. Не хочет, чтоб сынок в колонию попал. А сынок уже с Гавриловым оказался связан.

— А что за Касьянов?

— Ну, этот... Киса.

— Непонятно,— удивился Сережа.— Когда Киса успел нож схватить?

— А он и не хватал...— вмешался лейтенант.

Георгий Матвеевич остановил его взглядом.

— Не все сразу... Спасибо, Сергей. Тебе ведь на урок надо? Сережа сразу пригорюнился.

— Что? Не хочется?— спросил капитан.— Уроки — вещь необходимая.

— Да не в уроке дело... Сейчас войду в класс с этой коробкой, и все опять на меня уставятся. Шуточки начнутся: «Ура, герой пожаловал...»

— А, вот в чем дело. Ну ладно, возьму грех на себя. Сорок минут у нас есть. Может, нам в кафе «Пингвин» заглянуть? Там пломбир с земляникой, у меня к нему давняя слабость. Ты на это как смотришь?

Сережа смотрел положительно и не сумел это скрыть.

— Вот и хорошо,— сказал капитан.— А лейтенант Ковалевский не пойдет в кафе «Пингвин». Лейтенанту Ковалевскому на дежурство пора. Грустно бедному, а делать нечего — служба.

— Где мне угнаться за капитанами,— сказал лейтенант Сережа. И мстительно добавил:

Как-то раз два капитана
Подались до ресторана.
Первый прогулял урок,
А второй со службы сбег...

— Ты поговори, поговори с начальством! — пригрозил Георгий Матвеевич.— Я тебе покажу, как эпитаммы сочинять. Со мной шутки плохи, я тебе не Пеликан с «вальтером».

Кафе было недалеко, за углом, и Сережа не хотел было одеваться.

— Простынешь, герой,— беспокоился Георгий Матвеевич.

— Что вы! Я закаленный. А если одеваться да раздеваться, можно не успеть.

— Успеем. Учитывая сложности момента, я использую служебное положение и пролезу в кассу без очереди.

Но лезть без очереди не пришлось, в кафе было пусто.

Георгий Матвеевич взял два пломбира и скомандовал:

— Налегай.

Сережа налег.

Когда он почти доел свою порцию, Георгий Матвеевич спросил:

— А тот парнишка, Стасик... Он товарищ твой?

Сережа смутился.

— Ну... наверно. Раз уж так получается. Понимаете, он все время в разные истории влипает, а мне приходится его вытаскивать.

— Плохо. Я ведь сначала думал, что он так, случайный попутчик.

— А что случилось? — встревожился Сережа.

— Что случилось... Не должен был я тебе это говорить, да все равно узнаешь. Касьянов, чтобы оправдаться, всем приятелям про это уже раззвонил. Да и на суде скажут... В общем, Стасик этот маленький, глупый... Когда нож упал рядом с ним, он его в сапожок сунул. Так и ушел. А утром Кисе его унес, вот какое дело.

— Зачем? — ошеломленно спросил Сережа.

— Кто же его знает? Может быть, сначала себе взять хотел — вещь красивая, блестящая, — а потом испугался. А может быть, с Кисой подружиться пожелал. Не понять. Его ведь не допросишь как следует: чуть чего — и в слезы.

Сережа молчал целую минуту. Потом стиснул кулаки и тихо сказал:

— Если бы я знал, что он такой...

— А что бы ты сделал? — перебил Георгий Матвеевич. — Какой бы он ни был, он еще клоп. Я вот чего боюсь: как бы не стали к нему лезть с разными дразнилками, если про эту историю в школе узнают. Потому тебе и сказал заранее. Уяснил?

Сережа машинально кивнул.

Мороженое было безвкусным и скрипучим, как замешанный на воде песок.

То, что случилось потом, Сережа вспоминал со стыдом и омерзением.

В школе он пошел искать Стасика. Сначала Сережа не испытывал ничего, кроме жгучей обиды. Он хотел только сказать Стаське: «Я же из-за тебя, может, жизнью рисковал, а ты... Эх, ты!» Но потом, когда он Стасика увидел, в нем колыхнулось озлобление. «Веселится, будто ничего не случилось. Предатель...»

Стасик и правда веселился. Вместе с одноклассниками играл в чехарду. Заметив Сережу, Стасик сник.

— Иди сюда,— велел Сережа.

Они отошли в угол. Сережа прислонился к стенке и с минуту молча смотрел на Стасика. Тот шмыгал носом, глядел в сторону и моргал.

Сережа сдержанно спросил:

— Зачем отдал Кисе нож?

Стасик заморгал сильнее, и глаза у него набухли.

— Нет, ты это брось,— жестко сказал Сережа.— Знаем мы эти трюки: чуть чего — и сразу слезы пускать. Зачем отдал нож?

Стасик проглотил слезы и хотел опустить голову. Сережа уперся пальцем ему в лоб и не дал.

— Ну?

Стасик отвернулся и стал смотреть в окно. Шепотом, но с незнакомой нагловатой ноткой он сказал:

— А чо?

Мгновенная злость как бы встряхнула Сережу, и он ладонью хлестнул малыша по щеке.

Голова у Стаськи мотнулась в сторону и поникла как на стебельке. Сережа увидел тонкую шею с отросшей косичкой светлых волос. В тот же миг волна отчаянного отвращения к себе хлынула на него и смыла все: злость, обиду, мысли о Стаськиной подлости. И одна только мысль сразу и четко застучала в нем: «Чем же я лучше его отца? Чем же? Чем? Чем я теперь лучше его?»

У Стаськи закапали уже непритворные слезы.

С тихим отчаянием Сережа сказал:

— Перестань. Мне в тысячу раз хуже, чем тебе.

На них уже оглядывались.

Стасик стал послушно вытирать щеки ладонями. Ладони были грязные, и на щеках оставались разводы.

— Опять разукрасился. Пошли умываться,— морщась, проговорил Сережа. Взял его за руку и повел в туалет.

Он говорил и вел себя со Стасиком как обычно. Однако делал все почти машинально. Не был он сейчас прежним Сережей Каховским, который честен перед всеми и перед собой. «Чем я лучше его отца?»

Если бы Стаська обиделся на пощечину, крикнул бы что-то грубое, убежал бы — тогда другое дело. Было бы легче. Но у него лишь голова мотнулась (а щека была мягкая и теплая), и он стоял и думал, наверно, только об одном: ударят еще или не ударят?

«Чем же я лучше папаши Грачева?»

Стасик умылся, и Сережа дал ему свой платок, запыленный на сгибах от долгого и бесполезного лежания в кармане.

— Вытрись.

Стасик вытер лицо, руки и замер в ожидании.

Скверно было Сереже, и ни о чем говорить не хотелось. Но один вопрос он все-таки задал Стаське. Потому что необходимо было понять до конца.

— Слушай, мне от тебя ничего не надо,— сказал он почти жалобно.— Скажи только одно: зачем ты отдал Кисе нож? Я тебя очень прошу.

Стасик переступил с ноги на ногу, мельком глянул Сереже в лицо, отвернулся и прошептал:

— Чтобы он не бил.

— Тебя?

— Ну...

— Разве он бил?

— Нет. Он только обещался, если двадцать копеек не принесу.

— А ты принес?

— У меня нету.

— А если бы были?

Стасик вздохнул.

— Иди к себе,— велел Сережа.

Потом он пришел в свой класс, незаметно взял портфель, объяснил Павлику Великанову, что у него зверски разболелась голова. Пусть скажет Татьяне Михайловне. Павлик посочувствовал. Еще бы! Столько волнений вытерпел человек.

Сережа спустился в гардероб и наврал тете Лиде, что его отпустили с уроков. Получил пальто и выскочил на улицу.

Домой он не пошел. Тошно было идти домой. Он побрел к реке.

В газонах лежала скованная ноябрьским морозом земля, и среди застывших комьев белела снеговая пыль. Ветер шуршал по асфальту сухими тополиными листьями. Они были уже не рыжие, а серые.

Готовальня не влезла в набитый портфель, и Сережа нес ее в правой руке. Готовальня была шероховатая и холодная. Но Сережа продолжал ощущать пальцами тепло и мягкость Стаськиной щеки. И от этого ощущения было даже хуже, чем от мыслей, что он ударил маленького и слабого — того, кто и не думал о защите.

Сережа вышел на старый деревянный мост недалеко от пристани. Река застыла. Лед вспыхивал, когда из бегущих облаков проглядывало низкое солнце. У дебаркадеров стояли впаянные в ледяную броню буксиры, катера и сухогруз «Тобольск».

Сережа грудью лег на перила. Ветер обжигал щеки и голые костяшки пальцев. Сережа взял портфель и готовальню под мышки, а руки сунул в карманы. Готовальня выскользнула и упала.

«Награда... — горько подумал Сережа. — За что? За Стаську?» Он совсем уже собрался ударом ноги сбросить готовальню на лед: пусть она пропадет пропадом, эта награда! Но удержался. Слишком уж девчоночьим был бы этот поступок.

Двое мужчин прошли у Сережи за спиной, и один сказал:

— Сковало накрепко. А ледокола-то нет. Будем от пристани до завода лед взрывать. Грому наделаем на весь город...

Сережа продрог. Поднял готовальню и побрел домой.

Отец был уже дома. Тетя Галя ушла за Маришкой. Нок вышел к двери, замахал хвостом и взвалил передние лапы Сереже на плечи. Сережа щелкнул его по носу.

— Отвяжись.

Отец сразу увидел готовальню.

— Откуда это?

— От милиции, — невесело сказал Сережа. — На линсйке дали. Под бурные аплодисменты.

— Ну? Поздравляю!

— Спасибо, — ответил Сережа совсем похоронным тоном.

Отец пригляделся к нему.

— По-моему, ты собрался реветь. Да?

— Нет. Не собрался. Но хочется... Папа! Это ведь Стаська, оказывается, нож подобрал. А потом он его Кисе отдал.

— Да ты что? Серьезно?

— Мне капитан сказал. Георгий Матвеевич.

Отец обнял себя за плечи, покачался с носков на пятки. Долго смотрел куда-то поверх Сережи. Будто задачу решал.

Потом спросил:

— Зачем же он так?

— Говорит, чтобы Кису задобрить. Чтобы он не бил его.

— А-а...— протянул отец словно с облегчением.

— Папа... Я его ударил.

Он ожидал самого худшего. Думал, что у отца сделается чужое лицо и тот скажет коротко и холодно: «Вот это подвиг. Ты действительно герой». Но отец выжидательно смотрел и молчал.

— Я сам не знаю, как это вышло,— пробормотал Сережа.— Просто сорвалось что-то.

Взгляд у отца был не сердитый, даже сочувствующий. Но он продолжал молчать.

— Я его не сильно... пальцами,— тихо сказал Сережа.

— По-моему, чем больше ты оправдываешься, тем тебе противнее,— заметил отец.— Так?

— Так...

— Ну, тогда помолчи.

Сережа потупился и сел на табурет у двери.

— Скверное дело, конечно,— сказал отец.— Плохо ведь не только то, что ты ударил. Капитан тебе всю эту историю рассказал, потому что видел в тебе Стаськиного заступника. Несмотря ни на что. А ты вон как...

— «Заступника»,— горько сказал Сережа.— За него заступаешься, а он с этим Кисой чуть не целуется... Ну сейчас-то почему он этого Кисы боится? Он же видел, как тому попало!

— Видел. Ну и что? А он, может, думает вот как: «Сегодня Кисе попало, а завтра Киса на мне отыграется...» Понимаешь, Сергей, этот малыш больше всего на свете боится боли. Он уже привык сгибаться перед каждым, кто может ударить. Тебе этого, наверно, не понять. Ты ведь не представляешь, что значит бояться каждый день. А он идет домой—боится ремня; идет в школу—боится двойки, потому что потом дома снова расправа

будет. Сунется на улицу — а там всякие кисы и гусыни. И так все время. У него страх — главный руководитель в жизни...

— Да я это все знаю,— перебил Сережа.

— А если знаешь, о чем тогда говорить?

— Я не знаю, что теперь делать.

— Что делать? Да и я не знаю, по правде говоря. Легче всех Стасику. Он и забыл уж, наверно, как ты его смазал. Для него одной оплеухой больше, одной меньше — не все ли равно? Он их столько получал...

Сережа не заметил насмешки. Он с досадой сказал:

— Дело даже не в нем, а во мне.

— Вот как? — жестковато спросил отец. — Ты уверен? А может быть, все-таки в нем? Ты сейчас терзаешься: «Ах, какой я неблагородный!..» А может быть, лучше подумать, как Стаську избавить от страха?

«А ведь правда! Я из-за себя только и мучаюсь», — понял Сережа. И вдруг ему ясно увиделось, что стоит он среди высокой травы, а пятеро всадников, которые были рядом, поворачивают коней и медленно уезжают с поляны.

— Нет, не надо! — крикнул им Сережа и зажмурился.

— Что с тобой? — спросил отец.

— Папа! Я к Наташке сбегая. Мне срочно...

— Да ты разденься, поешь сперва.

— Нет, я быстро.

Однако он тут же сообразил, что ни Наташи, ни Стаськи еще нет дома. Они появятся не раньше, чем через час, когда закончатся четыре урока. Пришлось раздеться, разогреть обед, поесть, а потом еще сидеть и ждать, когда часы покажут половину шестого. Наконец время подошло, и он побежал к Наташе.

Сережа и сам точно не знал, зачем стремился туда. Но казалось, что если он встретит Стасика и увидит, что Стасик спокоен и глаза у него сухие, будет легче.

Но Стасик не был спокоен. Об этом сказала Наташа, которая попала навстречу.

— Ты к нам? Вот хорошо! А то я одна. Грачев опять Стаську пилит. Опять: «Я с пятнадцати лет работаю... и тебя человеком сделаю...» А кто его заставлял с таких лет работать? Сам восьмой класс не кончил, с жуликами связался, чуть под суд не попал, а потом с перепугу на завод учеником устроился. А в школу так

и не захотел пойти. Мне папа говорил, он его, оказывается, с детства знает.

— Ты куда? — спросил Сережа.

— За молоком. Возьми ключ, я сейчас вернусь.

Сережа отпер дверь и остановился в коридоре. Здесь был слышен недобрый голос Грачева.

— Ну-ка, подойди сюда. Кому я говорю? Подойди, говорю. Если нужно будет, все равно никуда не денешься. Это что у тебя в дневнике?

— Папа...

— Что «папа»? Я сколько раз говорил: веди дневник аккуратно? Сколько? За последнюю неделю только раз десять!

«Десять!» — машинально повторилось в голове у Сережи. И это было как толчок. «Девять, восемь, семь, шесть...»

— Не верти носом, смотри прямо. И отвечай.

— Папочка...

Сережа смотрел на дверь. Сдерживать себя он не собирался. Он просто сжимал в себе ненависть, как пружину.

«Четыре, три, два...»

— Ты мне ответишь? Будет это еще продолжаться или нет?

— Нет. Не будет. То есть буду... Не буду... Папа!

«...Один, ноль!»

Он рванул дверь.

И оказался на пороге комнаты, в которой не был с тех пор, как уехал в лагерь.

Сначала он увидел не Стасика и не старшего Грачева. Он увидел Стаськину мать. Впервые.

Сережа почему-то представлял ее бледной и вечно испуганной. А это была полная тетя с бигудями на крашенных волосах. Она сидела в кресле и бойко орудовала вязальными спицами. Лицо у нее было такое, словно ничего на свете ее не касалось.

Стасик, в майке и стареньких тренировочных брюках, стоял в углу между шкафом и телевизором. Он прижимался к стенке и неловко растопыривал острые локти.

Папаша сидел у стола с дневником в руке.

Все трое обернулись к Сереже. У Стасика распахнулись глаза. У матери приоткрылся рот. Старший Грачев недовольно сказал:

— Стучать надо.

— Не всегда, — сказал Сережа.

— Что?

— Не всегда надо стучать,— повторил Сережа, глядя в бледные глаза Грачева.— Иногда входят без стука. Я вот что хочу сказать: если еще раз... хоть пальцем... тронете Стаську...— от волнения и злости он стал сбиваться.

— То что будет?— со спокойной насмешкой спросил Грачев.

Сережа не знал, что будет. Но он сжал пальцы и отчетливо произнес:

— На хорошую жизнь тогда больше не надейтесь.

Грачев развернулся в сторону Сережи вместе со стулом и медленно проговорил:

— Молодой человек, притвори-ка дверь. С той стороны. Люблю героев, но только за порогом своей квартиры.

— Раньше это была моя квартира!— громко, почти с криком, ответил Сережа.— Если бы я знал, кто здесь будет жить... я бы... отравой все стены пропитал. Стаську только жалко.

Грачев поднялся и подошел к Сереже. Тот следил без страха, даже с любопытством: что он может сделать?

Грачев сделал очень простую вещь: ухватил Сережу за плечи и выставил в коридор. Пальцы у него были крепкие, как железо.

Шепотом, в спину Сереже, Грачев сказал:

— Гуляй, сосунок. Если еще раз сунешься...— И он добавил такую мерзость, что Сережа машинально развернулся, но дверь уже захлопнулась.

Несколько секунд Сережа смотрел на нее, борясь с могучим желанием врезать ботинком. Он кипел от бешенства. Но колотить ногами в дверь глупо. Это от бессилья только. А где сила?

«А что, нет на тебя силы? Подожди, ты еще узнаешь!»— подумал Сережа. Хлопнул наружной дверью и выскочил на улицу.

Только бы застать на работе Георгия Матвеевича! Он-то скажет, что делать! Должна же быть управа на этого типа!

До отделения милиции Сережа не дошел. В квартале от него он столкнулся с лейтенантом Сережей Ковалевским. Вернее, врезался в него.

— Ну и скорость у вас, дорогой капитан,— сказал лейтенант, держась за ушибленный живот.— В какую новую битву стремитесь?

— К вам стремлюсь.

— А что случилось?— тут же насторожился Ковалевский.

— Да случилось... У Стаськи.

И он рассказал. Сбивчиво и сердито, но, в общем-то, понятно. По крайней мере Ковалевский сказал:

— Понятненько.

— Ну, что делать?

— Есть два варианта,— как бы размышляя вслух, ответил Ковалевский.— Первый вариант — пойти посоветоваться с начальством. Второй — для начала посмотреть хотя бы, что это за фигура Грачев. Первый — разумнее, второй — оперативнее.

— А разве вы сами не начальство? — спросил Сережа.

— Ну, в какой-то степени... Ладно, идем.

Когда они поднялись по лестнице, увидели Наташу. Она топталась перед закрытой дверью.

— Стучу, стучу, никто не открывает. Грачев спросил, услышал, что я, и замолк... Ты куда исчез?

— По делам службы,— ответил за Сережу Ковалевский.

Наташа взглянула на него со сдержанным любопытством.

Сережа торопливо отпер дверь.

В коридоре Ковалевский спросил:

— Где его комната? Эта? — И он постучал согнутым пальцем.

— В чем дело? — донесся голос Грачева.

Лейтенант осторожно открыл дверь и встал на пороге.

— Гражданин Грачев?

Из-за спины Ковалевского Сереже видно было, как Грачев изменился в лице. Но ответил с вызовом:

— У меня дома все в порядке. Почему вы ко мне вторгаетесь?

Лейтенант сделал шаг назад.

— А вы, гражданин Грачев, пройдите в коридор, чтобы не было речи о вторжении, здесь и побеседуем.

Стаский отец нехотя вышел. Бросил нелюбезный взгляд на Сережу и Наташу.

Ковалевский очень сдержанно сказал:

— Есть сведения, что вы плохо относитесь к сыну. Вы понимаете, о чем я говорю, не так ли? Настолько плохо, что это серьезно вредит ему. Возможно, из-за этого он чуть-чуть не помог преступнику.

— Вы что, воспитывать меня пришли? — спросил Грачев. Он, видимо, успокоился.

— Нет, не воспитывать,— сказал Ковалевский.— Я совершенно уверен, что это бесполезно. Я пришел предупредить. Сейчас я исполняю обязанности участкового уполномоченного. Если мне

поступит письменное заявление, что сын опять пострадал от вас, а кроме того, найдутся люди, которые подтвердят, что такие случаи бывали и раньше (а они, видимо, найдутся), я напишу рапорт о возбуждении уголовного дела. Надеюсь, вы меня поняли. До свиданья.

Сережа и Наташа проводили Ковалевского до угла. Было уже совсем темно, и стало еще холоднее, чем днем. Сережа дышал на руки.

— Сейчас Грачев поутихнет,— уверенно сказала Наташа.— Он перепугался. Он всдь трус.

Ковалевский покачал головой.

— Эх, ребятки... Если бы все так просто было... Едва ли одним разговором здесь исправишь дело. Нам с такими грачевыми еще возиться и возиться. И воевать.

И Сережа понимал, что лейтенант прав.

Ну что ж, теперь он опять был готов к бою. Всадники въехали на поляну и остановились полукругом. Они смотрели на Сережу чуть насмешливо, но по-доброму.

Когда Сережа вернулся домой, ему казалось, что все теперь позади: вся эта история с дракой в переулке, с ножом, со Стасиком. Словно перевернули страницу.

Но едва он вошел к себе в комнату, как зазвонил телефон.

— Сережа! Тебя!— позвала тетя Галя. И обеспокоенно добавила:— Какой-то мужчина. Неужели из милиции?

Голос был взрослый, глуховатый. Неизвестно чей, но очень знакомый.

— Сергей? Ну здравствуй. Не узнаешь?

— Нет,— сказал он.— Извините. По телефону трудно...

— Помнишь станцию Роса?

— Алексей Борисович!!— заорал Сережа так, что в кухне у тети Гали что-то загремело, а в комнате басовито залаял Нок.

— Это я,— раздалось в трубке.— А там у вас кто лает? Неужели Нок?

— Ага!

— Значит, живой, бродяга!

— Конечно!

— Да-а... Ну, как живешь, всадник?

— Ох, живу,— отозвался Сережа.— А вы?

— И я... А знаешь, почему я позвонил? Впрочем, конечно, не

знаешь. Выдам одну тайну. Я сижу сейчас в редакции, у дежурного, и смотрю оттиски завтрашнего номера. У меня там репортаж с судоремонтного завода. И вдруг рядом с репортажем читаю... Ты слушаешь?

— Слушаю,— напряженно сказал Сережа.

— Заголовок такой: «Есть мушкетеры!» А дальше вот что: «Двадцатилетний Василий Гаврилов не любил трудиться. Школу он не закончил, ни на одной работе не задерживался. А деньги были нужны: на мотоцикл, на магнитофон, на выпивку. И Гаврилов стал преступником. Несмотря на молодость, у него немалый уголовный стаж: две судимости за хулиганство и ограбление.

Освободившись из колонии летом этого года, Гаврилов продолжал бездельничать. Жил за счет своей матери и вынашивал планы «крупного дела». Первого ноября он ограбил промтоварный магазин «Речник» в районе пристани. Пока шел розыск, преступник отсиживался на квартире у приятеля.

Любовь к спиртному ускорила разоблачение грабителя. Выпив полбутылки, Гаврилов решил «освежиться» и вышел на улицу.

В это время по переулку шел шестиклассник Сергей Каховский, он провожал домой после школьного собрания двух ребят-второклассников. К ребятам пристали четверо подростков, требовали деньги, затеяли драку. Сережа не подчинился хулиганам.

Гаврилов подошел на шум и решил помочь «юным коллегам». Но мальчик не отступил и здесь. Ударом рейки, оторванной от палисадника, он сбил с ног вооруженного бандита. В это время подросла милиция, которую вызвал один из второклассников.

Выйти победителем из схватки смелому пионеру помогла «мушкетерская наука», которую он освоил в фехтовальном клубе «Эспада».

Вот такие дела, брат...— сказал Алексей Борисович, закончив чтение.— Что молчишь? Все правильно написано?

— Кажется...— неловко сказал Сережа.— Алексей Борисович! А вы больше не встречали ребят из конного отряда «Гренада»?

— Нет, Сережа. Жаль, но пока не встречал. А что? Вспоминаются?

— Конечно.

— И мне тоже. Ну и хорошо. По крайней мере теперь я знаю, что не зря их тогда поднял по тревоге.

Сережа помолчал. Он тоже знал, что не зря.

— Ну, будь счастлив,— сказал Алексей Борисович.— Не забывал

бы ты меня, а? Звони. Номер телефона в газете есть, там, где написано «секретариат».

— Обязательно позвоню! Спасибо!

Сережа услышал короткие гудки и опустил трубку. Но едва она коснулась аппарата, как телефон опять взорвался трезвоном.

Звонил Кузнечик:

— Сережка! Ты куда из школы пропал? Даже не сказал ничего... Ну ладно, я не об этом. В клубе срочный сбор! Не забудь надеть форму!

Было семь часов вечера.

12

Ветер, который гулял днем, расчистил небо от облаков и утих. В тишине и черноте сияли морозные звезды.

Сережа отправился в клуб не в шапке, а в форменном берете, и холод хватал его за уши. Сережа закрывал их ладонями и поддавал ходу. Но он торопился не только из-за мороза. Срочный сбор — дело нешуточное. Значит, что-то случилось.

Он проскочил арку подъезда, оказался во дворе и встревожился: окна клуба ярко горели, но не было слышно обычного гомона. Подбегая к двери, Сережа заглянул в окно и успел заметить, что ребята стоят в строю.

Неужели опоздал? Но всего пятнадцать минут прошло с той поры, как позвонил Кузнечик. Да и что значит «опоздал»? Срочный сбор — не линейка, которую начинают минута в минуту. Сбор открывается, когда сбегутся все, а на это уходит минут сорок.

А тут не дождались даже капитана!

...Но он не опоздал.

Его-то как раз и ждали.

Сережа понял это, едва ступил на порог спортзала.

У каждого бывают в жизни звездные часы. Пришел такой час и к Сереже Каховскому.

Как только Сережа показался в дверях, коротко пропела труба, ряды колыхнулись и замерли. А барабанщики грянули какой-то длинный незнакомый сигнал.

Они стояли отдельной шеренгой, слева от знаменной группы, шестеро лихих, подтянутых и удивительно славных мальчишек. Они сверкали нашивками, аксельбантами и белыми ремнями. Палочки в их тонких руках, с которых еще не сошел до конца

летний загар, мелькали так, что казались размазанными в воздухе. Отражения ламп горели на алых боках и металлических обручах барабанов.

Барабанщики смотрели на Сережу и улыбались. Они были разные: темноволосые и светлые, веснушчатые и смуглые, а улыбки у них были похожие: веселые, белозубые, добрые.

И Сережа улыбнулся им в ответ.

В дальнем углу, позади строя, стояла группа взрослых, и с ними был Олег. Сережа увидел там Юлю-вожатую, Митину маму и... директора школы. И отца.

Не было времени, чтобы удивиться или растеряться. Барабанщики оборвали сигнал, но барабаны их не смолкли совсем, а продолжали приглушенно рокотать. (Как это у них получается? Палочки почти неподвижны, а от барабанов идет ровный гул, словно голос прибора в радиопостановке «Тайна Марии Целесты».)

И на фоне этого глухого рокота прозвучала команда Володи Огонькова — дежурного командира:

— Капитан Каховский — на середину!

Сережа сделал несколько шагов и остановился прямо на черте, которая делила пополам фехтовальную дорожку. Он стоял лицом к знаменной группе, слегка щурился от яркого света и ждал. Ему казалось, что от больших ламп струится тепло, какое бывает летом, когда стоишь на горячем песке у синей воды.

— Отряд, внимание! — скомандовал Володя Огоньков.

Барабанщики стихли совсем. Олег вышел на дорожку и встал в трех шагах от Сережи. Лицо у него было торжественное, почти строгое, но в глазах играли хорошие искорки.

Олег быстро улыбнулся Сереже. Затем стал строгим, вытянулся, развернул длинный лист ватманской бумаги, похожий на старинный пергаментный свиток. И прочитал:

*За мужество при встрече с врагом
пионерский отряд фехтовальщиков «Эспада»
капитану группы Сергею Каховскому
вручает именную шпагу.*

Вот этого Сережа не ждал!

Он думал: может быть, благодарность, диплом, разрисованный братьями Ворониными, или даже похожий на орден значок — вроде Митинового чемпионского жетона.

Но шпага! Он никогда не посмел бы и мечтать о ней.

Барабанщики грянули марш-атаку. Строй раздвинулся, и со шпагой в руках сквозь шеренги вышел на середину Митька. Он встал перед Олегом. Олег свернул свиток, заправил его в кольцо из красной ленты и надел на клинок.

Митька встал к Сереже лицом и двумя руками протянул шпагу.

Да, это была не рапира, а тяжелая трехгранная спортивная шпага. С черной отшлифованной рукояткой, с большой сверкающей гардой, на ободке у которой Сережа наполовину прочитал, наполовину угадал надпись: «Сергею Каховскому — отряд «Эспада». Смелость и честь».

«Стой! — вдруг словно кто-то неслышно крикнул ему. — Подожди. Можно не брать. Можно сказать, что еще не надо пока. Лучше потом. Будет небольшая заминка, но, наверно, все пойдут».

«Зачем?»

«Но если ты возьмешь — это на всю жизнь. Ты никогда уже не сможешь отступить. Ни перед каким врагом. Ни разу в жизни...»

Сережа прикусил нижнюю губу, глянул Митьке в глаза и вытянул навстречу ему руки. Он взял шпагу в раскрытые ладони. Потом сжал клинок, медленно согнул локти и прижал шпагу к груди.

Он обводил взглядом товарищей и встречался с ними глазами.

Володя Огоньков, Андрюшка Гарц, Алешка Смирняков... Валерик и Вовка Воронины... Ленька Мосин! Он стоит еще без нашивки, но смотрит честно и не отводит глаз... И Генка — самый хороший друг, самый лучший на свете Кузнечик (вот балда, не догадался позвать Наташку... Ой, нет, вон она, рядом с отцом!).

Барабанщики закончили марш.

Снова раздалась команда:

— Внимание, «Эспада»!

Капитаны и ассистенты у знамени в приветствии вскинули рапиры.

Тогда Сережа перехватил шпагу за рукоять, вытянул клинок из ватманской трубки, как из ножен, и тоже поднял его перед собой.

В этот миг от тяжелого удара колыхнулся пол и дрогнули стекла. Казалось, за окнами сама темнота встряхнулась и по ней разбежались трещины. Это на реке от пристани до завода пробивали канал.

И маленький Вадик Воронин громким шепотом сказал:
— Как салют.

Часть третья

Флаг-капитаны

1

Сережа проснулся со смутной тревогой. Словно грозили какие-то неприятности. Какие? Он постарался сообразить.

Кажется, все в порядке. Вчера проявили пленку, на которую снимали драку в таверне «Жареный петух» — мушкетеры против гвардейцев. Получилось так, что даже слержанный Олег улыбался весь вечер.

Может быть, что-то со Стаськой? Но отец у него уехал куда-то, а сам Стасик, скорее всего, ночует у Лесниковых: ему нравится, а мать не запрещает, ей все равно.

С оценками тоже все нормально, даже за контрольную по физике четверка.

Что еще?

Татьяна Михайловна звонила отцу, чтобы зашел в школу. Татьяне Михайловне кажется, что он, Сережа, слишком часто лезет на рожон. Где надо и где не надо. Это уже не первый разговор. Но сам-то Сережа знает, что не часто. Лишь там, где надо. И с отцом они понимают друг друга.

Сережа спустил с постели ноги и громко сказал:

— Нок!

Застучали по паркету когти, и косматая голова сунулась в дверь.

— Здравствуйте, ваше лохматое высочество,— сказал Сережа.— Гуляли?

Нок всем видом показал, что и рад бы, да не пускают.

Сережа глянул на будильник.

— Я отпущу. Только на десять минут, а то обоим попадет. Понял?

Нок изобразил удовольствие и послушание.

Отпускать Нока одного не полагалось: мало ли что может случиться. Но у Сережи для прогулки не было времени.

Он выпустил пса, рванул со стены шпагу, тремя свистящими ударами посшибал на пол спичечные коробки, которые еще вечером расставил на столе и спинках стульев. Потом сделал несколько торопливых отжиманий и приседаний.

Отдыхался, прикинул в уме: много ли уроков? Кроме алгебры, все сделаны. С алгеброй можно управиться на вахте. Сегодня занятий в отряде нет, работы у вахтенного командира немного. Сережа крикнул в открытую форточку:

— Нок, домой! — и стал натягивать форменную рубашку.

Тревога слегка улеглась. Но совсем не исчезла.

Неприятности пошли с самого начала вахты. Прежде всего он целых пять минут искал под порогом ключ. Безголовый Андришка Гарц запер его вчера в самый угол тайника и присыпал мусором.

Потом Сережа обломал ногти, пытаясь открыть окно. Рама разбухла и не поддавалась. Сережа чертыхнулся и стал искать глазами подходящую железяку. В углу кают-компаний на полу стоял Сережин рыцарский замок из пенопласта. Его принесли сюда для съёмки. Холм, на котором возвышались башни и стены, был сделан из папье-маше. Для прочности внутрь этого холма ребята вставили упругий обломок рапирного клинка.

Сережа приподнял макет, вынул обломок и снова подступил к оконной створке.

Домоуправление никак не хотело отключить лишние батареи, и в комнатах «Эспад» всегда стояла влажная жара. В самые лютые зимние дни ребята здесь занимались в летней форме. Но и это не спасало, приходилось постоянно распахивать окна. Проветрить помещение — это была первая обязанность каждой вахты.

Наконец створка поддавалась, и морозными глыбами ввалился в окно февральский воздух.

Сережа передохнул и посмотрел на часы.

Вот тут-то и начались главные неприятности. Оказалось, что старые отрядные ходики, которые притаили в «Эспаду» братья

Воронины, показывают уже четверть десятого. А Димки нет. Помощник вахтенного командира, барабанщик «Эспады» Дмитрий Соломин, не изволил явиться на дежурство.

«Ну, подожди же...» — сердито и беспомощно подумал Сережа.

Сердито — потому что опоздание на вахту штука серьезная, а ненаглядный Димочка выкидывал этот фокус уже третий раз. А беспомощно — потому что устроить помощнику заслуженную нахлобучку Сережа никак не решался. Все-таки это же Димка...

Появился Димка только в половине десятого. Грохнула наружная дверь, потом в раздевалке послышалась торопливая возня: Димка освобождался от зимней амуниции. Наконец он появился в кают-компании, слегка взлохмаченный, розовый от мороза. На ходу протянул в петли белый ремень, щелкнул пряжкой и встал перед Сережей, виновато махая желтыми ресницами.

— Ну? — сказал Сережа.

Димка опустил нос, пальцами провел по стрелкам на шортиках, словно проверял их остроту, и честно ответил:

— Проспал.

— Очень уважительная причина, — язвительно заметил Сережа.

Димка вздохнул:

— Я и не говорю, что уважительная...

— Третий раз опаздываешь... Может, объяснишь хотя бы, почему проспал? Мне про это в вахтенный журнал записывать.

Димка беззащитно поднял ясные глаза. Не хотел он ни оправдываться, ни молчать упрямо.

— Ну, я читал... Данилка книжку дал «Двадцать лет спустя». Она такая толстая, а дней мало, потому что очередь. Я вчера читал, читал, пока мама фонарик не отобрала. И говорит: «Если проспичь, будешь сам виноват». И не разбудила.

— Значит, мама виновата, — сказал Сережа.

— Нет, конечно, — возразил Димка почти испуганно. — Это я виноват.

Он опять вздохнул и стал теребить аксельбант на рубашке. Сережа начал злиться. И на Димку, и, главное, на себя — за нерешительность. Он был капитан и командир вахты — значит, следовало принимать меры.

— Оставь в покое шнур, — досадливо сказал он.

Димка послушно опустил руку.

Бессознательно отдавая неприятный миг, Сережа спросил:

— Может быть, у тебя есть еще какая-нибудь причина? Серьезная?

Не опуская глаз, Димка помотал головой: не было у него серьезной причины. Глядя мимо Димки, Сережа деревянным голосом сказал:

— Два часа ареста.

Димка моргнул. Один раз. Потом заморгал часто. Потом в упор глянул на Сережу: «Ты не пошутил?»

— Вот так,— мрачно сказал Сережа, ощущая моментальное раскаяние.

Димкины глаза стали слегка влажными. Сережа почти обрадовался: если Димка пустит хоть слезинку, можно будет сразу отменить наказание. Есть неписаное правило в «Эспаде»: если человек начинает плакать, никаких взысканий ему не дают. Слезы — и так дорогая расплата за вину. Если, конечно, человек этот не очень большой, а вина не очень страшная.

Но Димка не поддался слезам. Только голос его стал сипловатым. Он посмотрел на Сережины ботинки и тихо спросил:

— А когда?

— Сейчас,— все так же хмуро сказал Сережа. Отступать было некуда.

— Я же на вахте.

— Не нужен мне такой помощник. Обойдусь.

— А... где сидеть?— спросил Димка и слегка покраснел.

Конечно, специального помещения для «арестантов» не было. Если кто-то зарабатывал столь суровое взыскание, то отбывал свой час или два где-нибудь в уголке кают-компаний или отправлялся в фотолабораторию.

— Иди в лабораторию,— сказал Сережа.— Мне здесь надо помыть.

— Я могу сам вымыть. А потом отсижу,— почти шепотом сказал Димка.

— Ага. И опоздаешь в школу. Давай отправляйся.

Димка сделал шаг к двери и оглянулся. Он словно говорил глазами: «Может быть, ты все же пошутил? Ведь это же я — Димка. Тот, который с тобой в лагере был. Тот, который подарил тебе маленького синего краба...»

— Сними ремень,— сказал Сережа, терзаясь все пуще.

Димка медленно потянул из петель пояс. Потом свернул его

в тугое кольцо, сжал это кольцо в ладонях, понурил голову и шагнул в коридор.

— Куда ты с ним? Оставь ремень на столе,— сказал ему в спину Сережа.

— Зачем? — откликнулся Димка слегка вызывающе.

Сережа почувствовал, что Димка пытается отстоять свое достоинство и остаток свободы. Он будто говорил: «Арестовал ты меня? Ладно. Заставил снять ремень? Пусть. Но нигде не сказано, что нельзя снятый ремень брать с собой. Вот и беру».

— Ну и шут с тобой,— буркнул Сережа.

В лаборатории Димка сел на табурет перед увеличителем, поставил пятки на сиденье, обнял колени и замер.

— Зажги свет,— сказал Сережа.

— И так хорошо,— хмуро отозвался Димка.

Лаборатория была в крошечной комнатухе с окном, закрытым фанерой. Ветхая фанера сквозь щели и дырки пропускала солнце, и полумрак был пробит узкими лучами.

Сережа постоял в дверях, потом снова на себя рассердился и ушел.

— Запирай,— сказал Димка вслед.

— Зачем? Сбежишь, что ли? — досадливо откликнулся Сережа. Дверь осталась полуоткрытой.

Надо было делать уборку, а потом браться за алгебру. А на душе кошки скребли. Конечно, Димка получил свои два часа за дело. Но Сережа боялся. Просто-напросто боялся, что Димка обидится. Крепко обидится и, может быть, навсегда.

Ну что ему до Димки? И не такие уж друзья вроде бы. И встречались-то не чаще раза в месяц, пока не пришел Димка в отряд. Да и в отряде виделись не часто. Главным образом на вахте. А вот надо же: грызет и грызет беспокойство.

«Сам притащил его в отряд. Вот и радуйся»,— мстительно сказал себе Сережа.

Действительно, сам привел Димку в «Эспаду»...

А что было делать?

Только раз в жизни видел Сережа Димку грустного, с мокрыми глазами. Это случилось перед зимними каникулами. Димка сидел в опустевшей школьной раздевалке. Хотел, видно, одеться, да так и не собрался: бросил на колени пальтишко, уперся в него

локтями, уткнулся в кулаки подбородком и, обиженно моргая, смотрел куда-то сквозь стену.

— Дим! — встревоженно сказал Сережа. — Ты что?

Димка сердито дернул плечом: не приставай, мол, и так тошно. Но Сережа не ушел, конечно.

— Что случилось?

— Ничего, — сипло сказал Димка.

Сережа немного обиделся.

— Слушай-ка, — сказал он в упор. — Когда мне было плохо и ты мне помогал, я ведь не рычал на тебя, а наоборот... Что же ты? Я ведь тоже помочь хочу.

Димка глянул на него быстро и чуть виновато.

— Как ты поможешь? Никто уже ничего не сделает... Да и не надо.

— А вдруг? — упрямо сказал Сережа. — Ты расскажи.

Димка сердито поморгал, стряхивая капли с ресниц. Недоверчиво поднял глаза.

— А смеяться не будешь?

— Ты спятил!

Димка отвернулся и шепотом сказал:

— Я хотел быть барабанщиком...

Вот такая случилась история. Простая и невеселая. Всю жизнь мечтал Димка стать барабанщиком. Даже по ночам снился ему краснобокий барабан с тугой белой кожей. К такому барабану приложишь ухо и сразу услышишь тихий-тихий, но неумолкающий гул. То ли топот далекой конницы, то ли голос океанских штормов.

Ни дошкольников, ни октябрят не берут в барабанщики. Димка рос, надеялся и ждал своего часа. И даже когда Клавдия Семеновна велела всем третьеклассникам написать в стенгазету, кто кем хочет быть, Димка решился и написал, что барабанщиком. И больше никем.

Когда третьеклассников стали готовить к приему в пионеры и пришла пора делать у них свой отряд, кое-кто из ребят вспомнил про заметку и сказал, что надо бы выбрать в барабанщики Димку Соломина. Однако Клавдия Семеновна обратила внимание класса на то, что у Соломина во второй четверти снизилась успеваемость: тройка по русскому грозит. А барабанщик всегда идет впереди отряда, с него все должны брать пример. Какой же здесь пример?

Будто у него на пузе эта тройка написана!

В общем, выбрали в барабанщики Вовку Быкова. У него тоже тройка, но не по русскому, а по физкультуре...

— Елки-палки,— сказал Сережа, услышав про такое дело, и повел Димку к старшей вожатой.

Юля была заморочена подготовкой к новогоднему вечеру. Димкину историю она выслушала без особого интереса.

— Ну и что?— сказала она.— Ты, Соломин, тройку постарайся исправить, а потом что-нибудь придумаем. На будущий год...

— Юля!— перебил Сережа.— Человек столько лет ждал, а теперь еще целый год ждать! Разве в барабанщики за оценки берут?

Юля оглянулась на горестно отошедшего Димку и сказала полупшепотом:

— Ну подумай: что я сделаю? Клавдия Семеновна меня еще в первом классе учила. Что я, пойду к ней и скажу: «Вы не правы»?

— Скажи что хочешь. Лишь бы Димке дали барабан.

— Но ведь ребята же голосовали, все решили... А куда этого Быкова девать?

— Быкову барабан нужен как ежу моторная лодка. Он и не хотел даже. Это во-первых. Во-вторых, можно дать им еще один барабан. Вон их сколько у тебя в хозяйстве. Пусть будет два барабанщика в отряде... Или запиши его в сводный отряд при знаменной группе.

— В сводный можно только с пятого класса... И если я Соломина возьму в барабанщики, Клавдия Семеновна сразу решит, что я подрываю ее авторитет.

— Все правильно!— накалил сказал Сережа.— Все точно ты рассудила... Прямо как электронная машина. Разложила по полочкам. Только на фигá твоя правильность, если от нее у Димки слезы!

Юля озадаченно помолчала.

— Слушай...— начала она растерянно.— Ты все-таки думай... Я все-таки старшая вожатая...

— Ну конечно,— откликнулся Сережа.— Извини, пожалуйста. Но ты еще и сестра барабанщика. Надо бы понимать...

Юля хотела ответить. Но Сережа ухватил Димку за руку и вытащил из пионерской комнаты.

— Потерпи до завтра,— попросил он.

А утром встретился в отряде с Данилкой.

— Можешь взять в команду хорошего человека?

Данилка глянул подозрительно. Он ревниво оберегал свою группу от всякого вмешательства.

— Зачем еще? — спросил он.

— В барабанщики хочет. Давно уже.

— Мало ли кто хочет в барабанщики, — уклончиво заметил Данилка. — Барабанов-то лишних нет. Вон Митьку и то не можем в группу взять. И Вадька Воронин ходит в запасных.

— Митька уже большой. А Вадька еще маленький. А этот в самый раз... Я твою сестру просил, чтобы в сводный отряд взяла, а она уперлась. Как стенка.

Данилка, однако, разгадал этот хитрый прием.

— Думашь, если мы с Юлькой спорим, значит, я ей назло должен делать?

— Ничего я не думаю, — сердито сказал Сережа. — Ты торгуешься, а там человеку плохо до слез.

Когда человеку очень плохо, спорить, конечно, нелегко.

— Где барабаны-то брать? — ворчливо произнес Данилка.

— Олег же обещал достать.

— Он сколько уж обещает...

— Данила... — укоризненно сказал Сережа.

Данилка со вздохом спросил:

— Что хоть за человек-то?

— Знаешь какой парень! Он никогда не подведет!

...Через десять дней Сережа поинтересовался у Данилки:

— Ну как мой Димка?

Данилка дерзко хмыкнул и ответил коротко:

— Не твой, а наш.

В общем, все было бы хорошо, если бы не эти дурацкие опоздания на вахту.

Сережа вымыл пол в кают-компании и стал подметать в коридоре. В полуоткрытую дверь лаборатории он видел Димку.

Димка на дверь не смотрел и Сережу не замечал. Он развлеклся с ремнем. Пряжкой отпечатал на ладони звезду. Ладонку, словно зеркальце, подставил под солнечный луч и любовался на отпечаток. Потом зачем-то лизнул его. Подумал, оттиснул звезду на коленке, но лизать не стал, а запрокинул лицо

и вытянул губы трубочкой, словно засвистел тихонько. Затем повесил ремень на увеличитель, обнял себя за плечи и задумался.

«Наверно, ему кажется, что уже целый час прошел», — подумал Сережа. А прошло восемь минут.

Можно было бы и отпустить «арестанта», но Сережа чувствовал, что Димка такую милость не примет.

И тут появился Данилка.

— Вот, полюбуйся на своего Соломина, — сказал Сережа, чтобы хоть как-нибудь облегчить душу. — Сперва опаздывает, потом сидит за это, а я должен вкалывать.

— А может, он не виноват, что опоздал, — вредным голосом откликнулся Вострецов. Он своих людей в обиду не давал.

— А кто виноват? Я? Потому что книжку вам, обормотам, дал почитать, да? Для того, что ли, дал, чтоб читали до ночи, а потом дрыхли до обеда?

Данилка сразу потерял задор.

— Значит, из-за книжки, — сокрушенно произнес он. — Тогда, значит, из-за меня. Это я всех торопил, чтобы скорее тебе ее вернуть.

— А я и не просил, чтобы скорее! Выходит, я виноват? Может, мне вместо Димки сесть?

— Нет, что ты, — рассеянно отозвался Данилка. Он смотрел мимо Сережи и теребил тесемки на шапке. — Это не ты. Это я...

— Спасибо, — с усмешкой сказал Сережа.

— Нет, правда, — настойчиво повторил Данилка. — Я тоже виноват... Можно, я с Димкой сяду?

— На здоровье, — сказал Сережа. И обрадовался: Димке будет веселее. — Снимай ремень и садись.

Но Данилка не спешил. Он что-то решал в уме.

— Случай-то один, — сказал он будто между прочим, — а виноватых-то двое. Значит, надо время пополам разделить.

— Ну и пожалуйста, — отозвался Сережа с равнодушным видом, хотя обрадовался еще больше. — Сидите каждый по часу. Даже по пятьдесят пять минут. Потому что десять он уже отсидел.

Данилка начал было расстегивать пальто, но опять остановился.

— Вообще-то вся группа виновата. Все из-за этой книжки будто перебесились. Кричат: «Скорее, скорее!»

— Ты что, хочешь всю группу засадить? — удивился Сережа.

— Ну ведь надо, чтобы справедливо... А можно? — ласковым голосом спросил хитрый Данилка.

— Вы не влезете в лабораторию.

— Обязательно влезем! Можно?

— Да мне-то что... — произнес Сережа, едва сдерживая смех. Данилка бросился к телефону.

— Я их сейчас по цепочке соберу!

— Не работает телефон, — сказал Сережа. — Со вчерашнего дня еще. Звони с автомата.

Данилка выскочил на улицу.

Группа собралась за четырнадцать минут — все, кроме запасного барабанщика Вадика Воронина, который был в детском саду. Еще две минуты они под тихие понукания Данилки приводили в порядок форму.

Потом выстроились перед Сережей.

Немножко похожие друг на друга и очень разные. Деловитый маленький Павлик Снегирев, темноглазый и всегда спокойный Коля Копыркин, похожий на каплю черной ртути Рафик Сараев, тоненький и лохматый Сережа Лавренюк и светлоголовый, но загорелый даже зимой Василек Рыбалкин. Лихая Данилкина гвардия, первая шеренга «Эспады».

— Мы готовы, — сказал Данилка.

— Только не вздумайте там цирк устраивать, — предупредил Сережа.

Данилка отозвался очень серьезно:

— Что ты! Мы же понимаем.

— Двадцать шесть минут прошло, — сказал Сережа. — Осталось девяносто четыре. Вас семеро. Примерно по тринадцать минут на каждого. Вот и давайте...

Они по очереди подошли к командиру вахты, отдали ремни и послушно отправились в «темницу». Только в глазах у каждого все же были чертики.

Данилка не обманул. Сидели они очень спокойно. Молча и почти неподвижно. Кто на полу, кто на столике, кто на верхней полке стеллажа. Лица были почти неразличимы в сумраке. Только блестящие носы и коленки барабанщиков светились, когда на них падали тонкие лучи. Словно кто-то рассыпал в полутемной столярной мастерской свежие деревянные кубики.

Сережа усмехнулся и, почти успокоившись, отправился в спортзал, где после недавних киносъемок стоял кавардак.

Едва он взялся за швабру, как пришел Олег.

Олег был чем-то озабочен.

— Случилось что-нибудь? — спросил Сережа.

— Так... Мелкая суета и трепыханье, — сказал Олег. — Ты один?

— Хочешь, развеселю? — спросил Сережа. — Увидишь редкое зрелище. Небывалое.

— Какое?

Сережа помолчал и значительно произнес:

— Группа барабанщиков, которая не бузит, не пищит, не устраивает борьбу дзюдо, а сидит совсем спокойно и тихо.

Олег недоверчиво уставился на Сережу. Тот поманил его к двери.

Олег с полминуты изумленно наблюдал замершую компанию барабанщиков, а потом даже испугался:

— Что случилось-то?

Сережа рассказал. Олег действительно развеселился. Потом спросил:

— А долго им еще сидеть?

— Десять минут.

— Времени нет. Придется объявить амнистию. Дел много.

Он распахнул дверь лаборатории и сообщил:

— Ввиду срочных дел — всем полное прощение.

Услышав такую новость, верхние барабанщики с радостным воплем упали со стеллажа. Образовалась куча, которая с грохотом и визгом выкатилась в коридор.

Олег вынул из этой кучи командира Вострецова.

— Тихо вы! Слушайте... Сергей и все барабанщики сейчас пойдут со мной в школу, будем грузить фанеру для декораций. Директор обещал.

— Есть! Ура! — ответил Данилка.

— Все, кроме Данилки и Димы, — сказал Олег. — Они останутся на вахте. Вострецов — командиром. Сергей мне нужен, потому что он посильнее. И школа как раз его.

Данилка озадаченно замигал.

— Как это командиром? Я же не капитан...

— Привыкай, — сказал Олег.

По дороге Олег объяснил, что Анатолий Афанасьевич, директор Серезиной школы, обещал дать «Эспаде» пятнадцать листов фанеры. Из нее можно сделать отличные декорации дворцового зала, а после съемок пустить ее на постройку лодки.

— Я вот только боюсь, что директора в школе нет, а учитель по труду фанеру не выдаст. Он, говорят, суровый дядя,— с сомнением произнес Олег.

— Кто? — удивился Сережа.— Игорь Васильевич суровый? Его даже первоклассники не боятся. Он у нас на елке каждый раз Деда Мороза играет. У него только голос такой — свирепый.

Голос у Игоря Васильевича действительно был как у старого боцмана.

— Пришли? — не то прогудел, не то прохрипел он.— Пятнадцать листов! Из родной-то школы! Ну, эти молодцы — народ не здешний, а ты, Каховский, что творишь? Грабишь!

— Для общей пользы, Игорь Васильевич,— объяснил Сережа.— Для искусства.— И он мигнул барабанщикам.

Те лихо принялись за работу. Четверо хватали за углы фанерный лист, пятый бежал впереди и открывал двери.

— Здорово работают, пираты,— заметил Игорь Васильевич.— Жаль, что не из нашей школы.

— У нас все «наши»,— улыбнулся Олег.

Они с Серсжей тоже вынесли на крыльцо несколько листов. У крыльца уже стоял грузовик.

— Что мне нравится у вашего директора, так это точность,— сказал Олег.— Пообещал — сделал. И машину достал. Из минуты в минуту.

Водитель, молодой парень в солдатской ушанке, помог погрузить фанеру в кузов. Сережа и Олег вернулись в мастерскую.

— Ну что, артисты,— опять загудел Игорь Васильевич,— может, еще чего дать?

— Мы люди небогатые,— сказал Олег.— Если дают, не отказываемся.

— Рейка нужна? Так и быть, уделю... В кино-то позовете?

— Конечно, Игорь Васильевич! — обрадовался Сережа.— Мы всей школе будем показывать. Не для себя же снимаем.

Рейки для декораций нужны были до зарезу.

— Берите вон те, за верстаком,— разрешил Игорь Васильевич.

Барабанщики полезли за верстак.

В дальнем углу мастерской два семиклассника опиливали ножовками деревянные бруски для планшетов. Белые кубики-обрезки падали на темные половицы и ярко загорались под солнечным лучом. Сережа вспомнил барабанщиков в лаборатории и усмехнулся. И тут же встревожился: «А Димка?» Димка так и не подошел, когда кончились у барабанщиков «арестантские» минуты.

Значит, правда, обиделся.

И словно в ответ на беспокойную мысль, услышал он Димкин голос:

— Олег! Сергей! Тревога!

Димка стоял на пороге мастерской — в берете, в сандалиях, в летней форме и в незастегнутом, наброшенном на плечи пальтишке. Разгоряченный, с отчаянными глазами.

— Там в отряде какие-то... Данилка один!

Олег молча рванул с себя пальто, закутал им Димку с ногами, взял в охапку и выскочил на крыльцо. Встревоженным барабанщикам приказал:

— Бегом в отряд!

Сереже велел:

— Давай в кузов. Держись там.

Вместе с Димкой втиснулся в кабину и сказал водителю:

— Жми.

Машина взвыла и рванулась.

От школы до отряда три с половиной квартала. Они пролетели их за минуту. Сережа прыгнул из кузова и вслед за Олегом кинулся в дом.

Прежде всего Сережа увидел Данилку. Тот стоял у знаменного шкафа, прижимался к его прозрачной стенке локтями и лопатками. Перед собой на уровне груди он держал рапиру — одна ладонь на рукоятке, другая на клинке. Рапира была полусогнута в стиснутых руках.

Данилка плакал. Может, он и сам не замечал, что плачет. Он смотрел зло и напряженно, а мелкие слезинки ползли по щекам.

Кроме Данилки, в комнате находилось еще три человека. Незнакомые и взрослые. У окна стоял мужчина в меховой шапке пирожком. У него были круглые очки и маленький, нерешительный подбородок. И на худом щетинистом лице

проступала растерянность. Он словно хотел сказать: «Ну зачем уж так-то?..»

У пирамиды с барабанами сидела дама в меховом пальто. Стул терялся под ней. Дама была необъятных размеров, а ее ноги — каждая толщиной с Данилку. Лицо дамы своей выразительностью напоминало новую сковородку.

Третий, в распахнутом полушубке, стоял к двери спиной, прижимал к уху телефонную трубку и, высоко поднимая голову, говорил с расстановкой:

— Алло! Я просил дежурного по райотделу милиции! Запишите вызов! Нападение несовершеннолетнего хулигана на работников домоуправления! С оружием! В детском клубе по улице Красноармейской, дом пять. Приезжайте... Я? Я новый домоуправляющий этого микрорайона. Сыронисский Леонид Васильевич. Сыро-нис-ский. Два «эс»...

— Не ломайте комедию, гражданин Сыронисский,— пренебрежительно сказал Олег розовой лысине, которая виднелась из-за лохматого воротника.— Телефон не работает вторые сутки.

Домоуправляющий аккуратно опустил трубку и развернулся в сторону Олега. Дама тоже развернулась, стул под ней запищал. У человека в очках приоткрылся рот.

Сыронисский обрадованно сказал:

— А! Наконец-то.

— Что «наконец-то»?— холодно спросил Олег.

— Наконец-то вы появились! Кто вам позволил оставлять без присмотра клуб?

— Как это «без присмотра»?

— Вот так! Без взрослых!

— Что дальше?— спросил Олег.

— Не «что дальше», а я спрашиваю...

— Вы странно спрашиваете,— перебил Олег.— Вы всерьез считаете, что я буду вам отвечать?

— Считаю, что будешь! Иначе мы...

— Тихо, тихо,— сказал Олег.— Здесь дети. И не забывайте, что обращаться надо на «вы». Вас учили, не правда ли?

Гражданин у окна взволнованно поправил очки и воркующе заговорил:

— Ну, молодой человек... Дети здесь были одни, и если что-нибудь случилось бы...

— Как видите, если что-нибудь случается, я появляюсь

быстро,— сказал Олег. И обратился к Данилке: — Что произошло, Вострецов?

Данилка глотнул, опустил рапиру, оттолкнулся спиной от шкафа и отрывисто заговорил:

— Олег, они пришли... Я говорю: «Здравствуйте, вы к кому?» А она...— Данилка подбородком указал на даму.— Она говорит: «Ну-ка, где тут ваш руководитель?» А потом даже слушать не стали. Везде ходят, все трогают. Декорации уронили. Потом давай говорить, что мы пожар наделаем. Димка им сказал, что здесь нельзя посторонним, когда тебя нет, а они его взяли за руку — и в сторону... Да еще кричат: «Ты как со старшими разговариваешь!»

— Так...— жестко сказал Олег и взглянул на Сережу.

Сережа сунул в карманы кулаки. В нем начинала звенеть напряженная злость. Как всегда, когда он встречался с людьми нахальными и сильными от этого нахальства.

За спиной взволнованно и сердито сопели барабанщики.

Сережа нащупал в кармане двухкопеечную монетку, повернулся к ребятам. Ближнему из них, Рафику Сараеву, быстрым шепотом сказал:

— Телефон Генки Кузнечика помнишь? Позвони ему, скажи: капитанов сюда.

Димка, уже сбросивший оба пальто — Олега и свое, сунулся вперед.

— Данилка, ты скажи, как они... Чтоб выгнать нас...

— Ага...— Данилка снова сердито переглотнул.— Они еще ходят и разговаривают: «Пора их выселять отсюда...» Я тогда сказал Димке, чтоб за вами бежал... А они зашли сюда, в кают-компанию, и тоже все стали трогать. Я подумал, что они и знамя щупать начнут, и встал к шкафу. А они мне говорят: «Иди за вашим руководителем». Я сказал, что не могу, потому что на вахте. А они: «Ничего с твоей вахтой не делается...» Я, конечно, не пошел никуда. А они опять говорят: «Уходи тогда отсюда, нам совещаться надо». Я опять не пошел...

— Вот-вот! — неожиданно визгливым голосом перебил Сыронисский.— Три взрослых человека его просят уйти, а он, сосунок, характер демонстрирует!

— Потрудитесь не перебивать, когда говорит командир вахты,— сказал Олег.— У нас это не принято.

— Плевать мне на то, что у вас не принято или принято! — взвился Сыронисский.

Сережа не выдержал:

— Плюйте у себя в кабинете. Я здесь сегодня пол мыл. И так следов нашлепали...

И тут зашевелилась молчаливая дама. Капризным басом она сказала:

— Вот если собрать ихних родителей да спросить, как он ихних детей воспитывает... — Она повернулась к Олегу и ткнула в его сторону варежкой. Стул под ней заверещал, как живой.

— Может быть, вам пересесть на диван? — вежливо спросил Олег. — Стулья у нас в основном на ребят рассчитаны.

— А ничего твоим стульям не сделается! — отрезала дама. — Ты лучше скажи: правильно ты их воспитываешь?

— Правильно я их воспитываю, — сказал Олег.

— Значит, пускай они как хотят себя ведут? На взрослых людей пускай с саблей кидаются? — жалобным баритоном спросила дама.

— Между прочим, — опять воркующе вмешался человек в очках, — Антонина Михайловна — председатель уличного комитета. Она при исполнении, так сказать, общественных служебных обязанностей.

— Я тоже при исполнении, — огрызнулся Данилка почти весело. Он уже пришел в себя. — Я не кидался на них, Олег, честное пионерское! Только схватил клинок из пирамиды и встал к флагу. Потому что они знаешь что? Вот он... — Данилка рапирой махнул в сторону Сыронисского, — как схватит меня за плечо да как толкнет к двери! Я и полетел. Только не в дверь, а в угол, потому что ногой зацепился... Вот тогда я и взял рапиру... Олег, пускай они теперь сами крепость чинят. Я не виноват. Он толкнул, я и полетел...

Сережа и Олег разом взглянули на макет замка в углу у двери. Краем глаза Сережа заметил, как Олег побелел. А самого Сережу от пяток до затылка словно прошило иглой: это был мгновенный удар страха. И такая же мгновенная радость: как хорошо, что утром заело раму!

Передняя стена замка с воротами и угол башни были сильно промяты внутрь. Но самая большая вмятина — по форме Данилкиной спины — оказалась на холме, усаженном деревьями из зеленой резиновой губки. Вдребезги разрушен был подвесной мост.

Олег, словно не веря чуду, стремительно глянул на Данилку, потом подскочил к макету, приподнял его и начал шарить под холмом. Сережа быстро подошел.

— Олег, да все в порядке,— торопливым шепотом сказал он.— Ну не бойся, Данилка-то живой. Я стержень утром вытащил, чтобы окно открыть.

Олег выпрямился, передохнул. Рукавом вытер лоб. Повернулся к Сыронисскому. Сказал сквозь зубы:

— Слушайте, вы... Никто не заставит вас ремонтировать эту вещь. Для такого ремонта нужны руки и головы...

— Вы хотите сказать, что у нас нет голов? — оскорбленно осведомился гражданин в очках.

— Именно! — отчетливо сказал Олег. — Иначе вы сообразили бы, что поднимать руку на ребенка — преступление... Вот здесь,— Олег щелкнул по папье-маше,— под макетом стальной каркас. Только случайно сегодня утром выпули осевой прут. Иначе бы он проткнул мальчика навывлет!

— Я никого протыкать не собирался,— заявил Сыронисский. — Вы не приклеивайте мне чего не надо. Я вашего часового только за руку взял...

— «Взял»! — повторил Олег. — Так, что он с ног полетел!

— Но позвольте,— вмешался гражданин в круглых очках,— ведь никто же не предполагал...

— Надо предполагать! — перебил Олег. — А если бы он виском о косяк? Или затылком об пол? Здесь дети! Понимаете вы? Живые дети! А не рулоны с обоями и не унитазаы, с которыми вы, очевидно, привыкли иметь дело!

— Унитазы тоже толкать нельзя,— наставительно сказал Данилка. — Они расколоться могут.

— А ты помолчи! — крикнул Сыронисский. — Туда же еще суется, сопля голоногая! Надень сперва штаны подлиннее! Взять бы ремень да как врезать...

— Слушайте, вы Сыронис-с-ский или как вас там,— спокойно, почти устало сказал Олег. — Никогда человеческая доблесть не измерялась длиной штанов. Этот мальчик во всех отношениях даст вам сто очков вперед. И руку на слабого он никогда не поднимет. Кстати, в древности жил такой человек — Юлий Цезарь. Может, слышали? К вашему сведению, он вообще не носил штанов, а до сих пор считается великим человеком. А на вас хоть пять пар брюк с лампасами

натяни, в генералы не запишут. И просто в порядочные люди — тоже.

— Насчет порядочности мы побеседуем в другом месте,— сообщил Сыронисский.

— Разумеется,— поддержал Олег.— А здесь вам не место. Поэтому покиньте помещение отряда и прекратите ваше нашествие, о причинах которого я узнаю в исполкоме.

— Это не нашествие, а технический осмотр, молодой человек,— обиженным тоном ответил очкастый.— Я, кстати, главный бухгалтер домоуправления. Мы смотрим, какой здесь нужен ремонт.

— Никакой ремонт не нужен,— сказал Олег.— Здесь идут занятия, и до лета помещение трогать нельзя.

— Кто вас будет спрашивать?— величественно отозвался Сыронисский.— У нас план. А кроме того, ваш детский сад вообще из другого ведомства. Райком комсомола вас организовал, пускай он и место дает. А нам нужно место для бухгалтерии.

— Мало ли что вам нужно,— сказал Олег.— Таким людям, как вы, нужно вообще, чтобы дети сидели, как мыши в норах, и под ногами не путались, а то жить мешают.

— Шибко образованные все стали,— произнесла дама с лицом-сковородкой и поднялась со стула.

Олег повернулся к Сереже:

— Дежурный! Гости уходят. Проводите.

Сережа и барабанщики отошли, освобождая выход.

Дама величественно, как айсберг, двинулась к порогу. «Пролезет?» — с интересом подумал Сережа. Она, видимо, пролезла бы. Но тут даму, словно потоком, отнесло в сторону. С мороза ворвались Генка Кузнечик, Алеша Смирняков, Сеня Гуревич, Митя Кольцов и Наташка.

— Остальные в школе или в кино! — с налета выпалил Генка.— Митьку и Наташку я на всякий случай прихватил. А что случилось?

— Все уже в порядке,— сказал Сережа.— Гости уходят. А вы как сумели так быстро примчаться?

— Мы с Наташкой на велосипедах, прямо по снегу! Митьку — на багажник. А остальные — бегом!

«Гости» во время этого разговора удалились.

— Ну, история,— выдохнул Олег.— Данила, да отойди ты от флага и положи рапиру. Все уже... Сергей, ты зачем вызвал ребят?

— Сам не знаю,— сказал Сережа.— Так, на всякий случай. Мало ли что...

— Ну и хорошо... Тогда сразу и решим один вопрос, раз капитаны здесь. Давайте раздевайтесь.

Через минуту все расселись в кают-компании — кто на стульях, кто на диване. Олег быстро и коротко рассказал, что случилось. Потом спросил у Данилки:

— Так?

— Так,— ответил Данилка. И нерешительно оглядел ребят.— А что мне было делать? Здесь же флаг.

— Пусть капитаны пройдут в спортзал,— попросил Олег.— На пару слов.

В зале они встали тесным кружком.

— Вот что, братцы...— начал Олег.— Надо об этом сказать. До сих пор мы жили спокойно... если не считать стычек с Лысым, Гусыней и другими мелкими типами. Взрослые люди нам, по крайней мере, не мешали. Помогали даже. Да только не всем «Эспада» нравится. Местные пенсионеры решили, что наши барабанщики слишком громко барабанят, хотя на улице их даже не слышать... Просто этим людям понадобилось помещение для кружка вязания и для собраний жильцов. А новому домоуправу показалось, что их бухгалтерии тесно живется. Вот и началось. Тактика у этих людей простая: чтобы нас выселить, будут говорить, что все у нас плохо, все неправильно... Сами видите, Данилка на посту у флага встал, а они в крик: нападение с оружием!

— А что?— запальчиво начал Сеня Гуревич.— Вострецов сделал все, как надо. Я бы тоже... Уходить, что ли, надо было?

— Уходить?— переспросил Олег.— От флага? С поста?

— Кто бы ушел?— сказал Алешка Смирняков.

Олег медленно проговорил:

— Я спросить хотел... Он, конечно, маленький... Но может быть, пора ему дать звание?

— Капитана?— подпрыгнул Генка, который сам две недели назад стал капитаном.— Давно пора!

Сережа вспомнил утренний случай с барабанщиками.

— Данилка, если по правде, давно уже капитан,— сказал он.— Не хуже других. Даже несправедливо как-то: и в совете, и группой командует, а нашивки нет.

— Только вот не все капитаны здесь,— нерешительно произнес Олег.— Как голосовать?

— Ну и что? Все равно большинство. Да и никто не станет спорить,— уверенно сказал Алешка.

Они вернулись в кают-компанию. Барабанщики уже начинали на диване легкую тренировку по самбо.

— Капитан Вострецов! — сурово сказал Олег.

Данилка сперва привычно подскочил, ожидая нахлобучки за возню. Потом понял — «капитан». Порозовел, испуганно глянул на ребят: «Не шутите?» Олег подошел к нему, тихонько взял за плечи. Улыбнулся.

— Капитан Вострецов... Сдавайте вахту.

— А зачем... сдавать? — шепотом спросил Данилка.

— Ну как зачем? Каховский вернулся. Он же сегодня командир.

Олег притянул к себе Данилку, прижал к пиджаку рыжую лохматую голову и тихонько сказал:

— Ты хорошо стоял вахту. Спасибо, малыш.

Барабанщики на диване притихли.

Олег отыскал глазами Димку.

— Димка сегодня тоже герой. Четыре квартала летел по морозу почти раздетый. Только не заболейте, пожалуйста, очень прошу.

— Не-а, не заболею,— охотно пообещал Димка.

— Надо его горячим чаем напоить,— решительно сказала Наташа.— Где у нас чайник и плитка? Всегда дежурные засунут куда-то...

В дверь постучали, и на пороге возник парень в солдатской ушанке.

— Я фанеру выгрузил и у крыльца поставил,— сказал он.— А то вы тут, видно, задержались, а мне ехать пора.

— Мамочки мои! — всполошился Олег.— Извините ради бога! Мы закрутились совсем. Наташа, отогревай Димку, остальные — таскать фанеру!

3

После школы Сережа снова пришел в отряд.

Он любил вечера в отряде. Приходили те, кому хотелось. Не на занятия, а просто так: посидеть вместе, поговорить. Одно слово — кают-компания. Булькал на плитке чайник, вкусно пахли

разогретые пирожки, за которыми бегали в магазин на углу, собрав копейки и пятаки... Потом начинал трезвонить телефон: то одни, то другие родители справлялись, где их дорогое чадо и скоро ли оно явится домой. Чадо отвечало «шас» и тут же забывало об этом обещании. Олег спохватывался и начинал всех разгонять по домам. Но за разговорами и он иногда забывал о позднем часе. Приходилось потом компанией ходить от дома к дому и провожать друг друга.

Сережу, Кузнечика, Митю Кольцова, Наташу, Андрюшку Гарца и еще нескольких «постоянных жильцов» кают-компаний звонками не тревожили. Привыкли. А ребята эти привыкли к спокойным хорошим вечерам, привыкли быть вместе.

Для долгих разговоров нашлась одна бесконечная тема: море, корабли, Севастополь. Так уж получилось...

Олег часто рассказывал об Артеке. О своих отрядах. О вечерах на берегу. О том, как шумит на галечных пляжах, приходя из темноты, ночной прибой, как светятся огоньки на проходящих вдали теплоходах. О том, как ребята-артековцы выходят на катерах в нейтральные воды и бросают в море бутылки с письмами к мальчишкам и девчонкам разных стран. А еще о поездках в Севастополь — удивительный город, где почти про каждый камень можно написать книгу: столько здесь было подвигов. Белый город, в который море врзается длинными синими бухтами и плещется у окон домов. Про эсминцы и крейсера, про старые бастионы, про старинные пушки, врытые на пирсах вместо причальных тумб. Про запутанные каменные лестницы и про улицы, где, кажется, смешались дома и корабли...

Генка Кузнечик в прошлом году был в Севастополе. Он подхватывал рассказы Олега и говорил, как мальчишки ловят крабов среди прибрежных камней, как гремит и сверкает над бухтами салют в День Военно-Морского Флота, как покачиваются рыбацьи ялики на синей волне. И как ребята нашли однажды в песке очень ржавый пулемет с плоским диском над стволом и Генкин брат Саша сказал, что это пулемет системы Дегтярева.

Генкины рассказы всегда кончались тем, что сказал или сделал Саша. И песни, которые иногда пел Кузнечик, были Сашины.

Больше всех песен подходила для таких вечеров песенка о синем крабе. Простая такая, забавная и немного грустная. Первые слова Кузнечик даже не пел, а произносил чуть задумчиво:

Синий краб, синий краб
Среди черных скал в тени...
Синий краб, он приснился мне во сне...

А потом уже дергал струны, и начиналась мелодия.

...У него восемь лап,
Две огромные клешни
И серебряные звезды на спине.

Рыбаки ловят рыб,
Китобои бьют китов —
Делом заняты с утра и до утра.
Только я с той поры
Позабыть про все готов:
Все залив ищу, где водится мой краб.

Мотив был простой, как перезвон капель, падающих на палубу. И Сереже представлялся мальчуган в тельняшке, похожий на Димку. Будто он сидит на носу парусной шлюпки и печально думает о загадочном крабе: где его найти?

А когда мальчишка возвращается на берег, рассудительные люди спрашивают:

Да зачем он тебе,
Этот страшный зверь морской?
С ним в беду очень просто угодить!
У него ужасный вид,
Он, наверно, ядовит —
Ни сварить его, ни в банку посадить.

Мальчишка даже и не спорит с ними. А только отвечает тихо и упрямо:

Сто ночей не усну,
Буду думать все о нем,
Буду думать, буду плавать и грустить.
Мне бы только взглянуть
На него одним глазком,
Просто так — посмотреть и отпустить...

Пока Генка пел, Сережа и Димка посматривали друг на друга и улыбались глазами. У Сережи на рубашке был прицеплен маленький синий краб, которого подарил ему осенью Димка. Сначала Сережа укрепил краба над воротами маленького замка, но потом стал носить на отрядной форме...

Димка тоже иногда рассказывал про море. Он был с родителями в Анапе. Чаще всего он вспоминал большого черного кота, приходившего на пирс к рыбакам. Кот молча сидел и ждал, когда рыбаки поделятся добычей.

Димке очень нравилось, какой он был спокойный и полный достоинства. Рыбаки его вроде бы даже побаивались: никто не решался оставить кота без угощения. А кот съедал очередную рыбу и продолжал смотреть в море, будто ждал кого-то.

А Данилка вспоминал не Черное море, а Белое. Он в дошкольные годы жил в Архангельске и хорошо помнил, как отец водил его на пароход, в гости к знакомому капитану. Он говорил, что Белое море даже лучше, чем Черное, потому что там бывают приливы и отливы.

Наташа на Черном море тоже не была. Но она бывала в Ленинграде и в Петродворце — на Финском заливе. Ребята иногда спорили: можно ли Финский залив считать морем? Мелкий он, и вода там пресная. Наташа доказывала, что можно. В учебнике географии так и написано: «Заливом называется часть моря, вдающаяся в сушу». «Часть моря, понятно вам?»

Генка всегда заступался за Наташу. А однажды он привел доказательство совершенно неопровержимое:

— Если не море, то почему для этого залива морские карты напечатаны? С маяками, с глубинами, с компасным кругом! Даже номер по каталогу морских карт указан! У Саши есть такие карты. Не верите?

Ему поверили. А Олег спросил:

— В конце концов, кто твой Саша? Моряк? Поэт? Музыкант? Физик? Или все вместе?

— Инженер-физик,— сказал Генка.— Он электроникой занимается. Электроника ведь и на кораблях используется. Я только не знаю точно, что он там делает. Думаете, он все мне рассказывает? Один раз я к нему пристал, а он знает какую чушь рассказал? Говорит, горючее для судов дорого стоит, и есть мысль у инженеров, чтоб вернуться к парусным кораблям, пускай ветер вместо бензина работает. А чтобы матросов по мачтам не гонять, паруса будут управляться электронными машинами...

— Это вовсе не чушь,— вмешался Митя Кольцов.— Такие корабли кое-где уже строят. В Японии шестимачтовую шхуну заложили, а на Гамбургской верфи четырехмачтовые фрегаты типа «Динашиф». Пассажирские и грузовые.

— А зачем? — спросила Наташа. — Ведь не средние века. Может, еще кареты изобретут, а вместо кучера — электронную машину?

Митька медленно поднял глаза на неразумную Наташку. Он если и обижался, то не подавал вида. Он только сказал:

— Знаешь, сколько нефти жрет большой теплоход? Тебе и не снилось. А Земля ведь не бездонная, горючее экономить надо. А новые парусники будут ходить быстрее, чем клипера.

— Но все равно тише пароходов, — не сдавалась Наташа.

— Лучшие клипера давали по двадцать узлов. Даже двадцать один. Думаете, грузовые суда сейчас ходят быстрее? — спросил Митя.

Спорить было бесполезно. О клиперах Митя знал все. Он никогда не был у моря, но любил корабли преданно и бескорыстно, как самых лучших друзей. Он про них мог рассказывать, будто на каждом плавал по десять лет. Особенно про парусники. Правда, сам он редко начинал такие разговоры, будто стеснялся своей любви. Лишь однажды победил смущение и предложил:

— А давайте построим корабль.

— Настоящий? — спросил Генка.

— Да. Двухмачтовый.

— Ну, Митя, это нам не потянуть, — сказал Олег. — Мы же не судоверфы.

Митька не стал спорить, но на следующий день принес журнал с чертежами бригантины-малютки, которую можно построить из обычной шлюпки.

— А шлюпку где взять? — спросил Олег.

— А если найдем... — тихо сказал Митя.

— Елки-палки... Надо подумать, — откликнулся Олег. — Лето не за горами...

И Генка Кузнечик поддержал Митю. Сказал, что свой корабль — вещь нужная. Он вообще всегда поддерживал Митю.

Но в тот вечер, когда говорили о Сашинной работе, Генка возразил:

— Нет, Саша все-таки не парусами занят. По-моему, он там на других кораблях. Севастополь — город военный.

И все опять заговорили о Севастополе. Только Сережа слушал молча.

А что ему было говорить? У моря он не бывал, а разные теплоходы и пароходы видел только на реке. Он очень любил вечера в «Эспаде» и разговоры о Севастополе слушал с интересом, но

самому ему сказать было нечего. И порой Сережа начинал тихонько ревновать ребят друг к другу: у всех у них что-то общее, а он будто в стороне.

Так было, пока Генка не упомянул о Херсонесе.

— Разве Херсонес в Севастополе? — удивился Сережа.

— Конечно. Между Карантинной и Песочной бухтами.

— Я думал, это отдельное место, вроде какого-то поселка, — сказал Сережа. — Там раскопки греческого города, правильно?

— Да. Там развалины всякие. Башни, стены. И колонны из мрамора.

— У меня дядя есть. Ну, брат тети Гали. Он археолог, с московскими студентами в Херсонесе на раскопках работает, — со сдержанным торжеством сказал Сережа. — Он все не писал, не писал, а недавно письмо прислал, обещает весной в гости приехать. Уж я из него тогда все выпрошу про эти раскопки...

— Хочешь, я тебе книгу про Шлимана принесу? — спросил Олег. — Про того, кто древнюю Трою открыл.

Олег ухитрился все понимать. Про каждого. Сережа никогда ему не говорил, что все больше и больше тянут его к себе тайны старых городов, заросших, засыпанных, утонувших. Но Олег, видно, знал и это.

Хорошо приходить туда, где тебе рады, где тебя всегда понимают, где друзья. Вот поэтому Сережа, когда мог, спешил в «Эспаду».

Но сегодняшний вечер в кают-компании был непохож на прежние. Вспоминался утренний случай.

— Да ничего, — сказал Сережа, чтобы успокоить себя и других. — Они же сами виноваты. Ворвались, как в свой собственный сарай, и давай командовать.

— Все правильно, — согласился Олег. — Только зря я, пожалуй, с ними такую перепалку затеял. Нервы, что ли, стали сдавать?

— Нервы у кого хочешь сдадут, — сказал Сережа. — После такого случая с Данилкой... Я как вспомню про этот стержень, зубы стучат.

— Это верно. Только я вообще легко заводиться стал, — вздохнул Олег.

Вмешался Генка:

— Ну уж, легко! С теми двумя тстушками ты очень вежливо разговаривал. Помнишь?

— А что за тетушки еще? — встревожился Данилка.

— Да были тут, — сказал Олег. — Давно еще, две недели назад. Я разве не рассказывал? Кузнечик наш как раз первое занятие с новичками начинал... Вошли в зал, будто в магазин, остановились посередине и тогда говорят: «Можно к вам?» Мы даже остолбенели сперва. Мальчишки как раз переодеваются для разминки. Гена стоит бледный от ответственности и ужаса и лихорадочно вспоминает комплекс упражнений...

— Упражнения-то я помнил, — сказал Генка.

— Ничего ты не помнил... Ну вот. Я говорю: «Простите, но никак нельзя. Видите, ребята раздеваются, инструктор первый раз на занятиях, стесняться будет. А вы что хотели?» — «Мы хотели посмотреть, чем вы тут занимаетесь». — «Простите, — снова говорю, — а вы кто?» — «Мы — общественность». — «Очень приятно, — говорю. — А поточнее?» — «Вот она из уличного комитета, а я вместе с ней...» Ну пригласил я их в кают-компанию, объяснил, что гости к нам если приходят на занятия, то сначала предупреждают. Родители — другое дело, у них тут ребята. Очень всжививо объяснил. А они рассердились. Говорят: «Что это вы отгораживаетесь от людей?» Обещали пожаловаться... Может, зря мы их на занятия не пустили, а, Гена?

— Мне их тогда только и не хватало, — сказал Генка. — Я даже Сергея прогнал. Трепетал с непривычки как осиновый лист.

— А учительницу пускаешь и не боишься, — напомнил Сережа.

— Первый раз ее тоже не было...

— А что за учительница? — дурашливо-капризным голосом спросила Наташа. — Все про все знают, а мне никогда не говорят.

— Учительница та самая, которая Генкиных третьеклассников учит, — объяснил Олег. — Ведь наш Кузнечик попал в капитаны почему? Из-за нее. Она в нем души не чает.

— Может, хватит? — жалобно спросил Генка.

Но у Олега запрыгали в глазах веселые точки. Он продолжал:

— С чего началось? Приходит однажды из тридцать седьмой школы учительница. Пожилая, представительная. Очень-очень вежливая. Говорит, что интересуется нашей работой. Мы как раз были с Генкой и с Ворониными. Стали показывать ей все и рассказывать, а она вдруг спрашивает: «Нельзя ли моих мальчиков записать к вам в отряд?» Имейте в виду, сразу сказала — не в «клуб», а в «отряд». Я спрашиваю: «Сколько?» — «Ну, хотя бы человек семь». Посмотрели мы с ребятами друг на друга: что делать?

Главное, малышня совсем. А как откажешь хорошему человеку? «Ладно,— говорю,— если семь, то попробуем». Она обрадовалась. А потом стала интересоваться: «Вы с ними со всеми один занимаетесь?» — «Нет,— говорю,— сам я не управился бы. Ребята помогают, кто постарше». Она тогда отвела меня в сторонку и шепчет: «А нельзя ли, чтобы с моими занимался вон тот симпатичный мальчик?» И на Геночку показывает. Как тут быть? Пришлось принять солидный вид и сказать: «Принимайте, товарищ Медвед, группу».

— Я чуть в гитару не улез,— мрачно признался Генка.

Олег сказал:

— А раз группа есть, пришлось звание давать. Для авторитета перед новичками.

— И перед Надеждой Анатольевной,— вставил Сережа.

— Подать, что ли, в отставку? — задумчиво произнес Генка.

— Я вот тебе подам! — пригрозил Олег. — А дальше знаете что? Бедная Надежда Анатольевна ходит к нему на все занятия. Ее пиратки как начнут махать клинками, как начнут вопить от восторга, так она бледнеет и глаза закрывает. Но в капитана Медведа верит, как в каменную стену.

— Она в него просто влюбленная ходит,— сказал Сережа. — Позавчера шоколадкой угощала.

— Да бросьте вы! — отмахнулся Генка. — Она в своих пацанят влюбленная. Не надышится на них. И они от нее ни шагу. Если бы я в третьем классе учился, обязательно бы к ней сбежал.

— От Татьяны Михайловны? — укоризненно спросила Наташа.

— Ну... Татьяна Михайловна третьи-то классы не учит,— вывернулся Генка. И, чтобы отвести разговор от себя, добавил: — А Сережка, если бы мог, давно бы уж от нее сбежал. Это точно. Она его совсем завоспитывала.

— Да ну... — отмахнулся Сережа. — Просто ей кажется, что я слишком часто в разные истории встречаю.

— Не в разные, а в одинаковые. В скандальные,— уточнила Наташа.

— И про меня это тоже говорят,— печально признался Данилка. — А мы при чем? Это истории виноваты, раз случаются. Да, Сережа?

— Вот именно,— сказал Сережа, благодарный Данилке за такую здравую и четкую мысль.

Генка хихикнул.

— Самое смешное знаете что? Татьяна Михайловна боится, что Сережка из-за той драки с Гавриком начнет зазнаваться. Я, мол, герой, бандита задержал, в газете писали...

— Зазнаёшься тут при такой жизни,— мрачно сказал Сережа.— Чуть что, сразу: «Про тебя в газете написали, а ты тройки получаешь! Про тебя вся школа знает, а ты по коридору носишься!» Или еще так: «Каховский, ты опять споришь со старшими! Ты, наверно, думаешь, что вокруг тебя одни бандиты и хулиганы! Ты еще палку возьми!»

— Это кто же тебя так?— поинтересовался Олег.

Ответила Наташа:

— Все она же, Нелюшка. Недавно решила Стаське Грачеву двойку по поведению поставить за то, что он не захотел после уроков с классом в кино идти. Мы с Сережей заступились. А она и на нас и на него разозлилась, говорит, что он ябедничает на учительницу.

— Стаська и не ябедничал, мы случайно узнали,— сказал Сережа.— Он теперь вообще ни на кого не жалуется. Если обижают, молчит или сам отбивается. И отца почти не боится.

— Только слишком злой стал,— вздохнула Наташа.— И с Нелюшкой его никак мир не берет.

— С учителями кому как повезет,— рассудительно заметил Данилка.

— У меня классная руководительница была отличная, мы все ей до сих пор письма пишем,— задумчиво сказал Олег.— Лидия Григорьевна, физик... Один только был у нее недостаток: считала, что я обязательно должен стать инженером. Даже заболела, когда я не поступил в политехнический институт, срезался по математике.

Наташа посмотрела на Олега почти обиженно:

— Ты разве не сразу пошел в педагогический?

Олег усмехнулся, оглядел собравшихся в кружок ребят.

— Братцы, да я же почти старик. Я в жизни многое успел.

— Очень ты похож на старика,— язвительно заметила Наташа.

Олег сказал:

— Не попал я в инженеры. Пошел работать на электростанцию, а осенью взяли в армию. Стал проситься на флот. Умолял, чуть не плакал. Майор даже разозлился и говорит: «Дурак, в армии два года служат, а на флоте — три». А я в ответ: «Может, в армии всю жизнь там останусь, что мне три года!» Уговорил. При-

ехали мы на Север, а там еще одна медкомиссия. Мне — по шапке: нельзя на корабль, здоровье не то. Я опять чуть не в голос: «Оставьте хоть на берегу, только у моря!..»

— Оставили? — напряженным шепотом спросил Митя. Он будто приключенческий роман слушал: ведь море же!

— Оставили... Форма морская, а служба почти штатская. В команде при местном Доме офицеров. Увидели, что рисую прилично, сделали художником-оформителем... Работы, конечно, хватало, но все же не то, что на кораблях. Свободного времени порядочно оставалось, особенно когда втянулся... При Доме офицеров кое-какие кружки и секции работали, была и секция фехтования. Капитан-лейтенант Гранитин тренировал, по прозвищу Капитан Грант. Сердитый на вид мужчина, крикливый, но учил здорово. Увидел, что я приглядываюсь к их занятиям, и забрал к себе. «Я, — говорит, — из тебя сделаю мастера». Ну, мастера не сделал, а второй разряд я получил. Поехал потом в Севастополь на спартакиаду флотов. Там дотянул до первого разряда... А когда вернулся, увидел двух хороших людей — Федю и Ромку...

— Что за люди? — ревниво спросил Данилка.

— Очень замечательные люди. Тому и другому было тогда по одиннадцати лет. Начали они заглядывать к нам в Дом офицеров каждый день, смотрят на рапиры и вздыхают. Ну, стал я их учить потихоньку, пока нашего Капитана Гранта нет поблизости. Он посторонних не терпел. Узнал про это начальник Дома офицеров, приказал явиться и давай делать накачку: не положено, мол. «Безобразие!» — говорит. Я не выдержал и начал с начальством пререкаться: «Даже для офицерских жен кружки есть, а ребятам куда деваться?» Начальник был умный мужчина. Поглядел на меня другими глазами и повторяет: «Я и говорю — безобразие! В поселке вон сколько ребятшек, а вы только с двумя занимаетесь. Набирайте команду, а я доложу начальству...»

Олег вдруг замолчал и стал смотреть в темное окно. А там ничего не было видно, только лампочка отражалась да огненные Данилкины вихры.

— Набрал команду? — спросил Сережа.

— Набрал... Когда демобилизовался, они — в слезы. А я... В общем, тоже не сладко. А не уезжать нельзя — учиться надо. Хорошо хоть, что замена для меня нашлась, девятиклассник из местной школы. И Гранитин обещал помочь... Ну вот. А как при-

ехал домой, пошел в интернат работать. Это в Красном Береге, у меня там родители живут. Старшим вожатым стал. Это мне ребята из горкома комсомола посоветовали... А потом в институт поступил, на заочное...

— Когда ты все успел? — спросила Наташа. — На флоте, в интернате, в Артеке, у нас...

— Успел. Служил два года, потому что на берегу. В интернате тоже два года... Это, братцы, самое лучшее, что у меня в жизни было, честное слово...

— Лучше, чем в Артеке? — недоверчиво спросил Митя. Он, конечно, не верил, что где-то может быть лучше, чем у моря.

— Угу, — ласково сказал Олег и даже зажмурился. — Такие ребята... Мы с ними театр устроили. В походы по реке ходили... Я бы в Артек и не уехал...

— А почему уехал? — не утерпела, полюбопытствовала Наташа.

Олег раскрыл глаза и по очереди посмотрел на каждого.

— Так... Так получилось, братцы. Не поладил с начальством. Был сначала отличный директор, да ушел на пенсию. Пришла на его место одна тетя. Вроде той, что сегодня у нас была. Не по внешности, а по сути своей такая. Непрошибаемая. Театр заставила прикрыть: от учебы отвлекает. Походы запретила. «Вам, — говорит, — игрушки, а мне отвечать. Главная задача школы, — говорит, — хорошая учеба и отличное поведение». Я ей пытался вдобавить, что хорошие оценки и поведение могут быть у людей, когда у них жизнь интересная... Я молод был и... в общем, прямолинеен. А она — как скала. Вот и не договорились... А как раз вожатых в Артек приглашали...

— Грустные какие-то истории, — настороженно сказал Кузнецик. — Все прощаешься и прощаешься. Ты, Олег, только не вздумай с нами прощаться.

— А то ты интернат уже не первый раз вспоминаешь, — подозрительно сказала Наташа.

Олег улыбнулся:

— «Сто ночей не усну, буду думать все о нем...»

— А о нас? — обиженно спросил Данилка.

Олег встряхнулся, встал и весело ответил:

— Это само собой.

Он схватил капитана Вострецова под мышки и на весу повернул его носом к часам.

— Ну-ка, Осенняя Сказка, посмотри, сколько времени. Брысь домой, а то опять от сестрицы попадет!

— Пфы! — сказал Данилка, демонстрируя полное бесстрашие.

— А почему «Осенняя Сказка»? — спросила Наташа.

Данилка гордо объяснил:

— Потому что у меня на носу целый листопад из веснушек. Не видишь разве? Тебе таких сроду не иметь.

— Где уж мне...

Данилка сказал деловито:

— Пойду. Мне завтра просыпаться первому: я по квартире главный дежурный. У нас с Юлькой очередь.

— Ты всегда раньше всех должен просыпаться. Ты же барабанщик. Привыкай, — сказал Олег.

Данилка сказал, что он и так привыкший, и ушел. С ним ушел и Митя.

Генка забрался с ногами на диван и прикрыл глаза.

— Ты что? — спросил Сережа.

— Да я про Данилку думаю. Про все, что было утром. И про это... Вдруг бы ты не убрал ту железяку?

Сережа поежился.

4

До угла все шагали вместе. Было морозно. Олег потер перчатками уши и жалобно сказал:

Ранние весенние рассветы,
Теплый ветер марта, где ты, где ты? —

и объяснил: — Это я в юности сочинял. В Лермонтовы метил. Увы...

На углу они разошлись. Наташа и Олег направились прямо, Сережа и Генка помахали им вслед и свернули на Октябрьскую.

Почти сразу же, у яркой витрины магазина «Одежда», Генка остановился.

— Как-то все вместе сложилось, — немного растерянно проговорил он. — И тревога утром, и разговоры, и Данилка... И вот еще. Смотри.

Он долго шарил за пазухой и вытащил помятую бумагу. Это был сложенный в несколько раз листок из иностранного журнала.

— Вот...— повторил Генка. Расправил в ладонях лист и поднес ближе к свету.

На листе напечатан был крупный снимок.

На брусчатую мостовую ничком упал мальчик. Он лежал головой к зрителю, одна рука согнута, другая брошена вперед. Волосы, просвеченные солнцем, разметались по камням. Фото было отчетливым. Каждый волосок был виден, и казалось, что ветер их шевелит. Но особенно четко выделялась на камнях цепочка выбоин, протянувшихся у головы мальчишки. Видно, только что хлестнули по брусчатке пули.

С отчаянной ясностью вспомнил Сережа свой давний сон — про знойный враждебный город, про пулеметы на бастиях и убитого мальчишку. И сам будто ощутил сквозь рубашку твердость горячих камней на мостовой.

— Чили? — спросил он.

— Конечно,— откликнулся Генка.— Журнал из Перу, Саше прислали. А снимок перуанский журналист в Сантьяго сделал... Вот я все и думаю: он или не он?

— Кто?

— Ты не помнишь?

Генка прикусил губу, растегнул пальто, полез в карман куртки. Достал маленькую фотографию.

И Сережа сразу вспомнил. С фотоснимка весело смотрел маленький светлоголовый, похожий на Митьку Кольцова, чилец — Алехандро Альварес Риос.

Генка положил фотографию на журнальный лист. Сказал то-скливо:

— Все думаю: он или не он?

— Ну почему же он? — беспомощно сказал Сережа.

Было что-то щемящее, до дикости несправедливое в этом сочетании: живое лицо мальчика — и рядом брошенное на камни, пришитое к ним пулями маленькое тело.

Словно защищая Генку от беды, Сережа повторил:

— Почему обязательно он? Лица-то не видно. Только волосы похожи.

— И рубашки,— прошептал Генка.— И еще... Смотри.

Он коснулся ногтем воротника у Алехандро. Там в уголке белела капелька непонятного значка. А на большом снимке... Там тоже. Угол воротника выбился из-под щеки, и на нем виднелся белый кружок.

— Ну и что? Просто совпадение. Разве не может быть совпадения? — спросил Сережа.

— Может,— сказал Генка.— Все может... Только от этого не легче.

— А почему ребятам не показал?

Генка шевельнул плечом.

— Ну... как-то жалко стало. Его жалко. Он лежит убитый, а все смотреть будут. Сравнивать: он или не он... Будто если не он, то можно и не очень жалеть... Нельзя так.

Сережа молча кивнул.

Мелкие-мелкие снежинки падали на журнальный лист, на фотографию чилийского мальчишки. Падали и не таяли. Из-за стекла витрины глупо тарасилось на ребят семейство дурачки красивых манекенов: папа, мама и дочка. Все в разноцветных спортивных костюмах. Сережа сердито встал к ним спиной.

Кузнечик все еще держал перед собой снимки. Будто не решался оторваться от них. Сказал тихо-тихо:

— Когда смотрю, отомстить хочется. Будто кого-то из наших убили. Митьку или Данилку. Или еще кого-то...

— Да,— сказал Сережа.

Генка помолчал, сдул с листа снежинки и медленно проговорил:

— Смотри, он упал, как барабанщик. Только барабан вперед укатился, и его не видно.

...Барабан сорвался с ремня, упал набок и, глухо гремя на камнях, покатился навстречу солдатским сапогам. Очередь из пулемета ударила в него, вспорола и отшвырнула на край мостовой. Мелко брызнули осколки камней и запутались в волосах упавшего Данилки...

Генка опять сдунул снежинки и проговорил:

— Данилка сказал: «Мне просыпаться первому...» Мне эти слова, как строчка из песни, запомнились... Я, наверно, песню сочиню про барабанщиков. Она из сегодняшнего дня сама получается.

И, глядя на журнальный снимок, словно читая подпись под ним, Генка хрипловато стал говорить:

Как бы крепко ни спали мы,
Нам подниматься первыми,
Лишь только рассвет забрезжит
В серой весенней дали...

Он переглотнул, помолчал и, будто рассердясь на себя за смущение, за хриплость, сказал негромко, но ясно:

Это неправда, что маленьких
Смерть настигает реже —
Ведь пулеметы режут
Часто у самой земли.

В Сереже словно музыка откликнулась: суровый твердый марш, когда все барабанщики медленно поднимают и разом опускают палочки.

Он ничего не сказал. Он вдруг сообразил, что Кузнечик держит лист голыми руками, без варежек. Пальцы у Генки стали белые, как дсревяшки. Сережа скинул перчатки, осторожно взял бумагу, свернул ее и сунул Генке в наружный карман. Сложил вместе Генкины застывшие ладошки, зажал их в своих горячих ладонях.

— Пошли.

И повел Кузнечика, согревая его пальцы.

Генка послушно, как маленький, шел рядом.

Сережа сказал:

— А ты говоришь: «Саша, Саша...» Значит, ты сам песни придумываешь?

Генка покачал головой.

— Нет, это Саша. А я сегодня первый раз... Если у меня не получится, Саша поможет. Чтобы до конца... Он мне в любом деле помогает.

— Мне бы такого брата,— сказал Сережа.

Генка улыбнулся и доверчиво проговорил:

— Я его как тысячу братьев люблю... Один раз я даже подумал знаешь что? Если бы с Олегом что-нибудь случилось, Саша мог бы стать у нас командиром.

Сережа даже выпустил Генкины ладони.

— С Олегом? А что с ним может случиться?

— Да нет, я же просто так. У Саши и времени нет никогда. Просто они с Олегом чуть-чуть похожи.

— Возьми мои перчатки, они нагретые,— сказал Сережа.— А с Олегом... Ничего с ним случиться не должно.

И он вдруг понял, почему сегодня утром проснулся с тревогой. Из-за Олега. У того слишком часто теперь бывало хмурое и озабоченное лицо.

Несколько дней в отряде ждали неприятностей со стороны домоуправа Сыронисского и его союзников. Но прошла неделя, а все было спокойно. И ребята решили, что «противник» не захотел больше связываться с «Эспадой».

Жизнь потекла, как прежде. По вторникам и пятницам — тренировки, по средам — линейки, по выходным — съемки фильма. А в другие дни, и утром и вечером, «Эспада» жила «просто так»: прибегали те, кто был свободен, а дело всегда находилось.

Все было бы хорошо у Сережи, если бы не этот чертов Димка. Видно, осталась у него обида. Нельзя сказать, чтобы он открыто злился на Сережу или не замечал его. Но лишний раз тоже не взглянет и хорошего слова не скажет. Не то что раньше.

А может быть, Сереже просто казалось?

Дело решил сам Димка (молодец он все-таки!). Он встретил Сережу после занятий в раздевалке, когда рядом никого не было. Встал Димка перед Сережей, как тогда, при первой встрече в лагере, заложил пальцы за белый ремень, слегка наклонил голову к плечу и спросил, то ли с досадой, то ли с сочувствием:

— Что ты все время такими глазами смотришь?

Сережа смутился и потому огрызнулся:

— Какими?

— Вот такими.— Димка сложил пальцы колечками — показал, что глаза у Сережи большие и круглые. Затем добавил, не отводя взгляда: — Я же виноват, а не ты.

— Что-то я тебя не понимаю,— сказал Сережа.

В Димкиных глазах мелькнуло возмущение. Сережа почувствовал: хитрить стыдно и бесполезно.

— Если виноват, зачем дуешься? — спросил он.

Димка стал смотреть в сторону:

— Я не дуюсь.

— Ну, злишься... Получается, что мы с тобой поссорились.

— Я не злюсь.

— Ну, обижаешься.

— Не обижаюсь я,— сказал он с упрямой ноткой.

— Не ври. Я же знаю, что ты тогда обиделся.

Димка крутнул головой и, все так же глядя в сторону, проговорил:

— Это тогда. Сначала...

— Сначала... А потом тоже.

Димка глянул исподлобья, быстро и серьезно.

— Не-а...

— Нисколько? — осторожно спросил Сережа.

— Ну... маленько. А сейчас уже нисколько.

— Правда?

Димка кивнул. Теперь он опять не отводил глаз.

— Ну, тогда... что? — спросил Сережа.

— Что? — спросил и Димка. И во взгляде его мелькнула веселая искорка.

— Тогда... значит, мир?

— Ага, — сказал Димка и улыбнулся.

— Ну? — произнес Сережа и протянул руку.

Димка далеко отвел свою ладошку и с размаха уложил ее в Сережину ладонь. Он теперь смотрел совсем открыто и улыбался как всегда, как раньше. Это был наконец обычный Димка. И Сережа ощутил горячий прилив благодарности к нему. Он был готов теперь для Димки сделать все, что угодно: с третьего этажа прыгнуть, в бой кинуться... Хотя виноват-то был все-таки этот обормот Димка, а не он, Сережа. И если Димку угораздит опять опоздать на вахту, не миновать ему новой нахлобучки.

...Вместе с Димкой и Кузнечиком они отремонтировали пенопластовый замок. Его нужно было снять на киноплёнку в лучах сильных фотоламп на фоне косматых снежных облаков. Почти в сумерках. На экране зрители увидят красивую белую крепость, в которой укрылся от врагов и ночной непогоды хитроумный кардинал Ришелье. Там он строит козни против трех мушкетеров и маленького их товарища — д'Артаньяна.

...В небольшом французском городке, на берегу реки, по которой ходили дымные пароходы, жил-был веснушчатый и лохматый мальчик Андрэ. А попросту говоря, восьмилетний Андрюшка. И жилось ему не очень-то весело. Мальчишки дразнились, потому что рыжий, тетюшка за каждый пустяк ставила в угол и не давала компота, а школьный учитель месье де Раздолбон придирался и делал в дневнике дурацкие записи.

И однажды Андрюшка обиделся. Не так, как раньше, не на минутку, а крепко — навсегда. Он решил бросить дом и уйти в мушкетеры.

Андрюшку долго уговаривали не делать глупостей. И тетка,

и учитель, и даже мальчишки, которые осознали свое неправильное поведение, обещали больше не дразниться, а месье де Раздолбону посадить в портфель живую крысу, чтобы он тоже перевоспитался.

Андрюшка не отменил решения. Напрасно ему говорили, что мушкетеров сейчас и на свете нет, что водились они раньше, в другую эпоху, и даже в других местах. Андрюшка знал, что мушкетеры есть, потому что недавно видел их сам, когда стоял в углу и украдкой поглядывал на экран телевизора. Все, что показывают по телевизору, есть на самом деле: не будут же взрослые люди дурака валять.

Андрюшка готовился к походу всерьез. Воткнул в берет большое куриное перо, приделал к старым валенкам отвороты и жестяные шпоры, из толстой проволоки и консервной банки смастерил длинную шпагу. Лошади у Андрюшки не было, и он взял березовую палку, а к ней приделал конскую голову из картона.

— Ну, скачи, скачи,— сказали ему.— Далеко не уедешь, к ужину все равно вернешься. Только людей насмешишь.

И Андрюшка правда смешил. Когда проявили первую пленку и запустили кинопроектор, все просто лежало от хохота.

Маленького Андрюшку д'Артаньяна играл настоящий Андрюшка — Гарц. Он был на три года старше своего героя, но это ничуть не мешало. Невысокий, шуплый, в своем дошкольном костюме, из которого не очень даже и вырос, Андрюшка вполне сходил за восьмилетнего. А играл он как артист. Это все сказали, когда выбирали человека для главной роли. Даже Данилка уступил, хотя сам сначала метил в д'Артаньяны (говорил, что пускай фильм не цветной, но рыжего должен играть самый рыжий).

На длинной бумажной ленте нарисовали дорогу — с деревьями, каменными горбатыми мостиками, мельницами и старинными островерхими домиками. Эту ленту засняли на кинопленку. А потом на фоне белой стены сняли на ту же пленку скачущего Андрюшку. Это называлось «комбинированная съемка». Получилось, что Андрюшка скачет по дороге. Ну совершенно невозможно было без смеха смотреть, как лихо несется он на березовой палке-лошади, как взбрыкивает по-жеребьячьи худыми ногами, на которых болтаются валенки со шпорами, как уговаривает своего «коня» перепрыгнуть через канаву, а когда «конь» отказывается наотрез, закидывает палку на плечо и пешком бредет в обход...

Кто хочет, тот добьется: скакал, скакал Андрюшка и все же добрался до старой Франции, а там в таверне «Жареный петух» повстречал Атоса, Портоса и Арамиса.

Сначала доблестные мушкетеры не приняли всерьез храброго малыша. Они долго хохотали, когда Андрюшка попросился к ним в товарищи. И было очень смешно, как Андрюшка пытался доказать, что он уже большой, показывал шпагу и шпоры. А потом стало не только смешно. Андрюшка сделался похожим на растрепанного, но боевого петушка. Олег снял крупным планом его лицо, и на экране все увидели Андрюшкины глаза. Это были глаза обиженного мальчишки, над которым хватит смеяться. Лучше не надо смеяться. Себе дороже.

Андрюшка с размаху рубанул шпагой по столу и швырнул под ноги мушкетерам берет.

Через полминуты господа мушкетеры убедились, что проволочная шпага — совсем не шуточное оружие. От полного конфуза их спасло только нашествие кардинальского патруля. Вот тут-то мушкетеры и Андрюшка объединились и всыпали гвардейцам перца и соли!

И все сразу забыли о нелепых Андрюшкиных валенках, о плаще из теткиной косынки, о детском бантике у воротника, когда мушкетеры вручили ему боевую шпагу. Было совсем не смешно, было здорово, как он взял и стиснул клинок...

Но это — лишь начало фильма. А впереди еще съемки. Длинный рассказ о приключениях мушкетеров, Андрюшки и короля.

У семилетнего короля жизнь тоже была не сахар. Кардинал, очень похожий на месье де Раздолбона, каждый день изводил его длинными лекциями о хорошем поведении, а мамаша-королева (весьма напоминающая Андрюшкину тетку), чуть что, лупила его величество длинным веером и ставила в угол. Там, среди сырости и паутины, висела специальная доска с надписью: «Угол для Его Королевского Величества».

Долго терпел маленький король эти безобразия. Но когда подлый кардинал украл любимую королевскую игрушку — заводной паровоз, терпение Людовика лопнуло. Он тайно позвал мушкетеров и запросил о помощи. Вот тогда-то все и началось!

Короля поручили играть маленькому Вадику Воронину, у него это получалось. Генка Кузнечик взял роль Арамиса, Алеша Смирняков — Атоса, а Володя Огоньков — Портоса. Учителя де Раздолбона и коварного кардинала играл один человек — Валерик Воро-

нин. А роль королевы и Андрюшкиной тетки пригласили исполнять Наташу. Кого же еще?

Наташа сначала согласилась. Но тетка и королева получались у нее слишком добрыми. Сразу было видно, что она обижает ребят не по правде. Сережа сказал Наташе:

— Меня все время воспитываешь, а тут не можешь.

— Тебя — за дело, — огрызнулась Наташа. — А Вадика и Андрюшку жалко.

И вдруг предложил свои услуги вечный неудачник Андрей Ткачук. Тут ему повезло. Едва он напялил длинное платье с оборками, надел жестяную корону и заговорил голосом старой дамы, все поняли: это то, что надо.

— Ваше величество, — поджав губы, произнес Ткачук. — У вас опять порваны штаны! Фи... Пусть ваше величество изволит стать в угол и не выходит, пока мое величество не изволит разрешить... а то как врежу веером, будешь знать, обормот!

Наташа уступила корону и осталась заведовать костюмами.

Сережа тоже не снимался. Ему нравилось возиться с пленками, устанавливать декорации, проводить репетиции схваток между гвардейцами и мушкетерами. А играть кого-нибудь он, по правде говоря, и не решился бы. Стеснялся как-то...

Снимали «Трех мушкетеров» только по воскресеньям. В другие дни было нельзя: ребята учились в разные смены, всех не соберешь.

Ждали весенних каникул. А еще больше ждали лета, потому что многие сцены снимать надо было «на натуре» — в саду, который изображал дворцовый парк, и на берегу пруда (будто на берегу моря).

Была у Олега мысль: договориться, чтобы на втором этаже освободили кладовые, а помещение отдали ребятам. Там вполне можно было устроить библиотеку, а главное — кинозал.

— Мы бы всех окрестных ребятшек на премьеру «Мушкетеров» собрали, — говорил он. — А потом регулярные киносеансы устроили бы. Мультфильмы у нас есть, могли бы и сами еще что-нибудь снять. И библиотеку для всех открыть можно...

Скоро известие о ребячем кинотеатре разлетелось по близким дворам и школам.

Ленька Мосин сообщил:

— Лысый говорит, что сго парни будут всех караулить и лупить, кто к нам станет ходить.

— А вы что? — с интересом спросил Олег.

— Мы с Гарцем его три квартала гнали, — объяснил Мосин. — До самого дома. А там его мамаша выскочила. У нее голос, как у динамика на вокзале...

После стычки с домоуправом о верхнем этаже перестали мечтать. Но кино можно показывать и в спортзале, а книги держать в кают-компании.

...Однажды, уже в марте, после удачной съемки Сережа, Генка и Митя остались, чтобы убрать декорации и рефлекторы с фотолампами.

— Если так дело пойдет, в июне кончим, да, Олег? — сказал Сережа.

— Может быть, — откликнулся Олег рассеянно.

— Почему «может быть»? Летних съемок всего на неделю, если каждый день снимать.

— Не наделали бы нам к июню пакостей, — хмуро сказал Олег. — Мысль, что бухгалтерия важнее «Эспады», до сих пор сидит в голове гражданина Сыронисского. Вчера опять звонил и грозил устроить здесь ремонт... Знаю я этот ремонт! Для нас он и полкило краски не дал бы. Втащат свои столы и устроят контору.

— А мы их не пустим! — сказал Митя. В гвардейском плаще и шляпе с перьями он выглядел очень по-боевому.

— Маляров сюда ни за что нельзя пускать, — поддержал Кузнецик. — Лучше сами все покрасим. А то они стены замажут, а здесь вон сколько нарисовано... А этот Сыронисский — самый главный начальник, что ли?

— Да нет, конечно, — устало сказал Олег. — Но вредный до чертиков. Особенно если кто-то слово ему поперек скажет... А тут еще союзнички у него объявились...

— Кто? — встревожился Сережа.

— Ну, те две дамы, которых я на занятия не пустил. Ходят и везде капают: «Ах, чем они там занимаются, если даже посмотреть нельзя? Ах, чему их там учат! Ах, мы тогда к окнам подошли, а окна все одеялами завешены, ни одной дырки. Скрываются они от людей...» Это когда мы с утра пленку просматривали.

— Так они просто дуры, — сказал Кузнецик.

— Это ты понимаешь, что дуры. А они про себя говорят, что очень полезные люди. О воспитании заботятся.

— А чего им от нас надо? — спросил Митя. — Даже непонятно.

— А холера их знает! — в сердцах сказал Олег. — Есть такой тип людей — склочники. Понять склочника невозможно. Пишет жалобы, шепчет, гадости говорит. Вроде бы и себе никакой пользы, и людям жизнь портит... Ну, мадам Сенцова — та хоть понятно, почему жалуется...

— А что Сенцова? — спросил Сережа.

Олег досадливо поморщился:

— Не хотел я рассказывать... Ну ладно. В конце концов, это всех нас касается. Дело в том, что эта мама Сенцова никак не успокоится. Сначала она своего сына в поликлинику потащила: дайте, мол, справку, что мальчика избили. Это когда ты, Сергей, палкой врезал ему в темном переулке... Ну, в больнице никаких следов избиения не нашли. Тогда она кинулась в милицию. Начала рассказывать, что в «Эспаде» учат запрещенным приемам драки. «Иначе, — говорит, — как мог этот хулиган Каховский отмахаться от троих подростков и свалить взрослого человека...» Имейте в виду: не «взрослого бандита», а «взрослого человека»...

— Ай-яй-яй, Сережа, — сказал Генка. — Как же это ты? Нехорошо так со взрослыми...

Олег усмехнулся и продолжал:

— В милиции ей говорят: «Правильным там приемам учат. А ваш сын пусть не знакомится с жуликами...» Она и завелась. Еще одну жалобу, более высокому начальству. Дошла до какого-то майора, тот слегка испугался: а вдруг в «Эспаде» и правда что-то запрещенное? Пришлось мне объяснения давать. Целый протокол. Разобрались... А она дальше. Пошла в районо. Там ей повезло.

— Как? — хором спросили Сережа, Генка и Митя.

— Есть там инспектор по внешкольным учреждениям. Фамилия у него Стихотворов. Отнесся он к мадам Сенцовой с большим сочувствием... А дело в том, что я в январе на учительской районной конференции выступал и проехался по его работе. Ну в самом деле, с одной стороны, требует: работайте с трудными подростками, с другой — заявляет: двоечников к занятиям в клубах и секциях не допускать! Если хотят заниматься, пусть исправят оценки! А где ему руководители клубов найдут трудных подростков с пятерками в дневниках? Об этом я его и спросил...

— А кто такие «трудные подростки»? — спросил Генка. — Мы трудные?

— Труднее некуда,— сказал Олег.— Особенно Каховский. Драку затеял в переулке с целой компанией. А ведь знает, что драться нехорошо.

— Больше не буду,— сказал Сережа.— Ты расскажи дальше про инспектора.

— Вызвал он меня и давай беседовать: «Вот видите, вы других критикуете, а на вас тоже жалуются». Объяснил я ему, кто жалуется и почему. А он опять: «Да, конечно. Однако общественность вами недовольна». Снова объясняю, что за общественность и почему недовольна. Выслушал он и говорит: «Я понимаю, но...» И после этого «но» опять повторяет все то, про что я ему два раза объяснял. Хоть лоб расшиби о стенку! А потом вспомнил Сыронисского: «Вот и домоуправляющий говорит, что ваши мальчики ведут себя вызывающе...» Я ему говорю: «Ведь один из этих мальчиков из-за Сыронисского пострадать мог, даже погибнуть! Что же им, расшаркиваться надо было? Мальчик на посту стоял, флаг охранял, а эти люди буквально ворвались в отряд!» А он знаете что: «Кто там врывается, кому нужен ваш флаг? Для вас важнее всего игрушки, а люди взрослым делом заняты».

Олег улыбнулся, щелкнул пальцами. Потом сказал:

— Дотянулся я тут до телефона и позвонил в райком комсомола. Попал прямо на первого секретаря Володю Самсонова. И говорю: «Объясните товарищу инспектору по внешкольным учреждениям, можно ли считать игрушкой флаг пионерского отряда? И можно ли хватать и выкидывать за дверь пионера, который стоит на посту у флага?»

— Он объяснил?— с радостным нетерпением спросил Митя.

— Объяснил. Володя такие вещи объяснять умеет, он сам вожатым был... Но нельзя сказать, что с товарищем Стихотворовым расстались мы друзьями.

— А что он может сделать?— спросил Сережа.

— Кто его знает... Боюсь, что он, и Сыронисский, и Сенцова, и эти дамы из уличного комитета— одна компания.

— У нас ведь тоже компания ничего, не слабая,— сказал Кузнецик.— Без боя не сдадимся.

— А чего нам сдаваться? Мы же правы,— сказал Митя.

Случилось чудо: Сережа получил пятерку по алгебре. Весь класс ломал голову над хитрой задачей, а Сережа присмотрелся и увидел, что задачка совсем простая. Только решать ее надо не так, как прежние, а другим способом. Он так отчаянно запросился к доске, так затряс рукой, что Антонина Егоровна взвела брови и почти простонала:

— Каховский! Что с тобой?

— Но ведь совсем просто! Как дважды два!

На доске он писал быстро и с таким треском, что осколки мела сыпались, как скорлупа ореха. А орехом была задачка, которую Сережа расщелкал.

Антонина Егоровна торжественно внесла пятерку в клетку классного журнала. Эта пятерка придавила и заслонила чахлые тройки и подлую двойку, полученную две недели назад. Сережа вернулся на место, как после трудной и блестящей победы на фехтовальной дорожке. Кузнечик обернулся, мигнул ему и показал большой палец. Мишка Маслюк, недавно перебравшийся на парту к Сереже, грустно сообщил:

— А я все равно ничего не понял.

Антонина Егоровна вдохновенно заговорила о том, как много значит в математике интерес и старание. Вот Каховский всегда утверждал, что у него нет математических способностей, а сегодня заинтересовался необычной задачей, сделал усилие и...

— Каховский, ты меня слушаешь?

Сережа не слушал. Дверь класса была приоткрыта, и в ней стоял Василек Рыбалкин, по прозвищу Негативчик, сокращенно — Нега. Данилкин барабанщик. Удивительное большеглазое создание со светлой пушистой головой и постоянно загорелым лицом — как портрет на негативной пленке.

Что он здесь делает? Во-первых, он учится в ту же смену, что и Сережа, значит, должен быть на уроках. Во-вторых, он из другой школы. В-третьих, он вообще не должен быть ни в какой школе, а обязан сидеть дома, потому что у него ангина.

Василек встретился глазами с Сережей, поманил его ладонью и отступил за дверь.

— Антонина Егоровна, разрешите выйти!

— Что с тобой?

— Ну, очень надо!

— Ты что, переволновался у доски? Ну... иди, пожалуйста. Встревоженный взгляд Кузнечика: «Что?»

Ответный взгляд: «Не знаю. Кажется, тревога».

Нега ждал у двери. Сиплым от простуды голосом сказал:

— Мой велосипед внизу, в коридоре. Отряд громят. Жми. Там Митька.

Данилка научил своих барабанщиков говорить коротко и четко. Олег научил фехтовальщиков «Эспады» действовать быстро.

Уже на Октябрьской улице, на спуске, с замирающим от тревоги и скорости сердцем Сережа сообразил: правую штанину он ничем не защебил. Если попадет в цепь, будет много грохота. Но скорость не снизил. Все обошлось.

Один из слесарей отдирает от стены доски стеллажей. Другой срывал дополнительную электропроводку, которую ребята протянули для освещения во время киносъемок. Еще двое рабочих вытаскивали декорации и вносили столы и шкафы. Они подошли к двери кают-компаний и хотели взять фанерную спинку королевского трона, стоявшую у косяка.

— Назад! — сказал Митя Кольцов.

Он стоял на пороге кают-компаний, загораживая дверь. Кулаками упирался в косяки. В левом кулаке была зажата рапира — Митя держал ее за клинок под рукояткой, концом вниз.

— Ну-ка ты, подвинься, — хмуро сказал небритый дядька и потянулся к декорации.

Митя не подвинулся. И вообще не двинулся с места.

— Назад! — четко повторил он.

— Отойди, отойди, — поспешно сказал дядьке домоуправ Сыронисский. — Не трогай, это потом. Опять скажут, что мы на детишек бросаемся.

Слесари ухватили фанерную колонну дворцового зала и поволокли к выходу.

— Назад! — сказал Сережа, появляясь на пороге.

Слесари нерешительно остановились. Один все-таки сказал:

— Отойди с дороги, малявка...

Сережа только что прошел мимо сваленных в грязь у крыльца декораций, над которыми ребята трудились больше месяца. Увидел грязные следы сапог на полу в коридоре. Заметил царапины на разрисованных стенах спортзала — от острых углов домоуправленческой мебели. Вырванные с гвоздями полки, сорванные

провода. И тут еще «малявка»! Он ощутил такую злость, какой не чувствовал никогда в жизни. Он даже испугался. Испугался, что забудет обо всем на свете и сделает что-то страшное.

Стоп. Стоп, так нельзя. Нельзя забывать одного: что ты капитан «Эспады». Надо отдышаться. Надо сосчитать хотя бы до десяти. И обратно: пять... четыре... три...

Слегка сбивчиво, но уже почти спокойно он сказал:

— Кто вас сюда пустил? Вы находитесь на территории пионерского отряда «Эспада». Прекратите погром!

Сыронисский повернулся к человеку с приветливо-скупным лицом и большой нижней губой.

— Видите, товарищ Стихотворов? Так они все и воспитаны.

Тот сокрушенно покачал головой. Видимо, соглашался, что воспитаны кошмарно.

— Между прочим,— сказал Сыронисский Сереже,— ты бы постеснялся. Это товарищ из районо.

— Между прочим, догадываюсь,— резко ответил Сережа.— Странно, что он разрешает вам громить пионерский отряд.

— Это не погром, а подготовка к ремонту. В ваших же интересах,— сладко сказал инспектор Стихотворов.

— Я вижу,— сказал Сережа.

Он повернулся к Мите:

— Ключ от кают-компания у тебя?

— В кармане,— откликнулся Митя, продолжая загораживать дверь.

— А где Олег?

— В институте задержался. Я уже позвонил.

Сережа ушел из прохода. Пусть уносят колонну, не в ней дело. Он подошел к Мите и загородил его.

— Запрись изнутри,— велел он.— Набери по телефону ноль-два, вызови милицию. Скажи: взрослые люди громят пионерский клуб.

— Я уже вызвал,— сказал Олег. Он встал в дверях спортзала, запыхавшийся, в расстегнутом пальто.

За ним стояли Василек Рыбалкин, Рафик Сараев, Данилка и Генка с двумя портфелями — своим и Сережиным. Видно, понял Кузнечик, что сегодня уже не быть им с Сергеем на уроках.

— Я вызвал милицию,— повторил Олег.— Сейчас приедут. Потом он обратился к Сыронисскому:

— Конечно, я знал, что вы способны на всякое хамство. Но не думал, что осмелитесь на такую открытую наглость.

— Я не понимаю...— начал Сыронисский.

— Я тоже не понимаю,— поддержал инспектор Стихотворов.— Вы заняли странную позицию, Олег Петрович. Все происходит совершенно законно.

— Подлость по отношению к детям не может быть законной,— сказал Олег.

Стихотворов оскорбился:

— Вы все-таки выбирайте выражения.

— А что? Я неточно выразился?

— Воспитатель!— сказал Сыронисский.

Олег спросил у Сережи:

— Никого из вас не задели?

— Никого, никого!— уверил Сыронисский.— Это они успели всем нагрубить. А мы к вашим воспитанничкам даже не подходили. Упаси господи! Себе дороже...

Олег усмехнулся:

— Вот именно. —

Постукивая каблуками, вошел смуглый, похожий на кавказца, лейтенант и два милиционера. Не обращая ни к кому в отдельности, лейтенант спросил:

— Что случилось?

Сыронисский подкатился к нему колобком.

— Домоуправление намерено проводить в помещении ремонт в соответствии с утвержденным графиком. А руководитель детского клуба всячески препятствует, настраивает ребят. Дело доходит до вооруженного сопротивления.

Насчет вооруженного сопротивления лейтенант пропустил мимо ушей. Слегка поморщился и спросил у Олега:

— Вы руководитель клуба?

— Да.

— Разве вопрос о ремонте с вами не согласован?

— Конечно, нет! Какой может быть ремонт в разгар занятий с ребятами! Речь идет не о ремонте. Они просто хотят вытряхнуть нас и устроить здесь бухгалтерию.

Лейтенант вопросительно повернулся к Сыронисскому. Тот поспешно сказал:

— Мы дали это помещение для клуба временно. По просьбе райкома комсомола. Но вопрос о бухгалтерии еще не

решен окончательно. Пока мы собираемся просто отремонтировать.

Лейтенант окинул взглядом помещение.

— Если вопрос не решен, почему сюда вносят столы и шкафы? Сыронисский слегка обиделся:

— Простите, это уж наше дело. Шкафы — для хранения кистей и красок. Столы — вместо стремянок для штукатуров.

— Чушь какая, — сказал Олег.

Ребята подошли к нему и встали сзади полукругом.

Только Митя остался на посту у дверей.

К лейтенанту подошел Стихотворов. Он заговорил негромко и доверительно:

— Видите ли, товарищ милиционер, у районного отдела народного образования к товарищу Московкину есть ряд вопросов. Мы полагали, что пусть домоуправление делает ремонт, а специальная комиссия в этих вопросах за данный отрезок времени разберется. Есть мнение, что товарищ Московкин...

Олег перебил:

— Это ваше личное мнение. А мнение комсомольских органов вы спрашивали?

— Но позвольте...

Лейтенант перебил Стихотворова:

— Простите, это не мое дело. Я хотел бы выяснить: согласован ли вопрос о ремонте с руководителем клуба?

Сыронисский внушительно сказал:

— Этот вопрос согласован с райисполкомом.

Лейтенант повернулся к Олегу:

— У вас есть телефон?

— Да.

— Позвоним председателю, выясним.

— Председатель в отпуске, — поспешно известил Сыронисский. — А заместитель на совещании. А этот вопрос я согласовывал с товарищем Подолякиным.

— Я не знаю никакого Подолякина, — сказал Олег.

— А я знаю, — со скрытым торжеством сказал Сыронисский. — И звонить ему незачем. Во-первых, он тоже на совещании, во-вторых, у меня есть график, им подписанный. С печатью. Вот.

Он полез за пазуху и вытащил мятую бумагу с лиловым, отпечатанным на машинке текстом.

— Пожалуйста. Детский клуб, улица Красноармейская. Срок ремонта — март — апрель.

— Этот товарищ Подолякин и не подозревает, что нас хотят отсюда выставить. Подмахнул подпись — вот и все, — сказал Олег.

Лейтенант взял бумагу и очень внимательно просмотрел ее. Отдал Сыронисскому и повернулся к Олегу. Сказал чуть виновато:

— Я вас понимаю. Но это документ, и этот человек — должностное лицо. Не могу ему препятствовать.

— Но это должностное лицо ведет себя как погромщик, — возразил Олег. — Посмотрите, что они натворили.

Лейтенант посмотрел.

— Действительно, — сказал он Сыронисскому. — График графиком, но что за разгром? Имущество клуба, декорации в грязь свалили. Это что, тоже необходимость?

— Ошибочка, — поспешно объяснил Сыронисский. — Результат спешки и недосмотра. Сейчас исправим. Толя, Саша! Все барах... все имущество поставить аккуратно. Потом уберем в сарай... Учтем, товарищ лейтенант... А товарищ Московкин пусть отопрет вон ту комнату.

— Не отопру, — сказал Олег.

— То есть это как? На каком основании?

— На таком основании, что у нас там вещи, принадлежащие отряду, а не вам. Спортивное оружие, барабаны, документы. Флаг отряда.

— Так забирайте их!

— Куда? Предоставьте помещение.

— У меня нет для вас помещения.

— У меня тоже нет, — сказал Олег.

Домоуправляющий помолчал и ледяным тоном потребовал:

— Отоприте замок.

— Не отопру, — хладнокровно откликнулся Олег.

— Не имеете права. Я на службе.

— Имею, — язвительно сказал Олег. — Этот замок — моя собственность. Я купил его на свои деньги и врезал своими руками.

Данилка неожиданно фыркнул. Сережа почувствовал, что и ему смешно. Дело получается грустное, а все равно смешно. Только смех этот — злой. Сыронисский позеленел.

— Но дверь не ваша собственность! Она — имущество домоуправления. Я имею право открыть ее, когда считаю нужным!

— Открывайте,— сказал Олег.— Но учтите, что перед дверью, охраняя отряд, стоит мальчик со шпагой. А он не является вашим имуществом.

— Так уберите этого мальчика!

— Зачем? Он на своем посту.

— Товарищ Московкин,— негромко начал Стихотворов,— согласитесь, что это...

— Это хулиганство!— взвился Сыронисский.— Товарищ лейтенант, я требую! Пусть мальчишка уберется и отдаст ключ.

Лейтенант пожал плечами.

— Скажите это руководителю клуба.

— Но вы обязаны наводить порядок!

Ссреже показалось, что лейтенант заговорил со скрытым удовольствием:

— Видите ли, если бы здесь было нарушение законов, пьянство, драка, дебош, я бы вмешался. Но здесь два руководителя разных организаций не могут прийти к одной точке зрения. Это ведомственный спор. Я тут ни при чем.

Он кивнул милиционерам:

— Пошли.

Сыронисский сказал вслед:

— Тогда мы уберем мальчишку сами!

Лейтенант оглянулся.

— Не советую,— веско произнес он.— Очень не советую. Вы можете нечаянно толкнуть или поцарапать мальчика.

— Тогда что же мне делать?

— Договаривайтесь,— обронил лейтенант и вышел.

Сыронисский опустил на стул.

— Хорошо,— покладисто сказал он.— Мы будем ждать, пока вашему часовому не надоест.

Митя впервые вмешался в разговор.

— Нас сорок восемь человек,— вежливо сказал он.— Мы можем меняться через полчаса. Круглые сутки.

Минуты три все молчали.

— Ладно, ребята,— сказал наконец Олег.— Выйдите во двор, подойдите к окну кают-компаний.

Ребята послушались. Сережа задержался. Олег подошел к Мите:

— Дай ключ.

Он открыл дверь, подтолкнул Митю в кают-компанию, зашел

сам. Замок щелкнул изнутри. Сережа выскочил во двор.

Олег распахнул окно.

— Принимайте вещи,— хмуро сказал он.— Не можем мы, в самом деле, дежурить день и ночь. Пока заберем, что нужно, а потом пойду к начальству.

Он стал подавать барабаны. Данилка, Рафик, Нега повесили их на себя. По две, по три штуки. Но скоро подоспели остальные барабанщики, разобрали свои инструменты.

Олег стал подавать рапиры.

Сыронисский и Стихотворов вышли на крыльцо.

— Между прочим, ваше оружие куплено на деньги домоуправления,— заметил Сыронисский.

— Не все,— сказал Олег.— Восемь рапир — мои.

— Странно вы себя ведете, Олег Петрович,— мягко заговорил Стихотворов.— Только усугубляете дело. Комиссия все это будет учитывать.

— Представляю, что это за комиссия,— усмехнулся Олег.

— Обычная. Товарищи из уличного комитета, методисты, представители...

— И ни одного комсомольского работника. Ни одного человека из родителей наших ребят!

— Вы что же, не доверяете нашей общественности?

— Я не доверяю Сенцовой и ее приятелям. Вам, кстати, тоже.

— И это вы говорите при детях!

Олег подал Мите кинопроектор. Затем протянул Генке зачехленный флаг. Генка взял его на плечо. Митя и Сережа встали по сторонам от Кузнечика. Олег оперся ладонями о подоконник и легко выпрыгнул на улицу. Сыронисский подошел и протянул растопыренную ладонь.

— Все? Теперь прошу ключ.

Олег молча поднял на шнурке плоский ключик. Он качался над ладонью Сыронисского, и пальцы у того выжидательно шевелились.

Олег зашвырнул ключ далеко-далеко. За тополя, за забор.

— Мальчишка! — крикнул Сыронисский.

— Ломайте дверь,— сказал Олег.— Вам не привыкать.

Они шли к дому Олега. Их группа напоминала остатки разгромленной армии. Олег молчал. Ребята тоже молчали. «Как во сне,— подумал Сережа.— Идем, смотрим, а все будто

ненастоящее». Действительно, то, что случилось, даже в голове не укладывалось. Жили, работали, смеялись, сражались, радовались. Никто не верил, что может так: трах — и кончиться.

Димка подошел к Сереже и шепотом спросил:

— Как мы теперь?

Олег услышал.

— Барабаны возьмете себе домой,— сказал он.— Рапиры потом возьмут капитаны. Ну... и все остальное распределим. А там посмотрим.

Их догнала желтая милицейская машина. Выскочил на тротуар смуглый лейтенант.

— Олег Петрович, подождите... Вы не помните меня? Мы встречались.

— Да? — сухо сказал Олег.

— Вы, наверно, забыли. Я к вам в интернат, в Красный Берег, двух пацанов привозил.

— А, помню,— сказал Олег.— Было дело.

Все медленно двинулись дальше, и лейтенант пошел рядом с Олегом.

— Я все понимаю,— сказал он.— Только ничего нельзя было сделать... Я, когда мальчишкой был, у нас такие деятели во дворе волейбольную площадку загубили. Куры, говорят, пугаются и бельс сушить негде. Мы — знаете что? — в газету тогда пошли. Почему бы вам не пойти в газету?

Сережу словно толкнуло! Как он мог забыть! Газета! Алексей Борисович!

Всадники...

— Олег! Я знаю, что делать! Я завтра же...

7

Утро было ветреное, влажное, с проблесками солнца, которое то и дело выскакивало из-за быстрых клочковатых облаков. На газонах, среди рыжей травы, дотаивал ноздреватый снег.

Асфальт был мокрый. Двухэтажный особняк, в котором помещалась редакция, отражался в нем, как белый пароход в темной реке. А несколько разнокалиберных автобусов, стоявших у редакции, были похожи на катера.

Сережа перешел дорогу и толкнул тяжелую дверь.

«Лишь бы Алексей Борисович никуда не уехал», — подумал он.

В бледно освещенном вестибюле было много людей. Одни стояли группами, другие суетливо проходили в разные концы. И Сережу кольнула тревога. Было что-то непонятное в поведении людей. И только через несколько секунд Сережа понял: они все молчат или говорят очень тихо. Столько людей — и такая приглушенность. Словно все боятся чего-то...

«А может быть, так полагается,— подумал Сережа.— Может быть, нужно для работы, чтобы всегда в редакции стояла тишина?» Но как-то не вязалось это с Алексеем Борисовичем, с его веселым характером, с его улыбкой.

Сережа оглянулся. Никто не обращал на него внимания. Он подошел к высокой худой женщине, которая одиноко стояла у колонны и курила.

— Простите... Алексей Борисович, товарищ Иванов... он сейчас здесь?

Женщина слегка вздрогнула, приподняла подкрашенные брови и напряженно посмотрела на Сережу. Словно не поняла его, но очень старалась понять. Наконец она кивнула, странно моргнув при этом, и медленно показала на лестницу.

«Что с ними со всеми?» — еще раз подумал Сережа. Но главное, что Алексей Борисович был в редакции. Сережа двинулся к лестнице.

— В третьей комнате,— хрипловато сказала ему вслед женщина и закашлялась.

В коридоре второго этажа, как и внизу, стояла напряженная тишина.

Дверь в третью комнату была открыта, но вход загораживали спины неподвижно стоявших людей. Так бывает, когда идет большое собрание и не всем участникам хватило места. Сереже показалось, что сейчас из-за спин донесется голос выступающего. Но в комнате было тихо.

Он подошел, не очень надеясь что-нибудь рассмотреть и понять. Но кто-то оглянулся на него, кто-то вполголоса сказал:

— Пропустите мальчика...

И спины раздвинулись перед ним.

С дико нарастающей тревогой, ощущением непонятной, но большой беды Сережа пошел вперед среди молча расступившихся людей...

Он сразу узнал Алексея Борисовича, хотя сейчас лицо у него было очень худым. Голова тяжело вдавилась затылком в по-

душку, а большой подбородок приподнялся и от этого казался еще более острым.

Боковая стенка гроба почти сплошь была закрыта цветами и зеленью. И сверху тоже были цветы. И если бы не белая, нелепая какая-то подушка, могло показаться, что Иванов упал навзничь в траву от выстрела в упор...

Когда случается неожиданная и большая беда, человек падает в нее, как в пропасть. Все, что есть вокруг, становится расплывчатым, неважным, ненужным и пролетает мимо, не оставляя следа.

В Сереже словно отключился механизм, отсчитывающий время. Совершенно не знал он, прошла минута, или час, или три. Сережа порой встряхивался и замечал тогда кое-что вокруг. Один раз он обратил внимание, что полной тишины все-таки нет: шепотом переговаривались люди, где-то очень глухо играла хмурая тягучая музыка. Потом он увидел, как у гроба меняется почетный караул — четыре человека с черно-красными повязками на рукавах. Вот встали трое мужчин и девушка с повязкой на рукаве пушистого синего свитера. Девушка вдруг закрыла руками лицо и пошатнулась. Ее быстро подхватили под локти. Но она тряхнула головой, опустила от щек ладони и осталась стоять с мокрым затвердевшим лицом...

Вот такие отдельные вещи иногда замечал Сережа. А потом опять словно тонул в ощущении полного и непоправимого несчастья.

В этом несчастье была не только смерть одного человека. В нем крылась гибель отряда, потому что человек, на которого была главная надежда, лежал мертвый. Будто убитый из предательской засады.

Время от времени Сережа спохватывался: как можно думать о своих делах, когда здесь такое горе? Но скоро мысли возвращались к «Эспаде». Смерть Иванова и судьба отряда сплетались в один клубок. И возникало чувство окончательного поражения. Такую безнадежность испытывает, наверно, командир, который, отступая, надеется на последний резерв и вдруг узнает, что резерв разгромлен: лагерь сожжен и солдаты мертвы. Наступать не с кем и отступать некуда...

Кто-то взял Сережу за плечо. То ли просто так, то ли чтобы опереться. Он оглянулся. Это была женщина, с которой Сережа

разговаривал внизу. Она смотрела на Сережу темными, очень глубокими глазами. Потом спросила медленным шепотом:

— Ты... его знал?

— Да,— прошептал Сережа. И тут ему стало очень обидно, что обещал он Алексею Борисовичу зайти или позвонить, да так и не собрался. А теперь уж ничего не поделаешь.

— Я ведь не знал...—с раскаянием прошептал Сережа.— Я к нему по делу пришел, к живому...

Женщина не удивилась. Она тихо покашляла и сказала:

— Многие не знали... Он работал до последнего дня, а лечиться все было некогда. Торопился книжку закончить. А что болеет, почти не говорил.

— Почему он умер?

— Сердце...

Люди задвигались, стали выходить, и Сережа понял, что ему тоже надо идти. В дверях он оглянулся. И только сейчас увидел на стене большой фотопортрет Иванова. Алексей Борисович улыбался знакомой-знакомой улыбкой, как тогда, на станции. Сережа вдруг подумал, что, может быть, последний раз видит живое лицо Алексея Борисовича. Он остановился, но его мягко подтолкнули, и пришлось выйти в коридор.

Женщина вышла вместе с ним.

— Ты поедешь на кладбище? — спросила она.

Сережа не знал, надо ли ехать. Но сейчас ему показалось, что если не поедет, то опять обманет Алексея Борисовича. Как тогда; обещал навестить и забыл.

— А можно? — спросил он.

— Да.

— А как ехать?

— Садись в автобус. В любой.

Сережа вышел на улицу. Автобусы стояли вереницей. Сережа забрался в самый дальний. Он приткнулся на заднем сиденье и стал смотреть в окно. Из дверей редакции выходила молчаливая толпа. Стали выносить венки, потом вынесли крышку гроба. Ухнул и тягуче заиграл оркестр. Сережа отшатнулся от окна и не стал смотреть и слушать. Однажды тетя Галя рассказывала, как хоронили ее подругу, и говорила о небритых подвыпивших музыкантах, которые торговались из-за лишней десятки. Сережа не хотел видеть такой оркестр. Зачем он здесь?

В автобус начали садиться люди. Послышался обычный гром-

кий разговор, кто-то даже рассмеялся. Это было дико. Сережа приткнулся в угол и молча ехал до самого кладбища.

Автобус шел долго. Потом вереница машин остановилась, и люди пошли в распахнутые высокие ворота, мимо церкви, у которой был какой-то очень праздничный купол: синий с золотыми звездами. На высоком церковном крыльце сидели старухи в черных платках. Время от времени они крестились. На нижней ступеньке крыльца примостилась серая кошка. Она умывалась и равнодушно глядела на проходивших.

Сережа впервые оказался на кладбище. Вслед за незнакомыми людьми он шел по раскисшей дороге, потом пробирался среди могильных оградок, решетчатых обелисков со звездами и крестов. Почти всюду лежал еще серый снег. А там, где он сошел, виднелись прошлогодние листья и поблекшие стружки искусственных цветов.

Наконец подошли к могиле. Она Сереже показалась похожей на окоп с двумя глинистыми брустверами по краям.

На краю могилы поставили гроб. Сережа не решился подойти близко.

Стали говорить разные люди. И говорили, в общем-то, одно и то же: о том, какой хороший человек был Иванов и как много он работал. И что его не забудут. Это была правда. По крайней мере, Сережа никогда не забудет, хотя видел Алексея Борисовича один раз в жизни. Ну и что же, что один раз? Иных видишь каждый день, а лучше бы не видеть совсем...

Сережа тоже мог бы сказать, что за человек был журналист Иванов...

Опять заиграл оркестр. И Сережа наконец заметил музыкантов. Это были совсем не те музыканты, каких он боялся. Сережа увидел серые шинели, шапки со звездами и голубые погоны. И марш был не обычный похоронный марш, изматывающий душу. Это была сдержанная, суховатая какая-то музыка. Сквозь негромкие голоса труб иногда пробивалась четкая, почти маршевая дробь барабана.

Рядом с Сережей стоял грузный мужчина в плаще и помятой шляпе. Он посмотрел по сторонам, словно искал кого-то, заметил Сережу, отрывисто сказал:

— Теперь что? Играй не играй... Теперь все равно...

— А почему такой оркестр? — спросил Сережа. — Разве Алексей Борисович был военный?

— Нет,— откликнулся мужчина.— Но он писал о них много. Особенно о летчиках. Они его помнят.

Снова коротко простучал барабан, и Сережа вспомнил о барабанщиках «Эспады». И опять ему стало неловко перед собой, что думает он об отряде, а не об Алексее Борисовиче. Но ничего он не мог поделать.

Через спины тех, кто стоял впереди, Сережа увидел, как замелькали лопаты. Кое-кто стал расходиться. Пошел и Сережа. Ему навстречу дул мягкий ветер. В этом ветре медленно качались вверх темные, почти черные сосны. А небо над ними было серое.

Сережа вышел с кладбища. Сесть в автобус он не решился: мало ли куда они поедут. Он подумал, что отыщет остановку любого троллейбуса и доберется куда-нибудь ближе к центру. А там до дома недалеко.

Он пошел по краю асфальтовой дороги. Шел и смотрел на свои ботинки. К левому ботинку прилип коричневый листик с тремя отростками. Похожий на отпечаток птичьей лапы. Это был мертвый листок. Сережа тряхнул ногой, но листок держался крепко. Пожухлый, прошлогодний...

Неужели когда-нибудь снова будет летнее небо с желтыми облаками, живая трава, лиловые метелки иван-чая. пунцовые лампочки клевера и звон шмелей?

А если и будет, никогда не пойдут по этой траве загорелые барабанщики «Эспады»...

Сережа отчетливо вспомнил вечер на реке, огоньки по берегам, стук мотора и густой запах трав, пришедший с лугов. Будто вот сию минуту стоял Сережа на палубе, прижимался коленями к металлическим прутьям поручней, а рядом был Алексей Борисович и держал на Сережином плече крепкую узкую ладонь.

И как ответ на это воспоминание, легла ему на плечо тяжелая рука. Сережа вздрогнул и обернулся.

Он увидел узкое, похожее на топор лицо и печальные, не подходящие для такого жесткого лица глаза.

— Узнал? — спросил мужчина.

Да,— сказал Сережа.— Вы тогда приходили в школу.

— Верно. Это я писал о тебе заметку.

А...— откликнулся Сережа. Но что еще сказать, не знал. Не говорить же «спасибо».

— Я думал тогда, вы из милиции,— сказал он наконец.

— Нет, я работал с Алексеем,— проговорил мужчина, медленно шагая рядом.— А теперь... Вот ведь какая беда у нас... Ему бы жить да жить. Сколько еще мог написать...

— Он успел закончить книгу?— спросил Сережа.

— Успел... Печатается уже. Не пропусти смотри. В магазинах она не залежится, это я точно говорю.

— А как называется?

— Как называется? «Верьте всадникам». Разве ты не знал?

— Нет...

— Там про разных людей рассказы. Про разные встречи. И про тебя...

— Про меня?

— Ну да. Про тот случай на станции. Ты помнишь?

— Еще бы,— сказал Сережа.— Но... чего же там про меня-то писать?

— Да уж Алексей знал чего... Разве он тебе не говорил?

С тихим отчаянием Сережа сказал:

— Я его не видел с тех пор. Если бы я знал! Я ведь и сегодня пришел, потому что беда случилась.

Товарищ Алексея Борисовича помолчал. Потом проговорил, словно успокаивая Сережу:

— Бывает и так. Суетишься, бегаешь, некогда с хорошим человеком увидеться. И приходишь только тогда, когда узнаешь, что с ним несчастье.

— Да не так,— все с той же горечью сказал Сережа.— Я же не знал про Алексея Борисовича ничего. Я к нему к живому шел, со своей бедой. Вернее, с нашей...

Ничего не изменилось на первый взгляд. Но сразу будто тверже стала рука мужчины на Сережином плече.

— А что произошло?— спросил он уже по-иному, быстро и четко.

— Да не все ли равно?— откликнулся Сережа.— Теперь-то уж...

Мужчина придержал его за плечо, зашел вперед иглянул в лицо. Глаза у него были теперь точными, как у снайпера.

— Да ты что, мальчик... У Алексея же остались друзья!.. Ведь есть же газета!..

Когда умерла мама, Сережа много ночей подряд видел один сон. Не страшный, но какой-то безнадежный. Будто они с папой идут по унылому пустырю, где торчат кусты высохшего бурьяна. И тянется вдоль пустыря неровный серый забор из щербатых досок. А папа молчит, молчит... И все это — очень долго. Сережа зачем-то держит на тонком ремешке пустой большой термос, и он при каждом шаге стучает Сережу по ноге... Потом, когда уже совсем темно, приходят они домой. Дом заброшен и пуст. Мебели нет, мусор на полу, ключьями висят на стенах отставшие обои. От одинокой лампочки — жидкий желтый свет.

С минуту Сережа и папа стоят на пороге пустой комнаты. Потом папа берет его за руку. Молча. Опять надо идти. И теперь уже неизвестно, куда и зачем. Куда-то сквозь пустые черные улицы с редкими огоньками, через рельсовые пути, по ночному полю. Сережа знает, что шагать придется всегда и, кроме этой дороги, ничего уже не будет. И ему не страшно, не горько даже, а просто очень темно и пусто на душе. А термос по ноге — стук, стук...

С такой же пустотой и безнадежностью возвращался Сережа с кладбища. До той минуты, пока журналист Владимир Матвеевич Ларцев не догнал его на обочине.

«Да ты что, мальчик...»

У него ладонь была узкая и крепкая, как у Иванова.

«У Алексея же остались друзья!»

Как он сам не подумал об этом? Дурак, честное слово.

«Ведь есть же газета!»

Сережа улыбнулся. Даже в очень тяжелые минуты человек может улыбнуться, если к нему возвращается надежда. Пусть вместе с болью, с горем, с тревогой — но все равно надежда. Значит, что-то есть впереди. Значит, можно держаться прямо.

— Будут поминки, — сказал Владимир Матвеевич. — Я не пойду. Алексей не простил бы такой траты времени. Мы поедем в редакцию, и ты расскажешь все.

Домой Сережа вернулся в сумерках.

— Сергей, в чем дело? — жестко спросил отец. — Вчера ты убежал с уроков. Сегодня прогулял весь день. Из школы звонят!

Хоть в милицию заявляй!.. Что случилось? Что было вчера и сегодня?

Сережа стащил куртку, медленно повесил на крючок. Голова кружилась от голода и усталости.

— Вчера,— сказал он,— разгромили у нас отряд...

— Это я знаю. Но при чем здесь школа? Ты пропустил два дня.

— Я с утра в редакцию пошел, к Алексею Борисовичу... А он умер. Сегодня хоронили,— сказал Сережа и понял, что сейчас заплачет. Переглотнул, замолчал.

— Сергей, ты это что... Это правда?

— Да... Потом я познакомился с Ларцевым. Это друг Алексея Борисовича. Я ему про отряд рассказал. А потом мы с ним поехали к Олегу. Надо было скорее. Надо же спасти «Эспаду»...

Сережа сел на табуретку, и наступило молчание, которое они с отцом лишь изредка разбивали короткими вопросами и ответами: «На кладбище ездил?» — «Да». — «А что с Алексеем Борисовичем?» — «Сердце». — «Ты не знал?» — «Нет».

Наконец папа сказал:

— Я понимаю. Но позвонить домой, чтобы люди с ума не сошли от беспокойства, ты, наверно, мог...

— Не догадался. В голове такой звон... Ты не ругайся, папа.

— Да я не ругаюсь. Ваша завуч ругается, звонила мне... Ужинай и ложись, ты прямо черный от усталости... Постой, позвони сначала Генке, а то он извелся из-за тебя.

Завуч Елизавета Максимовна грохнула указкой по столу

— Пусть там, на задних партах, помолчат, пока я говорю! Иначе будем говорить по-другому! Я спрашиваю не вас, а Каховского. Как он посмел самовольно посреди урока уйти из класса? Как он посмел прогулять два дня? Без всякой причины!

На задних партах не хотели молчать.

— Ничего себе: без причины! — громко сказал Павлик Великанов.— У людей клуб громят, а они сиди и задачки разбирай!

— Великанов! Помолчи, будь любезен! Никто ничего не громят, к вашему сведению. Их клуб закрыли по решению руководства. И раз его закрыли, значит, надо!

— Кому надо? — спросил Сережа.— Сенцовым надо? Тетушкам разным, которые жалобы пишут? Они хотят, чтобы мы цветочки поливали, а вместо клинков чтоб вязальными спицами работали!

Елизавета Максимовна помолчала и сказала негромко, даже печально:

— Каховский, Каховский... Что с тобой случилось? Ты мог стать гордостью школы. А ты...

— А что он? — вежливо спросила Люся Колосницына.

— Что он? — доброжелательно переспросила Елизавета Максимовна. — А вы сами не знаете? Его постоянные выходки! В течение всего учебного года. История с дежурной, история с дневниками, его постоянное вмешательство в дела второго класса... Его грубость с учителями, опоздания, прогулы...

Вмешался Кузнечик. Отчетливо и громко он сказал:

— У него друг умер.

— Перестань! И будь добр не перебивать! Друг... Я понимаю. Но он сам сказал, что это случайный знакомый. Они виделись один раз в жизни. Таких «друзей» у каждого тысячи.

«Ей ничего нельзя объяснить», — подумал Сережа. — Она и слушать не хочет. Она все знает заранее».

— Это не случайный знакомый, — сказал кто-то с третьего ряда. — Он про Сережку в газету писал.

Елизавета Максимовна будто даже обрадовалась:

— Вот-вот! В газету писал! Потому и друг? Лучше бы он написал о его выходках, хороший получился бы фельетон. И пользы больше было бы. Кстати, Каховскому не следует слишком часто напоминать о газете и об этом случае. Один смелый поступок не оправдывает множества других — безобразных!

— А когда я напоминал? — удивленно спросил Сережа.

Но Елизавета Максимовна его не слышала. Она продолжала:

— В этой газете к тому же написано, как наш герой, воспользовавшись своими приемами, избил палкой товарища по школе...

— Товарища? — громко спросил Кузнечик. — Подонки он, а не товарищи.

— Медведев! — Елизавета Максимовна снова грохнула указкой. — Будь любезен запомнить: в нашей школе нет подонков! Здесь все — наши учащиеся! А Сенцов — гордость своего класса. Учится без троек, выпускает стенгазету... Пусть Гармашева подтвердит, если не верите.

Председатель совета дружины Вика Гармашева присутствовала на собрании. Ее пригласили, чтобы знала, какие дела творятся у шестиклассников. Она слегка пожала плечами, словно хотела сказать: тут и подтверждать нечего, всем известно.

— Подумаешь, «гордость»,— сказал Генка.— Трус он, к шпане подлизывается. Чтоб такой гордостью стать, надо свою гордость подальше спрятать.

Невоспитанный Мишка Маслюк шмыгнул носом и добавил:

— Если так, то у нас всяких гордостев в классе больше половины. Без троек учатся и стенгазету делают по очереди.

— Вашему классу гордиться нечем!— отрезала Елизавета Максимовна.— Разболтались—дальше некуда. Пользуетесь, что Татьяна Михайловна гриппом болеет. А тебе, Маслюк, вообще... С двойки на тройку перекатываешься... Я поражаюсь настроению, которое царит в классе. Вместо того чтобы принципиально обсудить Каховского, вы его покрываете.

— И меня,—сказал Кузнечик.—Я вчера тоже три урока пропустил. По этой же причине.

— И тебя,—согласилась Елизавета Максимовна.—Но Каховский—прежде всего. Он инициатор... Анатолий Афанасьевич по мягкости характера прощал ему многие фокусы. Надеялся, что Каховский образумится. Напрасная была надежда... Ладно! Пока Анатолий Афанасьевич в больнице, его замещаю я. И решать буду по-своему. Легко вы не отделаетесь.

— Нам легко и не надо,—сказал Генка.—Начесть, чтобы справедливо.

— Будет справедливо, не волнуйся.

— А я волнуюсь,—возразил Генка и всгаль.—Где же эта справедливость? Сенцов—гордость школы, а Каховский—хулиган и прогульщик! Сергей, отдай Сенцову готовальню, которую тебе милиция подарила!

— Медведев!—Голос у Елизаветы Максимовны стал металлическим.—Еще слово, и ты отправишься за дверь.

— Не отправлюсь,—просто, даже скучновато сказал Кузнечик Глаза у Елизаветы Максимовны стали круглыми.

— Ты соображаешь, что говоришь?

— Соображаю. Не отправлюсь!—вдруг взвинтился Генка.— Не отправлюсь, и все!—Он даже в парту вцепился, словно его хотели силой из класса вытащить.—Это мой класс! Каждый день говорят вы хозяева в классе, вы хозяева в школе! А как слово скажешь—марш за дверь! Что за собрание, когда сказать ничего нельзя!

Елизавета Максимовна овладела собой.

— Сядь, пожалуйста. Вы все уже сказали достаточно, и собрание закончено. Каховского и Медведева прошу иметь в виду, что

за третью четверть у них неудовлетворительные оценки по поведению.

— Разве это не педсовет решает? — спросил Павлик Великанов.

Елизавета Максимовна не сочла нужным откликнуться на эти слова.

— А совету дружины следует с этими пионерами заняться особом,— добавила она.

Вика Гармашева встала:

— Мы их вызовем, Елизавета Максимовна. В ближайшие дни соберем совет.

...В ближайшие дни собрать совет не удалось: начались каникулы.

А тридцать первого марта вышла газета со статьей Ларцева.

Статья называлась «Удар из-за угла». Там было написано все. Крепко и беспощадно. О вмятине на макете замка, которая осталась от Данилкиной спины. О жалобах, которые строчили обиженные дамы из уличного комитета. О маме Сенцова, которая бегала по всем учреждениям и даже нашла себе союзника в районо. И о самом союзнике — инспекторе Стихотворове. И о майоре милиции, который чуть не усмотрел в занятих мальчишек-фехтовальщиков «опасные приемы».

Там были и хорошие слова — об отряде. О вечерах, когда собирались в кают-компаниях все, кто хотел. О звонких боях на дорожках. О маленьком д'Артаньяне — Андрюшке Гарце и о лихих барабанщиках. И об Олеге Петровиче Московкине, который дни и ночи тратил на то, чтобы мальчишечья компания, обосновавшаяся в старом кособоком доме, превратилась в отряд «Эспада».

А потом статья снова как бы взрывалась. Строчки раскалялись от негодования. Там были мысли, которые бились в Сереже, но для которых он не мог найти четких слов. Ларцев эти слова нашел. Они били как удары клинка.

Статья кончалась так:

«Все жалобы и упреки, все злые слова и ядовитый шепот о ребятах и вожатом — ложь. Ложь расчетливая и злобная. Они жили радостно и открыто, они хотели только хорошего. Почему же кому-то помешала «Эспада»?

Люди, живущие скучно, тупые и недобрые, не терпят иной жизни — светлой и честной. Не терпят людей с прямыми мыслями и открытым взглядом. Даже взрослых не терпят, а уж детей

тем более. Когда они встречают мальчишку, у которого чувство собственного достоинства сильнее слепого послушания, сильнее страха перед их окриками, они решают, что пришел конец света. Их мысль работает трусливо и примитивно: «Эти люди не похожи на нас. Значит, они плохие! Запретить! Убрать! Искоренить!»

И надо признать: иногда это им удается. Запрещают.

Люди, тупые и злобные, бывают хитры. Они умеют добро показывать как зло. И человек, живший для других, работающий честно и бескорыстно, в их речах становится опасным, а дела его — вредными. И может быть, в эти минуты, когда я кончаю статью, Олег Московкин и его капитаны доказывают двадцатый раз, что они ни в чем не виноваты».

9

А ржавый замок по-прежнему висел на дверях «Эспады». И на третий день после статьи, и на четвертый, и на пятый.

Сережа и Генка пришли к Олегу. Уже не первый раз.

Олег лежал. Кашлял. На кашель тихим гудением отзывалась гитара — она висела над кроватью. Та гитара, которую Кузнечик выволок однажды в кают-компанию из-под дивана.

— Не садитесь близко, вирусов нахватаете. У меня, кажется, грипп,— сказал Олег.

Но ни Сережа, ни Кузнечик не боялись гриппа. Они боялись неизвестности и тоскливого ожидания. Радость после статьи уже улеглась, и теперь опять пришло беспокойство: когда откроют «Эспаду»?

— Вы же понимаете, сразу ничего не делается,— объяснил Олег.— Сыронисский и его компания напишут еще пачку опровержений в газету. Потом будут всякие комиссии, расследования, решения...

— Пусть вернут нам помещение, а потом расследуют,— сказал Сережа.

— Вот и я об этом говорил, когда собрались в редакции. А Сыронисский заявил, что у него там столы, шкафы, краска и прочее барахло. А машина сейчас, разумеется, на ремонте и вывозить, сами понимаете, не на чем.

— Да мы на руках все его хозяйство утащим в домоуправление! — нетерпеливо подскочил Генка.

— Конечно,— согласился Олег.— Утащили бы, если бы Сыронисский согласился. Но он не согласится. Да и вообще ему наплевать на все теперь. Из-за статьи он в ближайшее время с должности полетит все равно. И этот... инспектор Стихотворов тоже. Только нам от этого пока не легче.

— Как же быть?— спросил Сережа.

— Завтра позвоню еще раз Ларцеву.

За окнами темно. Олег приподнялся, дотянулся до выключателя. Зажглась у потолка неяркая лампа в пластмассовом плафоне.

— Черт...— раздраженно сказал Олег. Откинулся на подушку и громко позвал:— Валентина!

В дверь заглянула старшая сестра Олега. Увидела мальчишек, запахнула халат на груди, поправила косынку. Под косынкой, в крашенных волосах— специальные штучки, чтобы кудри завивались.

— Валентина, сколько раз просил не вывинчивать у меня яркую лампу,— разозленно сказал Олег.

— Это не я, это Вася. Он говорит, что плафон расплавится.

Олег отчетливо произнес:

— Скажи своему Васе, что он у меня сам расплавится, если еще раз сунется в мою комнату. Я его в окно выставлю!

Сестра заговорила на одну ноту выше:

— Тебе яркий свет зачем? Все равно вместо того чтобы заниматься курсовой работой, валяешься на кровати.

— Закрой дверь!— рявкнул Олег.

Ребята притихли. Олег отдышался и жалобно объяснил:

— Я больше не могу. Всю жизнь, с самого детства, она донимает меня этой фразой: «Вместо того чтобы...» Видите ли, вместо того чтобы купить костюм, я покупаю телескоп... Вместо того чтобы смотреть хоккей вместе с милым Васей, я включаю симфоническую программу... Вместо лекций я иду на свидание... Вместо того чтобы жить «как все люди», я живу как... Тьфу!

Олег приподнялся на локтях и крикнул в закрытую дверь:

— Я живу не «вместо», а так, как хочу! Лучше вас! Ясно тебе?

— Чудовищный псих,— донеслось из-за двери.— Постыдился бы ребят. Как тебя только к детям подпускают?

Олег опять лег и утомленно улыбнулся.

— А в самом деле, как?— спросил он и опять закашлял.

Сереже стало в этот миг очень жаль Олега. И чтобы не показывать эту жалость, он отвел глаза и стал оглядывать комнату.

Комната была небольшая. Стол, кровать, четыре совершенно разных стула. Два книжных шкафа стоят рядом. Книги — не только внутри, на полках, но и сверху, на шкафах. Лежат покосившейся грудой, могут посыпаться. Скрещенные рапира и шпага висят на стене у двери. На сизых обоях рисунки братьев Ворониных и фотографии — двое незнакомых мальчишек с клинками: один маленький и лопоухий, другой — высокий и смуглый. Наверно, Ромка и Федя. Еще незнакомые ребята в костюмах и масках зверей — видимо, театр в интернате. И веселая компания барабанщиков с Данилкой на правом фланге.

Олег тоже посмотрел на фотографию.

— Соскучился я по этой барабанной команде...

— Я Данилке позвоню, они сразу прискачут, все вместе, — предложил Сережа. — Они просто стесняются появляться, пока не позвали.

Олег усмехнулся:

— Эти-то пираты стесняются?

— Да брось ты, — сказал Сережа. — Сам знаешь. Они только в отряде на головах ходят, а вообще они вполне спокойный народ... Ты скажи Данилке «Осенняя Сказка», и он опять будет весь день жмуриться и мурлыкать.

Олег подумал.

— Не надо их сюда. Наглотаются микробов, опять слягут. Павлик Снегирев и Рафик только-только от гриппа избавились... И сестрица свирепствует хуже вируса. Напугает ребятишек... Может, скоро все наладится, и тогда все опять: «Барабанщики, марш!..»

— Ты прямо стихами говоришь, — сказал Генка.

— А это и есть стихи. Только ужасно нескладные. Когда я в интернате работал, занимался рифмотворчеством. О вожатской жизни писал.

— Почитай, а? — жалобно сказал Кузнечик.

— Да вы что, люди! Я вам кто? Евгений Евтушенко?

— Почитай, — уже строго сказал Генка.

Олег вздохнул.

— Вон там, на шкафу, коричневая тетрадка торчит среди книжек. Достань.

Генка вскочил на стул и вытянул тетрадь. Книги, конечно, посыпались на пол.

— Ладно, оставь, — сказал Олег. — Потом соберем. Давай сюда.

Он, лежа на спине, открыл тетрадь, полистал, хмыкнул и мотнул головой. Потом сразу стал серьезный.

— Вот. Эти строчки.

День летит сквозь часы, как живой метеор,
И сгорает в сигнале «отбой».
Мне опять не закончить с тобой разговор
И не встретиться нынче с тобой.

Ночь пришла. Я взбегаю на третий этаж
Посмотреть: все ли спят в тишине?
...А потом все опять:
«Барабанщики, марш!»—
Новый день разгорелся в окне.

Новый день пришел, а замок по-прежнему «украшал» дверь «Эспады». Сережа не выдержал и позвонил в редакцию. Неловко было звонить, страшновато даже, но ждать он больше не мог.

Ларцев не удивился звонку. Даже будто ждал его.

— Ты, Сергей, зашел бы ко мне,—предложил он.— По телефону трудно объясняться. Если можешь, прямо сейчас приходи.

Сережа встревожился и помчался в редакцию. У Владимира Матвеевича было недовольное лицо. И озабоченное.

— Раздевайся, садись. Вон вешалка, вот стул... Я только что беседовал с вашим Олегом, все ему рассказал. А он просил, чтобы я и тебе все объяснил...

— Почему?

— Почему просил? Не знаю. Наверно, потому, что ты один из командиров в вашем отряде... Знаешь, осложняется дело.

— Я уж чувствую,—с досадой сказал Сережа.

Затарахтел телефон. Владимир Матвеевич приподнял и положил трубку.

— Что касается вашего домоуправа, то его песенка спета,—сообщил он.— С работы его уберут. И еще кое-кому придется не сладко. На Олега ваши недруги целую кипу заявлений написали: и работник он никудышный, и характер у него собачий, и ребят он не тому учит... Всю эту чушь мы зачеркнули. Крест поставили. А вот с помещением сложнее.

— Но если крест, то...—начал Сережа.

Опять взревел телефон. И опять Ларцев приподнял и хлопнул трубку.

— С помещением сложнее,—повторил он.— Была специальная

комиссия. Она признала, что дом совершенно негоден для детского клуба. Духота, теснота, сырость. И вообще он аварийный, на снос его назначили. Говорят, опасно в нем находиться.

— Сколько времени жили, никакой опасности не было,— сказал Сережа.

Ларцев кивнул.

— Я понимаю. Но этот Сыронисский напоследок успел сделать еще одну гадость. На втором этаже, где у них кладовые, протекала батарея. Надо было перекрыть воду, а слесарь «забыл». Батарею прорвало, вода пошла вниз. Теперь там полный разгром: штукатурка обвалилась, двери разбухли, полы перекосило... Комиссию можно понять: она о детях заботится.

Сережа сказал чуть не со слезами:

— Значит, нам теперь деваться некуда?

— Нам из райсовета письмо прислали, ответ на статью. Обещают, что при первой возможности дадут клубу новое помещение. Скорее всего, в новом доме, который строится на Октябрьской.

— «Строится»? Там еще первый этаж не готов!

— Да, я знаю. А пока, говорят, ребят можно распределить по другим клубам, по разным кружкам и секциям. В Дом пионеров, в спортшколу...

Сережа хмыкнул.

— В том-то и дело,— понимающе откликнулся Владимир Матвеевич.— Вариантов много, и все неплохие. Но ни один из них не спасение для вашего отряда... Есть, правда, еще один способ.

— Какой?

— Добиваться своего. Упрямо ждать. Не распускать «Эспаду» Никому не давать покоя. Требовать, требовать. А мы поможем. Но времени уйдет немало.

— Ну и пусть! Лишь бы добиться!

— Но в этом деле тоже есть большая сложность...

— Какая?

— С вашим командиром, с Олегом, это связано. Он сам объяснит, наверно.

Приоткрылась дверь, и в комнату заглянула женщина. Сережа ее узнал: это с ней он разговаривал, когда хоронили Алексея Борисовича.

Женщина раздраженно сказала:

— Владимир Матвеевич! Я звоню, звоню! Мне нужны гранки вашего материала.

— У меня посетитель,— сказал Ларцев.

Женщина взглянула на Сережу. Тоже узнала.

— Ах вот что... Тогда через полчаса.

Она коротко кивнула им и прикрыла дверь. Ларцев мельком посмотрел на часы, и Сережа сообразил, что у Владимира Матвеевича еще десятки дел — не менее важных, чем «Эспада».

— Я пойду,— сказал он.

Ларцев протянул узкую сухую руку.

— Видишь, Сережа, не все на свете решается просто. Но мы постараемся помочь. Если вы будете держаться.

— Будем,— сказал Сережа.

В тот же день перед школой Сережа зашел к Олегу.

— Неважные у нас дела,— сказал Олег.— Да, капитан?

— Ларцев говорит: надо ждать.

Олег тихо сказал:

— Не могу я ждать, Сережа. Я работать должен. Не сидеть же у сестры на шее. А должность мою сократили, раз клуба нет. Она и так была какая-то... сверхплановая, что ли.

— Мы тебя прокормим, всем отрядом! — горячо сказал Сережа. Но тут же понял, что брякнул несурязицу.

Олег улыбнулся ему, как маленькому.

— Мне на пенсию нельзя. С заочного отделения попрут, если не буду работать по специальности, как педагог.

— Что же делать?

— Вот именно: что делать? Старшим вожатым в школу или методистом в Дом пионеров меня райком, допустим, определит. А я же не смогу там работать, Сергей, раз вы рядом... Это не жизнь будет — на части рваться. И пользы никакой... Уеду я, Сережа.

Торопливым шепотом Сережа сказал:

— Олег, не надо. Что ты...

— В том-то и дело, что надо. Сейчас — надо. Здесь я без дела, а там...

— Где «там»?! — громко спросил Сережа и встал со стула.

— Не кричи,— попросил Олег.— Я не виноват.

Он взял со стола распечатанное письмо. Вытряхнул из конверта листки.

— Посмотри.

Это было странное письмо. На листках — одни фамилии. Разными почерками. «Кузнецов... Ленский... Павлов... Савчук... Пальчиков...» Много-много фамилий. Вразброс. Некоторые — неразборчиво.

— Это что?

— Подписи,— сказал Олег и отвернулся к окну.— Ты посмотри первый лист.

Сережа отыскал начальную страницу.

«Здравствуйте, Олег Петрович! Я с Вами незнаком, но пишу Вам от имени тех, кто Вас знает и помнит. И в подтверждение этого — в конце письма их подписи. Я пошел на этот шаг, чтобы письмо прозвучало как можно убедительнее. Меня зовут Игорь Васильевич Сухов. Я новый директор интерната № 1 в Красном Береге. Работаю всего месяц. И каждый день в тех или иных обстоятельствах я сталкиваюсь с Вашим именем, с воспоминаниями о Вас.

Многие ребята ушли, много пришло новых. Но по меньшей мере триста человек — те, кого Вы знаете. Они говорят о Вас, как о человеке, который им очень нужен. Старшего вожатого у нас нет. И если у Вас есть хоть маленькая возможность...»

Сережа бросил разлетевшиеся листки. Тихо и отчаянно сказал в лицо Олегу:

— У тебя нет возможности. Понял? Ты не имеешь права.

Олег не отвел взгляда. Ответил:

— Я знал, что ты это скажешь. Я себе сам эти слова говорил тысячу раз, вашими голосами. Но там триста человек, а здесь отряда уже нет.

— Есть отряд. Ты сам говорил: пока есть флаг, есть отряд.

— Да... Но это уже не тот отряд. Это, скорее, память об отряде. А там... Если бы ты знал! Думаешь, им всегда хорошо? Многие в интернат не от радостной жизни попали. У кого-то родителей нет, или в семье неладно, или еще что. Беда какая-то...

— У нас тоже беда,— упрямо сказал Сережа.

— Если отряд кончает жизнь — это всегда беда,— негромко ответил Олег.— Но что делать-то?.. Помещения нет. Должности руководителя для меня теперь тоже нет. А главное — нет времени. А там... В конце концов, почти год мы прожили, Сергей. И не зря. Все на свете когда-то кончается.

— Рано кончается. Мы ничего не успели. Даже «Мушкетеров» не досняли.

— Тут уж никто из нас не виноват,— сказал Олег.

— Но...— хотел возразить Сережа и замолчал.

Он вдруг почувствовал бесполезность слов. Олег все равно уедет. Для Сережки «Эспада» — единственная тревога и боль, а у Олега — еще триста человек, и они ждут.

— Когда уезжаешь? — спросил Сережа. Получилось хмуро, даже грубовато. Но не от злости, а потому что в горле заскребло.

— Пока не решил. А что?

— Ну... хотя бы проводить придем.

— Я позвоню,— сказал Олег. Тоже коротко и хмуро.

Сережа понял: и у взрослых людей иногда скребет в горле.

Он не позвонил. Через два дня Сережа нашел в почтовом ящике письмо. Олег писал:

«Ребята, не сердитесь на меня. Мы целый год жили вместе, и это была хорошая жизнь. Многое мы не успели, но кое-чему научились. Плохо, что все так кончилось, но мы не виноваты. Только я виноват перед вами: в том, что не попрощался. Я не мог. Я уже не раз прощался с отрядами, и всегда после этого болит сердце. Если бы я еще раз увидел вас, то не смог бы уехать. А ехать надо. Не забывайте «Эспаду». Не теряйте друг друга. И все-таки... Все-таки! Берегите флаг.

Олег».

Вот и все. До сих пор Сережа надеялся на чудо. Вроде того, как на станции Роса, — неожиданного и справедливого. Но правильно сказал Алексей Борисович: такие чудеса бывают раз в жизни.

Сережа бросил письмо. И даже удивился: так все плохо, так тяжело, а надо жить как обычно. Собирать портфель, идти в школу, отвечать на уроках.

Он открыл шкаф, где висел школьный пиджак и брюки. Рядом с костюмом висела стального цвета рубашка — форма «Эспады». Уголок суконного шеврона слегка оторвался.словно подбивал Сережу на отчаянный шаг. Ну и правильно! Сережа взял одной рукой за обшлаг, другой за нашивку. Рвануть как следует — вот и все...

Он сделал не то, что хотел сначала. Медленно, будто против

желания, натянул рубашку с капитанским шевроном. В петли на брюках пропустил широкий пояс — на пряжке звезда и шпаги. Взял с крючка берет.

На улице был солнечный апрельский день. Сережа пошел в школу в одной рубашке. На него оглядывались. Пусть!

Зачем надел он форму? Сережа и сам точно не знал. Может быть, так надевают моряки-капитаны свои выгоревшие куртки в память о погибшем судне?

В школьном коридоре его остановила завуч Елизавета Максимовна.

— Каховский, что за дикий вид?

— Дикий? — негромко переспросил Сережа.

— Ты сейчас не у себя в клубе, где можешь позволять все, что угодно. Ты в школе! Существует общепринятая школьная форма!

Тихо и устало Сережа попросил:

— Пожалуйста, хоть сегодня оставьте меня в покое...

Елизавета Максимовна несколько секунд молчала, приходя в себя от негодования. Затем отчетливо сообщила:

— Я вызываю твоего отца в школу. Сегодня же! Будь любезен передать ему это.

— Передам, — со скрытым удовольствием сказал Сережа. — Но сегодня не получится. Он в командировке до пятнадцатого числа.

10

Саша отложил гитару и сказал:

— Он все равно уехал бы. Только позже. Закончил бы с вами «Мушкетеров», нашел бы себе замену... Ну, сходил бы с вами летом в поход. А к сентябрю все равно уехал бы в Красный Берег.

— Интересно, где бы он замену отыскал? — язвительно спросила Наташа. — Будто такие вожатые, как Олег, в магазинах продаются...

— А такого и не надо, — возразил Саша. — Годился бы и другой. Умный, конечно. Лишь бы не ломал ваших законов и привычек. А командовать, держать отряд вы могли бы и сами. Олег вас, по моему, научил.

— Не доучил немного, — хмуро сказал Сережа.

— Зря ты так, Сергей... Он сделал, что успел. Интернат в Красном Береге для него — как родина... И не надо считать Олега дезертиром.

— А кто считает его дезертиром? — неожиданно вскинулся Митя. Тихий такой, спокойный всегда, он сейчас как взорвался. — У Олега выхода не было! А эти... Смирняков и Гуревич — они точно уж дезертиры! Скорей побежали в «Спартак». Возьмите в фехтовальную школу! Будто мы уж совсем погибли.

— Никакие они не дезертиры, — сказал Сережа. — Они же не изменяли отряду. Просто им всерьез хочется заниматься фехтованием.

— А нам не хочется? — не уступал Митя.

Сережа не ответил. Не знал, как ответить. Конечно, очень хочется взять рапиру, выйти на дорожку... В бой! Но... все это будет не так, если без отряда. Надо, чтобы рядом были свои ребята, надо, чтобы на рукаве блестел знак «Эспады».

Нет, нельзя считать изменниками тех, кто после «Эспады» разошелся по разным секциям и кружкам, это Сережа знал точно. Это же с ума сойти — назвать Сеньку Гуревича или Алешку Смирнякова дезертирами! Да и других тоже... Ведь если что случится — позови любого, сразу кинутся на помощь.

Но в чем-то Митька прав. Хоть самую чуточку, а прав.

И, не зная, что ответить, Сережа сказал:

— Все равно их в «Спартак» не взяли.

— А почему не взяли? — спросил Саша.

— Говорят, что техника не та. Один тренер даже сказал, что Олег нас как фехтовальщиков испортил совсем и переучивать поздно. А чего же он испортил? Просто система другая. Он учил, как его на флоте учили... Нижние защиты, например, у нас гораздо лучше, чем у спартаковцев.

— Они испугались, — негромко, но твердо сказал Митя. — Наши в бою сильнее, чем у них.

— Ну уж... — с сомнением проговорил Саша.

— Нет, правда, — поддержал Митю Генка. — Может, они и не испугались, но наши сильнее. Алешка с тремя подряд сражался и всех загонял. А они: «Техника...» У многих мастеров, например, техника совсем своя, ни на что не похожая. Значит, их гнать из фехтовальщиков?

Другой взрослый навсерьез усмехнулся бы или сказал наставительно: «Вам еще рано себя мастерами считать». И получилось бы, что они хвастаются. Но Саша понимал. Он поскреб небритый подбородок и грустно заметил:

— Ваша техника, может, и не хуже, да необычная. Где найдешь для вас тренера? Вот и остались вы сами по себе...

Он опять потянулся за гитарой и покосился на Данилку. Тот молча приткнулся в углу громадного старинного кресла. Все поняли, что сейчас будут «Барабанщики».

Как бы крепко ни спали мы,
Нам подниматься первыми...

Данилка, когда слушал эту песню, замирал и прикусывал губы. В нем будто все струнки натягивались. Сережа раньше даже боялся, что Данилка может расплакаться. Но Данилка иногда сам просил шепотом: «Еще».

Над Генкиным столом, рядом с морской картой Канарских островов, рядом со снимком клипера «Флайинг Клауд» — Митиным подарком — кнопками были приколоты фотографии: мальчик, упавший на мостовую в Сантьяго, и хохочущая Данилкина компания с барабанами.

...Сколько легло нас, мальчики,
В травах и узких улицах —
Маленьких барабанщиков,
Рыцарей ярых атак.
Но не могли мы кланяться,
Жмуриться и сутулиться —
Падали, а товарищи
Шли, отбивая такт...

Эту песню Генка и Саша сложили вместе. Сам Генка сочинил только первый куплет, а дальше без Сашиной помощи он бы не справился. И музыку придумал Саша. Но без Генки песни бы не было — он дал ей начало...

Сережа всегда с нетерпением ждал, когда Саша начнет петь последний куплет:

Может быть, все исполнится:
Травы не вытопчет конница
И от ударов пушечных
Больше земля не сгорит.
Но про тревогу помни ты,
Помни про нашу бессонницу,
Когда барабан игрушечный
Сыну решишь подарить...

После этих слов Сереже казалось, что отряд еще жив и ждут его впереди хорошие дни.

И Данилка оживал. Выпрыгивал из кресла и начинал рассказывать что-нибудь о своих барабанщиках. Его-то компания держалась прочно и даже не очень скучала. Все они жалели только, что барабаны пылятся по углам и негде выступить единым плотным строем под размеренный и четкий марш-атаку.

Вот и сейчас, как закончилась песня, Данилка прыгнул на пол и потребовал взаймы восемьдесят копеек.

— Мы потом соберем и отдадим. В «Космосе» идет «Юнга Северного флота».

— Не достанете билеты. Сегодня же выходной, все в кино рвутся,— сказал Сережа.

Данилка деловито объяснил:

— Мы же не просто так. Мы наденем форму, пойдем к администратору, скажем: «Тетенька, мы из отряда «Эспада», у нас коллективная заявка на восемь билетов».

— А «тетенька» вам — большую дулю с повидлом,— сказал Генка.

— Не дулю, а билеты. Мы уже делали так.

— А потом каждому по ангине или по гриппу,— сказала Наташа.— Сейчас все-таки не лето, чтобы в одной вашей форме по улице скакать.

— Как это не лето? Смотрите сами,— заспорил Данилка и подскочил к окну.

Была еще середина апреля, но после долгих холодов юго-западные ветры принесли солнечное тепло. У заборов, на газонах, в щелях на асфальте буйно рванулись вверх травы. Почки высунули зеленые клювы. У прохожих была полная неразбериха в одежде. Одни по привычке шли еще в зимних шапках и пальто с меховыми воротниками, а другие — в рубашках и платьях. Данилка и его друзья гулять в пальто, конечно, не собирались.

Получив у Саши восемь гривенников, Данилка ускакал собирать барабанщиков. И тут же, на смену ему, возник Андрюшка Гарц. Он сказал фразу, которую говорил всегда:

— Можно, я у вас посижу немножко?

— Посиди, моя радость,— разрешил Саша.— А поскольку твое «немножко» — понятие относительное, запомни: молоко в холодильнике, булка в шкафу на кухне.

Стоя у окна, Сережа подумал: «Если бы ничего не случилось, можно было бы уже снимать «Мушкетеров» на улице».

Человек привыкает ко многому... За месяц они привыкли, что не надо спешить на вахты и линейки, привыкли жить без боев на дорожке и шумных киносъемок. Но к одному привыкнуть не могли: быть друг без друга.

Они собирались у Кузнечика. Конечно, не все. Но та компания, которая проводила в отряде зимние вечера, осталась неразлучной. Все так же говорили о Севастополе. Иногда резались в шахматы. Иногда на стареньком кинопроекторе крутили отснятые сцены «Трех мушкетеров». Павильонные эпизоды были закончены, и не хватало в фильме совсем немногих кадров. Но Олег сдал казенную кинокамеру, и снимать было нечем.

Восемь рапир — свое собственное имущество — Олег оставил капитанам. Но защитных масок не было, и рапиры без дела висели на стенах.

Лежал у Кузнечика в книжном шкафу снятый с древка и свернутый флаг «Эспады». Дремали на гвоздях в квартирах барабанщиков краснобокие барабаны.

Остались только песни, которые принес в отряд Генка Кузнечик — отрядные песни. Когда Генка или Саша брали гитару, словно оживала «Эспада»...

Саша вошел в жизнь ребячьей компании незаметно и прочно. Невысокий, худой, остроносый, даже нескладный какой-то, он совсем не походил на самбиста, боксера и инженера-физика. Он похож был на стеснительного десятиклассника, особенно если не забывал брить щетинистый подбородок. Впрочем, забывал он часто.

И совсем не похож он был на Олега, напрасно Генка их сравнивал. И не мог он стать в «Эспаде» командиром, потому что своей работой был занят выше головы.

Но несколько раз Сережа замечал, как то Митя, то Данилка обращались к Саше: «Олег, скажи...», «Олег, можно...».

Генка уговаривал Сашу летом пойти с ребятами в поход. Саша не отвечал ни да ни нет.

— Работа же... — говорил он.

— Не каждый день работа, — спорил Генка. — Бывают же выходные.

— На Север придется схать, командировка будет...

- Не на все же лето.
- Кто его знает...
- Мы бы сами пошли, да без взрослых никого не пустят,— говорил Генка.— Ты какой-то несознательный, честное слово.
- Я очень сознательный. Только обещать боюсь. Вдруг не окажется времени.
- А если окажется, обещаешь?
- Саша брал гитару, смущенно улыбался и запевал:

Долой, долой, туристов—
Бродяг, авантюристов...

— Да ну тебя,— говорил Генка.— Все равно пойдешь. Не имеешь права не пойти.

В этот день они засиделись у Кузнечика до сумерек. Данилка со своими барабанщиками посмотрел «Юнгу Северного флота», потом они всей компанией прикатились к Генке, перепугали родителей, слопали весь хлеб и конфеты и умчались играть в футбол.

Андрюшка Гарц взял с полки «Пятнадцатилетнего капитана», полистал и неосторожно спросил, что такое шхуна-бриг. Митя тут же утащил его к себе домой рассказывать о парусниках.

Наташа, как всегда, спохватилась, что уже вечер, а у нее уйма домашних дел. И только она собралась идти, как в комнату ворвался Нок, а за ним — Стасик Грачев.

Нок хромал, и ухо у него было в крови. У Стаськи припухла расцарапанная щека и рукав трикотажной рубашки прилип к разбитому локтю. И Стаська, и пес шумно дышали. Нок запрыгал вокруг Сережи. Стасик молча встал у дверей и начал осторожно поднимать рукав.

- Горе мое...— начала Наташа.
- Лежи,— сказал Сережа Ноку. И спросил у Стасика:— Что опять?
- Был бой,— сказал Саша.
- Ага,— сообщил Стаська и попытался лизнуть разбитый локоть.

Генка открыл тумбочку и деловито зазвенел аптечными склянками.

- Рассказывай,— велел Сережа.
- Ну, чего рассказывать,— довольно хладнокровно отозвался

Стасик.— Ну, иду я по улице, а навстречу идет ваша Маринка с Ноком. Я попросил, чтобы она дала нам с ним побегать, вот она и дала. Она не виновата... И ушла домой. Сказала, чтобы я сам привел. Мы стали бегать, а Нок застрял.

— Горюшко мое, где застрял? — не выдержала Наташа.— Говори толком.

Стаська безбоязненно подставил Генке локоть под тампон с йодом и объяснил:

— Под забором застрял, где еще... Мы в догонялки играли, он от меня побежал, полез под забор и засел. Там дырка только для мелких собак и для кошек, а он во какой! Застрял — ни туда ни сюда. Я через забор перелез, чтобы доску отодвинуть, а там два пьяных на лавочке сидят. Увидели Нока и давай бутылками в него кидать. А он же не может вылезти, только рычит... Ну, потише ты, щиплется ведь...

— Это что же за бандиты! — сказал Саша и торопливо встал.— Они там еще?

— Да нет... Они кидаться стали, а я как заору им: «Что делаете, гады!» И упал на Нока, чтоб ему не попало. В меня-то они кидать не будут, за это посадить могут. А один все равно кинул. Осколки как от гранаты.

— Где они? — повторил Саша.

— А какие-то дядьки подскочили, нарутали их, со скамейки вытолкнули. А я доску отодвинул.

— Ну? — нетерпеливо спросил Сережа.

Стасик глянул на него виновато.

— Я же разозлился. А Нок — тоже. Я говорю. «Взять!»

— Зря, — заметил Саша.— Еще неприятности получатся. Но с другой стороны...

Может, не получатся, — неуверенно сказал Стасик.— Они же первые полезли... А он их даже затронуть не успел, они на тополь запрыгнули. Может, все еще там сидят... А я сюда пошел, а то тетя Галя заругается, когда увидит, что Нока поцарапали... А чего смеетесь?

— Дурень, — сказал сквозь смех Сережа.— Хулиганов пьяных не испугался, а тетю Галю боится. Она тебя хоть раз в жизни ругала?

Стасик слегка огрызнулся на Генку:

— Хватит меня мазать! Лучше Ноку лапу забинтуй.

— За своего милого Нока он в пекло полезет, — сказала Наташа почти ревниво.— Вот послушайте. Отпросится дома, чтобы у нас

ночевать, и первым делом бежит к телефону — Нока у Сергея выпрашивать. Тоже на ночевку. Представляете компанию? Вечером всегда такая картина: Стаськина раскладушка пустая, подстилка у Нока тоже пустая. Оба дрыхнут на ковре, рядышком. Возьму я тапку, разгоню обоих по местам, а через полчаса — опять. Как вам это нравится?

— А тебе жалко? — сказал Стасик.

Шепотом Саша спросил у Сережи:

— Это тот самый Стаська Грачев, который боится всего на свете?

— Вроде уже и не тот. Что-то с ним стало, — отозвался Сережа.

А Стасик покосился на Сережу и сказал:

— Шел бы домой. Марина говорила, что к вам какой-то дядюшка приехал.

11

Тетя Галя сказала немного виновато:

— Я Виталия пока на твою постель положила, он устал с дороги. Ты уж не обижайся, пусть он там переночует, а завтра я у соседей кресло-кровать попрошу.

— Я ужасно обижаюсь, — отозвался Сережа. — Я просто не в себе от обиды... Ну, честное слово, ты такие вещи говоришь! Что я, не могу на раскладушке поспать?

В доме чувствовалась радостная суэта, какая бывает при неожиданном приезде хорошего человека. Папа, сам только накануне вернувшийся из командировки, надел галстук. Маринка нянчилась с новым плюшевым котом — дядюшкиным подарком. Тетя Галя стучала на кухне ножом — готовила к ужину праздничный салат. Нок обнюхивал у дверей необъятный желтый чемодан и одобрительно фыркал.

Только виновник радости негромко посапывал на Сережином диване. Сережа на цыпочках вошел в комнату и при свете, падавшем из двери, увидел торчавшую из-под клетчатого пледа лысину. Лысина была симпатичная — коричневая, как печеное яблоко.

Сережа стал осторожно развертывать дребезжащую раскладушку. Виталий Александрович не пошевелился. Он не встал к ужину, добросовестно проспал до утра.

Когда Сережа проснулся, Виталий Александрович делал

зарядку. Сережа из-под прикрытых век наблюдал за ним. Смотреть на дядюшку было приятно и весело. Он был невысокий, но крепкий. Коричневый. Плечи и грудь поросли курчавым черным волосом. А лицо — круглое, добродушное и в то же время энергичное. Виталий Александрович напоминал заряженный до отказа аккумулятор.

На нем были роскошные трусы — желтые, с рисунком из разноцветных иностранных марок. Словно дядюшку отправляли бандеролью вокруг света. На любом пляже все пижоны утопились бы от нестерпимой зависти при виде таких трусов.

Дядюшка сдержанно мурлыкал нехитрую песенку, ритмично приседал и поглядывал по сторонам. Сережа не выдержал, открыл глаза и встретился с дядюшкой взглядом. Не переставая приседать, Виталий Александрович улыбнулся и произнес:

— Приветствую вас, сэр. Ты не в обиде, что я оккупировал твое лежбище?

— Не в обиде, — отозвался Сережа. — Спите здесь всегда. А мне на раскладушке даже больше нравится.

— Крайне признателен, — сказал Виталий Александрович. — Мы этот вопрос потом рассмотрим фундаментально. Я намерен вам надоедать не меньше месяца. — И он перешел от приседаний к наклонам туловища вперед.

— Виталий Александрович... — начал Сережа.

Дядюшка перебил:

— Меня можно называть просто дядя Витя. Мы как-никак родственники, хотя и дальние... Кроме того, у нас, кажется, общие интересы. Мне Галина писала, что ты увлекаешься археологией. Так?

— Ну... кажется, так, — смущенно сказал Сережа. — Только я мало знаю...

— Все мы мало знаем, — самокритично заметил дядюшка. — Я тут кое-что привез тебе.

Он упруго выскочил за дверь и приволок чемодан, похожий на детеныша гиппопотама. У чемодана распахнулась пасть, дядя Витя вынул толстую блестящую книгу.

— Вот, держи.

Книга весила килограмма три. Называлась она «Путешествие по древним городам Греции и Рима». На черной глянцевой суперобложке — белый разрушенный храм, а сверху и снизу — каемки из квадратных завитков древнегреческого узора.

— Ух ты!.. Спасибо, дядя Витя! Вот это да...— сказал Сережа.

Тут же он перевернулся на живот и открыл книгу на середине.

— Нет, дружище!— запротестовал дядя Витя.— Людям науки несвойственна суета и беспорядочность. Все должно идти своим чередом. Сначала вставай... Ты, кстати, зарядку делаешь?

Сережа поднялся.

— Вообще-то делаю. Но сегодня не надо. Я с клинком занимаюсь, вас могу зацепить.

— Чепуха! Я засяду в угол.

Сережа сделал на полу несколько отжиманий. Расставил по комнате спичечные коробки. Взял со стены шпагу. Дяди Вити он уже не стеснялся.

Когда хорошее настроение, все получается ловко. Он не промахнулся ни разу. От свистящих ударов коробки разлетались по комнате как бабочки. Один ударился о стену над головой дяди Вити и разбился в щепки.

Дядя Витя присел.

— Извините. Я же говорил...— сказал Сережа.

Дядя Витя заулыбался.

— Рука мастера! Честное слово, впервые вижу такое.

— Да ну...— смутился Сережа.— Дядя Витя, а вы давно в последний раз были в Херсонесе?

Дядя Витя не торопясь облачился в брюки.

— Недавно... О Херсонесе, дорогой коллега, мы поговорим особо и подробно. Время у нас будет.

Они и в самом деле говорили много и подробно. О Херсонесе и о других старинных городах, которые время и войны почти сровняли с землей. Дядя Витя руководил группами московских студентов, которые ездили на раскопки каждое лето. В Херсонесе он работал пять лет подряд.

— Херсонес неиссякаем. Каждый год такие открытия, что на пять докторских диссертаций потянет,— говорил дядя Витя.— Не исследована еще колоссальная территория. На твой век, Сергей, хватит.

Потом дядя Витя начал рассказывать, как жили в древнем Херсонесе люди: гончары и виноделы, моряки и торговцы, воины и художники. И Сережа представлял уже не серые, заросшие развалины, а белый город, мраморные колоннады на площадях, толчею пестрых кораблей в Карантинной гавани. Солдат в шлемах

с гребнями, хмурых рабов с тайными мыслями о восстании и веселых смуглых мальчишек, пускающих с прибрежных камней игрушечные лодки. И все это — в окаймлении синих шипучих волн, под блеском безоблачного неба...

Однажды Сережа услышал обрывок разговора дяди Вити и тети Гали. Они беседовали в кухне, а Сережа вошел в коридор с улицы. Дверь была бесшумная, и на него не обратили внимания.

Тетя Галя говорила:

— ...Он ведь и добрый ко мне, и любит, наверно, а за мать все равно не считает. А с отцом они редко видятся. Тот все ездит и ездит. Мальчишке-то кто-то ласковый нужен, лет-то ему всего двенадцать. Много ли? Вот он и пригрелся рядом с тобой...

Дядя Витя возразил:

— Дело не в ласке. У нас нашлись общие интересы.

— Интересы интересами, а...

Сережа не стал дальше слушать. Подслушивать разговоры — все равно что читать чужие письма. Он грохнул дверью и уронил портфель.

Вечером, перед сном, они с дядей Витей лежали в Сережиной комнате. Дядя Витя на диване, Сережа на раскладушке.

Дядя Витя спросил:

— А все-таки почему тебя так тянет история? И не просто история, а раскопки? Потому что загадки, клады и приключения?

— Конечно. А что плохого? — отозвался Сережа.

— Ничего плохого. Но этого мало для научного интереса. Археология, друг мой, — не только путешествия и открытия. Это еще и ежедневная работа. Иногда очень кропотливая, скучная. А чтобы скучной она не была, надо ее очень любить.

— Я... наверно, полюблю, — сказал Сережа. — Знаете, дядя Витя... Дело не в приключениях. Мне трудно объяснить. Вот мы живем на свете... Сегодня живем. Ну, вчера, завтра. А когда я думаю, как люди раньше жили, когда я это будто вижу, мне кажется, что я тысячи лет живу. Ну, вместе с теми, про кого узнал. Будто все это со мной случилось. Будто все на свете, что было, — это мое... Ну я не знаю, как сказать...

— Я тебя понял. Правда, в этом больше от поэзии, чем от науки. Но определенный смысл есть в твоих словах, — сказал дядя Витя.

А еще через день случилось то, о чем Сережа тайно и трепетно

мечтал с самого начала. Так мечтал, что даже слегка забыл об «Эспаде».

Дядя Витя оценивающе посмотрел на Сережу и раздумчиво произнес:

— Я думаю, тебе полезно было бы этим летом поработать на раскопках. Ты не против путешествия в Севастополь?

«Эспада» напомнила о себе тревожным известием. Утром, когда Сережа сидел за уроками, прибежал Стасик Грачев.

— Тебе Нока надо? — спросил Сережа. — Забирай, он дрыхнет в той комнате.

— Мне тебя, а не Нока... Наташка послала. Велела сказать, что ваши ребята дерутся на шпагах. Говорит, что это нельзя.

— Кто? Где? — Сережа встал.

— Не знаю кто. За Димкиным домом у забора.

— А где Наташа?

— Побежала к Генке.

...Сережа, Генка и Наташа примчались к Димкиному дому в одно время.

У забора, на полоске земли с молодой травкой, шел бой. Сражались Митя и Андрюшка Гарц. Отлично дрались! Красиво, энергично. Свист и звон разлетались от клинков.

Но они были без масок! И даже без курток. Андрюшка — в тонком тренировочном костюме, а Митька (вот балда!) вообще — в шортах и безрукавке: наверно, начиная бой, он не верил, что Андрюшка может зацепить его. Но недаром Андрюшка был в фильме д'Артаньяном. Тренировки не прошли зря. У Митьки на руках и на ногах краснели длинные царапины. Видно, бой был, как на шпагах, дуэльный, и кололи куда попало.

— Стоп! Вы что, рехнулись?! — крикнул Сережа.

Они остановились. Опустили клинки. Повернулись к Сереже Андрюшка рукавом вытер лоб. Митя резко побледнел, начал медленно краснеть, бросил рапиру и опустил голову. Потом нагнулся и начал растирать ладонью ссадину на ноге.

— Не смей. Заражение получишь, — сказала Наташа. — У тебя руки в земле.

— Ябеда, — тихонько сказал Андрюшка. Грустно и без злости

— Дурак, — сказала Наташа. — Я вам говорила — кончайте.

Генка тихо проговорил:

— Вот обормоты...

Здесь была вся их компания: Митька, Данилка, Андрюшка, Димка. Были еще Андрей Ткачук, Валерик и Вовка Воронины.

— Ребята, вы что...— сказал Сережа.

— А что?— спросил Андрей Ткачук. Потом махнул рукой: — Не везет как всегда. Хотел душу отвести — не успел.

— «Душу»! — сказал Генка. — Без масок, без защиты! Твоя душа так на небо может вознестись! Дубина.

— Да брось,— откликнулся Андрюшка Гарц. Ему, видимо, было очень неловко, и он поэтому старался держаться храбро: — Раньше-то мы дрались без масок, когда репетировали для фильма.

— Не надо, Гарц,— сказал Валерик Воронин.

И все поняли, что именно «не надо». Для фильма бои разыгрывали по нотам, каждое движение отбирали заранее и отработывали с массой предосторожностей. Глупо сравнивать со спортивным боем.

— И Данила тут... Капитан!— сказал Сережа. — Я с тобой еще поговорю. И Димку притащил.

— Я сам пришел,— со вздохом сказал Димка.

— Олег нам разве для этого клинки оставил? Он же доверял всем... И тебе, Митька. Тоже оправдываться будешь?

Митя шепотом сказал:

— Не буду.

— А перед кем оправдываться? — вдруг спросил Вовка Воронин и поднял на Сережу честные серые глаза. — Отряда нет. Значит, закона тоже нет.

— Внимание! — вдруг неожиданно сказал Сережа.

Это была не просьба. Это слово заменяло в «Эспаде» команду «смирно». Как оно вырвалось у Сережи, он сам не мог понять. То ли от обиды за отряд, то ли от отчаяния, что гибнут остатки «Эспады». И почти со слезами он крикнул опять:

— Группа, внимание!

Он понимал, что не имеет права. Могли не послушаться. Могли пожать плечами, подобрать рапиры и уйти. Могли просто сказать: «А иди ты...»

Нет, не могли. В каждом еще жила «Эспада». Они выпрямились и опустили руки.

Генка стал напротив Сережи и шепотом сказал:

— Становись.

Не поднимая головы, рядом стал Митя. Где Митя, там

и Данилка. И Димка. Вздыхнул и встал рядом с Димкой Андрей Ткачук. Не по росту, но сейчас было не до этого. Андрюшка Гарц и Воронины встали в шеренгу привычно, как на линейке.

Кузнечик сказал Наташе:

— Стань в строй.

— Я же...

— Стань в строй.

Стасик Грачев обнял за шею Нока и молча следил за ребятами.

В строю стояли девять человек. И выжидающе смотрели на Сережу: «Что дальше?» А он не знал, что дальше.

Он был такой же, как они. Даже младше Валерика Воронина. В нем жила боль и гордость за отряд, и он сделал бы для отряда все, что возможно. Все, что скажут. Но что сказать самому, он не знал.

— Нельзя так...— сказал он, и это прозвучало слабо, жалобно даже.— Ну, нельзя так, ребята...

Они стояли неподвижно и слушали молча.

Тогда, по очереди глядя в их глаза (а это было почему-то трудно), он произнес:

— Нас осталось так мало... Но мы же все равно есть. Нельзя же плевать на самих себя. Мы сами придумали наши законы, а теперь... ну, подождите, достанем маски, будем еще драться. Может быть, все еще будет.

Он понял, что говорит не то. И опять сказал:

— Нас всего десять человек. Мы теперь все отвечаем за отряд одинаково. Мы все капитаны. Понимаете?

— Как это — все капитаны? — спросил Вовка Воронин.

— А вот так! Все! Потому что все отвечаем. Но пусть с отрядом плохо, но мы же не умерли!

Андрюшка Ткачук вдруг усмехнулся и заговорил:

— Наконец-то повезло. В капитаны попал.

— Я ведь серьезно,— сказал Сережа.

Ткачук не отвел глаз и перестал смеяться.

— Я тоже серьезно.

И Сереже стало спокойнее.

— Нам нельзя ни ссориться, ни расставаться,— сказал он.— У нас еще будут хорошие дни.

Митя Кольцов теперь не опускал голову. Он встретился глазами с Сережей и прошептал:

— Флаг-капитаны...

— Что? — спросил его стоявший рядом Данилка.

— Бывает такое звание на флоте, — тихо объявил Митя. — Флаг-капитаны. Я читал... Я не знаю, что оно значит. Но мы отвечаем за флаг — значит, флаг-капитаны... Я... ребята, честное слово... об этом не забуду. И вы... Ладно?

Вечером у Сережи разболелась голова. И вместе с болью пришла тоска по отряду. По Олегу, по ребятам, по долгим вечерам в кают-компаний. И по боям, которых не было больше месяца.

Он лежал и молчал.

— Что с тобой? — спросил дядя Витя. — Что за хандра?

И Сережа стал рассказывать. Он впервые говорил с дядей Витей об отряде. Он рассказывал долго и подробно. Словно снова уходил в жизнь «Эспады». Голова перестала болеть, сделалось спокойнее.

Когда он замолчал, дядя Витя сказал:

— Слышал я и раньше о твоих делах. Галина кое-что рассказывала. Нахлебался ты горя с вашей «Эспадой». Суета сует...

— Что? — не понял Сережа.

— Я говорю, что много в жизни суеты, — объяснил дядя Витя.

12

На дружинном сборе третьеклассников принимали в пионеры. Большим четырехугольником выстроились в зале отряды. Белые рубашки, огненные галстуки, золото пуговиц и пряжек. Голубая форма октябрят. Вспышки солнца на венчиках горнов, на острой верхушке знамени...

— Дружина, смирно! Равнение на знамя...

Солнце захлестывает зал. Запуталось в Димкиных пшеничных волосах — они выбились из-под красной испанки.

Сережа краем глаза видит голубой огонек. Это у него на уголке воротника, в маленьком и прозрачном голубом крабе, искра солнца повисла, словно в капельке голубой воды.

...Перед сбором была у Сережи стычка с Викой Гармашевой. Из-за этого краба — Димкиного подарка.

— Каховский, это что за брошка! — голосом рассерженного завуча сказала Гармашева.

— Это значок, — сказал Сережа.

— Кажется, таких значков в пионерской форме нет
— Отвяжись,— попросил Сережа.
— Не груби, пожалуйста. Я с тобой как председатель совета дружины разговариваю.

— Все равно отвяжись,— повторил Сережа. И чтобы она в самом деле отстала, добавил:— Это знак «Эспады».

— Здесь тебе не «Эспада», а нормальная школа...

— «Эспада» везде, где я...— в упор сказал Сережа. Специально, чтобы разозлить Гармашеву. И конечно, разозлил.

— Подумаешь, какой Людовик Четырнадцатый! «Государство— это я!» Вы там, в своей «Эспаде», все такие. Правильно вас разогнали!

Сережа хрустнул пальцами и сдержанно сказал:

— Была бы ты парнем, я бы с тобой поговорил... не так...

— А ты давай, кидайся,— предложила Вика.— Палку возьми. Как на Сенцова. Опять в герои попадешь. В «Эспаде» орден дадут.

— Вам наша «Эспада» поперек глотки,— откликнулся Сережа.— Таким, как ты да Сенцов.

— Каким «таким»?

— Шкурникам!

Вика побледнела и шепотом пообещала:

— Ответишь... На совете.

— Иди, иди,— устало сказал Сережа.— В совете не все такие дуры, как ты.

Девчонки — они и есть девчонки. Вика забыла, что она председатель. Она готова была разреветься. Заморгала набухшими глазами и крикнула:

— Директорский любимчик! Только он за тебя и заступает, а то давно бы из школы вышибли!

Это было что-то новое. Неожданное. Сережа даже слов не нашел. А пока думал, заиграли горнисты, и стало не до спора.

...Солнце, солнце! Горячее, веселое. За окнами деревья как в зеленом тумане. Двадцать второе апреля. У ленинского портрета замер почетный караул.

На улице прошуршал троллейбус да шумели среди веток воробьи. А в зале тихо-тихо. Тишина эта — как поднятые палочки барабанщиков.

И вот:

— Я, Олег Щербинин...

- Я, Владик Семенов....
- Я, Игорь Скляренко...
- Я, Сергей Лютиков...
- Я, Дмитрий Соломин...

И дальше — слегка вразнобой, взволнованным хором:

— «Вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина...»

Димка говорит и смотрит на Сережу. Димка, Димка, светлая твоя голова. Маленький барабанщик, крепкий товарищ...

Вышла из рядов шеренга ребят, которые должны были появляться бывшим октябрятам галстуки. Шеренга третьеклассников двинулась им навстречу.

Случилась небольшая путаница. Кто-то из девочек сбил строй. Не сразу разобрались, кто к кому должен подойти. И в этой секундной неразберихе Димка сделал удивительную вещь. Он обошел Галку Гуляеву — симпатичную отличницу из шестого «Б», — отпечатал по солнечному паркету несколько лишних шагов и встал перед Сережей. Одними губами попросил:

— Завяжи.

У Сережи комок поднялся к горлу. И все затихло, отодвинулось далеко-далеко. Он взял у Димки с локтя невесомый шелковистый галстук. Отогнул на тоненькой Димкиной шее воротничок... Галстук лег на грудь двумя разлетевшимися всплесками огня. Алое на голубом.

— Молодец, Дим. Спасибо, — не то прошептал, не то просто подумал Сережа.

И Димка понял. Он просиял в ответ зелеными своими глазами, повернулся и шагнул к своей шеренге. Его ждали. Остальные третьеклассники были уже в общем строю. Но Димка вдруг остановился. Опять повернулся и шагнул назад — к Сереже. С октябрятского жилетика отцепил звездочку, вложил Сереже в ладонь и молча сжал его пальцы. Потом побежал к своим. Прощелкали в тишине подошвы его новеньких блестящих полуботинок.

И никто не сказал ни слова ни ему, ни Сереже. В такие минуты нельзя говорить. Может быть, потом Вика Гармашева прицепится: нарушили запланированный ритуал. А сейчас — тихо: Димка Соломин становится в строй пионеров.

Сережа все смотрел на Димку, а зажатая в руке звездочка покалывала ладонь. Так, со звездочкой, он и поднял руку для салюта...

Ударили барабаны. И вдруг нерешительно сбавили громкость, умолкли один за другим. Шумок пробежал по рядам.

В зал вошел директор. Попросил раздвинуться шеренгу семиклассников, прошел вперед и остановился рядом с Юлей, слева от группы горнистов.

— А говорили — в больнице, — шепотом сказали позади Сережи.

Анатолий Афанасьевич обвел глазами притихшие отряды. Улыбнулся так, будто он не директор, а школьник, которому надо впервые выступать перед целой дружиной. Сказал негромко и с хрипотцой:

— Дорогие мои... Извините, я был болен, не пускали меня. А я очень хотел поздравить вас с Ленинским праздником. Особенно наших самых младших пионеров. Тех, кто сегодня надел красные галстуки. Все-таки я успел... Нашим третьеклассникам я хочу сказать сейчас несколько слов... Вы дали сегодня торжественное обещание. Вы знаете пионерские законы. Надо хорошо учиться, работать, крепко дружить, бороться с ложью и злом. Вы пока еще маленькие. Не обижайтесь, пожалуйста. Вы стали сегодня гораздо взрослее, но вы еще не очень большие. А в жизни случается всякое: иногда жизнь с маленького человека спрашивает, как со взрослого. И бывает, что от десятилетнего мальчика, от десятилетней девочки требуется взрослая смелость, взрослое упорство и честность. И если когда-нибудь вам придется очень трудно, вспомните этот день. Вспомните, как повязывали вам галстуки. Не забывайте, что вы — ленинцы...

Дядя Витя одобрительно посмотрел на Сережу.

— Ты мне сегодня нравишься. Весь какой-то... светящийся. А то ходил носом вниз.

— День хороший, — сказал Сережа.

— День отличный, — согласился дядя Витя и посмотрел за окно. Там был уже не день, а вечер... Оранжевое солнце догорало на крышах. — Удивительная погода. Как летом.

— Я не про погоду, — объяснил Сережа. — Я вообще. Про Димку...

— Про что?

Дяде Вите можно было рассказать. Конечно, лучше бы рассказать папе, но он еще не пришел. Ну что ж, дядя Витя тоже все понимает

— Есть такой человек — Димка, — проговорил Сережа. — Его сегодня в пионеры принимали...

И он рассказал про все. Даже про тишину в зале и про то, как шелкали в этой тишине Димкины подошвы. А потом еще про Димкин синий краб и про то, как поругались с Гармашевой...

Он говорил, говорил, а дядя Витя молчал и молчал. И Сережа наконец почувствовал: что-то не так получается. И вдруг заметил, что смотрит дядя Витя уже не как раньше. Сережа замолчал.

Дядя Витя вздохнул:

— Станный ты человек, Сергей...

— Почему? — Сережина радость стала тускнеть, как пятна вечернего солнца на крышах.

— Вот и я сам думаю — почему? Может быть, наследственность, может быть, воспитание...

— Что во мне странного? — спросил Сережа и внутренне ошестинился. Не понравился ему такой поворот.

— Странно, что в свои двенадцать лет ты очень конфликтный человек. Ты жить не можешь без разных стычек, споров и ссор. Они для тебя — как горючее для мотора. Вот сегодня поругался со своим пионерским начальством и весь уже светишься от радости.

Сережа сначала удивился. Потом обиделся.

— Разве у меня из-за ссоры радость? Я же эту Гармашеву не трогал, сама прицепилась. Она мне, наоборот, настроение чуть не испортила, директорским любимчиком обозвала... Я из-за Димки радовался!

— А что хорошего сделал твой Димка? Ничего. Нарушил план сбора. Так же, как ты, показал, что ему плевать на общий порядок. На мнение других. Вы оба противопоставили себя дружине.

— Да почему?! — крикнул Сережа. — Ну что плохого мы сделали? Нам даже после сбора никто ни слова не сказал! Димка просто хотел, чтобы я ему галстук повязал, вот и все. Ну что ему Галка Гуляева? Он ее и не знает даже. А галстук-то один раз в жизни повязывают. Димка же мой друг. Я его барабанщиком сделал.

Дядя Витя слегка развел руками:

— Ну и доказательство! Барабанщиком ты его сделал тоже вопреки мнению школы. Еще раз показал, что тебе плевать на всех.

Лицо у дяди Вити было такое, как всегда. Энергичное и добродушное. Но теперь оно стало неприятно Сереже.

— Я не плюю на всех...— жестко сказал Сережа.— Я вообще ни на кого не плюю. И на Димку я тоже плюнуть не мог. Он всю жизнь мечтал о барабане, а ему не дали из-за случайной тройки. Он плакал.

Дядя Витя покивал.

— Все верно. Я же не говорю, что ты действовал из плохих побуждений. Твои поступки всегда имеют благородные мотивы. Но ты ошибаешься в самом главном...

— Что вы знаете о моих поступках... и мотивах?— не очень вежливо отозвался Сережа.

— Кое-что знаю. Открою секрет. Недавно звонила твоя клас-ная руководительница, спрашивала отца. Его не было, а я погово-рил. Надеюсь, я имел на это право? Она, кстати, очень хорошо к тебе относится. Но она боится за тебя. Дня не проходит, чтобы ты не влип в какую-нибудь историю. В конце концов ты зарабо-таешь такую характеристику, с которой даже в ПТУ не попадешь, не то что в университет.

— Вот это да,— сказал Сережа.— Теперь из-за характеристики я должен сидеть как мышь.

— Ну ладно. Из-за характеристики ты ничего не должен. Но есть другая опасность. Ты так привыкнешь влезать в любые кон-фликты, что станешь обыкновенным склочником.

— Ага,— откликнулся Сережа.— А если проходить мимо всякой несправедливости, то станешь хорошим человеком. Легко и про-сто.

— Ты, пожалуйста, не преувеличивай! Я тебе не предлагаю быть подлецом. Но ты ведешь себя так, будто кругом сплошное зло, а ты один — борец за справедливость.

— Вот уж чушь-то,— искренне сказал Сережа.— Какое зло кру-гом? Да у меня друзей — целая тысяча!

— Эти друзья — такие же, как ты, донкихоты. Дон Кихот — пре-красная фигура, но он никогда не мог переделать мир. А ты думаешь: вскочил на коня, копьё наперевес, ура — и все в порядке. Нет, брат, конная атака — не метод.

Зеленая поляна и вылетевшие из-за кустов кавалеристы вспо-минились Сереже. Он даже улыбнулся: «Не метод?» Но сказал он о другом:

— Мой дед был красным конником. Он переделывал мир. Дядя Витя наклонил голову.

— Знаю. Прекрасно знаю. Ты можешь им гордиться... Но,

извини меня за откровенность, если рассматривать его как отдельную личность, он тоже был донкихотом. Вечно чего-то добивался, вечно спорил с начальством. Как шашкой рубил. Мог бы генералом стать, а столько лет просидел в командирах эскадрона...

Дядя Витя вдруг замолчал. Испугался, кажется, что увлекся спором и сказал лишнее.

— Ты извини. Ты, может быть, этого не знал. Не надо было говорить. Но, в конце концов, ты не маленький.

Очень спокойно Сережа сказал:

— Генералов тогда не было, были комбриги. Он бы, может, и стал им, если б не умер так рано... А командир эскадрона — это разве плохо? Главное, он был красным конником.

— Конечно. Только если бы он не горячился, он мог бы принести гораздо больше пользы.

— Он горячился потому, что был против несправедливости, — упрямо сказал Сережа.

Дядя Витя помолчал, прошелся по комнате, бухнулся на диван, потянулся. И, будто начиная новый разговор, обратился к Сереже:

— Послушай. Абсолютно хорошей жизни не было и никогда не будет. Всегда останутся дураки, карьеристы, себялюбцы. Может быть, потом их станет меньше, но совсем они не исчезнут. В мире всегда есть добро и зло. И все на свете зло не уничтожить. Поэтому надо рассчитывать силы, жить как все, а не воевать с целым светом.

— Я и не воюю со светом...

— Воюешь. А зря... Кстати, что за сцену ты устроил в кино-театре «Спутник»? Татьяна Михайловна упоминала.

— Никакой сцены не было. Просто контролерша одного мальчика не пускала, маленького. У них там целая группа пришла и девчонка-восьмиклассница, вожатая. Контролерша стала считать, а со стороны тоже лезут. Кто-то из безбилетников проскочил, а на того мальчишку билета не хватило. Он заревел, а она все равно не пускает. Я говорю: «Он же вместе со всеми, он не может быть безбилетником», а контролерша давай кричать...

— А зачем тебе нужно было вникать в это дело? У мальчика была вожатая.

— Да ну... вожатая. Сама чуть не ревет... Я тогда пошел к администратору.

— И добился чего-нибудь?

— Добился... Жуликом обозвала и обещала в школу позвонить. Я говорю: «На здоровье». Пошел и отдал тому парнишке свой билет. При чем же здесь сцена?

— Очень благородно,— сказал дядя Витя.— Но что от этого изменилось в мире?

— В мире? Я не знаю... Он обрадовался.

— Мир обрадовался твоему благородному поступку?

— Мальчик обрадовался. Побежал в кино.

— А ты остался без билета,— усмехнулся дядя Витя.— Нет, я понимаю, билет — не потеря. Но ведь каждый раз так поступать не будешь.

— Это было всего один раз,— раздраженно сказал Сережа. Ему стал надоедать разговор. Пустой какой-то.

Дядя Витя, кажется, решил переменить тему.

— Пока тебя не было, приходил один мальчик, твой товарищ. Митя, кажется... Мы с ним посидели, побеседовали. Он рассказывал о клиперах. Прекрасный знаток. И очень интересные вещи говорил. Оказывается, клиперы не спорили с морем, не вспарывали волны. Они вписывались в морскую стихию — как бы сами делались частью океана. И летели вместе с волнами и ветром. И это было прекрасно, гармонично... Вот и человек должен так же вписываться в общую жизнь, не вспарывать ее своим характером, как форштевнем. Должен поверить жизни, как парусник волнам и ветру. Тогда ему бури не страшны. И гордости и красоты он тоже не потеряет.

Сережа вспомнил большую фотографию в Митиной комнате: английский клипер «Катти Сарк», летящий среди белых гребней и облаков. Это было здорово!

И все-таки... «Одно дело корабли, другое — люди,— подумал Сережа.— И кроме того, Митька сам говорил, что попутный ветер — не всегда самый лучший».

— Неправда,— сказал он.— Корабли ходили и против ветра. Дядя Витя победно улыбнулся.

— Ходили. Но не в лоб, дорогой мой. А вот так! — Он ладонью выписал в воздухе змейку.— В лавировочку, в лавировочку.

Сереже стало обидно за Митины корабли.

— Они не виноваты,— сердито сказал он.— У них были только паруса. А человек скорее уж похож на корабль с турбиной. Он может идти как хочет.

Дядя Витя присвистнул:

— Ну, брат, да ты прирожденный оратор. И спорить с тобой, конечно, трудно. У тебя целая философия.

Сережа пожал плечами.

— Я не знаю, что такое философия. Мы еще не проходили.

— Еще придется пройти,— пообещал дядя Витя.— В вузе без этого не проживешь.

— В вуз я могу и не попасть. Из-за характеристики,— поддел Сережа.— Вы уж скажите мне сейчас, что это такое.

Дядя Витя, видимо, решил, что спор надо кончать. Он даже обрадовался вопросу: можно поговорить о другом.

— Видишь ли... Философия — это наука...

«Знаю, что не птица»,— мысленно вставил Сережа.

— Самая общая наука. У нее много определений. Но если говорить попроще, это общие законы развития природы, общества. Особенно это важно для жизни людей. Для всех и для каждого...

«А в жизни случается всякое»,— вспомнил Сережа. Вспомнил солнечный зал, Димкины сияющие глаза, хрипловатый голос директора...

Он перебил дядю Витю:

— Скажите, а у Ленина тоже была философия?

Дядя Витя умолк на секунду и тут же вдохновился, как оратор, услышавший из зала интересный вопрос:

— А как же! Это главные законы нашей жизни! Вот ты станешь постарше...

И опять Сережа перебил его:

— Постарше — это потом. А я сейчас хочу знать: по этой философии разрешается, чтобы вот так,— он помотал в воздухе ладонью,— в лавировочку?

Дядя Витя молчал довольно долго. Он смотрел на Сережу сначала растерянно, а потом с интересом.

— Ну, дорогой мой...— начал он в конце концов.— Надо бы тебе стать немного поскромнее. Должен заметить, что сравнивать себя с Лениным...

— Я не сравниваю,— тихо сказал Сережа.— Только вот видите... У меня значок. А на нем Ленин. Есть такая организация — юных ленинцев. Сегодня в нее Димку принимали. И меня когда-то принимали. Мы обещание давали. Понимаете?

И он ушел из комнаты.

...Поздно вечером, за ужином, дядя Витя, поглядывая на Сережу, сказал:

— Сергей сегодня разгромил меня в философском споре. Блестяще. Если он сражается на рапирах так же, как спорит, его ждет олимпийское будущее.

— Будущее — это ладно, откликнулся папа. — А как дела в настоящем? В частности — с алгеброй? По-моему, давняя и единственная пятерка не внесла существенных изменений?

— Не внесла, — признался Сережа. — Я учу, учу, говорю — спросите, а меня не спрашивают.

— «Не спрашивают», — хмыкнул отец. — Раньше бы учил. Голова твоя два уха... В философских спорах побеждаешь, а в простых уравнениях — как корова в болоте... Вот не пущу в Севастополь, будешь знать.

Это он, конечно, просто так сказал, но Сережа все-таки слегка испугался.

— Что ты, папа! Я же зубрю изо всех сил.

— Мы вместе позанимаемся, — пообещал дядя Витя. — А что касается спора... Кое в чем, Сергей, ты все-таки неправ. Нельзя высокие принципы применять к жизненным мелочам. А ты, дорогой мой, в каждую стычку рвешься, как на штурм Зимнего.

Сережа не ответил. Он вспомнил, что алгебра в самом деле еще не готова, а завтра Антонина Егоровна может спросить.

А кроме того, надо еще просто посидеть и подумать. Вспомнить весь день. Есть в этом дне случай, который как заноза. Скандальный разговор с Гармашевой. Зря он с ней связался. Глупостей наговорил всяких, с Сенцовым сравнил. Она же девчонка... Конечно, сама виновата, но в прежние дни Сережа даже не стал бы с ней спорить. Просто обошел бы молча. А сейчас что-то не так...

13

После майских праздников зацвела черемуха. Взрослые говорили, что, когда она цветет, приходят холода. Но на этот раз черемуховый цвет кипел среди буйного лета.

Сережа и Генка давно забросили школьные пиджаки и ходили на уроки в форме «Эспады». Никто им больше не говорил ни слова. Но когда в форме барабанщиков появился Димка, снова грянул скандал. Дежурная учительница сгребла Димку в коридоре и доставила к директору.

— Полюбуйтесь, Анатолий Афанасьевич! Ведь есть же обще-
школьная форма, а они ходят бог знает в чем! Как в пионерском
лагере!

Анатолий Афанасьевич глянул на Димку — маленького, взе-
рошенного и непокорного. И кончил спор одной фразой:

— Да пусть ходят, жалко, что ли.

А потом добавил, пожав плечами:

— Зачем им жариться в такую погоду в сукне? Есть же пионер-
ская форма, никто ее в школе не запрещал.

То ли после этих слов, которые разнес Димка, то ли потому,
что приближался пионерский праздник, школа расцвела белыми
и синими рубашками, голубыми октябрятскими жилетиками, раз-
ноцветными испанками.

Дня за четыре до праздника Сережу остановил в коридоре
Димка.

— На парад пойдешь? — ревниво спросил он.

— Едва ли, Дим. От дружины сводную колонну собирают,
шестьдесят четыре человека. Восемь на восемь, коробка. Да еще
знаменная группа. От нашего класса всего пять человек идут.

— У нас вообще никого не берут, — огорченно сказал Димка. —
На смотре строя и песни мы лучше всех ходили, а все равно не
берут.

Сережа спешил домой: с дядей Витей они договорились поси-
деть над переводом американской статьи о раскопках в Боливии.
Как утешить Димку, Сережа не знал. Хлопнул его по плечу, ска-
зал торопливо:

— Да ладно, не горюй. У тебя все впереди.

И пошел было к лестнице.

— Сережа!.. — окликнул Димка. Окликнул так, что стало ясно:
скажет что-то серьезное.

Сережа вернулся. Димка в упор смотрел распахнутыми гла-
зами.

— Давай соберем наших, — попросил он. Негромко так, серьез-
но и с напором.

У Сережи даже холодок по спине прошел.

— Зачем? — так же негромко спросил он.

— Ну мы же все равно отряд. Соберемся и пойдем на парад
сами. Со знаменем. Юнармейцы собираются, секция картингов
тоже, а нам разве нельзя?

Словно эхо марш-атаки отозвалось в Сереже. Он даже зажму-

рился на миг. В блеске клинков и горнов представился ему строй «Эспады»... Но разве это возможно?

— Разве всех созовешь? — сказал он.

— Барабанщики — все.

— Барабанщики само собой. А другие?

— Генкина группа всегда наготове.

— А остальные? Одного в школе не пустят, другой сам не захочет. Или еще что-нибудь... И кто нам разрешит?

— А кто запретит? — упрямо сказал Димка. — Можно всех созвать. Цепочка-то еще действует.

— Сходим на парад, а потом что? — спросил Сережа.

— Потом... потом что-нибудь.

Димка, конечно, и сам не знал, что будет потом. Но, кажется, был уверен, что обязательно будет. И обязательно хорошее. Словно стоит выйти на площадь отряду с шеренгой барабанщиков впереди, и отряд после этого останется навсегда.

В Димкиных словах, в Димкиной уверенности было что-то от старой «Эспады», от прежней жизни — веселой, боевой, несдающейся.

«А вдруг...» — подумал Сережа. Эхо барабанного марша гудело в нем ровно и неутомимо.

— Я подумаю, — сказал он. — Я узнаю... Это, наверно, в райкоме комсомола надо спросить. Где собираться, во сколько начало и вообще... всякие подробности... А соберем?

— Конечно! — весело откликнулся Димка. — Ты узнай, только сегодня же.

«Опять получается, что я главный командир», — подумал Сережа. Но не было времени для колебаний. Главное — делать дело. Он помчался домой с мыслями про общий сбор и был уверен, что все пойдет хорошо. Тревожили только мелочи: у всех ли в порядке форма, хватит ли клинков хотя бы для командирской группы и где взять новое древко для флага.

На полпути Сережа сообразил: не надо терять время и лучше сразу же зайти в райком. Это недалеко, он был там один раз с Олегом.

В райкоме кипела предпраздничная жизнь. Бегали по коридору члены пионерского штаба в голубой форме с белыми портупелями. Высокий худой парень кнопками прикалывал к стене объявление о генеральной репетиции парада. Кнопки не лезли в штукатурку, и парень чертыхался. Сережа не решился спросить

у него, кто занимается парадом. Он спросил об этом у веселой девушки в пионерском галстуке, которая тащила по коридору охапку золотистых фанфар. Они были похожи на громадный солнечный букет.

Девушка толково ответила, что парадом занимаются абсолютно все, но вопросы решает один человек — секретарь по школам Лена Ковалева. Она сейчас в горькоме и придет к четырем часам.

К четырем так четырем! Сережа теперь уже совсем поверил, что все будет замечательно. Здесь свои люди, они и поймут и помогут. Конечно, помогут!

Он поспешил домой. До четырех оставалось еще полтора часа. Дядя Витя сидел с журналом на диване и прихлебывал чай. Он укориженно глянул поверх журнала на Сережу.

— Дорогой коллега, вы заставляете себя ждать. Точность — не только вежливость королей. Это еще и свойство людей науки. Рассеянные профессора существуют лишь в юмористических романах.

— Я знаю, дядя Витя,— торопливо сказал Сережа.— Но я в райком забегал. Надо один вопрос решить.

Глаза у дяди Вити стали слегка настороженными. Он мягко поставил на подоконник стакан.

— А что у тебя за дела в райкоме?

— Да насчет пионерского парада. Мы хотим, чтобы «Эспада» на парад вышла. Все равно со школьными колоннами не все идут. Дядя Витя шевельнул бровями и быстро спросил:

— А зачем? Это что, ваше школьное начальство решило?

— Ну почему начальство? Мы сами хотим.

Дядя Витя отложил журнал. Поднялся. Глядя мимо Сережи, прошелся из угла в угол.

— А я думал, ты успокоился. Последние три недели все было так хорошо... Не понимаю, зачем тебе это нужно? — сухо спросил он.

— А что? — растерянно отозвался Сережа.— Разве нельзя? Что плохого?

— А что хорошего? — с неожиданным раздражением сказал дядя Витя.— Пойми наконец, я же за тебя боюсь. Все опять начнется сначала.

— Что начнется?

— Нервы! Скандалы! Су-е-та!

Сережа поймал себя на том, что моргает, как обиженный первоклассник.

— Какие скандалы? — тихо спросил он. — Отчего? Оттого, что мы пойдем на праздник?

— От всего! — отчеканил дядя Витя. — У тебя опять начнется война. Ты опять противопоставишь себя всем.

— Кому?

— Школе. Соседям. Ребятам. Всем на свете. И вообще... Я понимаю, если бы отряд ваш существовал, тогда еще другое дело: ты капитан, ты был бы обязан. Долг, флаг, честь и так далее. Но сейчас-то зачем? Ведь это же гальванизация трупа!

— Что? — не понял Сережа.

— Гальванизация трупа. Иногда к трупу подключают электрический ток, с целью научного эксперимента. Некоторые мышцы начинают дергаться. Но это на несколько минут. Никаким током труп не оживить. И как он ни дергайся — все равно мертв. Вот так же и ваш отряд...

— Не надо так об отряде... — хмуро сказал Сережа. — Вы ничего о нем не знаете.

Дядя Витя на секунду зажмурился, потер пальцами лоб.

— Извини... Ради бога, извини. Я понимаю, как тебе все это дорого. Я не должен был говорить так резко... Но понимаешь... Это хотя и резко, но справедливо. От истины никуда не уйдешь.

Он опять сел на диван и утомленно откинулся на спинку.

— Пора нам поговорить откровенно, Сергей... Ты мне понравился с первого дня. Умный ты человек и упорный. Но свой характер ты растрачиваешь попусту. На мелкую монету размениваешь, не обижайся, пожалуйста.... Я археолог, человек науки, ты тоже этим увлечен. Я увидел в тебе единомышленника. Но теперь я вижу: из тебя не получится ученого, если ты не начнешь жить иначе.

— Почему? — взвинченно спросил Сережа.

— Потому что величие мировых культур, которые мы изучаем, несовместимо с дразгами повседневной жизни... Я ведь не уговариваю и, упаси бог, не воспитываю. В конце концов, каждый имеет право жить по-своему. Я даже готов уважать твои принципы. Но у меня тоже есть принципы. Я работаю для науки, а наука не терпит суеты. Не терпит она мелких споров, ссор, дерганья нервов. Если ты будешь жить, как живешь, археологом не станешь, имей в виду. И тогда нам не по пути.

Он посмотрел Сереже в глаза и подчеркнуто повторил:

— Понимаешь? Тогда — не по пути.

Сережа молчал. Он понимал. Он сразу все понял. Если бы просто «не по пути», тогда еще ладно. Только путь-то лежал через Севастополь.

Эхо барабанов утихло в нем. После вспышки радости пришла усталость. «Действительно, разве всех соберешь? — сказал себе Сережа. — А если и соберутся, что делать потом, после парада? Или вдруг случится наоборот: договоришься в райкоме, а ребят не окажется. Получится один смех».

И чтобы не вспоминать Димкины глядящие в упор глаза, он стал думать о поросших кустарником руинах Херсонеса, о коричневых узкогорлых амфорах, о медной тяжести старинных монет, о набеге синих волн к подножию разрушенных стен.

На следующий день он решительно сказал Димке:

— Ничего не получается. Был я в райкоме, но поздно уже. Все там отрепетировано и рассчитано, мы опоздали.

— Так я и знал... — шепотом сказал Димка.

— Не везет нам, Дим, — вздохнул Сережа. Было ему не по себе. Точнее говоря, совсем скверно. И он стал убеждать себя: «Ведь и в самом деле поздно. Ведь и в самом деле там все заранее рассчитанно. Никто не разрешил бы нам идти на парад».

И поскольку так действительно могло быть, Сережа Каховский почти поверил себе...

Вечером он, неловко усмехнувшись, заговорил с дядей Витей:

— Я даже не понимаю, чего вы вчера так на меня рассердились. Подумаешь, хотели по старой памяти собраться всем отрядом... Только все равно ничего у нас не получается, никого не собрать.

Дядя Витя обрадовался. Он даже не стал это скрывать.

— Вот и хорошо! Приятно, когда здравая мысль побеждает сумбурное трепыхание чувств... Кстати, Сергей, нам пора думать о билетах. Меня торопят.

— Я же до первого июня в школе занят, — испуганно сказал Сережа. — До двадцать пятого мая уроки, а потом еще практика.

Дядя Витя покровительственно улыбнулся:

— Насчет практики я договорюсь с директором. Не все ли равно, где получать трудовые навыки? Выпишу тебе справку, что ты работал на раскопках.

— Ура! — громким шепотом крикнул Сережа. И кинулся в другую комнату. — Папа, ты мне дашь свой рюкзак? Мы через неделю — в Севастополь!

Потом он пошел к себе и, не зажигая света, бухнулся на диван. Радость разливалась в нем, как тепло. Путешествие, которое еще недавно было таким далеким, почти сказкой, придвинулось вплотную. Оно уже почти началось. Ведь неделя — это пустяки. Едва хватит времени, чтобы собраться! В полумраке поблескивала над Сережей трехгранная шпага. Желтой точкой горел на гарде отблеск уличного фонаря. Серсжа не мог разглядеть надпись, но словно видел ее:

Сергею Каховскому — отряд «Эспада».

СМЕЛОСТЬ И ЧЕСТЬ.

«Я ни в чем не виноват, — сказал Сережа шпаге. — Я никогда не изменял отряду. Я не трусил и не обманывал. Мы все, флаг-капитаны, держались до конца. А сейчас об измене и говорить нельзя, потому что отряда нет».

И тут он вспомнил Димку в школьном коридоре. Его лицо. Его шепот: «Я так и знал...»

Но отряда же и правда нет! Можно собрать группу, можно называть себя флаг-капитанами, а что дальше?

Ведь он, Сережа, в самом деле держался до конца. Даже Олег сказал: «Бесполезно» — и уехал. А он еще держался. А разве мало пришлось хлебнуть? Гибель «Эспад», отъезд Олега, смерть Иванова. А потом еще в школе... Эта дурацкая двойка за четверть по поведению. Главное, ни за что.

У него оставалась одна радость — белый город у моря. И если бы у Сережи эту радость отобрали, он не смог бы жить от тоски.

Кузнечик, завистливо вздыхая, дал адреса знакомых мальчишек. Митя очень просил узнать, стоит ли в Севастополе трехмачтовая баркентина «Кропоткин» и не собираются ли ее пустить под ресторан, как многие другие парусники.

Отец готовился к очередной командировке и однажды, оставшись с Сережей наедине, вдруг прижал его к себе и глуховато сказал:

— Опять мы врозь. Хотя бы раз вместе куда-нибудь съездить... Жизнь бестолковая.

— Ну что ты, папа! На будущий год вместе в тайгу поедem. Я подрасту.

— Ты с Виталием особенно не спорь,— предупредил отец.— Я смотрю, у вас кое в чем взгляды на жизнь очень уж разные. Ты его не перевоспитаешь. Он тебя— тоже. Да не провались там в какой-нибудь подземный ход. А сделаешь научное открытие— пиши.

— Я и так буду писать,— пообещал Сережа.— Ты, главное, не скучай...

Дядя Витя принес из магазина черный скрипучий чемодан с медными пряжками.

— Тебе, Сергей.

— У меня же рюкзак!

— Рюкзак— это чушь,— наставительно сказал дядя Витя.— Мы не в джунгли едем. Истинная романтика не в рюкзаках, штормовках и патронташах, а в поисках и творческой работе мысли.

Сережа обиделся за отца. За его штормовку, болотные сапоги и рюкзак. Дядя Витя понял.

— Я не говорю об охотниках, геологах и прочих лесных людях. Там рюкзаки— не атрибутика, а необходимость.

«То-то же»,— подумал Сережа.

Ожидание путешествия— это уже радость. Сборы— тем более.

Сережа взялся укладывать в чемодан дорожное имущество.

Конверты и бумага— всем надо будет написать. Общая тетрадь для дневника. Фонарик: ночи на юге темные даже летом. Нож— папа отдал свой, заслуженный. Шорты, рубашки, новенькие кеды— пружинистые и легкие. Джинсовый костюм— тетя Галя вчера подарила, специально для путешествия. Отличный костюм с «молниями», кожаными нашивками и петлями для широкого ремня. Может, прямо сейчас и надеть? Нет, жара на улице.

Сережа подошел к окну. Май едва перевалил за середину, а солнце— как в июле. Успевшие загореть малыши гоняют на зеленом пустыре мяч. Горластая Дзыкина орет на них, оберегая свою клумбу. Вырвала из земли стебель прошлогоднего репейника, кинулась за ребятами.

«А холера с тобой»,— подумал Сережа.— Все равно не перевоспитаешь».

Как подумаешь о Севастополе, так от радостного нетерпения начинает прыгать сердце.

Дядя Витя заглянул в комнату:

— Нам пора, коллега.

И они отправились за билетами, в кассу предварительной продажи.

Был воскресный день, да еще такое тепло. Улицы напоминали праздник. А может быть, просто настроение было праздничное у Сережи. Он готов был шагать до касс пешком, через весь город. Идти по нагретому асфальту, нырять в тень тополей, улыбаться навстречу веселым людям, останавливаться у автоматов с шипучей газировкой, разглядывать в зеркальных витринах магазинные товары, а заодно — и свое отражение.

Но прошли всего два квартала. Дядя Витя сказал, что время дороже денег, и пришлось дожидаться троллейбуса.

В троллейбусе было просторно: видно, не многим хотелось в такой день трястись на колесах. Дядя Витя устроился у открытого окна и развернул польский журнал. Там была статья о кладках, найденных на юге Франции.

— Какая досада,— сказал он.— С польским языком у меня не очень. А пока у нас эту статью опубликуют, три года пройдет.

Сережа вежливо помолчал в ответ.

Он сидел рядом с дядей Витей и представлял, что троллейбус — это самолет на взлетной дорожке. Сейчас он наберет скорость, и у него вырастут крылья. Троллейбус по наклонной линии взмоет в воздух и, накренившись, пойдет описывать круг над городом.

Вот удивятся люди! Вон те две тетки с большими сумками, наверно, перепугаются и закричат, что это хулиганство. А ребята обрадуются. Вон тот маленький мальчишка (наверно, третьеклассник) с глазами, похожими на черные большие ягоды, обязательно обрадуется. И его белобрысая сестренка тоже. Но троллейбус не взлетал, пассажиры не удивлялись и не радовались, вели себя спокойно. Только светлоголовой девчонке не сиделось. Она локтем толкнула брата. Громким шепотом спросила:

— Саша, ты билеты купил?

— Конечно. Ты же видела.

— Ты один купил.

— А сколько надо?

— Мне тоже надо...

— Тебе же шесть лет.

— Ну и что? Мне послезавтра семь будет.

— Послезавтра и куплю.

— Ну, Сашка... Жалко?

— Вот не хватит денег на кино, будешь знать...

— А у меня пять копеек есть.

Она разжала пальцы и показала пятак.

— До чего упрямая,— сказал Сашка и взял деньги.

Троллейбус покачивало, и мальчик пошел к передней кассе, хватаясь за спинки сидений. У самой кассы грузно сидели на скамье для инвалидов и детей две женщины. У одной из них сумка стояла в проходе. Мальчик зацепил брюками большой блестящий замок на сумке.

— Ходют тут!— довольно громко заявила тетя.— Не сидится им... Сперва билеты брать неохота, а как увидят контролера, поскорее бегут...

Мальчик ничего не сказал. Оторвал билет и шагнул обратно. Сумка металлическим языком опять зацепилась за его штанину

— Ты что, ослеп совсем!— заголосила тетя.

Сережа видел только ее затылок, укрытый косынкой, и мясистую белую щеку. Но уже знал точно, что она похожа на Дзыкину. Такие все чем-то похожи друг на друга. Мальчик дернул ногой, сумка отцепилась и закачалась.

— Не ставили бы в проходе,— спокойно сказал мальчик и пошел к сестренке.

— Ишшо учить будет! «Не ставили б»! На башку тебе ставить? Ишшо в школе учится, пионер, наверно! Билет-то оторвал без денег!

Глаза-ягоды у мальчишки сделались большими, а худенькое треугольное лицо побледнело. Он остановился и сказал все еще спокойно:

— Как это без денег? Не слышали, что ли, как звякнуло?

— Звякнуло! Всякая железяка звякать может! Где твои деньги? Ну, где?

— В кассе,— сказал мальчик.

— В кассе?— Она вытянула шею, заглянула под прозрачную крышку кассового ящика и обрадованно подскочила: — Где? Смотрите, где?

— Все они такие,— включилась соседка.— Их воспитывают, а им хоть бы что...

Тетушка вдруг ловко извернулась и ухватила мальчика за локоть.

— А ну иди сюда! Где твои деньги? Пустая касса-то! В милицию тебя, там разберутся.

«Вот скотина»,— болезненно подумал Сережа.

Дядя Витя мельком глянул на зашумевших пассажиров и опять погрузился в статью. Что значила троллейбусная сгущка по сравнению с величием мировых культур!

Тетка тащила мальчика к кассе. Тот пытался вырвать локоть и не смог.

— Да ладно, чего привязались к мальцу,— раздались голоса. Но никто не встал.

«Почему не встанут? Почему не заступятся?» — отчаянно думал Сережа.

— Они и вправду так,— сказал кто-то.— Денег не бросят, а билет рвут. Вот у меня теща водителем работала...

— Да бросьте вы, не все же такие. Мальчик-то симпатичный, он не будет...

Уже со слезами мальчик сказал всем людям:

— Я же не виноват, что деньги сразу в кассу ускочили!

И сестренка его, поднявшись с сиденья, крикнула:

— Он даже не четыре копейки бросил, а пять!

Этот крик словно сорвал предохранители. «Пять!» — отдалось в Сереже. Так же, как раньше. Как в те дни, когда, готовясь к боевому броску, давал он себе стартовый отсчет.

А Севастополь?

Тетка не пускала мальчишку. Она упивалась злобой своей и мясистой силой.

— Пусть докажет! Я видела, что не бросал!

«Четыре!»

Девочка заплакала и побежала к брату. Пассажиры зашумели сильнее, но Сережа теперь не слышал шума. Все еще надеясь на что-то, он глянул на дядю Витю. Но тот был закрыт журналом, как стеной.

«Три!»

Девочка попыталась оторвать толстые теткинны пальцы от брата, но та оттолкнула ее плечом. Кто-то поднимался с сидений. Но проход к передней кассе был еще свободен.

«Два! Один...»

И будто со стороны он услышал свой голос:

— Не трогать!

Барабанщики, марш !

Мраморные колонны разрушенной базилики — древнего храма в Херсонесе — кажутся с моря белыми свечками. Словно кто-то расставил их среди желтых камней. А море — синее-синее, и лишь у самого борта лодки оно как бутылочное стекло. В этом зеленом стекле висят медузы, похожие на большие прозрачные пуговицы. А ближе к берегу просвечивают бурые и косматые, как шкура мамонта, водоросли. Они качаются туда-сюда вслед за волной.

Ялик, стуча мотором, шел вдоль берега и постепенно подбирался все ближе к скалам. Наконец человек, сидевший на корме, сказал:

— Хватит. А то туюкнемся килем о камни.

Другой человек, молодой и веселый, поддержал его:

— Точно. А ну десантируйтесь на берег! Тут глубина по колено... Эй, лодку перевернете!

Два мальчика охотно гаркнули «ура» и с борта прыгнули в море.

Глубина оказалась не по колено, а выше пояса.

— Ой-ей-ей! — завопил темноволосый мальчишка с острыми лопатками под белой сетчатой майкой. И обернулся к шлюпке. — Ладно, Сашенька, припомним! А еще брат... Я вчера весь вечер штаны гладил!

Старший брат с шутливым раскаянием сложил на груди ладони:

— Ей-богу, не виноват. Здесь рефракция, преломление света в воде, а я не учел. Казалось, что совсем мелко.

— Рефракция... — проговорил братишка. — Знаю я вас, физиков...

Другой мальчик сказал:

— Саш, это он не из-за штанов. Это он боится, что письмо для Наташки в кармане размокнет.

Он тут же заработал полновесную порцию соленых брызг и, хохоча, кинулся к берегу, чтобы спастись от более страшной мести.

— Генка, Сергей! К обеду будьте дома, а то тетя Лиза вам покажет! И не лезьте на глубину! — крикнул Саша мальчикам.

И ялик стал уходить.

По камням они выбрались на узкий галечный пляж в тени желтого ноздреватого обрыва. Отыскивали местечко, куда из-за каменной кромки берега падало солнце. Скинули шорты и разложили на солнышке. Генка вынул из кармана мокрый, сложенный вчетверо листок, выразительно глянул на Сережу, развернул бумагу и расстелил на камне, придавив уголки голышами. Сквозь изнанку листа проступали чернильные буквы.

Было еще раннее утро, и на пляже стояла влажная прохлада. Зябко передернув плечами, Сережа стал выжимать на себе подол рубашки.

Генка сказал:

— Жди теперь, когда все высохнет...

— Можно выжать и надеть, — предложил Сережа.

— Ага! И ходи потом в жеваном.

— Все равно к концу дня и штаны и рубаха всегда мятые, — рассудительно заметил Сережа.

— Это у тебя. Потому что карманы набиваешь.

Сережа промолчал. Встал на колени и запустил руки в мелкие камушки.

Это лишь на первый взгляд казалось, что на берегу простая галька. На самом деле прибой перемешал с обломками камней обточенное бутылочное стекло, кусочки мрамора от херсонесских дворцов, сухие крабьи клешни, позеленевшие пуговицы с якорями, мелкие ракушки, автоматные гильзы, человеческие кости и осколки древних амфор. Куда ни шагни — находка.

Правда, сейчас Сережа не подбирал все подряд. А в первые дни карманы у него просто трещали. Саша даже посоветовал ему надевать длинные штаны, подвязывать у щиколоток веревочками и полностью загружать трофеями штанины.

Смех смехом, а вот и сейчас попался осколок горлышка от кувшина. Сверху выпуклый ободок, а под ним волнистый узор.

— Ген, смотри...

Генка с вежливым интересом посмотрел и признал, что находка стоящая. Потом со вздохом сказал:

— Давай уж выжмем да оденемся. Не сидеть же до обеда.

Минуты через три по лестнице, вырубленной среди желтого ракушечника, они выбрались наверх. Здесь уже начинался зной. Нагревались глыбы развалин. В сероватой, с мелкой россыпью желтых цветов траве заводи́ли песню кузнечики. Пахло сразу водорослями, теплой травой и сухой пылью древних камней.

Ребята поднялись на холм к сигнальному колоколу, висевшему на квадратных каменных столбах.

— Ого...— сказал Сережа.

На зеленой от старости кромке колокола кто-то белой краской написал:

НАТАША

Вчера еще надписи не было.

Можно было бы спросить Кузнечика: «Не твоя работа?» Но нет уж, хватит дурацкой шутки насчет письма.

Генка тоже увидел надпись. Глянул на Сережу и промолчал.

Они сели на фундамент дома, в котором две тысячи лет назад жил не то винодел, не то гончар.

Распахнулась перед ними громадная синева. На краю этой синевы маячил одинокий сторожевик — он казался крошечным и прозрачным.

Донеслась еле слышная переключка горнистов: в Северной бухте на боевых кораблях поднимали флаги.

А впереди был бесконечный день, полный веселого солнца, плеска воды, неожиданных событий и удивительных находок...

Генка неловко завожился на камне, вытащил из кармана мокрый помятый листок. Развернул на колене и прикрыл его ладонями.

— Письмо я вчера еще отправил,— сказал он тихо.— А это... Это я сочинил так... Про нас...

Сережа чуть встревоженно молчал и ждал. Генка был какой-то очень уж серьезный.

— Это песня?— спросил наконец Сережа.

— Нет... Это просто стихи, наверно. Ну, не совсем стихи. Я не знаю, что получилось.

— А можно? — Сережа нерешительно потянулся к листку.

Генка вскинул обеспокоенные, почти жалобные глаза.

— Смеяться не будешь?

— Я? — искренне удивился Сережа. — Когда я смеялся?

— Да... А над письмом...

— Ген, — испуганно сказал Сережа, — я же так, по глупости. Ну, язык подвернулся... Ну, я же не знал, что ты обидишься...

Генка молчал, покусывая губы.

Сережа зажмурился и сказал:

— Кузнечик, прости...

Генка словно встряхнулся.

— Да ты что! Я же не поэтотому. Боюсь я... Ты уже спал, а я писал, писал. Коряво получилось. Хотел, чтобы хорошо, а... Ну, бери.

Он сам положил Сереже на колени обмякший прохладный листок. Сережа увидел лиловые расплывшиеся строчки:

Над крепостью старой качнулась звезда,
Хотя была тишина.
И все еще людям грозила беда,
Всеобщая, как война...

Тревога мягко накрыла Сережу, словно холодная тень. Генка писал о сказке — немного запутанной и странной. Она придумалась, когда ехали в Севастополь. Но это была не совсем сказка, потому что речь шла о Генке и Сереже. Будто они вдвоем попали в старинный город у моря — знакомый и в то же время фантастический. И вдруг Сережка исчез. Словно обиделся на Генку непонятно за что. Он ушел, не оглянувшись, вдоль бесконечного пляжа, затерялся среди людей. А люди были встревожены, и предчувствие близкой беды проносилось по улицам, как порывы предгрозового ветра. Это предчувствие задело и Генку, но больше всех тревог мучило его одно: где Сережка? Куда он ушел? Почему ушел?

Опустевшими пляжами, заросшими улицами, по каменным плитам и лестницам, на которых шуршали сухие листья, Генка шел, шел и добрался к вечеру до старой крепости. И там на каменном козырьке стены он увидел Сережку. Забрался к нему, встал сзади и чуть сбоку. Спросил тихо:

— Зачем ты ушел?

Сережка обернулся. Сначала вздрогнул, а потом узнал Генку и улыбнулся. И сказал:

— Вот хорошо. А я шел, шел, потом оглянулся, а тебя нет. Думал, ты тоже идешь, а тебя нет. Забрался сюда и стал ждать. Я знал, что придешь.

И вечер сделался обычным вечером, за которым приходит спокойная ночь, а потом хорошее солнечное утро. И стало ясно, что предчувствие беды — пустой страх из-за глупых выдумок и нелепых слухов. Потому что когда встречаются друзья, несчастья отступают и прячутся с глаз... Вот об этом были Генкины стихи.

Сережа не знал, как они написаны: коряво или наоборот — звонко и отточенно. Он просто увидел странный город, ощутил Генкину тревогу и тоску. И обрадовался встрече. И даже в горле заскребло, когда прочитал:

...Теперь, когда мы снова вдвоем,
Закрыты пути беде.
И мы с Сережкой вдоль моря бредем
По шиколотку в воде.

— Ты это так написал... Лучше, наверно, нельзя... Или, наверно, можно, но для меня лучше не надо... Генка...

— Что?

— Не знаю... Просто Ген-ка...

И они засмеялись.

Это было настоящее счастье: сидеть рядом с лучшим другом Кузнечиком, впитывать плечами горячее солнце, видеть море и знать, что в любую минуту можешь с разбега кинуться в волны, уйти, как в сказку, в голубую глубину. Но счастье не бывает полным. И через пять минут Сережа сказал:

— Митьку бы еще сюда. И Димку...

— И Данилку. И всех наших,— поддержал Генка.

«И Наташу»,—мысленно улыбнулся Ссережа.

— Может, когда-нибудь повезет чтобы все вместе...— добавил Кузнечик.

«Может, и правда повезет»,—подумал Сережа. Ведь и ему повезло. Прямо как в сказке.

...В тот день, после шумного случая в троллейбусе, он проводил мальчишку и его сестренку до самого кинотеатра. За биле-

том с дядей Витей он, конечно, не поехал. Потом он ушел к Генке и пробыл там до ужина.

Виталий Александрович Вяткин — бывший дядя Витя — уехал в тот же вечер. Он взял в кассе только один билет, себе.

Сережа не стал с ним прощаться. Из своей комнаты он слышал, как тетя Галя сказала брату:

— Изверг ты. Ведь он же еще ребенок...

— Не ребенок, — сказал дядя Витя. — Он сумел выбрать себе путь. Пускай и отвечает.

«Только не перед тобой», — подумал Сережа.

Папы дома не было. Он вернулся поздно, после дядюшкиного отъезда. И тогда все узнал.

Он молча притянул к себе Сережку, положил ему на голову большую ладонь, слегка взъерошил волосы. Они стояли так в полутемной прихожей, и Сережа думал, что с отцом ему в жизни очень повезло. А отец, видимо, решал, как же теперь быть.

И в этот момент случилось то, что можно считать чудом, а можно — самым обыкновенным делом. У двери позвонили, и оказалось, что пришел Саша.

Никогда раньше он не приходил к Сереже.

Конечно, в первый миг Сережа удивился и встревожился: что-нибудь с Генкой?

— Да все в порядке, — сказал Саша, поймав Сережин взгляд. И обратился к отцу: — Вы уж извините за поздний визит. Хотел сначала по телефону, да так, думаю, лучше.

— Это Саша, Генкин брат, — объяснил Сережа.

— Ну так проводи гостя в комнату, — сказал отец. — Очень рад.

— Я, собственно, не к Сергею, а, скорее, к вам, — нерешительно проговорил Саша, когда его усадили на стул. — Есть один вопрос... Говорят, Сережа с дядюшкой собирался в Севастополь...

— Сорвалось, — сказал отец.

— Да, знаю... Пока не сорвалось, хотел я им с Генкой, с братцем моим, сделать нечаянную радость. У меня там работа, в командировку собираюсь. Думал, возьму брата, а в Севастополе они встретятся. А теперь что?.. Может, мне их двоих забрать? Сам-то я буду занят, но у меня товарищ там есть, а у него мама. Она бы присмотрела.

Вот тогда, честно говоря, Сережа не выдержал. Он торопливо ушел в свою комнату, вцепился в клинок на стене и прижался

лбом к тонкому холодному железу. Еще не хватало разреваться при Саше...

— Пойдем на раскопки. Может, уже начали работу,— сказал Сережа.

И они пошли в западную часть Херсонеса, где ленинградские студенты раскапывали храм десятого века. Но студентов еще не было. Сережа и Генка не торопясь побрели среди травы, среди зарослей дрока, в которых лежали каменные плиты и обломки колонн. Вышли на площадь у разбитого бомбами Владимирского собора.

В этот ранний час в Херсонесе было пусто. Лишь у крытой галереи, где выставлены для зрителей необъятные глиняные вазы — пифосы, мальчишки встретили человека. Крепкий невысокий человек в зеленых шортах бодро шагал, будто катился, им навстречу. У него была коричневая лысина, круглый загорелый живот и курчавые плечи.

Вздвигнув, человек остановился, изумленно посмотрел на ребят. Даже рот приоткрыл: собрался, наверно, о чем-то спросить. Но они обошли его с двух сторон, будто стоявший на дороге пифос. А потом засмеялись и мимо белого домика с антенной, по каменной лестнице, побежали к морю.

Они схитрили в этот день: позвонили тете Лизе и сказали, что обедать не придут, поедят в столовой. Потом позвонили в лабораторию Саше и его другу Алику, чтобы те не беспокоились. А потом, не тратя времени на столовую, купили по три пирожка и махнули на катере в Инкерман. Там у самого берега стоял полуразобранный старый тральщик. Они вплавь добрались до него и полдня играли там с мальчишками, с которыми Генка был знаком еще в прошлом году.

В сумерках они добрались до Симферопольской улицы, до двухэтажного дома, где жил с матерью Алик.

Гудели ноги, сосало в желудке, горели от солнца плечи. Но сильней усталости была радость. Потому что все еще только начиналось. Они прожили у моря всего шесть дней, и впереди был почти месяц.

— Полуночники,— сказала тетя Лиза.— Вот я вас...

— Бродяги,— сказал Саша, который играл с Аликом в шахматы.— Засажу под арест на трое суток.

— Но мы же звонили, что не потонули, не потерялись и вообще никуда не пропали,— жалобно сказал Генка.

— Сейчас будут врать, что обедали и ничуть не хотят есть,— проницательно заметил Алик.

Сережа хотел возразить, что на такое нахальное вранье они с Генкой не пойдут. Но тут в коридоре длинно и беспорядочно затрезвонил телефон.

— Междугородная!— воскликнул Саша и бросился к двери.

Сережа слышал, как он торопливо сказал в трубку:

— Слушаю... Да. Что? Да, правильно. Кто? Да, здесь...—

И вдруг крикнул в открытую дверь:— Сергей! Это тебя!

— Папа?— тревожно спросил Сережа.

— Да нет, не папа. Говори...

Сережа взял трубку и услышал непонятно чей, но знакомый-знакомый голос:

— Ты слушаешь? Это я. Я по порядку, чтобы скорее, а то разговор дорого стоит. Мама с папой уехали, а нам жить целый месяц, а денег мало. Во-первых, у меня есть камера, значит, можно снимать дальше...

— Стоп,— сказал Сережа.— Это кто?

— Это я, Данилка. Ну, флаг-капитан Вострецов... Ты слушай скорей, а то Юлька ругается, что долго говорю... Во-первых, она подарила мне камеру «Спорт». Хорошо работает, только надо часто батарейки менять. Значит, можно доснимать «Мушкетеров». Андрей Гарц в лагерь не поехал специально, чтоб сниматься...

Сережа увидел будто наяву растрепанную Данилкину голову, веснушчатый нос и неунывающие глаза. Он замахал в открытую дверь, подзывая Генку. Тонкий Данилкин голосок звенел отчетливо и громко. Сдвинув головы, Сережа и Генка слушали вдвоем.

— ...Во-вторых, Стаська заболел и его привезли из лагеря. Он теперь поправляется, но отец к нему опять прискребается. А Натка в деревне, а какой адрес, я не знаю. Стаська и Нок ночуют у меня. Что делать?

— Елки зеленые! Я откуда знаю?— сказал Сережа.— Что еще?

— В-третьих, Митька нашел на берегу старую шлюпку. Можно сделать корабль, только надо ее вывезти. Она, конечно, гнилая, но Митька говорит, что можно... Лена сказала, что достанет машину. А пока помещения нет, можно у них во дворе чинить...

— В каком дворе? Какая Лена?— почти взмолился Сережа.

— Лена из райкома. Она приходила, нас искала... Ей Олег про нас написал. Шлюпка, конечно, старая, но Митька говорит...

В трубке раздался треск, писк, хрипы, короткие гудки.

— Алло! — заорал Сережа. — Алло, Данилка! Где ты?

И снова прорезался Данилкин голос, еще громче и отчетливей:

— В-четвертых, появился клуб «Легенда». У них тоже фехтование. Звали к себе Митьку и Димку, но они сказали, что фиг. Тогда эта «Легенда» вызвала нас на соревнование. По стрельбе и по рапире...

— Кого нас?

— Ну, нас, «Эспаду»! Что им сказать? Когда вы приедете?

— Когда? — переспросил Сережа. Не мог же он сказать, что через месяц.

Данилкин голос зазвучал удивительно серьезно. Даже печально:

— Ну, ребят я соберу. А капитаны? Я, Митька да еще Димка. Ты же видишь, сколько всяких дел... Когда вы приедете? Можно завтра?

— Данилка, ты здоров? — спросил Сережа. — Завтра! За три тысячи километров!

— Самолетом же...

— А знаешь, какие очереди за билетами? Здесь ведь юг!

— Ну, постарайтесь! Ладно? Вы постараетесь? Алло! Ты слышишь?

Сережа еще слышал Данилку. А тот его — уже нет. Потом Данилкин голос угас, и короткие гудки зазвучали громко и непреклонно.

Очень близко Сережа увидел Генкино лицо. Кузнечика можно было не спрашивать: в глазах у него была уже дорога. Саша стоял рядом.

— Что? — сказал он. — Заиграли трубачи тревогу?

— Не трубачи, а барабанщики, — отозвался Генка. — Саша... Тут ничего не поделаешь. Только вот как быть с билетами? В кассу не пробьешься... Ну чего ты так смотришь? Да не бойся, мы не выпадем из самолета!

— Не выйдет, друзья, — сказал Саша. — Никуда вы завтра не поедете...

— Саша! — сказал Генка.

Саша серьезно продолжал:

— Билеты не проблема. Говоря по секрету, я могу их заброни-

ровать через заводоуправление. Но есть один очень важный вопрос.

— Что? — откликнулся Генка.

— Какой вопрос? — настороженно спросил Сережа.

— Это не секундная вспышка? Не каприз? Вам очень надо туда? Очень-очень?

— Да, командир. Очень, — ответил Сережа.

— Очень, — сказал Генка. — И мы будем ждать тебя там. Через месяц. А нам надо завтра.

— Послезавтра, капитаны, — решил Саша. — Я своей командирской властью дарю вам еще один морской день.

...Они прожили у моря целых шесть дней, а завтра их ждал еще один. Длинный день, полный солнца, синих волн и радостных находок. День в удивительном городе, где смешались дома и корабли. А потом...

А потом все опять: «Барабанщики, марш!»

1972—1974 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Н. Соломко</i>	3
ОРУЖЕНОСЕЦ КАШКА. <i>Повесть</i>	7
МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ. <i>Роман</i>	
Часть первая. ВСАДНИКИ НА СТАНЦИИ РОСА	125
Часть вторая. ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС СЕРЕЖИ КАХОВСКОГО	190
Часть третья. ФЛАГ-КАПИТАНЫ	328
Эпилог. БАРАБАНЩИКИ, МАРШ!	437

Литературно-художественное издание

Библиотечная серия

для младшего и среднего школьного возраста

Крапивин Владислав Петрович

ИЗБРАННОЕ

ТОМ I

Ответственный редактор **Р. Н. Ефремова**

Художественный редактор **Г. Ф. Ордынский**

Технический редактор **Т. Д. Юрханова**

Корректоры

И. Н. Мокина. Т. А. Нарышкина

ИБ № 11058

Слано в набор 21.12.88. Подписано к печати 05.05.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Усл. печ. л. 28,13. Усл. кр.-отт. 28,63. Уч.-изд. л. 24,88 + 1 вкл. = 24,96. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1144. Цена 1 р. 50 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

1р.50к.

Издательство
„Детская литература“